

А.Я.Аврех

**ЦАРИЗМ
НАКАНУНЕ
СВЕРЖЕНИЯ**

«Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

А.Я.Аврех

**ЦАРИЗМ
НАКАНУНЕ
СВЕРЖЕНИЯ**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. М. АНФИМОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1989

ББК 63.3(2)524
А21

Рецензенты:

доктора исторических наук

Н. П. ЕРОШКИН, Г. З. ИОФФЕ

Аврех А. Я.

А21 Царизм накануне свержения.— М.: Наука, 1989.—
256 с. ISBN 5-02-009443-9

Работа доктора исторических наук А. Я. Авреха (1915—1988) представляет собой заключительную часть серии его трудов по истории царизма, который рассматривается как совокупная социально-политическая система.

Для историков и широкого круга читателей.

А 0503020300-116
042(02)-80 150-89-III

ББК 63.3(2)524

ISBN 5-02-009443-9

© Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Февральская революция и предшествовавшие ей события и процессы 1914—1917 гг., ключевым фактором которых была разразившаяся мировая война, подвели окончательный итог попытке царизма при помощи третьеиюньской Думы предотвратить новую революцию решением стоявших перед страной исторических задач сверху, контрреволюционным, «бисмарковским» путем. Вместе с тем последнее трехлетие жизни царизма, являющееся объектом настоящего исследования, было конечной фокусной точкой ранее широкого и мощного дефиле российского абсолютизма, в течение трехсот лет неотвратно сжимавшегося с двух сторон объективным ходом социально-экономического и политического развития страны.

С этой точки зрения ленинские идеи, которые широко использовались автором во всех его работах, выстроенные в историко-логический ряд, с полной очевидностью показывают, что являют собой законченную и полностью сбалансированную концепцию отечественной истории вообще, российского абсолютизма в особенности.

В этой связи необходимо прежде всего подчеркнуть мысль В. И. Ленина, которую он неоднократно развивал о способности абсолютистской монархии к эволюции, о ее гибкости и приспособляемости к меняющимся условиям своего существования. В частности, широко используется его высказывание о том, что «русское самодержавие XVII века с боярской думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма“ и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное „сверху“ освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полупфеодалного, полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учреждениям национального масштаба стал необходимым под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д.»¹.

Уже из этого отрывка видно, что российское самодержавие двигалось в строго определенном направлении — в сторону приспособления к развивавшемуся и развиваемому им самим капитализму, т. е. к буржуазной монархии. Полемизируя с меньшевиками Мартовым и Лариным по вопросу о социальной структуре

власти (т. е. царизма), В. И. Ленин в марте 1911 г. писал: «Что власть в России XIX и XX веков вообще развивается „по пути превращения в буржуазную монархию“, этого не отрицает Ларин, как не отрицал этого до сих пор ни один вменяемый человек, желающий быть марксистом». Иными словами, буржуазная эволюция самодержавия, по мысли В. И. Ленина, является очевидностью. Расхождения с меньшевиками начинаются лишь тогда, когда речь заходит о конкретных формах и условиях этого превращения. «На почве общего (большевиками и меньшевиками.— А. А.) признания развития старой власти *по пути превращения в буржуазную монархию* идет спор о степени, формах, условиях, ходе этого превращения»². Меньшевики преувеличивали этот ход, считая, что после революции 1905—1907 гг. царизм уже превратился в буржуазную монархию (и отсюда следовал капитальной важности вывод о ненужности второй буржуазно-демократической революции), тогда как В. И. Ленин считал, что самодержавие лишь сделало определенные шаги в сторону буржуазной монархии, но в основном продолжало оставаться прежним полуабсолютистским режимом. Хотя «классовая природа русской государственной власти потерпела серьезное изменение после 1905 года... — подчеркивал он, — она *остается старой*, и сумма политических противоречий от этого увеличивается»³.

Царизм, как известно, сделал два шага на пути превращения в буржуазную монархию. Первый шаг был сделан в 1861 г. «Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада русского государства в 1861 году,— писал В. И. Ленин в другом месте,— то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»⁴. Выражением этого шага как в экономическом, так и в политическом отношении была крестьянская реформа с сопутствовавшими ей реформами в области суда, управления, местного самоуправления и др. Вторым шагом была столыпинская аграрная политика и третьенюньская Дума. «Столыпинская „конституция“ и столыпинская аграрная политика знаменуют новый этап в разложении старого полупатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию»⁵.

Вынужденность таких шагов со стороны царизма очевидна — это был для него вопрос выживания в меняющемся мире. Самым наглядным доказательством такой необходимости является тот факт, что оба указанных шага были сделаны царизмом не в обычных, нормальных условиях, а в обстановке революционной ситуации (1861 г.) и прямой революции (1905—1907 гг.).

Возникает, однако, вопрос: какие механизмы имелись в природе и структуре самодержавной власти, которые позволяли и обеспечивали ему возможность подобной эволюции? Вопрос этот имеет принципиальное значение, ибо в противном случае все сведется к личной воле, уму или глупости самодержца. Таких объективно существовавших механизмов было два: относительная

самостоятельность антагонистического государства вообще, абсолютизма в особенности и двулика природа правящей бюрократии: помещичья и буржуазная одновременно.

Именно относительная самостоятельность самодержавного государства служила ему тем подъемным краном, который отрывал здание абсолютизма от его собственного, сложенного из грубо обтесанных камней патриархальщины и крепостничества, феодального фундамента и переносил его на чужой, но современный, сделанный из бетона и стали «свободных» отношений найма и эксплуатации фундамент капиталистического общества. Относительная самостоятельность государства по отношению к обществу, включая и господствующий класс, является всеобщим законом, не знающим исключений. Маркс и Энгельс писали об этом неоднократно. Но царское самодержавие по сравнению с другими родственными режимами представляло собой государство, относительная самостоятельность которого на всем протяжении его истории была особенно велика. Воздействие царизма на все стороны экономической, политической и духовной жизни страны было колоссальным.

В полемике с отзовистами В. И. Ленин, процитировав первый тезис их платформы, в котором говорилось, что третьеиюньский режим есть «фактическое неограниченное господство дворян-помещиков феодального типа» и что последние «прикрывают самодержавно-бюрократический характер своего господства лжеконституционной маской фактически бесправной Гос. думы», дал на него следующий ответ: «Если помещичья Дума „фактически бесправна“ — а это справедливо, — то как же может быть „неограниченным“ господство помещиков?» Иными словами, господство помещиков *ограничено* и ограничено самодержавием. И далее В. И. Ленин объяснял, в чем корень ошибки отзовистов: «Авторы (платформы. — А. А.) забывают, что классовый характер царской монархии несколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и „бюрократии“ от Николая II до любого урядника». Суть ошибки, пояснял В. И. Ленин, состоит в сведении самодержавия и монархии «непосредственно к „чистому“ господству верхних классов»⁶.

Совершенно очевидно, что в додумские времена, в период «чистого» самодержавия, эта «громадная независимость и самостоятельность царской власти» были еще больше. В. И. Ленин эту громадную самостоятельность объяснял прежде всего, и это важно подчеркнуть, историей царизма, его исторической традицией. «Если же это правительство, — писал он в октябре 1912 г. — исторически связано преемственностью и т. п. с особенно „яркими“ формами абсолютизма, если в стране сильны традиции военщины и бюрократизма в смысле невыборности судей и чиновников, то пределы этой самостоятельности будут еще шире, проявления ее еще ... откровеннее ... произвол еще ощутимее»⁷.

Какой же механизм осуществлял на практике эту самостоятельность и какой характер эта практика носила? Таковым была

правляющая бюрократия. Именно она в глазах общества выступала в качестве самодовлеющей силы, пользующейся огромной и бесконтрольной властью, где преемственность и целеустремленность в осуществлении внутренней политики с учетом меняющихся социально-экономических условий, способность ориентироваться в сложной обстановке и двигать страну вперед органически сочетались с произволом, отсталостью политического мышления, крайним консерватизмом и прямой азиатщиной. Характеризуя бюрократию, В. И. Ленин писал: «Особенно внушительным реакционным учреждением ... является отечественная *бюрократия*, которая *de facto* и правит государством российским. Пополняется, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещиков и буржуа»⁸.

Эта оценка бюрократии как института, видящего свое высшее назначение в сочетании интересов двух верхних классов страны, данная ей В. И. Лениным еще в 1894 г., последующими событиями была подтверждена самым убедительным образом. Особенно наглядным в этом отношении был послереволюционный период, когда царизм перешел к политике бонапартизма, т. е. к политике *прямого союза* с определенными политическими течениями, социальными слоями и группами и лавирования между ними.

Бонапартизм, указывал В. И. Ленин, неизбежен для абсолютизма, перешагнувшего порог, отделяющий феодализм от капитализма. В условиях буржуазного развития в силу буржуазной эволюции классов, феодальных по своему происхождению, он теряет целиком или частично свою прежнюю социальную опору, что вынуждает его искать новую опору (или опоры), притом часто в классах и социальных группах иной — нейтральной и даже чуждой ему природы. В этом состоит его основная отличительная черта, характерная для всех стран, где бонапартизм имел место. Вместе с тем бонапартизм есть логическое завершение политики «надклассовости», которую всегда пытался демонстрировать царизм, орудием которой и была его относительная самостоятельность. «Бонапартизм,— писал В. И. Ленин,— есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную опору,— монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть,— заигрывать, чтобы управлять,— подкупать, чтобы нравиться,— браться с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»⁹. История русского черносотенства, всех этих «союзов русского народа» и им подобных образований, их теснейшей связи с царизмом наглядно показывает, что последний по части братания с подонками общества побил все рекорды.

Бонапартистская политика царизма имела два основных аспекта: аграрный и думский. Смысл первого состоял в создании класса сельской буржуазии, который, будучи целиком обязанным своим появлением на свет божий и обогащением за счет остальной крестьянской массы именно царизму, должен был стать новой и верной социальной опорой ему. Аграрная политика Столыпина, подчеркивал В. И. Ленин в этой связи, не могла бы даже родиться, если бы сама община не развивалась капиталистически. Всякая оценка этой политики будет ошибочной вне учета «с одной стороны, ее бонапартистских приемов, с другой стороны, ее буржуазной (либеральной) сущности»¹⁰.

Второй аспект был направлен на создание третьейиюньской политической системы как организованного во всероссийском масштабе в лице третьейиюньской Думы контрреволюционного союза помещиков и буржуазии с царизмом, противостоящего революции и революционному народу, в котором царизму обеспечивалась возможность лавировать между этими классами, оставаясь хозяином положения. Ключом к созданию такого союза был избирательный закон 3 июня 1907 г. Черты бонапартизма, подчеркивал В. И. Ленин, «совершенно наглядно обнаруживаются и на современном избирательном законе»¹¹. Особенность этого закона состояла в том, что он создавал в Думе не одно, а два большинства, и именно это обстоятельство обеспечивало царизму возможность лавирования между двумя господствующими классами страны.

Таким образом, и это важно подчеркнуть, российский бонапартизм имел принципиальное отличие от бонапартизма Наполеона III, лавировавшего между буржуазией и пролетариатом. Поэтому В. И. Ленин, говоря о российском бонапартизме, ссылаясь на аналогии не на племянника Бонапарта, а на Бисмарка, говорил о перенимании царизмом приемов бонапартизма, а не о бонапартизме классического типа.

Поражение революции 1905—1907 гг. и переход к аграрному и думскому бонапартизму создали для царизма и буржуазии теоретическую возможность победы прусского пути развития капитализма в России, т. е. победы контрреволюции над революцией. Это обстоятельство имеет весьма важное значение для правильного понимания третьейиюньской эпохи прежде всего как периода, когда объединенная контрреволюция получила и пыталась использовать свой последний шанс. Характеризуя значение новой аграрной политики царизма, В. И. Ленин подчеркивал: «В истории бывали примеры *успеха* подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы сказали, что в России успех такой политики „невозможен“. Возможен!»¹² В другом месте он выразился еще более категорично: «Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России — не только настоящей революции, но и возможных в

дальнейшем демократических революций — зависят *больше всего* от успеха или неуспеха этой политики»¹³.

Тем не менее В. И. Ленин был абсолютно уверен в том, что эта теоретическая возможность не осуществится, что бонапартистский курс кончится крахом и новой революцией, как это и случилось в действительности. Эта уверенность базировалась на убеждении, что, несмотря на видимое торжество реакции, упадок революционного движения, массовое бегство в аполитизм и ренегатство попутчиков революции, тяжелый кризис и развал революционно-демократических партий, включая и кризис революционной социал-демократии, страна тем не менее переживает не конституционный, как думали либералы и меньшевики, а революционный кризис. Анализируя думские дебаты о расширении бюджетных прав Думы, В. И. Ленин делал следующий весьма определенный вывод: «Бросим же лицемерие и признаем, что мы переживаем не „обычный ход“, а *гражданскую войну*; что правительство не управляет, а воюет, что состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания»¹⁴. Это было написано в феврале 1908 г., т. е. в момент, казалось, полного торжества реакции и контрреволюции. Главным доказательством того, что народ и в то время продолжал оставаться *воюющей*, а не покоренной стороной, является сохранение им революционного настроения, которое один рабочий выразил в приведенных В. И. Лениным известных словах: «Погодите, придет опять 1905 год».

В таких условиях путь реформ исключался, ибо он привел бы к обратному результату: не к утверждению «конституционного пути», не к «обычному ходу», а, наоборот, способствовал бы скорейшему преодолению полосы затишья и возобновлению массового рабочего и революционного движения. В результате третьиюньская Дума превратилась из орудия укрепления царизма, как это было задумано, в дополнительный фактор его дальнейшего ослабления. «Самодержавие,— писал В. И. Ленин,— отсрочило свою гибель, успев организовать такую Думу, но оно не укрепляется этим, а *разлагается* от этого»¹⁵.

Уже с первых шагов деятельности III Думы обнаружилось ее бессилие по части «реформ», поскольку царизм выступил против них под знаменитым столыпинским лозунгом «сначала успокоение, потом реформы». Кадеты, прогрессисты, октябристы, особенно последние, вопреки очевидности, демонстрируя предельную готовность удовлетвориться самым малым, хотя бы видимостью приступа к «реформам», все же вынуждены были открыто признать, что «реформ» не будет. К началу работы IV Думы такое настроение стало не только всеобщим, но и исходным в поведении не только либералов, но и правых фракций Думы.

«Недовольны (IV Думой.— А. А.), писал В. И. Ленин,— не только либералы, не только „ответственная“ (перед помещиками) оппозиция. Недовольны и октябристы. Недовольны правые.

Несомненно это недовольство черной Думой со стороны реакционных помещиков и реакционной буржуазии чрезвычайно ха-

рактарно и знаменательно. Эти классы сделали *все* возможное, чтобы обеспечить так называемое „мирное“, „конституционное“ развитие». Из этой констатации следовал принципиальной важности вывод: «Наши, так называемые „высшие“ классы, общественно-политические „верхи“ *не могут* управлять Россией по-прежнему, несмотря на то, что все основы устройства и управления России всецело или определены или в их интересах налажены. А „низы“ полны желанием изменить это управление.

Совпадение этой невозможности для „верхов“ вести государственные дела по-старому и этого обостренного нежелания „низов“ мириться с таким ведением как раз и составляет то, что называется (немного, положим, неточно) политическим кризисом в общенациональном масштабе. Нарастание на наших глазах этого кризиса — факт и факт едва ли не бесспорный»¹⁶.

Это состояние революционной ситуации, сложившейся в стране в предреволюционные годы, В. И. Ленин несколькими месяцами раньше (в феврале 1913 г.) выразил еще более решительно: «Все эти факты в связи с общим полевением страны, которое сказалося на выборах в IV Думу, окончательно показали, что Россия снова вступила в полосу открытой революционной борьбы масс. Новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третьеиюньской политики царизма»¹⁷. В другом месте он писал: «Теперь эта контрреволюционная система исчерпала себя, исчерпала свои социальные силы. Обстоятельства сложились так, что никакая реформа в современной России невозможна... Реформистских возможностей в современной России нет»¹⁸.

Осевая линия и конечный смысл происходивших в годы первой мировой войны событий и процессов в стране, закономерно завершившихся Февральской революцией, свергнувшей самодержавие и установившей республику, исключительно точно раскрываются В. И. Лениным в слове «репетиция». «Эта восьмидневная революция, — писал он, — была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыграна“ точно после десятка главных и второстепенных репетиций, „актеры“ знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»¹⁹. Говоря об «актерах», В. И. Ленин, конечно, имел в виду политические партии и организации трех борющихся в России лагерей: правого, либерального и революционно-демократического, и в первую очередь борьбу контрреволюции, к которой принадлежали две первые силы, с революцией.

Настоящее исследование, продолжая предшествующие работы автора, посвящено исключительно «актерам», занимавшим правую часть исторической сцены, — царизму и его социальной опоре, на последнем, заключительном этапе их существования. В этой связи основные усилия будут направлены не на описание событий, а на выявление закономерностей и взаимосвязей, обуслов-

ливавших их ход и сцепление, и прежде всего на поиски механизмов разрушения самодержавия как политического института, определенной социально-политической системы. Система — вот то слово, которое наиболее точно и полно выражает указанный замысел, представляющий собой попытку взглянуть на царизм не как на однообразный по составу и окраске монолит, а как на сложно взаимодействующую систему его основных составляющих, для которых было характерно не только органическое единство, но и определенные противоречия, которые в экстремальных условиях, как это и случилось, могли принять весьма острые формы и тем самым стать одним из важных механизмов ее разрушения и гибели.

Переход от исследования на макроуровне к изучению на микроуровне есть всеобщий закон развития науки. Исторической науке до результатов, достигнутых в этом направлении естественными науками, еще, к сожалению, далеко. Но начало этому пути положено и здесь. Был, в частности, в советской историографии период, когда царизм и буржуазию рассматривали как единое целое. Потом был сделан очень важный шаг вперед — господствующей стала ленинская концепция трех лагерей. На этой теоретической основе создано немало ценных исследований.

Теперь настало время сделать следующий шаг, определяемый отнюдь не субъективными пристрастиями и вкусами, а объективной потребностью исторической науки, достигнутым ею уровнем развития. Поставленная задача, равно как и состояние литературы по этому вопросу, строго лимитирует и отбор объектов исследования. Все внимание сосредоточивается на изучении собственно царизма.

Царизм как социально-политическая система в последнее десятилетие своего существования представлял собой единство четырех основных составляющих: собственно царизма, т. е. верховной власти, официального правительства, поместного дворянства и третьейинской Думы, которую В. И. Ленин определял также как особую политическую систему. Разумеется, имелись и другие весьма важные элементы этой системы, такие, как армия, церковь, чиновничий аппарат, полиция, однако мы оставляем их в стороне, поскольку целью исследования является изучение царизма именно в социально-политическом плане, начиная от носителя верховной власти и его непосредственного окружения в лице камарильи и кончая социальной опорой режима.

Такой подход позволил установить, что связи между указанными составными частями были достаточно сложны и в определенных границах противоречивы. Это было обусловлено самой природой российского абсолютизма, длительной исторической традицией, несовпадением групповых и иных интересов и некоторыми другими факторами. Тем не менее определяющим моментом было именно единство, и смысл процесса разложения царизма как раз и состоял в разрушении этого единства, которое казалось нерасторжимым, в эрозии прочнейших связей, в деформации

механизмов взаимодействия. Конечным результатом этого процесса была полная потеря политической ориентации, умения оценить обстановку как режимом в целом, так и всеми звеньями системы.

Что касается четвертой основной составляющей — третьиюньской системы, то ее специфика (выражавшаяся в том, что она представляла собой не царизм как таковой, а его союз с помещиками и верхами буржуазии и выступала в форме выборного законодательного учреждения), с одной стороны, и огромность материала — с другой, не позволяющего уложиться в рамки одной монографии, заставили автора сделать ее объектом самостоятельного исследования, которое, имея в виду сказанное выше, надо рассматривать также и как неотъемлемую составную часть исследуемой в данной монографии темы²⁰.

Все другие сюжеты, в частности рабочее и революционное движение, экономическое и финансовое положение страны, ход военных действий, дипломатическая история, национальный вопрос, резко обострившийся в изучаемый период, и другие чрезвычайно важные сами по себе, но не являющиеся предметом исследования не рассматриваются. Сделано это по той простой причине, что все эти вопросы уже достаточно хорошо изучены, и автору незачем следовать укоренившемуся и вряд ли полезному обычаю — танцевать непременно от печки, предваряя исследование так называемым историческим фоном, т. е. каждый раз повторяя истины и факты, которые неоднократно уже описывались и анализировались в других работах, притом не дежурно, а исследовательски²¹. Тем более это относится к основным фактам и явлениям рассматриваемого периода, которые вошли уже во все учебники и стали хрестоматийными. Вряд ли найдет читатель, пожелавший ознакомиться с данной работой, который не знал бы их в том объеме, который мог бы дать автор в качестве общепринятого фона. К тому же во всех исследованиях на данную или близкую тему непосредственных и близких по времени предшественников автора этот фон уже дан. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что главное все же в том, что нельзя смешивать воедино два разных начала: учебное и научное. Исследователь должен руководствоваться единственным принципом — продолжать историографию, а не повторять ее.

Исходя из сказанного, следует, на наш взгляд, лишь в немногих словах вызвать перед умственным взором читателя те основные факты и явления описываемого периода, которые служили катализатором процессов разложения царизма, с одной стороны, вызревания революции — с другой. В их числе материально-техническая неподготовленность страны к войне, обернувшаяся колоссальными людскими потерями и военными неудачами, хозяйственная разруха, развал на транспорте, резкий кризис продовольственного снабжения городов, к кануну революции по своему значению выдвинувшийся на первое место. Неизбежным результатом были развал административного аппарата, трясина

коррупции, бюрократизма и взяточничества. Отправной точкой политического кризиса, помимо самого факта войны, стало весенне-летнее отступление армии в 1915 г. Его составными частями были: 1) образование в Думе одного большинства, получившего название «Прогрессивный блок», означавшего распад третьей думской системы, основанной на двух думских большинствах, что привело к прогрессирующей конфронтации между Думой и «верхами» во главе с царем, окончившейся гибелью обеих конфликтующих сторон²²; 2) политическая консолидация помещичье-буржуазной оппозиции в земско-городских организациях и военно-промышленных комитетах, взявших на себя часть бремени по материально-техническому, санитарному и продовольственному снабжению армии; 3) обострение противоречий в «верхах», оселком которых стал Распутин и распутинщина при дворе.

Однако первым по важности фактором был рост революционного, особенно рабочего движения в стране. Это был ключевой фактор, непосредственно приведший к февральским событиям 1917 г. Этапы рабочего движения, которые мы охарактеризуем предельно кратко, свидетельствовали о его стремительном расширении. Первый такой этап — всеобщая забастовка иваново-вознесенских рабочих в августе 1915 г., закончившаяся расстрелом демонстрации, в результате которого было убито и ранено 40 человек, в их числе несколько видных рабочих-большевиков. Известие о расстреле вызвало стачки солидарности рабочих Петрограда, Нижнего Новгорода, Сормова и Тулы. Непосредственным продолжением этих событий были сентябрьские выступления рабочего класса, и прежде всего известная стачка рабочих на Путиловском заводе, повлекшая за собой запрос в Думе, обсуждение в Особом совещании по обороне и т. д. Петроградских рабочих поддержали политические выступления пролетариев Москвы, Саратова, Харькова.

Следующий этап рабочего движения пришелся на первую половину 1916 г. Хотя стачки этого периода по преимуществу носили экономический характер, они отличались исключительным упорством, большой длительностью и охватили уже свыше двух десятков губерний. Начало этой стачечной волне положила 100-тысячная забастовка петроградских рабочих в память Кровавого воскресенья в январе 1905 г. Политическими стачками в ряде районов российский пролетариат отметил также годовщину Ленского расстрела и праздник 1 Мая.

Последний и решающий этап, завершившийся восстанием столичных рабочих и солдат Петроградского гарнизона в конце февраля 1917 г. и приведший к падению самодержавия, начался осенью 1916 г. Этот этап характеризовался огромным размахом стачечного движения, его непрерывностью, преобладанием политических стачек над экономическими.

Крестьянское движение в годы войны не приняло сколько-нибудь широкого размаха, тем не менее революционный потенциал деревни, возраставший из года в год в связи с тяготами

войны и крестьянским разорением, был очень велик. В этой связи необходимо также отметить рост волнений и революционных выступлений в армии и на флоте по мере накопления усталости от войны и понимания ее антинародной, империалистической сущности. Весьма значительным фактором вызревающей революции явился также рост национально-освободительного движения на окраинах России, наиболее ярким проявлением которого было восстание в Средней Азии в 1916 г. под руководством Амангельды Иманова.

Важнейшим условием всего развития революционного процесса в стране было то, что, несмотря на крайне тяжелые условия, в которых оказались большевики в годы войны, они полностью сохранили главенство в рабочем движении, лишив социал-оборонцев всяких шансов на лидерство в нем²³.

Обзор литературы, связанной с исследуемой темой и охватывающий период с начала ее появления и до 1960-х годов, сделан В. С. Дякиным²⁴. Работы, вышедшие в 1960—1970-х годах, охарактеризованы нами в указанной выше монографии²⁵. Что же касается зарубежной историографии, включая и белоэмигрантскую, то в 1960—1970-х годах появился ряд работ советских историков, анализирующих западнобуржуазную литературу по Февральской и Октябрьской революциям, к которым мы и отсылаем читателя²⁶.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 17. С. 346.

² Там же. Т. 20. С. 196.

³ Там же. Т. 21. С. 298.

⁴ Там же. Т. 20. С. 165.

⁵ Там же. Т. 17. С. 358.

⁶ Там же. Т. 21. С. 31—32.

⁷ Там же. Т. 22. С. 131.

⁸ Там же. Т. 1. С. 301.

⁹ Там же. Т. 17. С. 273—274.

¹⁰ Там же. С. 324.

¹¹ Там же. С. 276.

¹² Там же. С. 31.

¹³ Там же. Т. 16. С. 423.

¹⁴ Там же. С. 449.

¹⁵ Там же. Т. 17. С. 401.

¹⁶ Там же. Т. 23. С. 329—330.

¹⁷ Там же. Т. 22. С. 258—259.

¹⁸ Там же. Т. 23. С. 57.

¹⁹ Там же. Т. 31. С. 12.

²⁰ Аврех А. Я. Распад третьейинюньской системы. М., 1984.

²¹ Из новейших работ назовем: Минц И. И. История великого Октября. М., Т. 1, 1967; 2-е изд. М., 1977; Емец В. А. Очерки внешней политики России, 1914—1917. М., 1977; История первой мировой войны, 1914—1918. М., 1975. Т. 1—2; Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М.,

1974. См.: также: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы мировой войны (1914—1917). М., 1960; Он же. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; Шацлло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906—1914 гг.). М., 1968; Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962. Подробную историографическую сводку см.: Емец В. А. Указ. соч. С. 3—24. Из обобщающих работ следует в первую очередь назвать: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 2; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. 6. Гл. 8, 9. См. также документальный сборник: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. I—II.

²² Аврех А. Я. Указ. соч.

²³ История СССР с древнейших времен... Т. 6. С. 600, 606—608, 613—620, 623—625 и др.

²⁴ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914—1917. Л., 1967. С. 3—16. См.

также: *Бурджалов Э. Н.* Источники и литература по истории второй русской революции // Свержение самодержавия. М., 1970. В 1984 г. группа ленинградских историков выпустила большой труд, последняя часть которого посвящена царизму в годы первой мировой войны. Автором этой части является В. С. Дякин. Сравнение ее с его же книгой «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны» (Л., 1967) показывает, что ничего существенно нового в ней не сообщается (Кризис самодержавия в России. 1895—1917 гг. Л., 1984. С. 543—654).

²⁵ *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 6—9.

²⁶ *Иоффе Г. З.* Февральская революция

в англо-американской историографии. М., 1970; *Игрицкий Ю. И.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории: Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974. В книге дается также обзор предшествующей советской литературы, исследующей зарубежную буржуазную историографию социалистической революции в России, притом не только англо-американскую, но и французскую, западногерманскую, итальянскую и даже японскую. См.: *Соболев Г. Л.* Октябрьская революция в американской историографии, 1917—1970-е годы. Л., 1979.

ЦАРЬ И КАМАРИЛЬЯ

Сердца четырех

Первой и главной составной частью абсолютистской системы, естественно, является монарх. Его место в ней определяется той почти неограниченной властью, которой он обладает в силу самой природы абсолютизма, основанной на единоличной власти одного человека. Создание «представительных учреждений» — Думы и Государственного совета — ограничило самодержавие царя, но это ограничение составило, как отмечал В. И. Ленин, не более одной сотой его прежней власти¹. Николай II мог с полным основанием считать себя по-прежнему самодержцем. В силу этого личность царя, начиная от его политических взглядов и кончая личными привычками и вкусами, играла немалую роль при определении политического курса правительства.

Марксизм, как известно, не только не отрицает роли личности в истории, но и придает ей большое значение. Эта роль определяется тем, что объективные законы исторического развития могут проявлять себя только через человеческую деятельность, причем зачастую в очень осложненной форме и запутанных взаимосвязях, не позволяющих в большинстве случаев, ибо это было бы вульгаризацией, напрямую по жесткой схеме выводить деятельность и мотивы поведения исторической личности непосредственно из той или иной исторической закономерности.

Вполне понятно, что, чем большей властью и влиянием располагает та или иная личность, тем сильнее ее воздействие на ход вещей. Российские самодержцы в этом отношении на протяжении веков были вне конкуренции. Иными словами, для историка, изучающего процесс разложения царизма в последние годы его существования, установление удельного веса носителя верховной власти в этом процессе необходимо независимо от того, каковы были масштабы этой личности самой по себе. Оно необходимо и в связи с имеющимися на этот счет концепциями и суждениями.

Особое место неограниченных монархов в жизни государств, которыми они правили, послужило главным доводом в пользу идеалистической концепции истории как продукта и результата действий отдельных личностей, а не объективных законов. Отражая именно такой взгляд на ход истории, эсер М. В. Вишняк писал: «...ни одна форма правления не дает стольких оснований для пристального внимания к личности правителей, как абсолю-

тизм, ибо самодержец не символ строя, а самый строй. От него исходят и в нем сосредоточиваются формально и фактически все начала и концы государства. Его личностью определяется социальный уклад, быт, иногда самый образ мыслей в стране». Поэтому оправдан интерес к его биографии, важен «анализ его личных пороков и добродетелей»².

Такая гипертрофированная оценка личности абсолютного монарха, разумеется, не научна и противоречит фактам. Утверждать, что Николай II определил социальный уклад и быт страны, которой он правил,— значит приносить истину в жертву красивой фразе. Однако это не просто риторика. За этой исходной посылкой стоит тезис, объединяющий всю белоэмигрантскую литературу, а впоследствии взятый на вооружение и значительной частью западной буржуазной историографии, который гласит, что, будь в России в рассматриваемый период другой царь, ее история не узнала бы ни Февраля, ни Октября 1917 г. Когда М. Карпович бросил свое крылатую фразу о человеческой глупости, сделавшей в России революцию неизбежной, он, конечно, прежде всего адресовал ее царю и его ближайшему окружению. Уже этот историографический факт служит для советского историка основанием для того, чтобы заняться выяснением реальной роли Николая II в крушении трехсотлетней монархии.

Фактическим продолжением той же идеи является утверждение о решающей роли Распутина. В ходе конференции «Прогрессивного блока» и царизма утвердилась четырехчленная схема: Распутин — Вырубова — царица — царь. Эту формулу Н. Врангель (отец белого генерала П. Н. Врангеля) в своих воспоминаниях выразил в следующих словах: «Государством правила его (царя.— А. А.) жена, а ею правил Распутин. Распутин внушал, царица приказывала, царь слушался»³. Согласно этой схеме, советы Распутина, которым безоговорочно следовала царская чета, и погубили монархию. Иначе говоря, будь в то время другой царь или, что равнозначно, обладай Николай II волей и характером, ход российской истории и судьба монархии были бы иными.

Подвергнуть обстоятельному разбору эту теорию необходимо еще и потому, что в 1920-х годах она отразилась в той или иной мере и в советской историографии. Тезис о Распутине как подлинном руководителе политики царизма в годы войны был широко распространен. Его усиленно пропагандировал М. Н. Покровский⁴. Для В. П. Семеникова он был той осью, на которой вращались все его аргументы о реакционной и германфильской политике царизма в период войны. В последние годы в советской литературе наметилась тенденция развенчать тезис о главенствующей роли Распутина как несоответствующий действительности. Наиболее решительную попытку в этом плане предпринял Е. Д. Черменский в своей последней работе⁵. Указанная тенденция наблюдается и в работах некоторых западных буржуазных историков.

Таким образом, в целом нет единства взглядов на роль лич-

ности Распутина, а между тем выяснение этой роли связано с принципиально важным вопросом о случайности или закономерности падения царизма.

Сказанным определяется задача последующего анализа. Следует установить: а) что представлял собой Николай II как политическая фигура, включая сюда не только *его* политические взгляды, но и характер, поскольку пресловутое «слабоволие» выдвигается в качестве основного аргумента в политическом поведении царя; б) насколько верна указанная четырехчленная схема, т. е. насколько реальным и значительным было влияние «темных сил» и Распутина — идет ли здесь речь о подлинном факте или преувеличениях белоэмигрантской и иной литературы, пытающейся представить гибель царизма результатом случайных обстоятельств, появлением непригодных людей, «слабостью одних и злонамеренностью других»; и если схема верна, дает ли она тем не менее право на утверждение, что главная причина гибели самодержавия заключалась именно в пагубном влиянии «темных сил». Иначе говоря, следствием каких более глубоких причин было само это влияние.

Говоря о личности Николая II, историк сталкивается с обширной белоэмигрантской литературой, посвященной размышлениям о причинах, приведших к гибели романовскую династию, и уделяющей много места характеристике указанной «великолепной четверки», царю и царице прежде всего. Литература эта разных жанров (мемуары, публицистика, исторические сочинения) и достоинств, начиная от грубой и примитивной апологетики, не останавливающейся перед подтасовкой фактов и просто ложью, и кончая серьезными попытками более или менее глубоко разобраться в характере и мотивах поведения царской четы. Какой же представляется фигура царя по наиболее надежным из этих свидетельств?

К числу последних принадлежит небольшая, но содержательная книга В. И. Гурко, само название которой свидетельствует о точной локализации объекта исследования⁶. Сын фельдмаршала и брат генерала, командовавшего армией в годы войны, в 1906 г. товарищ министра внутренних дел, вынужденный покинуть свой пост в связи с нашумевшей «лидвалиадой», в которой он оказался непосредственно замешанным, затем член Государственного совета и активный деятель «объединенного дворянства», Гурко был весьма правым человеком, но «распутинщина» и тяжелые военные поражения весной—летом 1915 г. привели его в «Прогрессивный блок». Он был, несомненно, умным и наблюдательным человеком. К близкому окружению царя Гурко никогда не принадлежал, но его положение открывало ему доступ к самой широкой и достоверной информации, связанной с двором.

Характерно, как Гурко формулирует цель своего исследования. Необходимо, пишет он, установить причины крушения старой России, «но разобраться в сложных и разнообразных причинах разрушения русской государственности без выяснения основных

свойств Николая и его супруги невозможно. Участие в государственной жизни России и влияние на ход событий не только царя, но и покойной царицы слишком для этого значительны; они должны быть признаны едва ли не решающими»⁷. Как видим, исходная позиция автора полностью укладывается в приведенную выше схему. Каковы же были, по мнению Гурко, основные «свойства» Николая II? На первое место он ставит безразличие царя к государственным делам. Царь «принуждал» себя заниматься ими, но они его не интересовали. Доклады министров были для него «тяжкой обузой». «Опять министры с их докладами», — записал он однажды в дневнике. Министры, зная эту черту, стремились при аудиенциях сокращать свои доклады, а некоторые — вставляли в них забавные случаи и анекдоты. Особенно преуспевал в этом «известный анекдотист Н. А. Маклаков» — министр внутренних дел. Любимая сфера, где царь, по его собственному признанию, отдыхал душой, была среда гвардейских офицеров, где он с удовольствием слушал беседы об охоте, лошадях, мелочах военной службы, солдатские песни, военные рассказы и анекдоты.

Хотя, как отмечает Гурко, государственными делами царь занимался «с необыкновенной усидчивостью», творческий подход был ему совершенно чужд — «синтез по природе был ему недоступен». Кто-то метко заметил по этому поводу: «миниатюрист», накапливаемые за годы правления сведения не претворялись у него в знание.

Подробнейшим образом автор характеризует ту черту характера последнего самодержца, которая квалифицировалась как «слабоволие» и по понятным причинам оказалась в центре внимания помещичье-буржуазной общественности. Гурко указывал, что это слабоволие «было своеобразное и одностороннее». Состояло оно в том, что царь «не обладал даром повелевать», чем в большинстве случаев и обуславливалась смена им министров: не умея заставить их осуществлять свои собственные идеи, он надеялся, что преемник найдет более послушных исполнителей. Царь «отнюдь не был безвольным, а, наоборот, отличался упорным стремлением к осуществлению зародившихся у него намерений». Он был настолько упрямым, что сотрудники ни в чем не могли его переубедить. Лишь однажды ему была навязана чужая воля — манифест 17 октября 1905 г.

Отличительной чертой царя было полнейшее равнодушие к людям. Он не испытывал никакой приязни даже к долголетним сотрудникам — с прекращением деловых отношений порывал с ними всякую связь. Более того, с кем дольше сотрудничал, к тому относился менее дружественно, «тем менее ему доверял и тем охотнее с ним расставался». Обычно каждый вновь назначенный министр был в фаворе, длительность которого была обратно пропорциональной его инициативности: чем последняя была больше, тем период царского расположения короче. Инициатива расценивалась как посягательство на царские прерогативы.

тивы. Естественным следствием было «стремление государя пользоваться указаниями людей безответственных, не облеченных никакой властью: поскольку они не были облечены официальными полномочиями, их советы можно было принимать без опасений: слушая их советы, царь был убежден, что „проявляет непосредственно свою личную волю“». Отсюда влияние на него таких людей, как князь В. П. Мещерский, А. М. Безобразов и др.

Как и все другие писавшие о Николае II, автор говорит о его «безграничном», «исключительном» самообладании, что тоже, по его мнению, противоречит тезису о слабоволии, о его внешнем индифферентизме. В общем, на взгляд Гурко, «командование кавалерийским полком его больше привлекало, нежели управление великой империей». Царь не производил впечатления сильного человека, как Александр III. В результате обаяние царской власти стало постепенно пропадать не только в «обществе», но и в массах и, наконец, исчезло совсем. «При этих условиях ее крушение было неизбежно»⁸.

Сходную характеристику Николаю II дает в своих воспоминаниях и А. И. Мосолов. Его свидетельства тем более ценны, что автор в течение 16 лет был начальником канцелярии министерства двора, т. е. занимал пост, дававший ему возможность наблюдать царя непосредственно, а конечная цель его книги — апология покойного самодержца.

Так же, как и Гурко, Мосолов отмечал, что царь «увольнял лиц, даже долго при нем служивших с необычайной легкостью». «Для царя,— писал он далее,— министр был чиновником, подобно всякому другому». Схема отношений с каждым вновь назначенным министром всегда была одна и та же: сначала переживался «медовый месяц», затем неизбежно появлялись «облака». Расставался царь с очередным фаворитом «тем скорее, чем более министр настаивал на принципах, был человеком с определенной программой»⁹.

Мосолов подробно характеризует весьма своеобразную черту царского характера, которую апологеты именовали «застенчивостью», а критики — «фальшью». Черта эта проявлялась в том, что царь, во-первых, никогда не оспаривал утверждений своего собеседника, с которым был не согласен, и никогда сам лично не сообщал очередной жертве — министру, что уже принял решение об его отставке. Министр являлся на очередной доклад, получал указание о дальнейшей работе, а приехав домой, находил личное письмо царя, извещавшее об отставке. С точки зрения автора, это была не застенчивость, а отсутствие «гражданского мужества»¹⁰, иначе говоря, трусость. Характерно для мелочной аккуратности (не государственной деятель с размахом), что царь никогда не имел своего секретаря, сам ставил печати на свои письма, иногда просил помочь своего камердинера, но при этом всегда его проверял¹¹.

Протопресвитера русской армии в годы первой мировой войны, близко знавшего царя и пользовавшегося его расположением,

Геоργия Шавельского, человека умного и наблюдательного, поражал крайний эгоизм Николая II. Царь, несомненно, любил родину, считал Шавельский, готов был даже жизнь за нее отдать, но в то же время реально, на практике, слишком дорожил своим покоем, привычками, здоровьем «и для охрaнения всего этого, может быть, не замечая того (!), жертвовал интересами государства». Характерной чертой Николая II был «оптимизм (!), соединенный с каким-то фаталистическим спокойствием и беззаботностью в отношении будущего, с почти безразличным и равнодушным переживанием худого настоящего». Он охотно слушал докладчика, когда речь шла о приятном, и проявлял «нетерпеливость, а иногда просто обрывал доклад, как только докладчик касался отрицательных сторон, могущих повлечь печальные последствия». Ответ всегда был один: все наладится и устроится. Министр иностранных дел Сазонов передал автору один любопытный разговор с царем. «Я, Сергей Дмитриевич,— заявил царь своему собеседнику,— стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу». Это было его кредо. «Кто хотел бы заботиться исключительно о сохранении своего здоровья и безмятежного покоя,— умозаключал отец Георгий,— для того такой характер не оставлял желать лучшего»¹².

Равнодушие царя и безразличие его ко всему и вся, кроме собственного благополучия, были так велики и всепоглощающи, что поражали каждого, кто сталкивался с ним. «Было жуткое время»,— вспоминал генерал Ю. М. Данилов, говоря о кануне падения Порт-Артура. «В царском поезде большинство было удручено событиями, сознавая их важность и тяжесть. Но император Николай II почти один хранил холодное, каменное спокойствие. Он по-прежнему интересовался общим количеством верст, сделанных им в разъездах по России, вспоминал эпизоды из разного рода охот... и т. д.» Свидетелем «того же ледяного спокойствия» автору пришлось быть и в 1915 г. во время отступления из Галиции. Данилов пишет далее: «Что это, спрашивал я себя,— огромная, почти невероятная выдержка, достигнутая воспитанием, вера в божественную предначертанность событий или недостаточная сознательность?» Смягчая свою оценку этими вопросами, автор на деле пришел к вполне определенному выводу. «В общем,— писал он,— государь был человеком среднего масштаба, которого, несомненно, должны были тяготить государственные дела и те сложные события, которыми полно его царствование. Разумеется, не по плечу и не по знаниям ему было и непосредственное руководство войной... Безответственное и беспечальное житие, мне думается, должно было бы более отвечать и внутреннему складу последнего русского монарха...»¹³

О ничтожности царя как государственного деятеля писал и адмирал Бубнов, так же как и Данилов, близко наблюдавший царя в ставке. Царь «не обладал, к сожалению, свойствами, необходимыми, чтобы править государством», у него просто для этого не хватало ума¹⁴.

Вспоминая о своих контактах с царем в бытность свою главным управляющим землеустройством и земледелием, А. Н. Наумов отмечал, что царь во время доклада не слушал, переводил речь на пустяки. «Должен сознаться,— замечал по этому поводу автор,— что подобное отношение государя к вопросам существенного государственного значения произвело на меня в то время (1915 г.— А. А.) самое расхолаживающее впечатление». Общая оценка личности царя у Наумова сводилась к следующему: «Обладая несомненным умом, острой памятью, немалой долей чуткости и любознательности, Николай Александрович все эти свои природные свойства направлял скорее на усвоение вещей, если так можно выразиться, мелочного порядка, а к государственным вопросам широкого принципиального значения относился поверхностно. Его мысли, вопросы, замечания, как я их вспоминаю, в большинстве случаев отличались относительной узостью, недостаточной серьезностью их содержания. В наших разговорах на общеполитические темы государь не проявлял глубины и широты государственно-мыслительного размаха, который так хотелось чувствовать в Верховном Правителе огромной Российской империи»¹⁵.

Так характеризовал царя симбирский губернский предводитель дворянства, один из активных деятелей Совета объединенного дворянства, к которому Николай II, по собственному признанию автора, относился с большой симпатией.

Как бы подводя итог всем этим оценкам, Врангель писал: «Николай II ни точно очерченных пороков, ни ясно определенных качеств не имел. Он был безличен. Он ничего и никого не любил, ничем не дорожил... Талантливых и честных людей он инстинктивно чуждался и тяготел к ничтожным. Преданных не ценил, а доверялся первому попавшемуся». Для трона был непригоден¹⁶.

Достоинства последнего русского самодержца, отмечаемые современниками, усугубляли его характеристику как личности, ничем не выдающейся. Он был примерным семьянином, любил жену и детей (именно чрезмерная привязанность к жене, как считали в «верхах» и помещичье-буржуазных политических кругах, и погубила в первую очередь монарха и монархию). Переписка царской четы свидетельствует о прочной и нежной привязанности царя к своей супруге, четверем дочерям и больному сыну-наследнику. Любимым местопребыванием царя было лоно семьи, а «чтение вдвоем, как свидетельствует Мосолов, было главным удовольствием царской четы». Царь мастерски читал на русском, английском, французском, датском языках и даже немецком. Последний он знал несколько хуже¹⁷.

Обвинения царя в пьянстве (его якобы сплавил дворцовый комендант В. Н. Воейков) были необоснованы, тем более что Воейков вообще никогда не пил¹⁸. Наоборот, царь любил простые здоровые удовольствия вроде охоты, особенно лешие прогулки, во время которых он приводил в изнеможение сопровождавших его флигель-адъютантов. Адмирал Бубнов указывал, что царь был

скромным человеком, приветливым и благосклонным. Никогда от него не слышали грубого или обидного слова. Автору царь лично давал советы, как избавиться от бессонницы¹⁹. Другой свидетель, генерал Данилов, выражал уверенность, что если бы Николай II не руководствовался ложными убеждениями с их трагическими последствиями, «то о нем сохранилась бы память как о симпатичном, простодушном и приятном в общении человеком»²⁰.

Перефразируя известное изречение, в данном случае можно сказать, что достоинства царя были продолжением его недостатков. Есть еще много свидетельств подобного рода, но мы ограничились теми, которые исходят от людей, не только близко знавших Николая II, но, как правило, сочувствовавших ему и уж, конечно, целиком стоявших на почве ортодоксального монархизма. Оценки таких людей, как С. Ю. Витте, нами не приводятся сознательно, так как он и царь ненавидели друг друга и каждый знал об этом.

Достоинства императрицы, с точки зрения ее апологетов и даже некоторых критиков, были значительнее. Ей приписывали ум, образованность, широту взглядов, наконец, сильную волю. Главным ее недостатком считался мистицизм. Именно эта черта, осложненная истеричностью, полагали свидетели и современники, и явилась той основой, на которой выросло влияние Распутина (а до него других проходимцев вроде французского шарлатана Филиппа). В свете опубликованной переписки царской четы перечисленные положительные качества выглядят как злая насмешка. Трудно представить себе что-либо более примитивное и убогое, чем уровень мышления и кругозор царицы, хотя она и имела диплом доктора философии Кембриджского университета. Столь же далеко от действительности утверждение, которое было и собственным убеждением царицы, что у нее сильная воля²¹. То, что принималось за сильный характер, в действительности было доведенное до крайности истерическое упрямство, и оптический обман здесь состоял в том, что оно было действительным орудием подчинения своему влиянию царственного супруга. Реально же императрица сама была марионеткой в руках Распутина, что она, кстати, не только признавала, но и ставила себе в заслугу²².

Мосолов вынужден признать, что у императрицы были «умственные способности и кругозор маленькой немецкой принцессы... не могущей по внутреннему своему содержанию стать настоящей императрицей». Другой близкий наблюдатель, начальник дворцовой полиции А. И. Спиридович, характеризовал императрицу как честолюбивую женщину, падкую на лесть и сплетни²³. Рассказывая о беседе с царицей в декабре 1916 г., государственный секретарь С. Е. Крыжановский указывал, что она «была совершенно чужда элементарных представлений о государственном порядке»²⁴. Врангель характеризовал ее как ограниченную, истеричную женщину²⁵.

Таким образом, личные качества царицы, по общему мнению,

были таковы, что никак не давали основания для ее влияния на политику. Однако в действительности, как будет показано дальше, это влияние было очень велико. И здесь историк встречается с тем же парадоксом, свойственным абсолютистской системе,— значительным воздействием на ход вещей ничтожной личности.

О Распутине так много написано, что нет надобности характеризовать его еще раз. Как уже говорилось, важнее точно установить характер, методы и размеры его влияния на царскую чету. Что же касается Вырубовой, то необходимее внести некоторый корректив в сложившееся представление о ней как о совершенно глупой, ни в чем серьезном не разбирающейся женщине, роль которой ограничивалась только тем, что она была простым передаточным механизмом между Распутиным и царицей. Она была действительно недалекой, но ее глупость из тех, которую еще Щедрин характеризовал словами мужиков о «диком помещике»: «дурак то он дурак, да ум ему большой даден». «Чтобы удержаться в фаворе у их величеств в течение двенадцати лет,— резонно замечает Спиридович,— удержаться под напором всеобщей ненависти и временами среди чисто женских недоразумений на почве ревности, надо было иметь что-либо в голове»²⁶.

То же самое писал и Гурко. Отношение Вырубовой к царице, отмечал он, «отличалось чрезвычайной хитростью», которая заменяла ей ум и политическую осведомленность. В качестве основного орудия она избрала демонстрацию безграничной преданности, особенно к царю, по отношению к которому «прикидывалась влюбленной». Сразу же при появлении при дворе она «прикинулась необычайно простодушной»²⁷.

Спекуляция на этой влюбленности, мнимой или подлинной, свидетельствует, что Вырубова очень тонко и верно разбиралась в характере и психике своей августейшей подруги. Казалось, что афиширование подобных чувств грозило ей немедленной опалой, поскольку императрица была не только ревнива, но и тщательно оберегала монополию влияния на мужа. Однако расчет Вырубовой оказался совершенно правильным. Поскольку поверенной этой «любви» была сама императрица, которой «простодушная женщина» так наивно и доверчиво исповедовалась, совместное «обожание» стало еще одним источником дружбы обеих женщин, приятно окрашенной взаимной ревностью, на уровне и в духе воспитанниц Смольного института²⁸.

Невежество и пьяный образ жизни Распутина, мелочно-мещанский уровень Вырубовой ничуть не помешали росту их влияния при дворе, вмешательству в министерские назначения, т. е. в самую суть внутренней политики.

Таковы были личные качества царской четы и избранного ею ближайшего окружения. Что же касается политического мировоззрения царя и царицы, то оно находилось в еще большем противоречии с окружавшей их действительностью. Оно у обоих было совершенно одинаковым и очень простым: царская власть была и должна оставаться самодержавной и неограниченной,

власть царя в России обусловлена, органична и необходима именно в силу народной любви.

Важно подчеркнуть, что без учета этой исходной посылки невозможно правильно понять и оценить политику царизма в последние годы его существования. Вера в то, что народ (и особенно армия) обожает своего монарха именно за то, что он монарх неограниченный и самодержавный, была у царской четы тем сильнее, чем меньше для этого имелось оснований. Эта вера была совершенно иллюзорной, ничего общего с действительностью не имевшей.

Мосолов в этой связи писал: «Царь был убежден, что народ его искренне любит, а что вся крамола — наносное явление, явившееся следствием пропаганды властолюбивой интеллигенции». Народ, по мнению царя, еще не достиг гражданской и политической зрелости, ему нельзя предоставлять полную самостоятельность, потому что он сразу подпадает под пагубное влияние той же зловредной интеллигенции²⁹. Отсюда стремление царя ко всему «народному», вернее, к псевдонародному, попытки непосредственного с ним общения. «Государь, — указывал тот же автор, — не пропускал ни одной волости, чтобы не поговорить хотя бы с двумя-тремя крестьянами». Вопрос о том, как обойти «средостение» между тронем и народом, т. е. вопрос о непосредственном, без чиновников, общении с ним, постоянно занимал мысль царя. «Главную надежду на сближение с массами государь, безусловно, возлагал на непосредственную встречу с ними, будь то в войсках или среди крестьянства»³⁰.

«Народный» стиль Николай II не только насаждал в собственном быту, но и пытался распространить на государственные учреждения. Он надевал дома красные крестьянские рубахи и дал их под мундир стрелкам императорской фамилии. Возник даже грандиозный проект замены придворных мундиров боярскими костюмами времен Алексея Михайловича. Одному из художников было поручено изготовить соответствующие эскизы. От затеи отказались только потому, что ее осуществление потребовало огромных затрат. Царь был большим приверженцем чистоты русского языка и не любил употребления иностранных слов в официальных документах. «Я, — жаловался он Мосолову, — подчеркиваю красным карандашом все иностранные слова в докладах (министров. — А. А.). Только Министерство иностранных дел совершенно не поддается воздействию и продолжает быть неисправимым»³¹.

«Народность» царя была так велика, что даже сделала неприемлемым для него Петра I. «Конечно, — говорил он, — я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но сознаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил Вашим (Мосолова. — А. А.) восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западной культурой и попирание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаживать чужое сразу, без переработки». «Эта антипатия к великому реформатору, — добавлял автор от

себя,— гнездилась в природе царя»³². Показательно, что Николай II назвал своего сына Алексеем, т. е., как отмечает С. Д. Сазонов, «дал своему наследнику имя, бывшее не в моде у русских государей со времени трагической смерти сына Петра Великого»³³.

Точно такого же взгляда на царскую власть и русский народ придерживалась и царица. «Не подлежит сомнению,— писал Гурко,— что уверенность императрицы в незабываемой прочности самодержавного строя в России построена была на убеждении, что простой народ, русское крестьянство обожают своего монарха»³⁴.

Разуверить царскую чету в этой слепой и попросту глупой вере не могли никакие факты, никакие предостережения самых преданных и пользующихся их доверием людей. Даже когда до революции оставались считанные дни и земля горела под ногами, Николай II и его супруга считали, что все ошибаются, все обойдется, потому что народ и армия за них. Они считали, свидетельствует Спиридович, что против государя и режима идут только Гос [ударственная] дума, интеллигенция, но что весь простой народ горой стоит за государя и что, самое главное, за государя горой стоит его армия с высшим командным составом»³⁵.

Флигель-адъютант царя А. А. Мордвинов следующим образом передает настроение своего высокого патрона. Ему предъявляли требования от имени всенародных избранников, а «он чувствовал, что две трети его подданных об этих требованиях не только мало знают, их не понимают, но и всякое уменьшение его власти будут считать преступлением по отношению к нему и к народу»³⁶.

Естественно, у всех этих свидетелей должен был возникнуть вопрос о причинах столь безоглядного упорства.

Идея о неограниченности царской власти, по мнению Гурко, была внушена царю Д. С. Сипягиным и князем В. П. Мещерским. Первый, указывая Гурко, отличался ограниченностью, второй — «раболепной подлостью»³⁷. Помимо традиционного воспитания в духе уваровской формулы «народной» ориентации царя способствовали и унаследованное им от своего предка Александра I «византийство», связанное с недоверием к ближайшему окружению — великокняжеской и правительственно-бюрократической среде, и обусловленный этим недоверием курс на самоизоляцию, замыкание в узком кругу пользующихся доверием лиц. Следствием этого явилось стремление найти опору в «преданных» народных массах.

Но был еще один родник, из которого царь черпал свою уверенность в «народной любви», — «Союз русского народа». После издания манифеста 17 октября Николай II лично принимал депутации черносотенных организаций, в частности пресловутого А. И. Дубровина — главаря «Союза». Даже, по мнению Мосолова, это было «несчастьем для России». На указание министра двора В. Б. Фредерикса о недопустимости таких приемов, компрометирующих царскую власть, царь отвечал:

«Неужели я не могу интересоваться тем, что думают и говорят преданные мне лица о моем управлении государством?»³⁸

Подлинный ответ о причине нелепых заблуждений царской четы кроется в полной изолированности от народа не только царя и царицы, но и режима в целом. Так было и до Николая II. Но в описываемое время разрыв между режимом и народом достиг максимального предела. «Существование в заколдованном кругу, куда лишь с трудом и смутно проникают те течения мысли, которые в данное время захватывают и направляют народную волю»³⁹, по удачному выражению Гурко, при Николае II достигло критической точки, и личные свойства царской четы в развитии этого процесса не играли и не могли играть решающей роли.

Уже отмечалось полное несоответствие личных качеств, мировоззрения и окружения царской четы задачам, решать которые обязывало положение верховной власти. Но, может быть, парадокс решался проще: не столь уж велико было влияние «великолепной четверки» на государственные дела и машина катилась сама собой? И современники, и исследователи дают на этот вопрос прямо противоположные ответы.

Так, Воейков писал: «Можно думать, что государыня под влиянием Распутина распорядилась всеми назначениями и разрешала важные государственные вопросы. На самом же деле это было далеко не так, если судить по результатам, число лиц, кандидатуры которых поддерживала императрица, было прямо ничтожно. Молва, «будто бы Распутин проводит назначения через Царское Село», так же была беспочвенна: «фактически же все сводилось к его личным отношениям с министрами, ничего общего с императрицей не имевшим»⁴⁰.

В том же духе свидетельствовал и Мордвинов: «Он (царь.— А. А.) соглашался только с теми мнениями (царицы.— А. А.), которые не противоречили его собственным». Правда, мнения часто совпадали, но это было именно совпадения, а не подчиненность⁴¹.

В какой-то мере пытался реабилитировать царя и Гурко: «Расстаться с ней он и мысли не допускал, а потому молча, порой стиснув зубы, выносил ее гнет, выйти из-под которого он, однако, неоднократно стремился». Тем не менее абсолютного подчинения никогда не было и «быть может, никогда за всю свою женатую жизнь не приложил он столько усилий к отставанию собственных намерений, как именно в последний год царствования»⁴².

Факты, и прежде всего переписка, показывают, что это утверждение — явное преувеличение. Разница между Гурко и Воейковым (вкуче с Мордвиновым) состоит в данном случае в том, что Гурко понимал невозможность игнорирования публикации писем царской четы, если он не хотел потерять доверие читателя, а Воейков и Мордвинов были апологетами по принципу «тем хуже для фактов». Подобных авторов в белоэмигрантской среде появилось великое множество.

С другой стороны, немало авторов высказывали противоположное мнение. Адмирал Бубнов, считавший влияние императрицы решающим, ссылался как на главное доказательство именно на эту публикацию. «Более неопровержимых документов, чем эти письма (царицы.— А. А.), для обоснования своих заключений историческая наука дать нам не может,— писал он,— и сознающий свой долг перед наукой честный и беспристрастный историк не может обойти их молчанием»⁴³.

Известный либеральный историк и кадетский политик А. А. Кизеветтер в рецензии на опубликованную (за границей) переписку Романовых писал: письма царицы «в полной мере... подтверждают, что Александра играла решающую роль в установлении курса внутренней политики и в деле правительственных назначений... С июня 1915 г. начинается особенно настойчивое вмешательство Александры, т. е. Распутина, в министерские назначения, и затем оно все усиливается в геометрической прогрессии»⁴⁴.

Другой автор обобщал содержание этих писем следующим образом: «Императрица вмешивается во все дела. Она увольняет министров, назначает адмиралов и митрополитов, смещает и назначает верховного главнокомандующего, аннулирует синодальные постановления, прославляет новых святых, снимает „шитые мундиры“ и возвращает придворные звания, проектирует железнодорожный заем, направляет следственные действия, воздействует на ход стратегических операций на суше и на море, ратует за сохранение 5-копеечной оплаты проезда на городском трамвае, вмешивается в дипломатические переговоры, заботится о распространении дубровинского „Русского знамени“ на фронте и с тем же рвением руководит чтением своего супруга, выбирает и систематически снабжает его книгами»⁴⁵. В этой характеристике нет ни малейшего преувеличения: все перечисленные вопросы взяты из писем царицы. Добавим, что перечень неполный, к нему можно добавить еще ряд сюжетов, бывших предметом самого живейшего интереса супруги Николая II.

Современники рисуют Распутина человеком, очень хорошо понимавшим психологию царицы, человеком, внешняя грубость и бесцеремонность которого были всегда очень точно взвешены и основывались на тонком знании того факта, что его покровительница жаждала в своем своеобразном понимании «простоты и народности». Обращаясь к ней и ее супругу на «ты», называя их «мамашей» и «папашей», Распутин демонстрировал не только грубость и неотесанность, но и подлинный ум человека, понимавшего своих августейших покровителей (а потому в глубине души и презиравшего их, в первую голову царя)⁴⁶.

Там, где дело касалось политики и назначений на высшие должности, тактика Распутина была совершенно иной. «Надо... признать,— писал по этому поводу Гурко,— что Распутин, проводя своего кандидата, сперва тщательно старался выяснить степень приемлемости его самой государыне и лиц ей неугодных поддерживать не решался». И вот тут-то выступал «непременный

посредник» — Вырубова. Лишь тогда, узнав, что Вырубова убедила царицу, «старец» высказывался открыто. «Таким образом, Распутин,— делал вывод автор,— действует только наверняка, хорошо понимая, что если его указание хотя бы однажды будет отвергнуто, он утратит значение оракула, советы коего обязательны». «Без ее (Вырубовой.— А. А.) непосредственного участия и деятельной помощи Распутин, невзирая на все свое влияние, достичь ничего не мог». Непосредственные сношения с царицей «были чрезвычайно редки» — «старец» тонко понимал, что частое общение только ослабит или уничтожит его авторитет⁴⁷.

Представляется весьма сомнительным, указывал автор в другом месте, чтобы Распутин, «невзирая на все свое влияние», мог бы «заставить царицу отказаться от осуществления какого-либо намерения, которое она горячо желала бы исполнить».

Основной вывод Гурко относительно воздействия «старца» на императрицу сводился к следующему: «Влияние Распутина на царицу в вопросах государственных построено было главным образом на том, что и он и его клика умела внушить Александре Федоровне сознание, что она одна способна отстоять самодержавную власть русского царя, которую сама, по всей вероятности, этого не сознавая, она стремилась фактически присвоить себе». Он и Вырубова стремились так подказать ей своих кандидатов в министры, как будто это ее собственные кандидатуры⁴⁸.

Одна из «распутинок» баронесса Иксуль-Гиллебанд также указывала, что Распутин «очень оберегал свое влияние, боясь его утратить, и уклонялся от просьб, в которых он лично не был заинтересован по той или другой причине. Он предпочитал, не утруждая высочайших и эксплуатируя свою репутацию всемогущего, обращаться непосредственно к «министрам», хорошо зная, что ни один из них не захочет сделаться его врагом. В качестве примера она приводит рассказ журналиста Г. П. Сазонова, большого друга и поклонника Распутина, о его попытках при помощи «старца» вернуть к власти Витте, которого сам Распутин очень уважал и ценил, но которого ненавидел царь⁴⁹. Сазонов не раз заводил с Распутиным разговор в пользу опального сановника. Последний «утверждал, что часто говорил о нем с государем и „мамашей“, но не мог превзойти их недоброжелательство к С. Ю. Витте. Но особенно и не настаивал, в чем, впрочем, он сознавался в интимном кружке. Как всегда, он боялся настаивать на том, что было неприятно государю и государыне»⁵⁰.

На тот же пример с Витте ссылается и Гурко⁵¹.

Эту же тему очень охотно развивал и флигель-адъютант царя Мордвинов. Да, признает он, Распутин влиял на царицу, а та — на царя, но «только тогда эти настояния могли иметь видимый успех, когда они совпадали с давно продуманными, без всякого распутинского влияния, с личными мнениями государя... Государь, повторяю это слово настойчиво, не любил, чтобы им руководили другие, в особенности когда он знал, что об этих воображаемых влияниях говорят». «Он соглашался только с теми мнениями (ца-

рицы.— А. А.),— писал Мордвинов в другом месте,— которые не противоречили его собственным»⁵². В том же духе писали и другие апологеты царской четы.

Обращает на себя внимание, что один и тот же довод приводится в прямо противоположных целях. Первые два автора, Гурко и Иксуль-Гиллебанд, проводят мысль о всесии Распутина, которое он обеспечивал гибкой тактикой, преимущественно конвенно, исходя из учета особенностей характера и мировоззрения своих августейших подопечных. Мордвинов же пытается доказать обратный тезис — поскольку Распутин действовал не прямо и предлагал только те кандидатуры и меры, которые устраивали царскую чету, никакого серьезного влияния на ее решения и действия он не оказывал.

Спустя полвека Е. Д. Черменский полностью присоединился к точке зрения Мордвинова. Мнение «многих буржуазных историков» о том, что Распутин был «всемогущим фаворитом», «некороннованным действительным правителем России», определявшим якобы все поступки и политику последних Романовых, мнение, «известную дань» которому «отдали и некоторые советские историки» (М. Н. Покровский, В. П. Семенников, А. Л. Сидоров, Я. Темкин), не более как легенда. На самом деле, «вследствие своей феноменальной необразованности» Распутин «никакой политики не делал и не мог делать». «Обычно Распутин лишь искусно вторил отзывам царя и царицы о намечаемых ими кандидатах». В доказательство приводится пример с Витте. «Английский историк Н. Фрэнкленд прав,— пишет Е. Д. Черменский,— заявляя, что советы Распутина были „отражением того, что уже было в голове царицы... Он не формировал ее мнений“». Более того, все обстояло как раз наоборот — не ставленники «старца» зависели от него, а он, Распутин, был всего лишь «удобным орудием» в руках князя Мещерского, А. Н. Хвостова, Б. В. Штюрмера, П. Г. Курлова, А. Д. Протопопова и др.⁵³

В этой связи следует напомнить известные слова В. И. Ленина о «царской шайке с чудовищным Распутиным *во главе ее*»⁵⁴. Ленинская оценка не публицистический прием, она полностью подтверждается документами. Так, переписка достаточно убедительно опровергает тезис Е. Д. Черменского. Факты показывают, что утверждение о Распутине как об орудии Штюрмера и других несостоятельны. Судьба всех перечисленных Е. Д. Черменским лиц полностью зависела от отношения к ним «старца». Хвостов и Белецкий, как мы увидим, немедленно потеряли свои посты, как только обнаружилось, что они перестали быть лояльными к Распутину. Штюрмер и Протопопов не просто подчинялись Распутину, а пресмыкались перед ним. Е. Д. Черменский игнорирует тот факт, что положение любого фаворита при любом дворе, как бы оно ни было прочно на данный момент, перманентно находится под угрозой. С одной стороны, он полностью зависит от благорасположения монарха, привязанности которого в зависимости от каприза или давления могут измениться в любую минуту; с другой — фаворит

всегда предмет величайшей зависти конкурентов или враждебной клики, интригующих против него. Поэтому он постоянно должен быть начеку, проявлять осторожность и гибкость. И несомненно, главное его тактическое орудие — всегда «искусно вторить отзывам царя и царицы о намечаемых ими кандидатах», хотя на самом деле эти кандидатуры подсказаны им. В этом и состоит искусство фаворита — не только не задеть самолюбия своего высокого патрона, но и представить его в собственных глазах в самом выгодном свете. Царские, королевские, шахские и прочие фавориты всех времен и народов вели себя именно так, как вел себя Распутин.

Еще более очевидно, что фаворит, временщик может стать таковым, если он является политическим единомышленником своего повелителя. Объяви себя Распутин сторонником «ответственного министерства», и его судьба при дворе решилась бы очень быстро, несмотря на «святость», умение лечить наследника и т. п. Это не только верно по отношению к «старцу», но в полной мере приложимо и к самой императрице. Ее политическое воздействие на супруга кончилось бы в тот момент, когда она предложила бы, скажем, на пост премьера вместо Штюрмера Милюкова, и никакая любовь царя к ней, как и его слабоволие, ей бы не помогли. Трудно согласиться с утверждением Е. Д. Черменского о том, что Распутин не мог делать какой-либо политики вследствие своей «феноменальной необразованности». Тезис о политике как о профессии специально подготовленных к ней образованных людей принадлежит к числу распространенных догм либерализма⁵⁵. Именно исходя из него, российские либералы рекомендовали пролетариату не лезть в политику, предоставив заниматься ею им, либералам, изучившим все тонкости западноевропейских конституций и политических комбинаций. Политика — это прежде всего защита коренных общеклассовых или классово-групповых интересов. Когда В. И. Ленин писал, что классы никогда не ошибаются в политике, он как раз имел в виду, что они совершенно точно знают, в чем заключается их классовый интерес. Основным вопросом внутренней политики царизма в годы войны, помимо традиционного подавления революционного движения, была проблема взаимоотношений с «Прогрессивным блоком», с земскими и городскими союзами и другими оппозиционными течениями цензовой общественности, вылившаяся в конфликт между правительством и Думой по вопросу о так называемом «министерстве общественного доверия». И политически неподготовленный Распутин, и более 20 лет процарствовавший Николай II в своем отношении к Думе и ее основному требованию занимали совершенно одинаковую позицию, поскольку она отвечала их общим интересам. Кстати сказать, если следовать логике Е. Д. Черменского, царица также не могла играть никакой роли в политике, потому что, несмотря на свой кембриджский диплом, намного уступала «старцу» в уме и сметке.

Как историк-марксист Е. Д. Черменский справедливо усматривает причину разложения и гибели российского царизма в объек-

тивных факторах. Подчеркивание всемогущества Распутина представляется ему, по-видимому, отрицанием такого подхода, выражениемвольного или невольного стремления объявлять одной из главных причин, приведших самодержавие к гибели, фактор не только субъективный, но в какой-то мере даже случайный. Версия о Распутине — погубителе монархии и династии вышла из буржуазно-помещичьего лагеря. В частности, Родзянко свою схему развития событий, приведших к Февральской революции, начинает и кончает Распутиным⁵⁶. Не желая солидаризироваться с Родзянко, Е. Д. Черменский выдвигает свой тезис о «феноменальной необразованности» Распутина и... попадает в объятия Родзянко, утверждавшего то же самое.

Встречающееся порой в нашей литературе противопоставление конкретно-исторического общеисторическому, отрицание данной конкретной реальности на основании общеисторической концепции или схемы ошибочно. Марксизм требует обратного подхода — обязывает историка рассматривать конкретные факты и явления, в том числе и субъективную деятельность людей, как проявление, чаще всего сложное и скрытое, объективных исторических закономерностей, хода истории.

Факты показывают, что до 1914 г. царица практически не вмешивалась в государственные дела, а влияние Распутина в довоенные годы было хотя и значительно, но все же ограничено. Однако постепенно это вмешательство и влияние стали нарастать, достигнув апогея в 1915—1916 гг.

Впитав в себя смолоду правило, что жены не должны вмешиваться в деловую жизнь мужей, писал Гурко, Александра Федоровна в течение долгого времени занималась только домашними делами и в политику не вмешивалась. Царь на политические темы с женой «по-прежнему» вообще не разговаривал. Впервые царица стала интересоваться политическими вопросами в 1905 г. и то только по инициативе царя, который стал обращаться к ней за советами. Так, вероятно, через ее цензуру прошел манифест 18 февраля 1905 г., в котором говорилось о незыблемости самодержавия. Но в целом влияние царицы в предвоенные годы было «второстепенным и притом сказывалось лишь спорадически»⁵⁷.

В принципе таким же было и влияние Распутина. Ни один министр вплоть до осени 1915 г. не был назначен по его указанию. Исключение составлял обер-прокурор синода В. К. Саблер, которого назначили благодаря вмешательству императрицы. «Императрица, — пояснял Сазонов, — была инспирирована Распутиным, который в это время еще не вмешивался в государственные дела, но был озабочен устранением одних епископов, которые были ему враждебны, и протезировал другим, на поддержку которых он мог рассчитывать»⁵⁸. Распутин в то время интересовался почти исключительно церковными делами. На это у него были две причины. Во-первых, ведя пьяный и развратный образ жизни, он, естественно, мог ожидать протестов (и таковые были) против его близости к двору прежде всего со стороны церковных иерархов, синода,

в чью первейшую обязанность входило обеспечение достоинства и морального авторитета царствующего дома. Кроме того, «старец» подозревался в хлыстовстве⁵⁹. Во-вторых, амплуа «молитвенника», в котором Распутин подвизался перед царской четой, обязывало его интересоваться именно делами церковного управления. Он даже сочинил книгу о своем путешествии в Иерусалим (нечто невозможное по своей безграмотности и отсутствию смысла), которая пользовалась исключительным признанием у императрицы, Вырубовой и толпы его истеричных поклонниц из «высшего света».

В. Н. Коковцов утверждал, что в числе врагов, добивавшихся его отставки с поста председателя Совета министров, врагом номер один был Распутин, но ряд фактов заставляют усомниться в истинности этого утверждения⁶⁰. Что же касается вмешательства Распутина в подготовлявшуюся отставку П. А. Столыпина, то здесь участие его, если оно и имело место вообще, было небольшим и косвенным.

Более того, карьера Распутина несколько раз находилась под серьезной угрозой. В 1908—1910 гг. им занялись с целью убрать из Петербурга Столыпин и обер-прокуроры синода П. П. Извольский и Лукьянов. В начале 1911 г. эта попытка удалась. В результате соответствующего доклада Столыпина царю Распутин, по словам Родзянко, «очень быстро и неожиданно исчез с петербургского горизонта и долгое время на нем не появлялся». Когда же усилиями царицы он был вновь возвращен, им занялись Дума и «общественность». Некий Новоселов, москвич, член кружка московского губернского предводителя дворянства Самарина, ярого ненавистника Распутина, выпустил брошюру, разоблачавшую «старца», а в Думе был внесен запрос о нем. Николай II, по свидетельству того же автора, «колебался и искал таких обстоятельств, которые бы поставили его в положение, вынуждающее в силу вещей удалить Распутина».

В феврале 1912 г. Родзянко во время доклада царю заявил, что просит разрешения говорить о Распутине. «Опустив голову», царь разрешил. Последовал длинный рассказ о похождениях «старца» и была показана фотография, изображавшая его с наперсным крестом (на что имели право только духовные лица). Реакция царя, человека очень религиозного, выразилась в словах: «Да, уж это слишком». Однако на вопрос Родзянко, может ли он теперь всем говорить, что Распутин не вернется в столицу, царь ответил: «Нет, я не могу Вам этого обещать — Вашим же словам верю вполне». 28 февраля Родзянко позвонил его приятель, дворцовый комендант В. Н. Дедюлин, и сообщил, что доклад произвел на царя большое впечатление и он просит передать председателю Думы, чтобы Родзянко произвел расследование по делу Распутина.

Весной 1912 г. царь поехал в Крым, и Вырубова посадила вернувшегося в то время Распутина в свитский поезд. Узнав об этом, царь страшно рассердился, приказал Распутина высадить и отправить с агентом тайной полиции обратно в Тобольскую губернию. «Итак,— резюмировал Родзянко,— мои слова достигли же-

лаемого результата. С тех пор Распутин при дворе некоторое время не появляется. Он приезжает в Петербург на два дня, оставаться дольше он не смеет»⁶¹.

Но несколько позже Распутин «посмел», и Родзянко вместе с остальными антираспутинцами из правительственных и думско-общественных помещичье-буржуазных кругов оказался на исходной позиции. В конце декабря 1913 г. при очередном докладе он зачитал царю выдержку из правой церковной газеты «Колокол», в которой говорилось: «Благодаря святым старцам, направляющим внешнюю политику, мы избегли войны в прошлом году (в связи со второй Балканской войной.— А. А.) и должны благославить судьбу». Николай сделал вид, что не понимает: «Какие старцы?» Когда же ему ответили, что он знает, царь «промолчал»⁶². К этому надо добавить, что заметка в «Колоколе» вызвала возбуждение в Думе и печати. О ней говорили Милюков и Гучков, писало «Вечернее время» и т. д.

1914 год и первая половина 1915 г. для Распутина были вполне благополучными, но июнь — август 1915 г. оказались самым критическим периодом. На этот раз им занялся товарищ министра внутренних дел В. Н. Джунковский. Он составил «всеподданнейшую записку», в которой самым подробным образом изложил факты, «характеризовавшие Распутина с самой отрицательной стороны и называя все своими именами». В конце говорилось, что общение царской семьи с таким человеком «расшатывает трон и грозит династии». «Записка» и личный доклад Джунковского произвели на царя большое впечатление. Он был «очень взволнован, благодарил», просил держать его в курсе по поводу дальнейших походов «старца» и т. п., так что Джунковский «вышел от государя счастливый и довольный». Царь в течение двух месяцев не пускал к себе Распутина, а к автору записки «был более милостив, чем когда-либо». «Но,— меланхолично заключил Джунковский,— друзья Распутина не дремали и принимали меры»⁶³.

«Записка» Джунковского, о которой царь просил никому не говорить, была передана императрице, та отдала ее одному из самых своих близких людей, флигель-адъютанту Саблину, с приказом произвести контррасследование, прежде всего о нашумевшем скандале, устроенном «старцем» в ресторане «У Яра» и послужившем поводом для доклада и «записки» Джунковского. Был произведен нажим на бывшего московского градоначальника Адрианова, и тот показал, что сообщенное Джунковским относительно этого скандала ему, Адрианову, неизвестно⁶⁴. «Все делалось тихо и секретно, по-семейному». В результате 15 августа царь особой запиской приказал немедленно уволить Джунковского⁶⁵.

Кризис во взаимоотношениях Распутина с царем был последним. Более того, после него влияние «старца» достигло апогея, и именно период деятельности Распутина с августа 1915 г. вплоть до его убийства в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. прежде всего имелся в виду, когда современники писали и говорили о «распутинщине». Все многочисленные попытки, предпринимавшиеся в то

время великими князьями, министрами, Думой и другими лицами, покончить с его вмешательством в политику терпели полный крах. 1915—1916 гг.— период абсолютной неуязвимости Распутина, максимального его воздействия на царскую чету.

Систематическое вмешательство Распутина в государственные дела начинается с 1914 г. «С этого времени, как она (Вырубова.— А. А.), так и Распутин,— писал Воейков,— начали проявлять все больший и больший интерес к вопросам внутренней политики»⁶⁶.

Главное внимание в то время «старец» сосредоточил на великом князе Николае Николаевиче, которого решил сбросить с поста верховного главнокомандующего. Вражда носила чисто личный характер. Дело в том, что именно дядя царя вместе со своей женой Анастасией и ее сестрой Милицей (прозванными при дворе «галками») ввел Распутина во дворец. И причиной охлаждения, а затем и вражды между царской четой и Николаем Николаевичем стал именно «старец». Оценив обстановку, последний пришел к выводу, что ему выгоднее предать своего благодетеля и настроить против него царицу и ее супруга. Испугавшись огромной власти и влияния, которые получил Николай Николаевич, боясь, что он воспользуется ею, чтобы расправиться с ним, Распутин пришел к выводу, что спасти его в такой ситуации может только опала великого князя. С этой целью «старец» повел против него систематическую кампанию, доказывал царице, что Николай Николаевич, пользуясь своим положением, задумал сам сесть на престол. Плел интригу он исподволь, умно и последовательно, исходя из точного понимания психологии своей августейшей клиентки. Переписка Николая II и Александры Федоровны донесла до нас все этапы этой кампании.

20 сентября 1914 г. Александра Федоровна писала царю: «Наш Друг (Распутин.— А. А.) рад за тебя, что ты уехал. Он остался очень доволен вчерашним свиданием с тобой. Он постоянно опасается, что Вопнеуг, т. е. собственно галки, хотят, чтобы он добился трона в П. либо в Галиции, что это их цель, но я сказала, чтобы она успокоила его: совершенно немисливо, чтобы ты когда-либо рискнул сделать подобно. Гр [игорий] ревниво любит тебя, и для него невыносимо, чтобы Н. играл какую-либо роль»⁶⁷. (Вопнеуг— вел. кн. Николай Николаевич. Трон в П.— трон в Польше. «Она»— Вырубова. Галки — дочери черногорского короля Николая: Анастасия, которая была женой Николая Николаевича, и Милица — жена его брата Петра Николаевича. Н.— тот же Николай Николаевич).

Далее «Друг» потребовал, чтобы царь как можно чаще показывался войскам, причем без Николая Николаевича, а царица — народу, чтобы не допустить дальнейшего роста популярности верховного главнокомандующего за счет престижа и популярности царской четы. «... Наш Друг желает, чтобы я разъезжала, а потому я должна подавить свою застенчивость», — сообщала царица⁶⁸. «Не в ставке дело, ты должен показаться войскам везде, где только возможно, а благословение и молитвы нашего Друга принесут

свою помощь. Для меня такое утешение, что ты в тот вечер видел его и получил его благословение», — писала она три месяца спустя⁶⁹. В последующих письмах супруга требовала, чтобы царь не сообщал Николаю Николаевичу, куда он едет к войскам, и не брал бы его в свиту во время поездок по фронту⁷⁰.

Вначале царица в нажиме на царя соблюдает еще некоторую осторожность и сдержанность. Но затем просьбы и советы заменяются прямыми указаниями. «Докажи, что ты повелитель... Будь более решительным и уверенным в себе...» — наставляет Александра Федоровна мужа в письме от 4 апреля 1915 г. «Хотя Н. поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга так же, как и меня, возмутило то, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т. д. твоим стилем — он должен бы писать более просто и скромно... Будь уверен в себе и действуй»⁷¹. Несколько позже царица писала: «Наш Друг боится твоего пребывания в ставке... уступишь». И дальше: «Нет, слушайся нашего Друга, верь ему, бог не даром его нам послал... Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы!»⁷².

Хотя нажим царицы, подстрекаемой Распутиным, все время усиливается, она еще не требует отставки Николая Николаевича. Развязку ускорило увольнение летом 1915 г. в угоду Думе и общественности четырех наиболее реакционных министров (обер-прокурора синода Саблера, министра юстиции И. Г. Щегловитова, внутренних дел — Н. А. Маклакова и военного — В. Н. Сухомлинова) и назначение на их места соответственно А. Д. Самарина, А. А. Хвостова, Н. Б. Щербатова и А. А. Поливанова. Эти смены, сделанные по прямому совету Николая Николаевича, имели цель пойти в какой-то мере навстречу Думе и «общественности».

Назначения испугали Распутина и царицу, особенно предоставление министерских постов Самарину и Поливанову. О Самарине как враге «старца» уже говорилось. Поливанов же считался другом Гучкова, а последний также имел репутацию яркого ненавистника Распутина. Реакция царицы была крайне болезненной: «Да, любимый, относительно Самарина я *более* чем огорчена, я прямо в отчаянии. Теперь... все пойдет плохо... Он будет работать против нас, раз он против Гр.»⁷³. Такая же отрицательная реакция последовала и на назначение Поливанова: «Извини меня, но я не одобряю твоего выбора военного министра... разве он такой человек, к которому можно иметь доверие?... Я боюсь назначений Н. ...Не враг ли он (Поливанов.— А. А.) нашего Друга, что всегда приносит несчастье»⁷⁴.

Дальнейшие письма свидетельствуют о настоящем штурме, который Александра Федоровна предприняла против своего взбунтовавшегося супруга. Главный удар наносился по Николаю Николаевичу. «Он не имеет права вмешиваться в чужие дела, надо этому положить конец — и дать ему *только* военные дела — как Френч и Жоффри. Никто теперь не знает, кто император... Кажется со стороны, будто Н. все решает, производит перемены, выбирает людей, — это приводит меня в отчаяние... Все делается наперекор

Его (Распутина.— А. А.) желаниям». Дальше — те самые требования быть сильным и твердым, которые главным образом и цитируются в литературе. «Ах, мой дружок, когда же *наконец* ты ударишь кулаком по столу?... Никто тебя не боится, а они *должны*... дрожать перед тобой... этому надо положить конец. Довольно, мой дорогой, не заставляй меня попусту тратить слова». «Ты *должен* показать, что у тебя есть собственная воля и что ты вовсе не в руках Н. и его штаба»⁷⁵. Не слишком надеясь на эти призывы, императрица требовала скорейшего возвращения Николая в Царское Село: «Помни, что наш Друг просил тебя не оставаться там слишком долго... Он знает и видит Н. *насквозь*»⁷⁶.

Но царь, отлично зная, что его ждет по возвращении, не торопился с приездом. Начальник его походной канцелярии Владимир Орлов, близкий Николаю II человек, сказал Шавельскому, что царь решил задержаться в ставке недели на две, потому что «к *тадамте* нельзя скоро на глаза показаться». «Действительно,— добавлял автор от себя,— государь пробыл в ставке еще около двух недель, ничего не делая, и в Петроград вернулся лишь 27 или 28 июня»⁷⁷.

После возвращения царя Николай Николаевич был смещен и отправлен на Кавказ, а верховное командование царь взял на себя. Судя по всему, Николай капитулировал не сразу, но зато капитулировал безоговорочно. Принципиальное значение описанного эпизода как раз и состоит в том, что именно с того момента наступает эра безраздельного хозяйничанья «старца» и царицы, отразившаяся в «министерской чехарде» и других явлениях подобного рода.

Когда Бьюкенен посоветовал императрице сказать царю, чтобы тот не брал на себя верховного командования, «императрица сразу запротестовала», заявив, что царь с самого начала должен был взять на себя командование армией. «У меня не хватает терпения разговаривать с министрами, которые мешают ему исполнять свои обязанности...— продолжала она. К несчастью, государь слаб, но я намерена быть твердой». Она сдержала слово, пишет далее посол, фактически Россией управляла она, «особенно после того, как в феврале 1916 г. председателем Совета министров был назначен Штюрмер»⁷⁸.

Напутствуя нового главнокомандующего, царица писала: «Ты наконец показываешь себя... настоящим самодержцем... Единственное спасение в твоей твердости. Я знаю, что тебе это стоит, и ужасно за тебя страдаю. Прости меня, умоляю, мой ангел, что не оставляла тебя в покое и приставала к тебе так много». Но зато теперь все будет хорошо. «Будь в этом твердо уверен... Молитвы нашего Друга дено и ношно возносятся за тебя к небесам, и Господь их услышит»⁷⁹.

После произведенного Распутиным и царицей «государственного переворота» царь демонстрировал полную покорность. «Подумай, женушка моя,— писал он 25 августа,— не прийти ли тебе на помощь к муженьку, когда он отсутствует? Какая жалость,

что ты не исполняла этой обязанности давно уже или хотя бы во время войны! Я не знаю более приятного чувства, как гордиться тобой, как я гордился все эти последние месяцы, когда ты неустанно докучала мне, заклиная быть твердым и держаться своего мнения»⁸⁰. Эта просьба означала, что царь фактически передавал власть в Петрограде жене — частному лицу, бывшему по российским законам таким же подданным царя, как и остальные 170 млн российских жителей⁸¹. Естественно, царица была в полном восторге. «О мой дорогой, я так тронута, что ты просишь моей помощи, я всегда готова все сделать для тебя, но не люблю вмешиваться непрошенно (!), только здесь (в вопросе об отстранении Николая Николаевича.— А. А.) я чувствовала, что слишком много было поставлено на карту!»⁸² Супруг ей отвечал: «Будь совершенно спокойна и уверена во мне, моя душка-Солнышко. Моя воля теперь тверда и ум более здрав (!), чем перед отъездом»⁸³.

Царя уже не просят — ему приказывают. «Возьми клочок бумаги и запиши себе, о чем тебе нужно переговорить, и затем дай эту бумажку старику (И. Л. Горемыкину.— А. А.), чтобы ему легче было запомнить все вопросы», — приказывает царица мужу 11 сентября 1915 г. Далее перечень этих вопросов⁸⁴. «Вот тебе, дружок, список имен... которые могли быть кандидатами на место Самарина», читаем мы в письме от 7 сентября⁸⁵. «Скорей смени министров», — получает монарх приказ на другой день⁸⁶.

Отставка Николая Николаевича стала началом эры «министерской чехарды»; почти все министерские назначения за тот период были произведены по требованию Распутина. Из переписки видно, как Распутин и царица входили во вкус управления страной, все более расширяя сферу своего влияния. В письме от 14 сентября царица предлагает царю главнокомандующего юго-западным фронтом Н. И. Иванова взять в ставку, заменив Щербачевым, с тем чтобы сделать его чем-то вроде комиссара при Алексееве, которому она и «старец» не доверяют, но пока не считают нужным говорить об этом прямо. «Подумай об Иванове, дорогой мой. Мне думается, ты будешь спокойнее, если Иванов будет с Алексеевым в ставке»⁸⁷.

В письме от 2 ноября царица высказывает беспокойство положением на Балканах: «Всегда надо энергично следить за Балканами и показывать им нашу силу и настойчивость... Надо их прибрать к рукам теперь, пока у них большие затруднения», потому что после войны «эгоистическая политика Англии резко столкнется с нашей»⁸⁸. Внутренняя политика целиком стала сферой влияния Распутина и царицы. «Только *поскорее* прикрой Думу — раньше, чем они успеют сделать свои вопросы, — приказывает она мужу. — Будь и впредь также энергичен!»⁸⁹ «Милый, *запрети* этот московский съезд (земского и городского союзов.— А. А.), это совершенно недопустимо: он будет похуже Думы»⁹⁰.

Предметом забот и указаний царицы и «старца» становятся продовольственный вопрос, добыча угля, выпуск новых бумажных денег⁹¹. Более того, Распутин решил, что для него настало вре-

мя вплотную заняться военными делами, чтобы выправить положение на фронте. «Теперь, чтобы не забыть, я должна передать тебе поручение от нашего Друга, вызванное Его ночным видением,— сообщается Николаю 15 ноября.— Он просит тебя приказать начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо... он говорит, что *именно теперь* это самое важное, и *настоятельно* просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать»⁹².

Ответ на указания — полное послушание. Поздравляя императрицу с новым, 1916 г. Николай пишет ей 31 декабря: «Если бы только ты знала, как это поддерживает меня и как вознаграждает меня за мою (!) работу, ответственность (!), тревоги и пр. ... Право, не знаю, как бы я выдержал все это, если бы богу не было угодно дать мне тебя в *жены и друзья*. Я всерьез говорю это»⁹³.

В 1916 г. диапазон прямого вмешательства царицы и Распутина в государственные дела все более расширяется. Фактически царица уже управляет страной. Она вызывает министров, принимает от них доклады и отдает распоряжения, против которых они не только не возражают, но которых просят. Причем делается это отнюдь не захватным порядком, а по горячему желанию самого царя. «Да, действительно, тебе надо быть моими глазами и ушами там, в столице, пока мне приходится сидеть здесь,— пишет он в Царское Село 23 сентября 1916 г.— На твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров — этим ты приносишь огромную пользу (!) мне и нашей стране! О бесценное Солнышко, я так счастлив, что ты наконец нашла себе подходящее (!) дело! Теперь я, конечно, буду спокоен и не буду мучиться, по крайней мере о внутренних делах»⁹⁴.

В инструкциях царю супруга прежде всего заботится об укреплении позиций «Друга». «Держи мою записку перед собой,— пишет она 27 сентября 1916 г.— Наш Друг просил тебя переговорить по поводу всех этих вопросов с *Протопоповым*, и будет очень хорошо, если ты поговоришь с ним о нашем Друге и скажешь ему, что он должен слушать Его и доверять Его советам — пусть он почувствует, что ты не избегаешь Его имени». Этот приказ повторяется снова, в конце письма: «Вели ему слушаться советов нашего Друга... *пожалуйста*, скажи это, пусть он видит, что ты Ему доверяешь, он знает Его. Держи эту бумагу перед собой»⁹⁵.

Влияние Распутина к осени 1916 г. было так велико, что кажется неправдоподобным даже для историка, отдаленного от описываемых событий более чем полувеком. В этом отношении вызывает подлинное изумление факт, связанный с вмешательством «старца» в дела юго-западного фронта. Когда царь отдал Брусилову приказ о приостановке наступления, «Друг» остался «очень доволен» распоряжением «папы» и заявил: «Будет хорошо»⁹⁶. Однако Брусилов сумел настоять на отмене приказа и продолжал наступление. Узнав об этом, царица телеграфировала: «Он очень расстроен тем, что не последовали твоему (!) плану... Твои мысли внушены свыше». Вслед за телеграммой полетело письмо: «Милый, наш Друг совершенно вне себя от того, что Брусилов не послушался

твоего приказа о приостановке наступления. Он говорит, что тебе было внушено свыше (!) издать этот приказ... Надеется, что ты все же будешь настаивать на своем решении»⁹⁷. В тот же день царь в ответ шлет письмо, где в извиняющемся тоне объясняет, почему изменил свое первоначальное решение и добавляет: «Эти подробности только для тебя одной — прошу тебя, дорогая! Передай Ему только: папа приказал принять разумные меры!»⁹⁸ Но царица неумолима: «Ты должен на этом настоять — ты глава...»⁹⁹ Спустя два дня царь сообщает: «Дорогая моя, Брусилов немедленно по получении моего приказа отдал распоряжение остановиться и только спросил, надо ли отсылать обратно прибывающие войска (этим и было обусловлено решение о продолжении наступления. — А. А.) или разрешить им продолжать их движение»¹⁰⁰.

Отношение царя к Распутину явно отличалось от отношения жены, было гораздо более сдержанным и временами, как видно из переписки, даже скептическим. Очень верно и точно, на наш взгляд, различие в отношении супругов к разного рода юродивым и псевдосвятым вообще, к Распутину в частности, выразил Шавельский. «Если, — писал он, — разные „блаженные“, юродивые и другие „прозорливцы“ для императрицы были необходимы, то для него они не были лишни. Императрица не могла жить без них, он к ним скоро привыкал. Скоро он привык и к Распутину»¹⁰¹.

Французский посол Морис Палеолог отвечал на этот вопрос примерно также. «Имеет ли Распутин такую же власть над императором, как над императрицей?» — «Нет, и разница ощутительна», особенно тогда, когда «старец» вмешивается в политику. «Тогда Николай II облекается в молчание и осторожность, он избегает затруднительных вопросов; он откладывает решительные ответы, во всяком случае он подчиняется после большой внутренней борьбы, в которой его прирожденный ум очень часто одерживает верх. Но в отношении моральном и религиозном император глубочайшим образом подчиняется влиянию Распутина»¹⁰².

Родзянко, в свою очередь, настаивал на том, что, хотя императрица сумела расположить царя к Распутину и внушить доверие к нему, он, Родзянко, «на основании личного опыта» положительно утверждает, что «в тайниках души императора Николая II до последних дней его царствования все же шевелилось мучительное сомнение»¹⁰³.

Если это так, то с полной очевидностью следует, что сам Распутин без царицы не мог бы иметь сколько-нибудь существенного влияния на политику Николая II. Более того, весьма сомнительно, чтобы он вообще мог уцелеть в качестве очередного «блаженного» при дворе при его наклонностях и образе жизни: царь под соответствующим давлением, о котором уже говорилось, не задумываясь, выдал бы его Джунковскому или Самарину и испытал бы при этом, вероятно, немалое облегчение. Николай, как мы видим, отлично понимал, да и императрица этого не только не скрывала, но ежеминутно подчеркивала, что ее советы и указания — это советы и указания «Друга»¹⁰⁴.

Таким образом, все упиралось в царицу, и недаром те из окружения царя, которые понимали губительную роль Распутина и были озабочены сохранением престижа царской власти, решение проблемы видели в той или иной форме изоляции царя от его жены. Наиболее модной в этих кругах была мысль о заточении царицы в монастырь.

Итак, из всего изложенного следует, что формула «царем управляла царица, а ею — Распутин» полностью соответствовала действительности, как и тот факт, что это двойное подчинение касалось коренных вопросов внутренней и внешней политики: состава правительства, характера управления страной и т. д.

Возникает, естественно, вопрос: чем объяснить причины и силу влияния «старца» на императрицу, а ее — на последнего российского самодержца? Наблюдатели, и из числа тех, которых мы цитировали, и другие, объясняли неспособность Николая противостоять напору истеричной супруги любовью к ней и бесхарактерностью.

Источник всепоглощающего влияния Распутина на царицу свидетели и современники усматривали в ее экзальтированном истерическом характере, который обуславливал также и ее мистицизм. Так, один из них писал: «Но тут возникает перед нами непонятный вопрос: как могло случиться, что иностранная принцесса, родившаяся в культурной западноевропейской среде и воспитанная при английском дворе в духе позитивизма и реализма, подпала под неограниченное влияние некультурного мужика, очутилась в таком мраке мистицизма и стала исповедовать столь отсталые взгляды на государственное правление?» Ответ был следующим: экзальтация и болезненная психика¹⁰⁵.

Умело используя это, Распутин, по всеобщему мнению, внушил ей мысль, ставшую для нее отправной точкой всех ее суждений и поступков: пока он, Распутин, будет при дворе, будет, во-первых, жив наследник и, во-вторых, царь сохранит свой престол. В противном случае царевич умрет, а Николай II лишится трона¹⁰⁶. Смысл этого объяснения сводится к тому, что отношение императрицы к «старцу» покоилось исключительно на чувстве, ее преданность ему была чисто эмоциональной, без участия разума, потому абсолютной и слепой. Иными словами, вера царицы в Распутина не имеет никакого объективного обоснования, она от начала до конца субъективна и, следовательно, случайна.

Такое объяснение, однако, лишь часть истины. Показательно, что во всех письмах царицы августейшему супругу, составляющих ⁹/₁₀ трехтомной публикации, в числе приводимых ею аргументов о необходимости следовать указаниям «старца», повторяющихся десятки раз, нет ни одной ссылки на болезнь наследника. Точно так же не выдерживает проверки тезис о том, что вера царицы в Распутина была *слепой*, в частности утверждение, что она не верила никаким фактам о его образе жизни и неблагоприятных проделках, как бы они ни были бесспорны. В действительности вера была не столь слепой, как считали современники.

Шавельский в своих воспоминаниях приводит одну очень любопытную деталь, которую он со свойственной ему пронизательностью совершенно точно истолковал. У царицы имелась книга «Юродивые святые русской церкви» с ее собственноручными отметками в тех местах, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности. «Дальнейшие комментарии,— заключал по этому поводу автор,— излишни»¹⁰⁷. Иными словами, царица только делала вид, что не верит обвинениям Распутина в разврате, на самом деле она вполне допускала такую возможность.

Не было для нее секретом и пьянство Распутина. Тот же Шавельский со слов духовника царицы Васильева описал безобразную сцену, когда распоясавшийся «старец» в присутствии «Аннушки» и своей августейшей покровительницы с вызовом, бросанием бутылок и прочим пил стакан за стаканом, бормоча при этом заплетающимся языком (царица отреагировала на эту выходку тем, что, коленапреклоненная, положила «старцу» голову на колени): «Слышь! Напиши папаше, что я пьянствую и развратничаю, развратничаю и пьянствую». Спустя годы Шавельский прочитал, что по поводу этого вечера 5 ноября 1916 г. царица написала «папаше»: «Только что видела нашего Друга — скажи ему по хорошему привет. Он был очень весел после обеда в трапезе, но не был пьян»¹⁰⁸.

В той же переписке мы находим указание, что для императрицы не были секретом и нечистоплотные деловые связи «Друга». В письме от 26 сентября 1916 г. она просит царя, чтобы известного своими противозаконными махинациями банкира Рубинштейна, арестованного военными властями, «без шума» выслали в Сибирь, так как его арест совершен «в надежде найти улики против нашего Друга». Конечно, оправдывала она свою просьбу, за ним «водятся грязные денежные дела, но не за ним же одним»¹⁰⁹. Вместо Сибири Рубинштейн благодаря хлопотам того же Распутина попадает в Псков, а спустя месяц императрица уже просит супруга приказать перевести его из Пскова в ведение Министерства внутренних дел. Таковы факты, и истина устанавливается не их отрицанием, а научным истолкованием. С этой точки зрения всемогущество Распутина находит объяснение в конечном этапе процесса развития российского абсолютизма, а «распутинщина» — явление, которое далеко выходит за рамки взаимоотношений царской семьи и «Друга».

Показательно, что те же Гурко, Шавельский и т. д., писавшие о громадности влияния Распутина, отчетливо понимали, что корни этого влияния гораздо глубже, чем личные особенности царской четы и самого «старца», что сами по себе вне условий, породивших Распутина и «распутинщину», эти особенности никогда бы не дали такого результата. Эти условия, по их мнению, коренились в порочности высшего общества.

Сановники, указывал Шавельский, в душе «ненавидели и презирали грязного мужика», но в то же время «раболепствовали пе-

ред Распутиным, спешно исполняли его требования, воскуривали перед ним фимиам исключительно по низким побуждениям», тем самым сами же вместе с аристократией закрепляли его славу¹¹⁰. Распутин, писал другой очевидец, Джунковский, «пользовался своим влиянием и постоянно вмешивался в вопросы о назначениях даже на высшие должности. Но в этом его винить нельзя было, само общество потакало ему в этом, поощряло его; было очень много лиц, занимавших очень высокие посты, которые считали за честь близкое знакомство с Распутиным, поэтому, конечно, он привык, что ему все позволено. Сделавши волшебную карьеру, взобравшись на высоту, этот темный сибирский крестьянин увидел вокруг себя такой разгул низости, такое пресмыкательство, которые не могли не вызвать в нем ничего другого, как презрение и поведение его и „вольное“ обращение с поклонницами, и небрежительное с пресмыкающимися перед ним, хотевшим сделать карьеру, вполне понятно». К сожалению, сокрушался Джунковский, и «мой министр» (т. е. Маклаков) в отношении Распутина «не был совершенно безупречен»¹¹¹.

Квартира Распутина, свидетельствовал французский посол, «день и ночь осаждалась просителями — генералами и чиновниками, архиереями и архимандритами, статскими советниками и сенаторами, адвокатами и камергерами, стат-дамами и светскими женщинами. Это было непрерывное шествие»¹¹².

Родзянко твердо верил: «Если бы высшие слои русского общества дружно сплотились и верховная власть встретила серьезное, упорное сопротивление», убедилась бы, «что мнение о Распутине одинаковое у всех, что ей не на кого опираться, то от Распутина и его клики не осталось бы и следа»¹¹³.

Веру царицы в Распутина поддерживала окружающая среда, решительно заявлял Гурко. «Хвостовы, Штюрмеры, Белецкие и многие другие» отлично понимали, какой вред наносит Распутин, «тем не менее поддерживали его престиж в глазах царицы». Не кто иной, как сам митрополит Питирим, относился к «старцу» с величайшим почтением. «Не подлежит сомнению,— заключал автор,— что если бы та среда, из которой черпались высшие должностные лица, не выделила такого множества людей, готовых ради карьеры на любую подлость вплоть до искаательства у пьяного безграмотного мужичонки покровительства, Распутин никогда бы не приобрел того значения, которого, увы, он достиг»¹¹⁴.

«Больное время и прогнившая часть общества,— обобщал Шавельский,— помогли ему (Распутину.— А. А) подняться на головокружительную высоту, чтобы затем низвергнуться в пропасть, в известном отношении увлечь за собой Россию»¹¹⁵.

Как бы ни были верны эти заключения, они не составляют всей правды, а являются только шагом к ней. Неизбежно возникает вопрос о причинах гнилости этого общества, так пагубно повлиявшего на трон. «Больное время» — что это конкретно значит, чем вызвана болезнь?

Первопричина этой болезни, и это все больше будет подтвер-

ждаться последующим изложением, состояла в том, что в описываемое время полностью завершился процесс отчуждения господствующего класса и самого политического режима от страны и народа. В свою очередь, эта самоизоляция была конечным результатом истощенности строя в смысле его способности двигаться по пути прогресса, хотя бы в какой-то мере идти в ногу со временем, частично суррогатно решать поставленные историей задачи. Органическим следствием этой утраты было вырождение верхнего, правящего слоя: государственные деятели с политическим кругозором, известной долей независимости и респектабельности, государственно-бюрократической культуры и опыта, рассчитывавшие не только на царские милости, но и на собственные способности, на сознание своей полезности, оказывались не только ненужными, но и раздражали, мешали режиму, полностью замкнувшемуся в самом себе. Опыт всех революций показывает, что канун их характеризуется именно таким состоянием верховной власти и правящей верхушки.

При таком положении дел государственный подход полностью вытесняется личным, служение — карьеризмом, честность — подлостью, достоинство — угодничеством, ум — хитростью, единая согласованная политика — враждой и конкуренцией отдельных группировок и клик. Господствуют всеобщий цинизм и безразличие, оправдываемые невозможностью что-либо изменить.

Конечным итогом этого процесса является самоизоляция верховной власти от своей же собственной среды, достаточно узкой и, в свою очередь, полностью отчужденной от общества.

Иными словами, происходит полный отрыв от реальной жизни, которая подменяется жизнью иллюзорной, где внешнее принимается за действительное, ложное — за истинное. При такой ситуации на первый план в царском окружении выходят не политики, обладающие способностями и опытом, а ничтожества, спекулирующие на самолюбии монарха, ибо главная иллюзия, которую порождает иллюзорная жизнь, состоит в убеждении и непогрешимости суждений и решений верховной власти. Заколдованный круг все убыстряет свое вращение: чем выше мнение царя (и царицы) о своей правоте и мудрости, тем мельче окружение, подчиняющее свое поведение этому постулату, и, наоборот, чем угодливее это окружение, тем больше убеждается монарх (в нашем случае царская чета) в своей правоте и мудрости. Угодники в прямом и переносном смысле начинают определять и направлять государственную политику. Эти угодники могут быть выходцами из самых разных слоев, начиная от аристократа и кончая пьяным мужиком. Последняя чета Романовых предпочитала «простых», но это уже было делом вкуса.

В свете сказанного Е. Д. Черменский вправе задать вопрос: если царская чета была так уверена в правильности своего курса, если с этого курса их не смог бы сбить и сам «Друг», посмей он это сделать, то почему для них «добро» этого «Друга» имело столь весомое, практически решающее значение? Почему,

если императрица твердо знала, что надо делать в каждую данную минуту, осуществление ею же задуманного ставилось целиком в зависимость от одобрения или, наоборот, неодобрения Распутина? В чем здесь связь и причина, если искать для ответа более глубокие основания, чем только особенности психики и характера августейшей четы?

Ответ, на наш взгляд, сводится к следующему. Всякая власть *полномочна* по своей природе и психологии, а потому все время нуждается так или иначе в одобрении, в *подтверждении полномочия*: Царь — самодержец! Этот боевой клич был альфой и омегой политической философии царя и царицы. Но... самодержец именем *божьим*, ибо, как известно, всякая власть от бога. Царь — самодержец. Но еще и потому, что в свое время (скажем, во времена Михаила и Филарета) «народ» — сиречь земский собор — вручил эту власть родоначальнику дома Романовых. Спрашивается, как убедиться, что полномочия остались в силе, что народ по-прежнему за царя в условиях, выражаясь словами Гурко, существования в заколдованном кругу, куда не проникают течения народных мыслей? Ответ напрашивается сам собой: мир иллюзий рождает новые иллюзии. Вначале (если вести отсчет с 1905 г.) это были черносотенные организации. Потом помимо них и преимущественно Распутина сразу очень удобно (хочется даже сказать, компактно), в одном лице представлявший и бога и народ. «Одна из существенных причин ее (царицы. — А. А.) расположения к Распутину, — указывал Гурко, — состояла именно в том, что она почитала его за выразителя народной мысли»¹¹⁶. А уж о выражении божьей мысли говорить не приходится — в переписке слова «божий человек» рядом с именем Распутина встречаются десятки раз. Сила и несокрушимость Распутина как раз и состояли в том, что он вселял в царицу и царя *уверенность* в своей правоте, без которой они, находясь в полном отрыве от действительности и подвергаясь все усиливавшимся «конституционным» давлению, начиная с «Прогрессивного блока» и кончая великими князьями, не смогли бы против них устоять. «Друг» подтверждал такие полномочия царской четы, перед которыми голос «гнилого Петербурга» не имел никакого значения.

«Распутинство» в самых разных его проявлениях — необходимый атрибут абсолютистского или полуабсолютистского режима, подошедшего к порогу гибели. То, что последняя русская императрица была человеком с вывихнутой психикой, осложненной ограниченностью маленькой провинциальной немецкой принцессы, — историческая случайность, приведшая к появлению «святых» типа Филиппа, Распутина и других шарлатанов¹¹⁷. Но можно почти с полной уверенностью предположить, что, будь она женщиной со спокойным уравновешенным характером, не зараженной мистикой, «друг» все равно бы был — другого типа, иных повадок, но непременно. Вполне возможно, что это был бы внешне благопристойный и даже лично порядочный и бескорыстный человек,

образованный, не обязательно из «низов», сути дела это бы не меняло: политика и линия поведения, которую он бы подсказывал, была бы по существу распутинской.

Кстати, у царя имелся именно такой советчик, который появился задолго до Распутина и сохранил благорасположение Николая II до самого конца. Некий Клопов, мелкий новгородский землевладелец, введенный во дворец одним из великих князей. По мнению Гурко, «человек необыкновенно чистый, далеко не глупый, но совершенно неприспособленный к какому-либо практическому делу». Когда царь поручил ему участвовать в борьбе с неурожаем в 1897 г., из этого получился сплошной конфуз. «Однако отношения государя с Клоповым не прекратились, и он продолжал в течение довольно продолжительного периода оставаться одним из закулисных царских советников по *разнообразнейшим* вопросам внутреннего управления»¹¹⁸. Последний раз этот Клопов появляется на авансцене незадолго до революции. Клопов не смог конкурировать с Распутиным, ибо был скромным и честным человеком, но в принципе он мог бы вполне занять место «Друга».

Процесс самоизоляции с его ставкой на «божьего человека» резко сужал круг влиявших на самодержца из среды камарильи. Процесс изоляции зашел так далеко, что Николай оказался отчужденным даже от своего непосредственного окружения.

Все изложенное позволяет сделать вывод: накануне своей гибели абсолютистский режим настолько замыкается в себе, что изолирует себя не только от собственного класса, но и от привычного непосредственного окружения в лице камарильи, вернее, ее большей части. Процесс имеет объективный характер. Личные свойства носителя верховной власти только накладывают на этот процесс субъективный отпечаток, порой настолько сильный, что его объективная природа не сразу распознается. Так именно обстояло дело с последним российским самодержцем. На первый взгляд появление и роль Распутина представляются как исключительно результат свойств характера и мировоззрения царской четы. Однако более внимательный анализ показывает, что Распутина породила «распутинщина» (а не наоборот), под которой следует понимать продукт разложения абсолютизма, его паразитизм, полный отрыв от интересов страны, утрату всех положительных качеств, которыми он когда-то обладал.

«Распутинщина» — это и симптом болезни и сама болезнь, означавшая, что царизм уже у порога гибели.

Камарилья против камарильи

Самоизоляция верховной власти, выраженная в «распутинщине», вызвала и породила конфликт между этой властью и камарильей, что является также показателем глубочайшего кризиса абсолютизма, его предельно критического состояния, ибо только такая ситуация может заставить камарилью пойти на конфликт.

Слово «камарилья» происходит от испанского «samarilla», и под ней обычно понимают группу придворных, клику, которая, пользуясь своим положением, при помощи разного рода интриг старается влиять на государственные дела в интересах личной выгоды. Однако это слишком узкая характеристика. В. И. Ленин определил камарилью как *политический* институт, являющийся органической частью абсолютизма и выражающий его самые реакционные черты, как неофициальное правительство, стремящееся диктовать свою волю правительству официальному, управляющему страной на основании закона.

«Дело в том, — писал В. И. Ленин, — что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существуют собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья. Эта последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное — по-нашему черносотенное — дворянство... Изнеженная, развращенная, выродившаяся — эта общественная группа являет собой яркий образец самого гнусного паразитизма... Сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима — вопрос жизни и смерти для этих мастодонтов и ихтиозавров, ибо „зубры“ — для них слишком почетное название»¹¹⁹.

Таким образом, главная цель камарильи состоит в сохранении существующего режима — источника ее и благополучия. Однако разложение царизма зашло в последние годы его существования так далеко, изоляция камарильи от подлинной жизни страны и ее проблем была столь необратимой, что лишь небольшая часть придворных кругов, движимая инстинктом самосохранения, считала необходимым задуматься о судьбах режима и как-то вмешаться в политику царя.

Людей, оказывавших сколько-нибудь серьезное политическое влияние на Николая II, было очень мало.

На это явление обратил внимание Шавельский. Описывая окружение царя в ставке, он констатировал: свита — люди «благонанмеренные», в большей или меньшей степени ему преданные, но у лучших из них не доставало мужества говорить правду и почти у всех — государственного опыта, знаний, мудрости, чтобы самим разобраться в происходящем и предостеречь государя от неверных шагов»¹²⁰. И далее шел ряд персональных характеристик, очень метких и верных.

Дворцовый комендант Воейков был самым ловким из царского окружения, но имел дурную привычку расценивать события легковесно — «грозные тучи принимать за маленькое облачко». По части парада или коммерции перворазрядный делец, в делах государственных он «был недалек и легкомыслен». Самый умный — царский лейб-медик профессор Федоров, но его девиз — «моя хата с краю». Флаг-адмирал Ниллов открыто высказывал свою вражду к Распутину. Несмотря на это, отношение царя к нему (в отличие от царицы) оставалось по-прежнему доброжелательным, «но и толь-

ко». Нилов был человеком со странностями и путаным языком. К тому же горький пьяница.

Гофмаршал В. А. Долгоруков «слишком прост умом», чтобы пользоваться каким-то влиянием. Комендант конвоя граф Л. Н. Граббе выглядел весьма колоритно: «заплывшее жиром лицо, маленькие, хитрые и сладострастные глаза». Еда, вино, женщины, чтение скабрёзных романов — единственное, что его интересовало. Любимый партнер царя для игры в кости. Для того чтобы быть советчиком, у него не хватало ни ума, ни опыта, ни интереса к государственным делам. «Начальник походной канцелярии, флигель-адъютант полковник Нарышкин всегда молчал». Граф Шереметьев не шел дальше формального исполнения обязанностей дежурного флигель-адъютанта. Генерал Максимович (в ставке с 1916 г.) «на редкость бесцветный». «Красавец» Саблин в ставке держался скромно, но Нилов и Федоров «неоднократно» предупреждали автора, чтобы он с ним был поосторожнее — распутинец¹²¹. Мордвинов, скромный, застенчивый, мягкий человек, не играл никакой роли. Точно так же не имел ни малейшего влияния другой флигель-адъютант — полковник Силаев, толстый, простой, добрый. «Такова,— заключал Шавельский,— была ближайшая свита государя, с которой он проводил большую часть дня». Ни талантов, ни дарований. По-видимому, государь не умел или не хотел окружить себя другими людьми¹²².

Только три человека из окружения царя выгодно отличались, по мнению автора, от остальных: начальник военно-походной канцелярии В. Н. Орлов (до Нарышкина), его помощник флигель-адъютант А. А. Дрентельн и капитан I ранга Ден, помощник Нарышкина. Но первые два, долго близкие к царю, попали в опалу и были удалены из ставки за открыто антираспутинскую позицию. Третий с трудом передвигался, поэтому в ставке бывал редко. Хотя Ден, как утверждает Шавельский, относился к распутинской клике «несочувственно», вряд ли он открыто выступал против нее. Доказательством служит сохранившееся к нему расположение царицы, а его жена до самого конца оставалась одной из немногих близких ее друзей.

Не больше влияния, чем свита, имели и великие князья, находившиеся в ставке. Царя они очень боялись и в решительный момент прятались за спины других¹²³.

Была лишь одна область, где свита была всемогуща,— это приемы, приглашения на царские завтраки и обеды. Иногда, действуя хитро, она оказывала влияние и на большие назначения. Смена Поливанова Шуваевым была произведена по проискам свиты, особенно Нилова и Федорова, не симпатизировавших Поливанову. Рейн также был назначен под давлением Федорова. Самым искусным в обхаживании царя, по мнению Шавельского, был Воейков¹²⁴.

Наблюдения Шавельского полностью подтверждает и дополняет Мосолов. «Только с министрами, на докладах, царь говорил

серьезно о делах, их касающихся. Со всеми другими, с членами императорской фамилии, с приближенными государь тщательно старался избегать ответственных разговоров, которые могли бы его вынудить высказать свое отношение по тому или иному предмету»¹²⁵. Влияние великих князей на царя было крайне ничтожным. Влияние непосредственного окружения «всегда преувеличивали». Министр двора граф Фредерикс — один из самых близких людей, но политикой граф «не занимался и о ней никогда не говорил». Капитан Саблин — интимный друг, «но политической роли не играл». Флигель-адъютанты Мордвинов и герцог Николай Лейхтенбергский «никакого политического значения не имели». Вообще флигель-адъютантам «в голову (бы) не пришло докладывать его величеству о чем-либо, выходявшем за пределы их дневных обязанностей. Впрочем,— писал Мосолов,— Фредерикс крайне ревностно и зорко следил, чтобы такие нарушения не могли иметь место. Да и всем нам было хорошо известно, что государь терпеть не мог, чтобы его слуги касались каких-либо вопросов вне круга своей компетенции».

Окружение царя в ставке «производило впечатление тусклости, безволия, апатичности и predetermined примиренности с возможными катастрофами. Честные люди уходили, их заменяли эгоисты, больше всего думавшие о собственном интересе. Ни один из них не мог быть полезным и беспристрастным союзником царя». Девиз ближайшей свиты государя — «главное не вмешиваться в политическую деятельность», знать только свой шесток. К числу честных и умных автор также относит Орлова, которой «один из всей свиты был политически зрелым человеком», и Дрентельна, «умного, честного человека, широко культурного и с большим характером»¹²⁶.

Мосолов заключал: «Пропать, отделявшая государя от страны, все росла. Министры приезжали редко, а приехав, тянули каждый в свою сторону. Единство действий и цели отсутствовало. Николай II видел лишь то, что ему позволяла видеть в своей переписке государыня. Письма эти при всей страстности и искренности грешили исключительной односторонностью»¹²⁷.

В свою очередь, Спиридович указывал на ошибочное представление о роли Воейкова. «В Петербурге считали,— писал он,— что генерал Воейков имел большое влияние на государя. Это была большая ошибка. Генерал не имел никакого политического влияния»¹²⁸.

В постановлении следователя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства «о деятельности Распутина и его приближенных лиц и влиянии их на Николая II в области управления государством» приведенные свидетельства подтверждаются. Фредерикс, говорится в постановлении, был личным другом царской четы, но никогда не давал никаких советов, не вмешивался в политику, не участвовал в заседаниях Совета министров, держался в стороне от Вырубовой и Распутина. Воейков мог повредить или, наоборот, помочь той или другой кан-

дидатуре, но не более. Нилов пользовался «гораздо меньшим влиянием». Значительно ближе к царской чете был Саблин. Недалекий, ровный, любезный, свой человек. Он не имел никаких средств, и его содержал биржевой делец Манус, отдававший ему приказы хвалить или бранить того или иного министра в зависимости от того, что самому Манусу было в каждый данный момент выгоднее. Поскольку приказы менялись очень быстро, Саблин часто попадал в трудное положение. Так, в частности, он писал: «только хвалил Барка», а теперь надо его ругать¹²⁹.

Великий князь Николай Михайлович характеризовал Фредерика как «абсолютное ничтожество». Фредерик способствовал ряду назначений, но не политического характера. Обычно министр двора рекомендовал на ту или иную должность офицеров лейб-гвардейского конного полка, в котором сам служил и которым затем командовал. Максимович, Мосолов, Теляковский, князь Орлов, князь Белосельский, Одоевский-Маслов, Новосельцев, барон Штакельберг, Каменев, Переяславцев «обязаны своей карьерой или хорошо оплачиваемым местом только протекции барона, их покровителя и патрона»¹³⁰.

В описываемое время Фредерик уже настолько одряхлел, что пребывал в старческом маразме, с ним совершенно не считались¹³¹.

Воейков, по мнению Джунковского, являл собой тип самолюбленного карьериста, озабоченного исключительно своими денежными делами и карьерой. Должность дворцового коменданта его интересовала только с точки зрения тех личных выгод, которые он мог из нее извлечь. Циник и эгоист, он предпочитал увеличение своего капитала и распространение «куваки» (минеральной воды, обнаруженной в его имении в Пензенской губернии) служению царю. «Оберегать престол» Воейков и не думал¹³².

История абсолютизма вообще, российского в частности подтверждает, что конфронтация носителя верховной власти с камарильей при определенных обстоятельствах все же неизбежно возникает. Эта конфронтация является одной из закономерностей развития абсолютизма, позволяющей историку судить о степени прочности (или, наоборот, слабости) существующего режима.

В связи с тем что главная цель камарильи состоит в сохранении существующего режима, ей обычно присуща одна весьма любопытная историческая функция, которая на первый взгляд противоречит всему ее образу жизни — сервильизму, развращенности и т. п., а на самом деле полностью соответствует природе абсолютизма — насильственно устранять тех монархов, которые своей политикой создают угрозу монархии. По выражению Ключевского, это было исправлением «случайности рождения».

Под «случайностью рождения» имелась в виду неспособность или нежелание в силу чисто личных свойств того или иного монарха, носителя абсолютной власти, обеспечивать основной закон этой власти, выраженный в известной фразе: «Ist der Könnig absolut, wenn er unsere Willen tut». Естественно, подразумевалась.

воля той же камарильи и господствующего класса в целом. Так как воля этого класса в силу специфики строя обеспечивается абсолютной властью одного человека, единственный способ привести ее в соответствие с «Willen» класса феодалов, если оно нарушено,— это замена непригодной монарха пригодным. Иными словами, исторической функцией камарильи является совершение дворцовых переворотов в момент, когда создается для нее и класса феодалов критическая ситуация, приписываемая целиком или преимущественно личности данного монарха. В истории России примером такого классического дворцового переворота служит убийство Павла I.

Именно эта проблема возникла перед сторонниками охранения абсолютизма и династии в описываемое время и притом в самой острой, не терпящей отлагательства форме. И именно под этим углом зрения следует рассматривать характер и итоги конфликта между камарильей и царской четой вкупе с Распутиным.

Что вопрос для камарильи стоял именно таким образом, свидетельствует Н. Врангель, сохранивший для потомства один весьма показательный разговор. «В беседе о восемнадцатом столетии, о частых дворцовых переворотах того времени,— писал он,— один из *близких к царю* высказал мнение, что эти перевороты были только неизбежным полезным коррективом абсолютизма. „Они менее вредны, чем революции“, — прибавил он.— „Так за чем же остановка, Ваше В-ство (высочество?—А. А.)!“ — Мой собеседник, делая вид, что он не слышал вопроса... „Да, да! Восемнадцатый век не чета двадцатому. Тогда были сильные люди, теперь только тряпки. Тогда умели действовать, теперь — только рассуждать“». «В обществе и даже *близких ко двору кругах*, — добавлял от себя автор, — повторялись слова: „Так дальше продолжаться не может“.— Шепотом говорили о необходимости дворцового переворота»¹³³.

Что же было предпринято конкретно? На что оказались способными почти три десятка великих князей, не считая их жен и матерей, один брат деда царя, четверо его дядей, десять двоюродных дядей, один брат, четверо двоюродных братьев и девять троюродных, составлявших императорскую фамилию (на 1900 г.)?¹³⁴

В этой связи очень любопытен рассказ Шавельского об акции, предпринятой пасынком великого князя Николая Николаевича герцогом С. Г. Лейхтенбергским. В январе 1917 г. герцог явился к командиру запасного батальона Преображенского полка полковнику Павленко для конфиденциального разговора. Однако полковник, что-то учуяв, позвал своего помощника полковника Приклонского. Не стесняясь присутствия третьего лица, герцог спросил у Павленко: как отнесется его батальон к дворцовому перевороту? На вопрос Павленко, что герцог под сим разумеет, последовал ответ: «Ну... если на царский престол будет возведен вместо нынешнего государя один из великих князей». Павленко отказался продолжать разговор, а по уходе герцога он и Приклонский составили протокол, «оставшийся, однако, без движения»¹³⁵.

Это свидетельство интересно в двух отношениях. Во-первых, оно, насколько нам известно, нигде больше не фигурирует. Судя по всему, Шавельский услышал этот рассказ от самого герцога. Насколько он соответствует действительности, сказать трудно. Во-вторых, если этот факт верен (что можно допустить), его надо считать единственной конкретной постановкой вопроса, имевшей целью непосредственное насильственное устранение самого Николая II (а не императрицы и Распутина), исходившей из великокняжеской среды, хотя герцог великим князем формально не был. Сами же великие князья, включая и отчима герцога, от подобных намерений были весьма далеки, хотя разговоры о дворцовом перевороте в своем кругу вели беспрестанно¹³⁶.

Тем не менее в литературе существует версия, согласно которой великий князь Николай Николаевич дважды — в 1915 и 1916 гг. — был весьма близок к тому, чтобы свергнуть с престола своего племянника. Анализ этой версии показывает, что она относится к числу легенд, причем в одном случае автором легенды являлась императрица, а во втором — сам великий князь.

В дневниковой записи от 29 декабря 1916 г. великого князя Андрея Владимировича есть следующие строки: «Потом Дени (?) передала часть своего разговора с Аликс (императрицей. — А. А.), именно что касалось Николаши. Аликс уверяла Дени, что у нее были в руках документы, доказывающие, что Николаша хотел сесть на престол, вот почему его надо было удалить»¹³⁷. Что это были за документы, неизвестно. В переписке мы не находим даже намека на их существование.

Переписка убедительно доказывает, что идея о заговоре в указанном императрицей смысле (свержение Николая II и воцарение Николая Николаевича) возникла уже *после того*, как Николай Николаевич был смещен со своего поста и отправлен на Кавказ, и что мысль о заговоре придумана Распутиным как средство удержания своего влияния в усложнившихся для него условиях сильнейшего давления на царя, направленного к одной цели — удалению «старца» от двора.

Сперва, как мы помним, «Друг» опасался, что Николай Николаевич (а точнее, «галки») хочет добиться престола либо в Польше, либо в Галиции. О претензии на российский престол в переписке нет ни слова. Главное, что заботит императрицу в то время, — опасение (также, конечно, внушенное Распутиным), что «Николаша» слишком злоупотребляет игрой в популярность, нанося тем самым ущерб царской популярности. Царица подогревается умело, постепенно, и это очень хорошо отражено в ее письмах¹³⁸.

В начале своей кампании «старец», впрочем, все же не ставил своей прямой целью низвержение Николая Николаевича с его поста, отдавая себе отчет в трудности этой задачи. Изменения, сделанные в правительстве под несомненным вмешательством ставки, и в первую очередь назначение Самарина обер-прокурором синода, заставили Распутина пойти ва-банк — вопрос о смещении верховного стал для него вопросом жизни и смерти. И тем не

менее даже в такой критической для себя ситуации «старец» не сразу осмелился выдвинуть идею о заговоре, свержении и пр.

Только уже после отставки Николая Николаевича в целях, так сказать, закрепления победы версия о заточении в монастырь была расширена и увязана с общедворцовым заговором, имевшим якобы целью низложение Николая II и возведение на престол Николая III¹³⁹. Это соответствующе отражено и в письмах императрицы, которая очень охотно откликнулась на новый расширенный вариант «заговора». После войны, наставляла она своего супруга в письме от 8 января 1916 г., должна быть учинена «расправа» над Орловым, Дрентельном, Самаринным и им подобными: «Почему это должны оставаться на свободе и на хороших местах те, кто все подготовил, чтобы низложить тебя и заточить меня?..»¹⁴⁰ Даже при ограниченном уме и истеричном характере царица не могла не понимать, что ее заточение было как раз и задумано для того, чтобы не допустить необходимости низложения императора, тем не менее она упорно вдалбливала мужу нужную ей мысль. «Будь холоден, не будь слишком добр с ним (Николаем Николаевичем.— А. А.), с Орловым и Янушкевичем,— писала она почти год спустя.— Ради блага России помни, что они намеревались сделать — выгнать тебя (это не сплетня — у Орл[ова] уже все бумаги (?) были заготовлены), а меня заточить в монастырь»¹⁴¹.

О логике царица (равно как и «Друг») заботилась, однако, мало. «Наш Друг говорит,— пишет она месяц спустя,— что пришла смута... и если наш (ты) не взял бы места Ник[олая] Ник[олаевича], то летел бы с престола *теперь*»¹⁴², т. е. в конце 1916 г., а не год назад и не в результате заговора, а потому что пришла «смута».

Что по поводу этого «заговора» думал сам Николай II, неизвестно. Но, вероятнее всего, не верил в него: он достаточно хорошо знал Николая Николаевича как человека, совершенно не способного на такой шаг¹⁴³, а кроме того, слишком примитивной и бездоказательной была вся выдумка. Косвенно это подтверждается и письмами царицы, в частности только что цитированным.

К сказанному следует добавить, что Распутину в его борьбе с Николаем Николаевичем еще и повезло — у него оказался сильный союзник в лице дворцового коменданта Воейкова¹⁴⁴. Возможно, что именно этот последний и его аппарат стали исподволь инсценировать и «документировать» «заговор» великого князя, имевший якобы конечной целью восшествие его на престол. В борьбе Воейкова с верховным главнокомандующим не было никакого политического мотива. Им двигала чисто личная вражда, уходящая корнями в то время, когда Николай Николаевич командовал гвардией, а будущий дворцовый комендант — одним из гвардейских полков. В своих воспоминаниях Воейков признает, что командующий гвардией не любил его, именно поэтому он согласился на предложение занять пост дворцового коменданта: в гвардии при таком отношении высокого начальства ему ожидать было нечего¹⁴⁵. Вполне естественно, что Воейкову очень хотелось,

чтобы его всесильный враг стал менее всесильным, и ставка на его опалу по такому поводу, как «заговор» против царя, была, конечно, самым сильным ходом. Разумеется, в своих воспоминаниях он об этом не обмолвился ни словом, но один из его ближайших подчиненных, Спиридович, кое-что сообщает. Будучи жандармом по профессии и призванию, Спиридович изображает дело таким образом, будто Воейков и его аппарат были ни при чем, но даже из этой намеренно запутанной версии видно, что они имели к созданию легенды о «заговоре» явное касательство.

«Начавшийся сдвиг политики правительства в сторону общест-венности,— писал Спиридович, разумея под «сдвигом» отставку Маклакова, Саблера и других и замену их Щербатовым и Самариным,— совпал со странными, нехорошими, доходившими до нас слухами». Были получены письма из Москвы, в которых сообщалось о состоявшемся совещании представителей земств и городов, вынесшем постановление о том, чтобы добиваться устранения царя от вмешательства в дела войны и даже верховного управления, об учреждении диктатуры или регентства великого князя Николая Николаевича. Одновременно заговорили о заключении царицы в монастырь, и это связывалось со ставкой и князем Орловым. Воейков, продолжал Спиридович, об этих слухах знал. О заточении же царицы в монастырь говорила не только свита, но даже прислуга. Дошло до царя и царицы. Узнали их дети. Одна из дочерей, Мария, с плачем говорила Федорову: «Дядя Николаша хочет запереть „мама“ в монастырь». Сам Спиридович получил «письмо-доклад» из Петербурга (неизвестно от кого.— А. А.), в котором «достоверно сообщалось, что в кружке Вырубовой уже имеются сведения о заговоре» и что Распутин советовал остерегаться заговора и «Миколы с черногорками». Что же касается Воейкова, то он в такой ситуации «горой встал за государя и царицу, хотя и понимал отлично их ошибки, особенно в отношении Распутина»¹⁴⁶.

В приведенном сообщении специально и, добавим, весьма неискусно смешивалась правда с ложью. Совещание и постановление земцев — выдумка от начала до конца. Ничего похожего не было и в помине. Спиридович как бы ненароком связывает оба эти факта воедино. Поэтому вполне возможно, что свои «достоверные» сведения Вырубова получала не без помощи того же Спиридовича, предоставившего своему начальству повод, чтобы «встать горой» за царя и царицу.

Факты показывают, что план Николая Николаевича, Орлова и Дрентельна о заточении царицы в монастырь был не чем иным, как пустопорожней болтовней. Они действительно считали и говорили, что единственный выход из положения — это запереть императрицу в монастырь. Но как этого добиться, они не знали, поскольку насильственный путь для их верноподданных чувств был неприемлем. «Самая правоверная верноподданность того и другого (Орлова и Николая Николаевича.— А. А.),— свидетельствовал Шавельский,— исключала всякую возможность

обсуждения ими каких-либо насильственных в отношении государя мер». Оставалось, следовательно, одно средство — «раскрыть глаза» царю на объективно пагубную роль царицы, с тем чтобы таким образом добиться ее удаления. Все эти разговоры Милицы и Анастасии с Орловым становились, конечно, известны царице, «которая начинала принимать болтовню за настоящее дело»¹⁴⁷. Финал истории известен. Николай Николаевич вместе с Орловым отбыл на Кавказ. Дрентельна убрали из ставки, назначив командиром Преображенского полка.

Джунковский утверждал, что увольнение Орлова и Дрентельна, «этих двух светлых безукоризненных личностей», последовало вскоре после его собственной отставки, было обусловлено их дружбой с ним. «Оба они были обвинены императрицей в дружбе со мной, а Орлов — еще в слишком большой близости к великому князю Николаю Николаевичу»¹⁴⁸. Так оно, по-видимому, и было, учитывая, что и те и другие причины опалы взаимосвязаны.

Решительно отвергал достоверность слухов о великокняжеском заговоре и Мосолов. Глава, в которой он об этом писал, так и называлась: «Мнимый великокняжеский „заговор“», причем имелся в виду не только великий князь Николай Николаевич, но и несколько других великих князей, которым молва приписывала те же намерения, что и верховному главнокомандующему. «Слухи о перевороте упорно держались в высшем обществе: о них, чем дальше, тем откровеннее говорили. Имел ли к таким слухам какое-либо отношение Николай Николаевич? Не думаю. Со времени отъезда великого князя на Кавказ это просто стало маловероятным». Что же касается других великих князей, то в Петрограде тогда находились лишь дворы Марии Павловны и Николая Михайловича. Но они каждый в отдельности или даже оба, вместе взятые, были совершенно неспособны к решительным действиям. «Заговор» великих князей, заключал автор, существовал лишь в воображении «света»¹⁴⁹.

Тем не менее в белоэмигрантской печати появилась и стала горячо обсуждаться кавказская версия «заговора» великих князей с участием Николая Николаевича. В газете Милюкова «Последние новости» был помещен фельетон некоего С. А. Смирнова, написанный со слов А. И. Хатисова, тифлисского городского головы в бытность великого князя на Кавказе. С. П. Мельгунов в работе, специально посвященной вопросу о дворцовом перевороте, воспроизводит содержание этого фельетона с некоторыми своими добавлениями, проверив к тому же рассказ у самого Хатисова. Согласно рассказу, вечером 9 декабря 1916 г. после закрытия полиции пятого съезда представителей Всероссийского союза городов в квартире князя Г. Е. Львова состоялось секретное совещание, на котором присутствовали Н. М. Кишкин, М. Н. Федоров и А. И. Хатисов. На этом совещании Львов изложил план дворцового переворота, согласно которому Николай II заменялся великим князем Николаем Николаевичем, введшим

«ответственное министерство». Хатисову было поручено доложить об этом плане великому князю и в случае согласия последнего дать телеграмму: «Госпиталь открыт, приезжайте».

На вопрос Мельгунова, как реально заговорщики представляли осуществление своего плана, Хатисов дал следующий ответ: Николай Николаевич утверждает, что на Кавказе и объявляет себя правителем и царем; генерал Маниковский, по словам Львова, обещал, что армия поддержит переворот. Царя арестуют и отправят в ссылку. Царицу сошлют в монастырь, возможно, и убьют. Совершить переворот должны были гвардейские части во главе с великими князьями. Хатисов выбран в качестве связного потому, что был у Николая Николаевича «своим человеком».

Во время новогоднего приема в ночь на 1 января 1917 г. Хатисов изложил свое поручение великому князю. Предложение протеста не вызвало, Николай Николаевич попросил два дня на размышление. До этого разговора, 30 декабря, в Тифлис инкогнито приехал великий князь Николай Михайлович, для того чтобы посвятить Николая Николаевича в суждение 16 великих князей по поводу создавшегося в стране критического положения. Через два дня Хатисов получил отказ: Николай Николаевич мотивировал тем, что его начальник штаба Н. Н. Янушкевич не советует этого делать, так как армия настроена монархически и против царя не пойдет. (91: 1174)

В эмиграции Николаю Николаевичу сообщили, что предполагается опубликовать рассказ Хатисова, и он не возражал. Затем подтвердил Хатисову правильность публикации, прибавив, что теперь готов признать: его тогдашний отказ был ошибкой. Биограф Николая Николаевича генерал Данилов сообщает в своей работе, что рассказ Хатисова им был тщательно проверен у лиц, «заслуживающих доверия».

Однако Мельгунов без особых усилий развенчал рассказ Смирнова — Хатисова. В частности, он опросил близких к великому князю Николаю Михайловичу лиц, которые сказали ему, что их шеф не мог быть в указанное время на Кавказе, так как находился в Петербурге¹⁵⁰. Не составляет труда объяснить, почему Николай Николаевич, так сказать, завизировал рассказ, не соответствующий действительности. Претенденту на русский престол, соперничавшему с другим претендентом, было не лишне продемонстрировать свою способность в случае необходимости идти на решительные и даже крайние меры — вождь должен быть вождем. Этим объясняется и позиция Данилова, верного сателлита и апологета Николая Николаевича.

Какова же была позиция относительно дворцового переворота других великих князей? Великий князь Александр Михайлович писал в воспоминаниях о том, как в конце 1916 г. к нему явился «один красивый и богатый киевлянин, известный доселе лишь в качестве балетомана», и стал рассказывать «что-то чрезвычайно невразумительное на ту же тему о дворцовом перевороте. Я ответил ему, что он со своими излияниями обратился не по адресу, так как

великий князь, верный присяге, не может слушать подобные разговоры». На «ту же тему» с автором беседовал не только Терещенко (именно он был богатым киевлянином и балетоманом), но и другие, в том числе Родзянко, и с тем же результатом. Сам великий князь считал, что идея дворцового переворота являлась «измышлением иностранного ума и, по-видимому, исходила из стейн британского посольства»¹⁵¹.

Опубликованные записки великого князя Николая Михайловича не позволяют считать его не только участником, но даже сторонником династического «заговора», хотя на первый взгляд они дают повод к такому предположению. Николай Михайлович считался самым образованным и самым либеральным из великих князей. Он ходил в ранге ученого-историка (в частности, написал книгу об Александре I), имел некоторые связи и знакомства в либеральных кругах¹⁵². В конце 1916 г. фрондерство великого князя, как видно из его записей, достигло вершины. Одобрив убийство Распутина (запись от 18 декабря), Николай Михайлович расценил это, однако, как полумеру: «...так как надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной и с Протопоповым». Получив от фельдъегеря царский приказ ехать в Грушевку, он в гневе записывает: «Александра Федоровна торжествует, но надолго ли, стерва, удержит власть?!»¹⁵³

В Киеве в вагоне поезда, великий князь встретился с Шульгиным и тем же Терещенко, которые произвели на него сильное впечатление. «Шульгин — вот он бы пригодился, но, конечно, не для убийства, а для переворота! Другой тоже цельный тип, Терещенко, молодой, богатейший, но глубокий патриот, верит в будущее... уверен, что через месяц все лопнет, что я вернусь из ссылки раньше времени. Дай-то бог! Его устами да мед пить. Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они вовсе не скрывают и оба в один голос говорят о возможности цареубийства!» В тот же день, 31 декабря, уже прибыв в Грушевку, великий князь снова высказывал «сожаление, что они (убийцы Распутина. — А. А.) не докончили начатого истребления, и результаты — только отрицательные — уже налицо. Подождем»¹⁵⁴.

Нетрудно видеть, что Николай Михайлович обозлен по-настоящему лишь на Александру Федоровну (о царе в связи с получением приказа о ссылке великий князь пишет: «А он что за человек, он мне противен, а я его все-таки люблю»), что о цареубийстве он лично не помышляет — его просто приводит в трепет сам факт, что об этом уже открыто говорят, не стесняясь даже представителей императорской фамилии.

Последующие записи полностью подтверждают: фрондерство великого князя было весьма дешевого свойства. Отречение Николая II он воспринял весьма болезненно, клеймя позором придворных и сановников, покинувших своего императора. «Это общее бегство, этот цинизм оставления, — возмущался князь, — были особенно презренны со стороны тех, которые еще накануне ловили благосклонную улыбку или какую-нибудь милость». Его

негодование заходит так далеко, что он уже проникается сочувствием к той, которую так недавно ненавидел: «С какой развязностью покинули государыню» ее секретарь Апраксин и др.¹⁵⁵

Единственное, что соответствует действительности в слухах о «великокняжеском заговоре», — это серия разговоров и писем великих князей в конце 1916 г. с требованием убрать Распутина и Протопопова и дать «ответственное министерство» во избежание надвигающейся «катастрофы», под которой они разумели революцию. Никакими политическими соображениями и тем более доктринами они не руководствовались. Единственный мотив, который привел их к мысли о необходимости подобного семейного воздействия на царя, — страх за самих себя и ничего более¹⁵⁶.

В обращениях великих князей к царю мы наблюдаем и личную инициативу, и семейную согласованность. Первый, кто обратился с письмом-предупреждением к Николаю II, был великий князь Николай Михайлович. Подлинник письма до нас не дошел. Впервые оно было опубликовано в «Русском слове» 9 марта 1917 г. (текст был получен сотрудником газеты от самого князя), а затем много раз перепечатывалось в разных изданиях. Письмо от 1 ноября 1916 г. В осторожной и деликатной форме автор давал понять, что все зло идет от царицы, являющейся слепым орудием Распутина. «Пока производимый тобой выбор министров... был известен только ограниченному кругу лиц — дело могло еще идти, но раз *способ* стал известен всем и каждому и об этих *методах* распространялось во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немислимо». Иными словами, мысль великого князя сводилась к тому, что если бы факт выбора министров Распутиным был известен только ему и другим великим князьям, включая, конечно, и назначенных «старцем» министров, то никакой бы беды не было — Россия вполне могла бы так управляться. Главное, следовательно, не в роли Распутина, а в широкой огласке этой роли.

Дальше шло самое деликатное. «Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст — есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды», т. е. устами императрицы говорят «темные силы». «Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобой доверие громадного большинства твоих подданных. Все последующее быстро наладится само собой». А «когда время настанет, а оно уже не за горами, ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность министров перед тобой и законодательными учреждениями».

Так думает не только он один. «Я долго колебался открыть всю истину, но после того, как твоя матушка и твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился». В чем же «истина»? «Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше — накануне эры покушений...», и письмо это написано с единственной целью: «ради надежды и упования спасти тебя, твой престол

и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий»¹⁵⁷.

Финал истории был достоин и автора, и адресата: Николай II немедленно отправил письмо супруге. Реакция была быстрой и решительной. Сперва последовала телеграмма (4 ноября): «Нахожу письмо Н. возмутительным. Его следовало бы немедленно выслать. Как смеет он тебе говорить против Солнышка? Это гнусно, подло». Вслед за телеграммой в тот же день отправляется письмо: «Во время войны в такой момент прятаться за спиной твоей мама и сестер и не выступить смело (независимо от согласия или несогласия) на защиту жены своего императора — это мерзость и предательство... Он и Николаша — величайшие мои враги в семье, если не считать черных женщин и Сергея... Милый мой, ты должен поддержать меня ради блага твоего и Бэби. Не имей мы Его (Распутина.— А. А.), все давно было бы кончено, в этом я твердо убеждена»¹⁵⁸.

11 ноября написал царю из Гатчины его брат Михаил. Всячески извиняясь за то, что влезает в дела, которые его не касаются, и выражая надежду, что его побуждение будет правильно понято, Михаил сообщал «дорогому Ники» в общем то же самое, что и Николай Михайлович. «Я глубоко встревожен и взволнован всем тем, что происходит вокруг нас... Перемена в настроении самых благонамеренных людей поразительна; решительно со всех сторон я замечаю образ мыслей, внушающий мне самые серьезные опасения не только за тебя и за судьбу нашей семьи, но даже за целостность государства».

«Всеобщая ненависть к некоторым людям, будто бы (!) стоящим близко к тебе», объединила воедино правых, левых и умеренных. Эти впечатления проверены в разговорах с людьми, «благонамеренность и преданность которых выше всякого сомнения». «Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для нас всех и для России». Дальше обычный совет: «Удалить наиболее ненавистных лиц». Это будет «верный выход», который сразу создаст престолу «опору» в лице Государственного совета и Думы. «Я глубоко убежден, что все изложенное подтвердят тебе все те из наших родственников, кто хоть немного знаком с настроением страны и общества»¹⁵⁹.

В конце ноября члены императорской фамилии предприняли коллективный демарш. На семейном совете великих князей «было решено, что князь Павел как старейший в роде и любимец их величеств должен взять на себя тяжелую обязанность говорить от их имени», — вспоминала супруга Павла княгиня Палей. На аудиенции 3 декабря за чаем в присутствии царицы «он сказал, что собравшийся фамильный совет возложил на него обязанность почтительнейше просить его величество даровать конституцию, «пока еще не поздно», отстранить Штюмерера и Протопопова («и ты увидишь, с каким восторгом и любовью твой верный народ будет приветствовать тебя»). Получив отказ, Павел продолжал:

«Хорошо, если ты не можешь дать конституцию, дай по крайней мере министерство доверия, так как — я тебе это опять говорю — Протопопов и Штюмер ненавистны всем». «Набравшись мужества», Павел заговорил о Распутине. Царь молчал, а вместо него ответила императрица: Распутин — жертва клеветы, «что же касается того, чтобы пожертвовать добросовестными министрами, чтобы угодить некоторым личностям, об этом нечего даже думать»¹⁶⁰.

В конце того же 1916 г. с царской четой беседовал великий князь Александр Михайлович. Тема та же, результат тот же, новым до известной степени был тон. Александр Михайлович посоветовал императрице сосредоточить свои заботы на семье, что является ее прямым делом и долгом, и не лезть в государственные дела. Царица вспыхнула, оба повысили голос. «Я вижу, что Вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем, — заявил князь, — но не забывайте о нас!.. Вы не имеете права увлекать за собой Ваших родственников в пропасть». В ответ Александра Федоровна «холодно» заявила, что отказывается продолжать разговор. На следующий день с царем говорил Михаил Александрович (брат царя), тоже «понапрасну теряя время»¹⁶¹.

Такой же разговор вел с царем в ставке брат Александра Михайловича Сергей. «Государь заплакал, обнял и поцеловал меня, — рассказывал потом об этом разговоре великий князь Шавельскому. — Ничего не выйдет!» В Киеве столь же бесполезно пыталась повлиять на царя мать¹⁶².

Разговор о Распутине между Александрой Федоровной и ее сестрой Елизаветой кончился ссорой. Уходя последняя бросила: «Вспомни судьбу Людовика XVI и Марии Антуанетты»¹⁶³.

Вместе и одновременно с великими князьями целую серию подобных разговоров с царем провели Шавельский и ряд других близких царю лиц. Первая глава II тома воспоминаний отца Георгия была озаглавлена «Поход против Распутина», восьмая — «Царю говорят правду». В этих главах автор подробно и драматически рассказывает о безуспешных попытках ряда лиц, к которым царь был расположен и испытывал доверие, вразумить своего монарха.

Сперва Шавельский долго уговаривал Воейкова поговорить насчет Распутина. Тот уклонился: «Что я могу сделать. Ничего нельзя сделать!» Тогда он решил, сговорившись с Алексеевым и поддержанный Ниловым, говорить сам. Разговор состоялся 17 марта 1916 г. Царь слушал «молча, спокойно и, казалось, бесстрастно». О результате беседы красноречиво свидетельствует вопрос, заданный царем: «А Вы не боялись идти ко мне с таким разговором?»

30 октября генерал Алексеев заявил Шавельскому, что хочет уйти со службы — нет смысла в дальнейшей работе. Царь «пляшет над пропастью и... спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее — клубок грязных чертей: Распутин, Вырубова, Штюмер, Раев, Питирим... На днях я говорил с ним, ре-

шитительно все высказал ему». В ответ на слова, что правительство дряхлое и нечестное, Алексеев услышал: дряхлое — это отчасти верно, Штурмер действительно дряхл; нечестное — «в этом Вы глубоко ошибаетесь». Кончил беседу царь, улыбаясь: «Вы пойдете сегодня ко мне завтракать?»

Как уже упоминалось, в ноябре Шавельский снова беседовал с царем, на этот раз гораздо более решительно: «На армию не надейтесь! Я знаю ее настроение — она может не поддержать Вас. Я не хотел этого говорить, но теперь скажу: в гвардии идут серьезные разговоры о государственном перевороте, даже о смене династии. Вам может показаться, что я сгущаю краски. Спросите тогда других хорошо знакомых с настроениями страны и армии людей! И я назвал имена кн. Волконского и ген. Никольского (шефа корпуса жандармов.— А. А.)». Весь этот разговор царь передал супруге. «И ты его слушал!»— возмутилась царица. «Еще рясу носит, а говорит мне такие дерзости,— поддакнул ей государь». Таков был царь, сокрушался Шавельский: «смелый без жены, безличный и безвольный при жене».

Кауфман начал беседу с царем с вопроса: верит ли царь в безграничную любовь генерала к нему. Получив утвердительный ответ, Кауфман воскликнул: тогда разрешите — «убью Гришку». «Расплакался, обнял и поцеловал меня». В тот же день — длинный разговор с царем министра народного образования графа Игнатьева. Кауфман же был расцелован 9 ноября, а 9 декабря был уволен.

В отчаянии Шавельский пытается добиться аудиенции у царицы. Получив отказ, решает поговорить с Вырубовой. «Ничего Вы не знаете. Ничего не понимаете...— слышит он в ответ.— Ваша ставка с ума сходит! Раньше Алексеев запугивал государя, теперь Воейков теряет голову, Вы тоже... Великие князья — и те потеряли голову». «Особенно удивило меня в разговоре то,— констатировал Шавельский,— что Вырубова постоянно выражалась во множественном числе не отделяя себя от царя и царицы, точно она была соправительницей их. Из беседы с Вырубовой я вынес прочное убеждение, что там закрыли глаза, закусил удила и твердо решили, слушаясь только той убаюкивающей их стороны, безудержно нестись вперед».

Утешая отчаявшегося протопресвитера, Грабе говорил ему: «Теперь Вы убедились, что мы значим?.. С нами кушают, гуляют, шутят, но о серьезных вещах с нами не говорят, а уж вопросов государственных никогда не касаются». А сам заговоришь о них — либо не будут слушать, либо оборвут вопросом о погоде. «Для дел серьезных есть другие советники: Гришка, Аннушка — вот им во всем верят, их слушают, с ними считаются».

И действительно, когда генерал Иванов пытался начать с царем соответствующий разговор, заявил, что настроение повсеместно очень беспокойное, его тут же перебили вопросом о том, какая в прошлом году была в это время погода на юго-западном фронте. В ответ на реплику ошарашенного генерала: «холодная»— со

стороны царя последовало: «До свидания». На этом беседа закончилась¹⁶⁴.

Даже английский посол, крайне встревоженный критической обстановкой, сложившейся в стране в конце 1916— начале 1917 г., счел нужным попытаться уговорить царя сделать необходимые шаги в духе требований «Прогрессивного блока». 12 января 1917 г. царь дал ему аудиенцию, но в отличие от прошлых аудиенций, зная цель визита, принял сухо и плохо, даже не предложил сесть. Тем не менее, считал Бьюкенен, ему удалось взволновать и встревожить высокого собеседника. «Но, — меланхолически закончил он, — как ни сильно было впечатление, влияние царицы оказалось сильнее». Иными словами, из беседы ничего не вышло. Доводы, которые приводил посол, были те же, какими пользовались все другие, включая и самый сильный: «безопасность тех, кто Вам так дорог»¹⁶⁵.

Чем объяснить это полное фиаско давления камарильи на царя, давления, как мы видим, весьма концентрированного и интенсивного? В субъективном плане ответ известен — подавляющее влияние царицы. Но историк не может удовлетвориться подобным ответом. Как ни весом этот факт, как ни очевиден, он не может быть ни единственным, ни даже главным. Каким бы сильным ни было это влияние, царь все же был разумным человеком, имевшим, худо-бедно, двадцатидвухлетний опыт управления страной, и он не мог не понимать, что если десятки людей в сильной тревоге не столько за него, сколько за самих себя говорят ему одно и то же, предупреждают о смертельной опасности, то за этим не может не стоять что-то действительно реальное и важное. Да и по реакции Николая II видно, что приводимые его родичами и приближенными аргументы на него действовали — он и плакал, и благодарил, и даже делал слабые попытки последовать их советам, в частности намеревался убрать Протопопова. Почему же в таком случае всякий раз последнее слово оставалось за императрицей и ее «Другом»? Потому что, как показывают факты, этому способствовало несколько *объективных* причин, именно им принадлежала решающая роль. Не касаясь сейчас их всех, отметим только одну, связанную с кампанией великих князей. Напомним о моральной и политической ничтожности последних и о том, что объект их воздействия — царь отдавал себе в этом полный отчет.

Будь иначе, будь великие князья действительными политическими фигурами, пользующимися авторитетом и весом в определенных политических кругах, обладай они способностью сколь-нибудь широко мыслить и действовать, стать в критическую для строя минуту выше собственных шкурных интересов — одним словом, не будь они мелкой, ничтожной, паразитарной, выродившейся кучкой, царь просто не смог бы не посчитаться с их мнением и требованиями. Более того, не посмела бы этого сделать и царица — и она кое-что знала о XVIII в. Но, как сказала одна высокая особа Врангелю, XVIII век был не по зубам для великих князей века XX. Какую цену в глазах царской четы могли иметь люди, которые

жили их милостями и подачками, многие годы раболепствовали перед ними? Как бы ни весомо звучали их доводы, ассоциируясь с их личностями, они тут же резко падали в цене. Даже сам характер бесед, которые великие князья вели с царем, был до удивления одинаков у всех и также выдавал их мизерность: все беседы строились по одной и той же схеме: 1) угроза престолу, 2) угроза им, великим князьям, 3) и, наконец, угроза России. Россия неизменно на последнем месте.

Герцог Лейхтенбергский, характеризуя великих князей, говорил Шавельскому: «Владимировичи — шалопаи и кутилы; Михайловичи — стяжатели, Константиновичи — в большинстве какие-то несуразные. Все они обманывают государя и прокучивают российское добро». В примечании Шавельский уточнял: «Я сильно смягчаю фактические выражения герцога»¹⁶⁶. Дневники, воспоминания, письма, которые оставили некоторые великие князья в написание потомству, поражают крайней ограниченностью, политическим невежеством, дурным вкусом. В принципе они не отличаются от тех писем, которыми обменивалась в годы войны царская чета¹⁶⁷.

Убедительным показателем политической недееспособности камарильи во главе с великими князьями было убийство Распутина двумя сиятельными «невропатами», по выражению великого князя Николая Михайловича, в компании с черносотенным думцем. Это убийство было чистой импровизацией трех неуравновешенных людей, абсолютно автономной акцией, не связанной ни с великокняжеской компанией, ни с другими «заговорщиками» и не рассчитанной на продолжение. Это была как бы сиятельная карикатура XX в. на век XVIII: тогда уверенная в себе знать убивала неугодных царей, теперь ее измельчавшие потомки неумело, нелепо убили пьяного мужика. Политический смысл и значение убийства были для задумавшей его троицы очевидны: скандальная близость Распутина к царской чете развенчивает ореол царской власти в глазах народа, ликвидация «старца» прекратит брожение умов, уничтожит влияние императрицы и «темных сил» на царя, следовательно, с безумной распутинско-протопоповской политикой будет покончено.

Результат, по всеобщему признанию, оказался совершенно противоположным: распутинско-протопоповская политика приняла характер открытого вызова, и всем, даже самым неискушенным, стало очевидно, что дело не в Распутине, а в строе.

Позже, в эмиграции, Ф. Ф. Юсупов, пытаясь доказать, что убийство Распутина имело важное политическое значение, вынужден будет сочинить для этого кучу явных небылиц. Если отбросить ничего не значащие оговорки, то, по версии автора, деятельность Распутина направлял германский генеральный штаб («держал его невидимо в своих руках при помощи денег и искусно сплетенных интриг»), параллельно с этим стремившийся вызвать революцию в стране. Поскольку Распутин был в курсе всех самых тайных и важных новостей, сообщаемых ему царицей, о них так или иначе

узнавали и немцы. Распутин, уверял Юсупов, был с ним предельно откровенен, признавал, что у него есть руководители, которых называл «зелеными». Живут эти «зеленые» в Швеции. На вопрос, есть ли «зеленые» в России, отвечал: нет, здесь только «зелененькие» — их друзья. Главная цель, которую поставил перед собой «старец» и о которой он якобы прямо говорил автору, состояла в том, чтобы как можно скорей заключить сепаратный мир с Германией. «Будет, довольно воевать, довольно крови пролито, пора всю эту канитель кончать. Что, немец, разве не брат тебе?» — откровенничал Распутин. Помеха царь — «все артачится, да сама тоже уперлась». Но если не сделают так, как требует он, то Александру с сыном — на престол, а царя — на отдых в Ливадию огородником, он рад будет. «Моему воображению, — писал Юсупов, — рисовался чудовищный заговор против России, и в центре его стоял этот «старец»¹⁶⁸. Даже если предположить, что Распутин все это действительно говорил Юсупову, совершенно очевидно: он просто дурачил своего сиятельного приятеля-несмышлениша.

Юсупов, ссылаясь на свидетелей из ставки, утверждал, будто Николай II был очень доволен, что его освободили от Распутина. «Сопровождавшие его, (из ставки. — А. А.) рассказывали, — писал он, — что после получения известия о смерти Распутина он был в таком радостном настроении, в каком его не видели с самого начала войны»¹⁶⁹. Эту версию очень охотно подтвердили великие князья, в частности Павел, отец второго убийцы — великого князя Дмитрия Павловича. В день, когда царь узнал об убийстве «старца», Павел пил с ним вместе чай «и был поражен... выражением особенной ясности и довольства на лице государя, который был весел и в хорошем расположении духа, чего давно уже с ним не было». Царь ни слова не сказал своему собеседнику о случившемся, но Павел «потом объяснял себе это хорошее настроение государя внутренней радостью, которую тот испытывал, освободившись наконец от присутствия Распутина... был счастлив, что судьба таким образом освободила его от кошмара, который так давил его»¹⁷⁰.

Цель этого рассказа, явно созданного задним числом, очевидна: хоть как-то отделить царя от Распутина, спасти честь монарха в глазах его подданных, а заодно и сберечь себя от их возможных подозрений в скрытой нелояльности к императору (сперва убивают близкого ему человека, а потом, глядишь, дойдут и до соблазна царубийства). Другой убийца, Дмитрий Павлович, если верить Юсупову, пошел еще дальше, объясняя безразличие царя ко всему, что творится вокруг него, тем, что его опаивали специальным снадобьем¹⁷¹.

В действительности реакция царя на известие об убийстве Распутина была несколько иной. Узнав о нем, он схватился за голову и был в ужасном расстройстве¹⁷². Об этом недвусмысленно говорит и его телеграмма жене от 18 декабря 1916 г.: «Возмущен и потрясен. В молитвах и мыслях вместе с вами. Приеду завтра в 5 час.»¹⁷³.

Мысль, что царь притворялся перед женой, опровергается свидетельством генерала Данилова. «Случилось так, что известие об убийстве Распутина пришло в ставку в день, назначенный для совещания специально вызванных в Могилев главнокомандующих фронтами и их начальников штабов. Предметом совещания должен был быть план военных действий на 1917 г. Несмотря на исключительную важность совещания, естественный председатель его — государь, добровольно принявший на себя тяжесть предводительствования действующей армией, оставил последнюю и, неожиданно прервав совещание, уехал в Царское Село. Этот неосторожный поступок, — возмущался генерал, — тяжелым камнем лег на души всех нас, вызванных на совещание»¹⁷⁴.

Лучше всего политическая ничтожность акции, совершенной тремя убийцами, была доказана ими самими. Дело в том, что убийство Распутина могло иметь известное политическое значение при одном условии — если бы вся троица тут же публично мотивировала его. Тогда можно было бы рассчитывать, учитывая всеобщую ненависть к «старцу», на какое-то общественное сочувствие и даже некоторую гальванизацию трупы монархической идеи (мол, плох или слаб только данный царь, но не сама идея монархии, раз у нее еще есть такие храбрые и благородные приверженцы из числа тех, кто окружает трон). Заговорщики же постыпили наоборот — Пуришкевич сразу укатил на фронт со своим санитарным поездом, а великий князь и просто князь стали с клятвами и слезами уверять не только царскую чету, но и своих близких, что они абсолютно непричастны к убийству, причем делали это не из каких-либо тактических соображений, а из простого, неприкрытого и жалкого страха перед возможным наказанием, которое при их положении не могло быть сколько-нибудь тяжелым. Как свидетельствовал Андрей Владимирович, даже своему отцу Дмитрий Павлович поклялся «на образе и портрете матери... что в крови этого человека рук не марал»¹⁷⁵.

Зато в письме отцу от 23 апреля 1917 г. (т. е. два месяца спустя после Февральской революции) из Казвина Дмитрий Павлович писал: «Наконец, последним актом моего пребывания в Петрограде явилось *вполне сознательное* и продуманное участие в убийстве Распутина, как последняя попытка дать возможность государю открыто переменить курс, не беря на себя ответственности за удаление этого человека (Аликс ему это бы не дала сделать)». Но и он был вынужден признать, что попытка не удалась: «И даже это не помогло и все осталось по-прежнему, если не стало еще хуже»¹⁷⁶. В том же духе вел себя и Юсупов. Так же малодушно повели себя и их родичи — великие князья, бросившись дружным коллективом просить царя о снисхождении и прощении сиятельных молодых людей.

Естественно, что судебный следователь по особо важным делам при Петроградском окружном суде Середа, ведший следствие по делу об убийстве Распутина, заявил великому князю Андрею Владимировичу: «Он много видел преступлений умных и глупых, но

такого бестолкового поведения соучастников, как в данном деле, ✓ он не видел за всю свою практику»¹⁷⁷.

В свете сказанного довольно забавно выглядит следующее утверждение М. Н. Покровского, высказанное в вводной статье к «Переписке Николая с Александрой Федоровной»: «Убийство Распутина отнюдь не было „взрывом негодования“, как хотели его инсценировать Пуришкевич и К°. Это был необходимый *предварительный* шаг к государственному перевороту, для непосредственного осуществления которого были предназначены ген. Крымов и его офицерская банда. Заговорщики прекрасно понимали, что убить Николая одного значило только понапрасну „грех на душу взять“. Пока оставалась в живых фурия Царского Села с вдохновлявшим ее хитрым сибирским колдуном, самодержавие было еще более чем боеспособно. Напротив, убрав „божьего человека“, можно было сэкономить два других убийства — растерявшийся Николай, вероятно, обнаружил бы такую же мягкотелость, как 2 марта, а его яростная супруга без Распутина была слишком глупа, чтобы стоило ее опасаться»¹⁷⁸.

По точному смыслу приведенного отрывка целью убийц Распутина было ни много ни мало *свержение самодержавия* с помощью государственного переворота. Не говоря уже о том, что генерал Крымов понятия не имел о замысле Дмитрия и других, трудно понять, каким должен быть ход мысли, чтобы вопреки фактам, говорящим о прямо противоположном, прийти к такому выводу.

Факты же свидетельствуют о том, что как убийцы Распутина, так и его высокие покровители были достойны его и друг друга.

В чем же смысл и значение конфликта царской четы с царской семьей? Уже само существование этого конфликта говорило о распаде абсолютизма как системы социальных и политических связей, ибо механизм сцепления верховной власти и ее непосредственной среды был одним из самых прочных — царизм и камарилью объединяли общее происхождение, реакционность и паразитизм, необходимость единым фронтом противостоять прогрессивным силам страны.

Рассогласованность политических и тактических позиций между ними в самый критический момент существования самодержавия вела к дальнейшему углублению кризиса режима, потере им ориентировки, ослаблению сопротивляемости надвигавшейся революции.

Из всего изложенного видно, что камарилья почти целиком встала на позицию необходимости осуществления требования Думы о создании «министерства общественного доверия», которое она полностью отождествляла с «ответственным министерством» и даже с «конституцией». Частично здесь сказалось политическое невежество камарильи, но главной причиной было то, что ни этот лозунг, ни даже «конституция», как подсказывал камарилье инстинкт самосохранения, не означали упразднения последней. Как показал исторический опыт, в частности пример Германии, и при конституционной монархии камарилья чувствует себя как

рыба в воде. Кстати, в приведенной нами характеристике камарильи, сделанной В. И. Лениным, он ссылаясь на пример именно Германии¹⁷⁹.

Сказанное объясняет, почему с такой легкостью великие князья приняли Февральскую революцию, а ближайшее к царю придворное окружение, не угрызаясь совестью, покинуло вчерашнего самодержца (исключение составляли единицы). В первые дни камарилья рассчитывала, что в результате революции утвердится конституционная монархия. Когда же расчет не оправдался, камарилья заняла жесткую контрреволюционную позицию. Республика полностью противопоказана камарилье — она уничтожает ту среду, которая ее порождает и питает двор.

Буржуазная республика создает иную камарилью — финансовую, промышленную (а также военную) олигархию, но источник ее возникновения и способ формирования уже иные — буржуазные, к этим условиям феодальная или полуфеодальная камарилья в целом приспособиться не может. Только ее отдельные представители, используя богатство и связи (буржуазные в том числе), проникают в состав олигархии.

Таким образом, накануне Февральской революции первая часть абсолютистской системы царь — камарилья оказалась расстыкованной, облегчая тем самым победу революции.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 297.

² Вишняк М. В. Падение русского абсолютизма // Современные записки. Париж, 1924. Т. 18. С. 235.

³ Врангель Н. Воспоминания: (От крепостного права до большевиков). Берлин, 1924. С. 210.

⁴ См. предисловие М. Н. Покровского к публикации Центрархива «Переписка Николая и Александры Романовых, 1914—1917». (М.; Пг., 1923; М.; Л., 1926—1927. Т. 3—5).

⁵ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 234—238.

⁶ Гурко В. И. Царь и царица. Париж, Б. г.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Там же. С. 8—9, 11—12, 25, 26, 40.

⁹ Мосолов А. При дворе императора. Рига, Б. г. С. 8, 10. О «медовом месяце» и т. д. пишет в своих воспоминаниях также В. Н. Коковцов. См.: Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 265.

¹⁰ Мосолов А. Указ. соч. С. 7, 10.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 132, 335—338.

¹³ Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об

императоре Николае II-ом и вел. князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 213—214.

¹⁴ Бубнов А. В царской ставке: Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955. С. 190.

¹⁵ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1867—1917. Нью-Йорк, 1955. С. 155, 533.

¹⁶ Врангель Н. Указ. соч. С. 119.

¹⁷ Мосолов А. Указ. соч. С. 15.

¹⁸ Шавельский Г. Указ. соч. Т. 1. С. 356.

¹⁹ Бубнов А. Указ. соч. С. 188.

²⁰ Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 217.

²¹ «Почему меня ненавидят, — объясняла царица мужу в письме от 4 декабря 1916 г. — Потому что им (недругам. — А. А.) известно, что у меня сильная воля и что когда я убеждена в правоте чего-нибудь (и если меня благословил Гр[игорий]), то я не меняю мнения, и это невыносимо для них» (Переписка. Т. 5. С. 155). Таких заявлений десятки.

²² Мосолов А. Указ. соч. С. 115.

²³ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917. Нью-Йорк, 1960. Кн. 1. С. 227.

²⁴ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Петрополис. Б. г. С. 182.

²⁵ Врангель Н. Указ. соч. С. 119.

- ²⁶ *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 272.
- ²⁷ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 85.
- ²⁸ «У нас опять пойдут истории, любовные сцены и скандалы, как то было в Крыму,— писала императрица мужу 26 января 1915 г.— Сейчас на том основании, что она беспомощна, она надеется получить больше ласки и вернуть бывшее» (Переписка. Т. 3. С. 101). «Посылаю тебе очень толстое письмо от „королевы“, это влюбленное существо должно было вылить всю свою любовь — не могла больше ждать,— иначе лопнула бы» (Там же. С. 233, письмо от 6 октября 1915 г.). Такого рода мест в «Переписке» немало.
- ²⁹ *Мосолов А.* Указ. соч. С. 102.
- ³⁰ Там же. С. 100, 109.
- ³¹ Там же. С. 17—18.
- ³² Там же. С. 15—16.
- ³³ *Саонов С. Д.* Воспоминания. Берлин, 1927. С. 175.
- ³⁴ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 55. Автор приводит такой любопытный факт. В петербургском обществе циркулировали письмо английской королевы Виктории (бабушки царицы) своей внучке и ответ последней на него. В своем письме Виктория указывала, что хотя царствует уже 40 лет, она каждый день думает над сохранением своей популярности. Положение же ее адресата намного труднее — ей еще необходимо завоевать любовь и уважение своего народа. Но это письмо царица «будто бы отвечала, что «дорогая бабушка» ошибается — «Россия не Англия. Здесь нет надобности прилагать какие-либо старания для завоевания любви народа. Русский народ почитает своих царей за божество, от которого исходят все милости и все блага». «Я, конечно, не ручаюсь за достоверность приведенных писем, — добавлял от себя автор, но, во всяком случае, они ходили в Петербурге по рукам» (Там же. С. 69).
- ³⁵ *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 232.
- ³⁶ *Мордвинов А.* Отрывки из воспоминаний // Русская летопись. Париж, 1923. Кн. 6. С. 76, 80, 153.
- ³⁷ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 31—32.
- ³⁸ *Мосолов А.* Указ. соч. С. 126—127.
- ³⁹ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 72. Мир идей и предрассудков, в котором вращалась царская чета, писал Милюков,— это «искусственно изолированная среда» (*Милюков П.* Россия

- на переломе. Париж, 1927. Ч. 1. С. 17). Некая Белевская, жительница Могилева, наблюдая за поведением царской четы в 1915—1916 гг., подчеркивала ее равнодушие к бедным. Они не замечали ни убогих избушек, ни тощего скота, ни полураздетых ребятишек. Для них была характерна черствость. См.: *Белевская И.* Ставка верховного главнокомандующего в Могилеве, 1915—1918: Личные воспоминания. Вильно, 1932. С. 21.
- ⁴⁰ *Воейков В. Н.* Указ. соч. С. 173—174.
- ⁴¹ ЦГАОР СССР. Ф. 6733. Оп. 1. Л. 66.
- ⁴² *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 23—24.
- ⁴³ *Бубнов А.* В царской ставке: Воспоминания адмирала Бубнова. С. 299.
- ⁴⁴ *Кизеветтер А.* Письма царицы // Современные записки. Париж, 1922. Т. 13. С. 328, 330—331.
- ⁴⁵ *Вишняк М. В.* Падение русского абсолютизма. С. 245—246.
- ⁴⁶ Если верить Юсупову, Распутин ему лично говорил: с царицей «все могу сделать», а что касается царя, то это не государь — ему с детьми, да с цветочками играть. См.: *Юсупов Ф. Ф.* Конец Распутина: Воспоминания. Париж, 1927. С. 96.
- ⁴⁷ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 84, 87.
- ⁴⁸ Там же. С. 42—43.
- ⁴⁹ В письме от 28 февраля 1915 г. Николай сообщал супруге о своей радости по поводу смерти Витте (Переписка. Т. 5. С. 116). Царь говорит о смерти Витте «с блеском иронической радости в глазах», записывает Палеолог. «Смерть графа Витте была для меня глубоким облегчением. Я увидел в ней также знак божий» (*Палеолог Морис.* Указ. соч. С. 224, запись от 16 марта 1915 г.).
- ⁵⁰ ЦГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 26—27.
- ⁵¹ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 84.
- ⁵² ЦГАОР СССР. Ф. 6733. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 42, 66.
- ⁵³ *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 235—236. Шульгин также не верил во всецелое Распутина. «Я не верю во влияние Распутина...— сказал он Пуришкевичу, когда тот сообщил ему о своем намерении убить «старца».— Все это вздор. Он просто молится за наследника. На назначение министров он не влияет» (*Шульгин В. В.* Дни. Л., 1925. С. 84). Точку зрения Е. Д. Чермен-

- ского разделяет и Г. З. Иоффе. В недавно вышедшей книге он также утверждает, что «никакой собственной политической линии Г. Распутин не проводил, да и не мог проводить», и что его влияние на царскую чету «ни в коем случае не следует доводить до общегосударственных масштабов». Основным доказательством опровергающим «государственную роль» Распутина, является, по мнению Иоффе, факт, что после того, как Распутин был убит, «абсолютно ничего не изменилось в политике царизма и лично Николая II» (*Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма*. М., 1987. С. 29, 30). Этот аргумент не убеждает: политика Николая II после смерти «Друга» и не должна была измениться по той простой причине, что для всей троицы она была одинаковой — Распутин и царская чета являлись политическими единомышленниками. При любой комбинации эта политика осталась бы неизменной. Что же касается утверждения, будто вмешательство «старца» никогда не достигало государственного масштаба, то из дальнейшего нашего повествования будет видно, насколько это далеко от истины.
- ⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12. Курс. наш.— А. А.
- ⁵⁵ «Какая же у Распутина была политика?... О политике он даже первого понятия не имел, и ровно никакой политики у него не было: совсем никакой, даже самой примитивной, царицной... Во-первых, он невежествен, почти непредставимо и непоправимо» (*Гиппиус З. И. Маленькой Анин домик // Современные записки*. Париж, 1923. Т. 17. С. 225—226). Родзянко, исходивший из того, что Распутин оказывал на царицу (и, следовательно, на царя) подавляющее влияние, тем не менее считал, как и Е. Д. Черменский, что «старец» не мог вести какой-либо политики. «Умный и пронырливый по природе, он же был только безграмотный необразованный мужик с узким горизонтом жизненным и, конечно, без всякого горизонта политического — большая мировая политика была просто недоступна его узкому пониманию» (*Родзянко М. В. Указ. соч.* С. 26, 154).
- ⁵⁶ Родзянко М. В. Указ. соч. С. 22 и др.
- ⁵⁷ Гурко В. И. Указ. соч. С. 75—76.
- ⁵⁸ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 181. Курс. наш.— А. А.
- ⁵⁹ Икскуль-Гиллебранд рассказывает, что А. И. Гучков попросил свою приятельницу свести Распутина со знакомом сектанства В. Д. Бонч-Бруевичем. Просьба была выполнена: устроили ужин, на котором Бонч-Бруевич «уверенно» заявил, что Распутин не сектант. См.: ЦГАЛИ. Ф. 1208 (Клячко (Львов) Л. М. Коллекция мемуаров). Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 22—23.
- ⁶⁰ См. Аврех А. Я. Указ. соч. С. 265—267.
- ⁶¹ Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 33—34, 40, 43—46, 48, 53—54.
- ⁶² Там же. С. 73.
- ⁶³ ЦГАОР СССР. Ф. 826. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 174, 177—179.
- ⁶⁴ Там же. Л. 321—322.
- ⁶⁵ Спиридович А. И. Указ. соч. Кн. 1. С. 173, 179.
- ⁶⁶ Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. С. 60.
- ⁶⁷ Переписка. Т. 3. С. 8.
- ⁶⁸ Там же. С. 73. Письмо от 28 ноября 1914 г.
- ⁶⁹ Там же. С. 115. Письмо от 27 февраля 1915 г.
- ⁷⁰ Там же. С. 127. Письмо от 4 марта 1915 г. 7 мая царь писал жене: «Душечка моя, я не согласен с тобой, что Н. должен остаться здесь, когда я поеду в Галицию». Наоборот, должен поехать, потому что «он сопровождает меня, а не я нахожусь в его свите».
- ⁷¹ Там же. С. 143.
- ⁷² Там же. С. 199—200. Письмо от 10 июня 1915 г.
- ⁷³ Там же. С. 217. Письмо от 15 июня 1915 г.
- ⁷⁴ Там же. С. 207. Письмо от 12 июня 1915 г.
- ⁷⁵ Там же. С. 236, 243. Письма от 22 и 24 июня 1915 г.
- ⁷⁶ Там же. С. 245.
- ⁷⁷ Шавельский Г. Указ. соч. С. 289.
- ⁷⁸ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России: Воспоминания дипломата: В 2 т. Париж, 1924. Т. 1. С. 173.
- ⁷⁹ Переписка. Т. 3. С. 252. Письмо от 22 августа 1915 г.
- ⁸⁰ Там же. С. 266—267.
- ⁸¹ Однако В. С. Дякин пишет о «но-

- сителях верховной власти», присоединя к Николаю и его супругу. Если он в данном случае имел в виду фактическое положение вещей, то тогда, следуя собственной логике, он должен прибавить к ним еще и Распутина (*Дьякин В. С. Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Вопр. истории. 1982. № 3. С. 70.*)
- ⁸² Переписка. Т. 3. С. 276. Письмо от 28 августа 1915 г.
- ⁸³ Там же. С. 289. Письмо от 31 августа 1915 г.
- ⁸⁴ Там же. С. 336.
- ⁸⁵ Там же. С. 316.
- ⁸⁶ Там же. С. 321.
- ⁸⁷ Там же. С. 424.
- ⁸⁸ Там же. С. 285. Письмо от 29 августа 1915 г.
- ⁸⁹ Там же. С. 299.
- ⁹⁰ Там же. С. 389, 405. Письмо от 3 сентября 1915 г.
- ⁹¹ Там же. С. 309, 405.
- ⁹² Там же. С. 459.
- ⁹³ Там же. С. 512.
- ⁹⁴ Там же. Т. 5. С. 60. См. также письмо от Николая II от 1 ноября 1916 г. (С. 122).
- ⁹⁵ Там же. С. 74—75.
- ⁹⁶ Там же. С. 59. Письмо от 23 сентября 1916 г.
- ⁹⁷ Там же. С. 61. Телеграмма и письмо от 24 сентября.
- ⁹⁸ Там же. С. 63.
- ⁹⁹ Там же. С. 65. Письмо от 25 сентября 1916 г.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 75.
- ¹⁰¹ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 58. В августе или сентябре 1916 г., свидетельствовал тот же автор, генерал Алексеев спросил царя: «Удивляюсь, Ваше величество, что Вы можете находить в этом грязном мужике?» Ответ гласил: «Я нахожу в нем то, чего не могу найти ни в одном из наших священнослужителей» (Там же. Т. 2. С. 29). Если верить М. В. Вишняку, Распутин, по выражению царя, был «министром души» для него и царицы (*Вишняк М. В.* Падение русского абсолютизма. С. 243).
- ¹⁰² *Палеолог Морис.* Указ. соч. С. 294. Запись от 12 октября 1915 г.
- ¹⁰³ *Родзянко М. В.* Указ. соч. С. 26.
- ¹⁰⁴ В письме от 31 октября 1916 г. императрица писала Николаю: Распутин думает «исключительно о тебе, о Бэби и о России (!). Благодаря Его руководству мы перенесли

эти тяжелые времена. Это будет жестокая борьба, но божий человек находится вблизи, чтобы благополучно провести твой челн через рифы, а маленькое солнышко стоит, подобно скале, позади тебя, твердое и непоколебимое» (Переписка. Т. 5. С. 118).

- ¹⁰⁵ *Бубнов А.* Указ. соч. С. 299—300.
- ¹⁰⁶ Вот типичный рассказ, записанный Палеологом 28 сентября 1914 г. Прощаясь с монархом (при очередном отъезде на родину), Распутин «произнес с суровым видом грозные слова»: «Если вы меня покинете, то потеряете вашего сына и ваш престол через шесть месяцев». Услышав это, царица в ужасе упала на колени и просила благословения у «старца» (см.: *Палеолог Морис.* Указ. соч. С. 145).

Гурко считал, что у царя вера в Распутина ограничивалась, «по видимому, верой в целительную силу в отношении наследника». На умение Распутина распознавать людей не полагался, кандидатуры последнего принимались им только усилиями царицы и то не сразу (см.: *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 89). Царица верила, что молитва Распутина «спасает наследника», писал Джунковский. «Страшная болезнь наследника и держала всегда в страхе императрицу, а через нее и государя — и это было роковым для России» (ЦГАОР СССР. Ф. 826. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 30). Однако утверждение Бьюкенена о том, что Распутину, «несомненно, удалось излечить гемофилию» цесаревича, не соответствует действительности (см. *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. Т. 1. С. 173.).

- ¹⁰⁷ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 67.
- ¹⁰⁸ Там же. Т. 2. С. 281. Во время разговора с царем (17 марта 1916 г.) специально по поводу Распутина царь, выслушав слова Шавельского о том, что «старец» развратничает и пьянствует, «поддакнул»: «Да, я это слышал» (Там же. С. 15). Из сказанного следует, что утверждение Бьюкенена о том, что «она (царица.— А. А.) абсолютно не верила в рассказы о его (Распутине.— А. А.) распутной жизни, даже когда его пьяные оргии вызывали вмешательство полиции», по меньшей

- мере заблуждение (*Бьюкенен Дж.* Указ. соч. Т. 1. С. 176).
- ¹⁰⁹ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 260.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ ЦГАОР СССР. Ф. 826. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 28.
- ¹¹² *Палеолог Морис.* Указ. соч. С. 139. Запись от 28 сентября 1914 г.
- ¹¹³ *Родзянко М. В.* Указ. соч. С. 27.
- ¹¹⁴ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 93, 98.
- ¹¹⁵ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 261.
- ¹¹⁶ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 74.
- ¹¹⁷ Один Распутин мог быть случайным, но если учесть, что в окружении царской четы в разное время были еще Филипп, Митя Кояба, иннок Мардарий, старица Мария Михайловна, Паша из Дивеева, босоножка Олег, Василий и т. д., — «это уже правило» (*Вишняк М. В.* Падение русского абсолютизма. С. 256).
- ¹¹⁸ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 16—17. Курс. наш. — А. А.
- ¹¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 140.
- ¹²⁰ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 330—331.
- ¹²¹ Там же. С. 333—334. Рада, писала императрица мужу 20 октября 1914 г., что Саблин будет при тебе. «Ты будешь чувствовать себя менее одиноким, так как он частица нас всех. У вас много общего во взглядах» (Переписка. Т. 3. С. 24).
- ¹²² *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 333—335.
- ¹²³ Там же. С. 340.
- ¹²⁴ Там же. С. 339—340. Федоров хвастался автору: «Здорово пришлось нам потрудиться, пока мы убедили государя сменить Поливанова» (Там же. Т. 2. С. 55).
- ¹²⁵ *Мосолов А.* Указ. соч. С. 13.
- ¹²⁶ Там же. С. 92—97.
- ¹²⁷ Там же. С. 96.
- ¹²⁸ *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 231.
- ¹²⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 1467. Оп. 1. Ед. хр. 479. Л. 34—35 об.
- ¹³⁰ Записки Н. М. Романова // Красный архив. 1931. Т. 49. С. 105—106.
- ¹³¹ В Ревеле, например, он спрашивал, далеко ли до Евлатории. Из четырех дверей никак не мог запомнить, какая вела в его комнату. Однажды долго попытывался, что ему подали — яблоко или грушу (*Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 195). «Фредерикс, увя, начал выживать из ума», — писала царица Николаю II 14 сентября 1915 г.
- Поэтому «остерегайся Воейкова — как бы он (воспользовавшись дряхлостью графа. — А. А.) не забрал бы все в свои руки». Фредерикс стал «совершенно глух», в свою очередь сообщал царь в письме от 11 января 1916 г. (Переписка. Т. 3. С. 347; Т. 4. С. 60).
- ¹³² ЦГАОР СССР. Ф. 826. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 227—228.
- ¹³³ *Врангель Н.* Указ. соч. С. 199. Курс. наш. — А. А. В. А. Макалов обнаружил у своего книгопродавца целую коллекцию книг об убийстве Павла, так как публика их усиленно спрашивала. Он же узнал от начальника военно-инженерного управления, что комнату в Михайловском дворце, где был убит Павел, за последнее время посетили десятки людей (*Вишняк М. В.* Указ. соч. С. 262—263).
- ¹³⁴ *Мосолов А.* Указ. соч. С. 47.
- ¹³⁵ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 27.
- ¹³⁶ Милоков, ссылаясь на Родзянко, писал, что великий князь Кирилл Владимирович заявил последнему о необходимости «уничтожить императрицу» (но не императора), а великий князь Михаил Александрович предложил ему стать во главе отечественного министерства с условием удаления (но уже не убийства) императрицы (*Милоков П.* Россия на переломе Т. 1. С. 22). Однако сам Родзянко об этих фактах ничего не сообщает.
- ¹³⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 650. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 31.
- ¹³⁸ «Это хорошо, что ты сможешь основательно потолковать с Н.—ты... подашь ему некоторые мысли». «Я так рада, что ты обстоятельно побеседовал с Н. ... Никто не имеет права перед богом и людьми узурпировать твои права... Меня это ужасно оскорбляет». «Не говори Н., куда ты намереваешься ехать» (т. е. к каким войскам. — А. А.). «Не бери его (Николая Николаевича. — А. А.) во Львов и Перемышль» (Переписка. Т. 3. С. 47, 110, 127, 143, 149, 225, письма от 17 ноября 1914 г., 29 января, 4 марта, 4 и 6 апреля, 16 июня 1915 г.).

¹³⁹ Шавельский сообщает, что в придворных кругах говорили о ховидшем по рукам портрете Николая Николаевича с подписью «Николай III». См.: *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 265.

¹⁴⁰ Переписка. Т. 4. С. 36.

¹⁴¹ Там же. Т. 5. С. 133. Письмо от 5 ноября 1916 г.

¹⁴² Там же. С. 172—173. Письмо от 9 декабря 1916 г. Курс. наш.— А. А.

¹⁴³ 11 мая 1915 г. Николай II писал жене: «Бедный Н., рассказывая мне все это (генералы растерялись и решили отступить до Киева.— А. А.), плакал в моем кабинете и даже спросил, не думаю ли я заменить его более способным человеком». «Он все принимался меня благодарить за то, что я остался здесь, потому что мое присутствие успокаивало его лично» (Переписка. Т. 3. С. 196). Министр внутренних дел Шербаков позже писал Спиридовичу, что никогда ничего не слышал о «заговоре» Николая Николаевича. См.: *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 181.

¹⁴⁴ Воейков не был распутиным. Следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства В. М. Руднев, расследовавший деятельность «темных сил» при дворе Николая II, писал, что, как точно установило следствие, Воейков относился к Распутину отрицательно, но выступить против него не смел, опасаясь за карьеру (см.: *Руднев В. М.* Правда о царской семье // *Русская летопись.* Париж, 1922. Кн. 2. С. 52). Это подтверждается и рядом других источников. В частности, Шавельский писал, что Воейков гнушался Распутиным, но яхшался с ним, но и не мешал ему. С удовольствием придумал бы «старца», но всякую борьбу с ним считал безнадежной (*Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 193).

¹⁴⁵ *Воейков В. Н.* Указ. соч. С. 25.

¹⁴⁶ *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 160, 162—163.

¹⁴⁷ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 190—191, 294, 299.

¹⁴⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 826. Оп. 1. Ед. хр. 56. л. 122. По поводу увольнения Орлова и Джунковского мать царя Мария Федоровна в беседе с матерью Андрея Владимировича заметила, что это увольнение «ей напоминает времена императора Павла I, который начал в последний год удалять от себя всех преданных людей,

и печальный конец нашего прадеда ей мерещится во всем своем ужасе» (Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. Л., 1925. С. 28. Далее: Дневник).

¹⁴⁹ *Мосолов А.* Указ. соч. С. 22—23.

¹⁵⁰ *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту: (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С. 106—110. В дневнике великого князя Андрея Владимировича от 9 марта 1917 г. записан следующий рассказ Николая Николаевича в бытность их обоих в Кисловодске. 6 ноября 1916 г. у Николая Николаевича состоялся длинный разговор с царем, который великий князь вел «в очень резкой форме». «Неужели ты не видишь,— указывал он своему собеседнику,— что ты теряешь корону. Опомнись пока не поздно. Дай ответственное министерство. Еще в июне с. г. я тебе говорил об этом... Пока еще время есть, потом уже поздно будет. Как тебе не стыдно было поверить, что я хотел свергнуть тебя с престола... и ты меня мог заподозрить. Стыдно, Ники, мне за тебя. В таком духе я говорил — он все молчал. Еще накануне, 5 ноября, Шавельский с ним долго говорил на эту же тему и тоже ничего. После этого я понял, что все кончено, и потерял надежду на его спасение» (ЦГАОР СССР. Ф. 650. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 78). Как мы видим, этот рассказ в корне отличается от того, что поведал Хатисов. Мельгунов выразил сомнение в достоверности рассказа на том основании, что в «Переписке» царской четы об этом разговоре нет ни слова. Но если допустить, что Николай II скрыл разговор от супруги, есть основание считать его выдуманном и по другой причине: упомянутый разговор Шавельского с царем имел место не 5 ноября, как указывал Николай Николаевич, а именно 6, т. е. в тот день, когда якобы с царем разговаривал сам великий князь, причем сам Шавельский о разговоре Николая Николаевича не упоминает ни словом, хотя подробно сообщил о разговорах других великих князей, происходивших в ставке в то время См.: *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 217.

¹⁵¹ Вел. кн. Александр Михайлович: Книга воспоминаний. Париж, 1934. Т. 3. С. 278—279.

¹⁵² В личном архиве Николая Михайло-

- вича, в частности, имеются два письма прогрессиста Н. Н. Львова, посланные ему в конце января 1917 г. в его имение Грушевку с описанием и оценкой политической обстановки (ЦГАОР СССР. Ф. 670. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 1—6 об.).
- ¹⁵³ Приказ был доставлен 31 декабря 1916 г., и в ту же ночь Николай Михайлович выехал в Грушевку, из чего следует, что он не мог быть 30 декабря в Тифлисе у Николая Николаевича.
- ¹⁵⁴ Записки Н. М. Романова. С. 102—103.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 107—108.
- ¹⁵⁶ О великокняжеских настроениях в рассматриваемый период см. также: *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 70—83.
- ¹⁵⁷ Николай II и великие князья: (Родственные письма к последнему царю) / Предисл. В. И. Невского; Ред. и вступит. ст. В. П. Семенникова. Л.; М., 1925. С. 146—147.
- ¹⁵⁸ Переписка. Т. 5. С. 128—129.
- ¹⁵⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1301. Л. 156—160.
- ¹⁶⁰ *Княгиня Палей.* Мои воспоминания о русской революции: (Февральская революция: Мемуары) / Сост. С. А. Алексеев. М.; Л., 1925. С. 338—339.
- ¹⁶¹ Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. Т. 3. С. 279—282.
- ¹⁶² *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 216, 224.
- ¹⁶³ *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 186.
- ¹⁶⁴ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 5, 12—14, 199, 217, 220, 225, 238—240, 247.
- ¹⁶⁵ *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. Т. 2. С. 34—39.
- ¹⁶⁶ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 26.
- ¹⁶⁷ В качестве примера приведем запись из дневника великого князя Андрея Владимировича от 1 марта 1917 г. Конечно, Дума — дрянь, рассуждал он, «но, несмотря на все это, по-моему, Думу не следовало бы закрывать, как безнаказанно нельзя зашить ж... у человека в виду ее смрадности. Организмы должны иметь свои выходы как физиологические, так и государственные. В истории хорошо известно, что ни один парламент реальной пользы никогда не приносил» (ЦГАОР СССР. Ф. 650. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 59).
- ¹⁶⁸ *Юсупов Ф. Ф.* Конец Распутина: Воспоминания. С. 59, 71, 103, 105, 115, 116. «Убийство Распутина, — писал
- Карачевский, — оправдывалось главным образом решимостью устранить опасность сепаратного мира» (*Карачевский Н.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. С. 111).
- ¹⁶⁹ Там же. С. 204.
- ¹⁷⁰ *Княгиня Палей.* Указ. соч. С. 343.
- ¹⁷¹ *Юсупов Ф. Ф.* Указ. соч. С. 71.
- ¹⁷² *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 209.
- ¹⁷³ Переписка. Т. 5. С. 207.
- ¹⁷⁴ *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 300.
- ¹⁷⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 650. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 12. Запись в дневнике от 21 декабря 1916 г. «Когда Дмитрий Павлович прибыл в Баку, чтобы отсюда в тот же день плыть в Энзели (он был послан царем в русский отряд в Персии. — А. А.), увидев бурное море, отказался продолжать путешествие, сказав, что не могу и заплакал» (Там же. Л. 57. Запись от 15 февраля 1917 г.). Пуришкевич же, будучи феноменальным болтуном, хвастал направо и налево, что на днях Распутин будет убит. Сперва он сообщил об этом Шульгину (см.: *Шульгин В. В.* Дни. С. 83—84). Посвященному в заговор (разумеется, под строжайшим секретом) Маклакову за несколько дней до убийства Распутина знакомая думская журналистка задала вопрос: знает ли он, что Распутин через несколько дней будет убит? «Кто сказал?» — воскликнул потрясенный Маклаков. «Пуришкевич», — последовал ответ. Оказалось следующее. В комнате журналистов в Таврическом дворце, где заседала Дума, зашел разговор о войне и кто-то сказал, что при Распутине не победить. Находившийся здесь же Пуришкевич успокоил собравшихся: Распутин скоро будет убит. Это заявление вызвало смех. В ответ Пуришкевич стал горячиться, спорить и наконец выпалил: это не болтовня — он сам участник заговора, а кроме него, Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович. 17 декабря все будет кончено. Журналисты все это, естественно, приняли за шутку (см.: *Маклаков В.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // *Современные записки.* Т. 34. С. 272). Так что все три заговорщика вполне стояли друг друга.
- ¹⁷⁶ Письма Д. П. Романова к отцу //

177 Красный архив. 1928. Т. 30. С. 206. ЦГАОР СССР. Ф. 650. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 57. Запись от 15 февраля 1917 г. О политическом уровне убийц можно судить по одному из заявлений Юсупова, сделанного кадету Маклакову, которого заговорщики посвятили в свой план. Когда Маклаков сказал князю, что убивать Распутина придется ему самому, тот «искренне удивился»; он не может и не будет этого делать, потому что почти принадлежит к царской фамилии, и если он выступает в роли убийцы, то «это уже почти революция». На вопрос собеседника, кто же тогда должен убивать, почти член царской семьи ответил: «Это должны сделать революционеры, мало ли они убивали высокопоставленных лиц. Распутин бесконечно опасен для всех». Маклаков же должен стать посредником между ними и заговорщиками. «Для людей его круга,— меланхолично замечал по

поводу этого предложения Маклаков,— очевидно, не было разницы между оппозицией и революцией» (Маклаков В. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина. С. 265).

178 Покровский М. Н. Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 157. Курс. наш.— А. А.

179 «До какой степени извращенности доходит здесь вырождение, показывает скандальный процесс Мольтке — Гардена в Берлине, вскрывший грязную клоаку, которую представляла собою влиятельная камарилья при дворе полусамодержавного германского императора Вильгельма II» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 140). Русская камарилья, заговаривая иногда с царем о «даровании конституции», имела в виду на худой конец конституцию именно немецкого типа.

ПРАВИТЕЛЬСТВО

Официальное правительство, т. е. исполнительная власть, управляющая страной на основании законов, очерчивающих ее права и полномочия, является центральным элементом любой современной государственной системы, т. е. системы, живущей уже в условиях капитализма как у себя дома, так и в окружающем мире, включая и поздний абсолютизм. Значение официального правительства состоит в том, что именно его деятельность прежде всего отражает дееспособность режима, степень его соответствия интересам и задачам не только страны в целом, но и собственного класса, позволяет обнаружить и объяснить природу тех закономерностей, которые обуславливают перерождение режима, и, что наиболее трудно и важно, вскрыть не только причины, но и механизм его старения и разрушения. Именно этой цели и служит настоящая глава.

Прежде чем приступить к анализу тех принципиальных изменений, которые произошли в составе и деятельности царского правительства в исследуемый период, необходимо в качестве исходной предпосылки указать на принципиальное отличие абсолютистского правительства от правительства буржуазного. Оно состоит в том, что источником полномочий и власти абсолютистского правительства является не парламент, а единоличный носитель верховной власти, в данном случае царь. Это обстоятельство в огромной мере влияет на характер, стиль, состав и конечный результат деятельности абсолютистского правительства, и это все время надо иметь в виду.

Первая и главная особенность этого факта состоит в том, что официальное правительство имеет генетическое родство с неофициальным, т. е. с камарильей. В то же время оно отличается от камарильи, причем не столько составом, сколько задачами, прежде всего обязанностью выполнять общественно необходимые функции и обеспечивать поступательное развитие страны. Это отличие порождает главное противоречие между официальным правительством и камарильей, которое можно определить так: первое ответственно, второе безответственно.

Охарактеризовав камарилью «как общественную плесень и ржавчину», а ее представителей как «мастодонтов и ихтиозавров», В. И. Ленин писал: «Мастодонты и ихтиозавры обыкновенно выбиваются из всех сил, чтобы, пользуясь своим придворным всемогуществом, захватить в свое полное и безраздель-

ное владение и официальное правительство — кабинет министров. Обыкновенно в значительной своей части кабинет и состоит из их ставленников. Однако *сплошь и рядом большинство кабинета* по своему составу *не вполне* соответствует требованиям камарильи. Конкуренцию допотопному хищнику, хищнику крепостнической эпохи, составляет в данном случае хищник эпохи первоначального накопления, — тоже грубый, жадный, паразитический, но с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концессий, покровительственных тарифов и т. д. Этот слой землевладельческой и промышленной *буржуазии*, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях»¹.

Таким образом, кабинет министров, несмотря на черты, роднящие его с камарильей, отличается от нее прежде всего и главным образом тем, что должен, помимо паразитарных интересов господствующего класса, обеспечивать и интересы буржуазии, хотя бы в самой грубой, хищнической, октябристской форме, т. е. обеспечивать *буржуазное* развитие страны по прусскому образцу, притом не только в экономической области, но и в сфере политики и управления. Практически это означало необходимость сотрудничества с Думой не только на охранительной, но и на либерально-реформистской основе. Степень же и результаты второго сотрудничества (помимо комплекса объективных причин, прежде всего политической обстановки в стране и соотношения классовых сил в системе трех лагерей) в субъективном плане определялись исходом борьбы между камарильей и официальным правительством.

В рассматриваемый период указанный конфликт свелся по причинам, выясненным выше, к противостоянию официального правительства части камарильи, руководимой Распутиным, которая получила название «темных сил», при известной оппозиции и сочувствии официальному правительству другой части камарильи, которая настаивала на необходимости сотрудничества с Думой и «обществом». Таким образом, всегда сложная и неоднозначная ситуация противостояния камарильи кабинету министров приобрела характер классической простоты и ясности.

Спрашивается, почему исполнительная власть, а не камарилья, такая же полуфеодалная по происхождению и конечной цели, берет на себя задачу способствовать буржуазному развитию страны, не останавливаясь даже перед трениями и конфликтами с той же камарильей, с которой она связана тысячами нитей и родственных интересов? Потому, именно, что она *официальная* власть, т. е. власть, так или иначе отвечающая за состояние страны в целом.

Жизнеспособность любого государства определяется его способностью улавливать перемены, происходящие не только в своей социально-экономической и политической жизни, но и во всем мире, приспосабливаться к этим переменам и даже способствовать им. В противном случае государство обречено на гибель.

Монархия в этом отношении весьма живуча. «Монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждение», — указывал В. И. Ленин². Это значит, что феодальная по происхождению политическая надстройка могла, образно говоря, не только пересесть со своей феодальной экономической основы на буржуазную, но и приспособиться к чисто буржуазным политическим институтам. Выше В. И. Ленин отмечал, что «могут быть и бывали исторические условия, когда монархия оказывалась в состоянии ужиться с серьезными демократическими реформами вроде, например, всеобщего избирательного права»³. Иначе говоря, монархия способна в порядке выживания подвести под себя иную, в принципе чуждую ей, буржуазную социально-экономическую и политическую основу (парламент). Классическим примером такой трансформации является Германия. Русская монархия также доказала принципиальную возможность подобной пересадки, совершив известные два шага в сторону превращения в буржуазную монархию в 1861 и 1906 гг.

Но реализация этой способности, помимо объективных факторов, играющих в конечном счете главную роль, зависит также от действий официального правительства, и прежде всего от того, какая сторона его двойственной природы — реакционная или реалистичная — возобладает, когда режим ходом вещей окажется перед альтернативой — либо крайняя реакция, т. е. подчинение воле камарильи, либо следующие шаги вперед по направлению к буржуазной монархии, т. е. конфронтация с той же камарильей, *не останавливающаяся перед конфликтом и с верховной властью*. Таким образом, *механизм взаимодействия камарильи и официального правительства является ключевым в проблеме выживания или, наоборот, разрушения абсолютистского режима*, определяющим моментом в его конечной судьбе.

Сказанным определяется задача настоящей главы: путем конкретного, детального анализа взаимоотношений верховной власти и официального правительства, камарильи и бюрократии выявить некоторые общие признаки разложения царизма в исследуемый период, уточнить само это явление, наметить хотя бы в грубом приближении его параметры и механизмы.

Основным назначением правительства современного буржуазного государства, к числу которых принадлежала, несмотря на все отличия, и царская Россия, является, как уже говорилось, обеспечение интересов господствующего класса (или классов), а также самого государства, обладающего относительной самостоятельностью и имеющего свои собственные интересы, не обязательно полностью совпадающие с интересами последнего. Но, помимо этой задачи, правительство выполняет, как известно, и определенные общественно необходимые функции; оно вынуждено управлять страной и держать в подчинении массы не только и даже не столько прямым принуждением, сколько косвенными методами, демонстрируя «надклассовость» государства и власти, заинтересованность

в обеспечении интересов всех классов и групп населения, выступая как носитель того, что именуется в буржуазных государствах порядком и законностью.

Справиться со взятой на себя общенародной ролью власть может при одном неперемennom условии: если она пользуется в глазах народа известным авторитетом (включая и те классы, которые либо уже осознали себя врагом этой власти, либо являются ее потенциальными противниками).

Чем же обеспечивается этот авторитет? Двумя основными факторами: компетентностью и определенным морально-политическим уровнем правительства, ниже которого оно не может опускаться без риска потери этого авторитета. Речь идет о «респектабельности», «ореоле» власти, необходимости не только внушать страх нижестоящим агентам и обывательской массе, но и служить источником самоутверждения самой власти — условие, также совершенно необходимое, чтобы эта власть могла успешно управлять.

Из этого отнюдь не следует, что указанная власть, по крайней мере до тех пор, пока она справляется со своими функциями, представляет собой эталон честности и непогрешимости. Наоборот, неотъемлемой и типичной стороной всех буржуазных государств с момента возникновения и до наших дней являются коррупция, бесчестность, грубые просчеты и другие аналогичные явления, сопровождаемые бесчисленными разоблачениями и скандалами. Царизм в этом отношении не только не составлял исключения, но и являлся в силу своего полуазиатского характера выдающимся примером грубого, жестокого и бездарного управления огромной страной. И тем не менее тезис об определенном минимуме респектабельности, необходимом для нормального функционирования власти, остается в силе, и все эти разоблачения также служат доказательством справедливости данной посылки, поскольку они вызваны именно нарушением указанного минимума. Иными словами, можно допустить, что министр финансов способен использовать свое служебное положение для личного обогащения игрой на бирже, но представляется невозможным, чтобы он прямо запускал руку в казенный сундук. Кстати сказать, все царские министры финансов были в этом отношении безупречны. Легко представить себе, ибо это соответствовало действительности, любого царского министра внутренних дел, грубо попирающего на каждом шагу царские же законы, но исключалось назначение на этот пост человека, имеющего репутацию уголовника. Так же примерно обстоит дело и с компетентностью власти, и прежде всего его главного звена — правительства.

Спрашивается, где же проходит граница между приемлемым и неприемлемым уровнем власти, какого, скажем, царского министра или Совет министров в целом можно считать соответствующим или несоответствующим указанному минимуму, не является ли этот минимум чем-то не поддающимся определению или, более того, продуктом чистой спекуляции, если иметь в виду общие ге-

нетические характеристики министров: защиту самодержавия, полуазиатские приемы управления, местничество, интриги, а главное — то, что все они никого не представляли, являлись чиновниками, назначенными царем и ответственными только перед ним, были *верноподданными* царя и не более того?

Ответ, на наш взгляд, заключается в том, является ли данное правительство идейным в том смысле, что интересы государства (разумеется, в его понимании, которое в действительности сводит эти интересы прежде всего к общим интересам господствующего класса) для него являются главными и в конечном итоге оказываются выше и важнее в сравнении с личными и групповыми интересами. В благополучные с точки зрения режима периоды эти начала — корыстное и идейное — мирно сосуществуют и практически не отделяемы друг от друга. Но в острокрытических ситуациях приходится делать выбор, и именно годы острых политических кризисов дают ясный ответ на вопрос, чем и кем является власть.

Изучаемый период как раз и является временем, когда царское правительство (а с ним вместе и весь государственный аппарат) полностью утратило государственное начало; на правительственной ниве подвизались, сменяя и пожирая друг друга, откровенные проходимцы и жулики, а немногие еще уцелевшие или вновь пришедшие «добропорядочные» министры не оказывали на политику сколько-нибудь значительного влияния. Причины, ход и последствия этого превращения и являются предметом нашего исследования.

«Министерская забастовка»

Ухудшение качественного состава Совета министров как целенаправленная линия началось еще до войны. Первым министром, назначенным по указанию Распутина, исходившего в своих рекомендациях исключительно из принципа личного доверия, был обер-прокурор святейшего синода В. К. Саблер, получивший этот пост в 1911 г. Одиозность Саблера была такова, что он стал персоной *non grata* даже для части правых депутатов Думы, не говоря уже о либералах.

Во время бюджетных прений весной 1914 г. Милюков процитировал письмо известного соратника Распутина иеромонаха Илиодора, рассорившегося к этому времени со «старцем» и ставшего его злейшим врагом. В письме говорилось: «Саблер и Даманский (товарищ обер-прокурора.—А. А.) — ставленники Гришки. Гришка говорил, что Саблер поклонился ему, Гришке, в ноги за то, что он сделал его обер-прокурором»⁴. «Историк должен будет отметить тот факт,— писал Шавельский,— что в эпоху В. К. Саблера св. синод главным образом занимался наградными и бракоразводными делами». Из Саблера, по его мнению, вышел бы хороший поэт, рассказчик, «еще лучший анекдотист-рассказчик». «Не то шутник, не то — искатель приключений» — вот кем пред-

ставлялся обер-прокурор святейшего синода⁵. Само собой разумеется, что Саблер находился в числе тех министров в составе правительства, которые настаивали и проводили наиболее реакционный политический курс.

«Личным» министром царя был и военный министр В. А. Сухомлинов, назначенный на этот пост еще в марте 1909 г. Его основные качества — некомпетентность и безответственность — обернулись для него впоследствии судебным процессом с обвинением в бездействии и превышении власти, служебных делогах и государственной измене. Он имел прозвище «генерал Отлетаев», потому что все время разъезжал по стране⁶. Делалось это с единственной целью — получать командировочные и прочие полагающиеся на министерские поездки деньги, с тем чтобы покрывать неумеренные траты своей супруги.

Несмотря на такие неминистерские качества, Сухомлинов, как указывает тот же Шавельский, «пользовался у царя исключительным влиянием»⁷. Секрет его успеха заключался в подчеркивании именно личного служения, основанного на преданности, а не на системе взглядов. В этом контексте становится понятным на первый взгляд странное замечание Сазонова о том, что Сухомлинов был непопулярен в Думе «не за свои политические убеждения, *которых у него не было*, а вследствие его необычайного легкомыслия и полного отсутствия качеств, нужных военному министру в пору опасных внешних осложнений»⁸. Сухомлинов категорически отказывался выступать в Думе, мотивируя свое нежелание тем, что «государь этого не желает»⁹. Иными словами, в своей деятельности он исходил не из интересов дела, а из политических симпатий и антипатий царя. Учитывая нелюбовь последнего к длинным докладам, Сухомлинов «облегчал» их сплетнями и анекдотами, по части которых был великий мастер.

Военный министр не хотел, однако, ограничиваться славой веселого рассказчика: он жаждал литературного успеха. Еще в 90-х годах генерал выступил с серией брошюр под псевдонимом Остап Бондаренко. В 1916 г., оказавшись не у дел, снова под тем же псевдонимом выпустил несколько брошюр. Именно он был автором печально знаменитой статьи в «Биржевке», где доказывалось, что русская армия готова к войне «вплоть до последней пуговицы последнего солдата»¹⁰.

Сухомлинов импонировал не только Николаю II, но и его супруге. Уже после отставки министра она писала царю: «Вчера видела Поливанова (преемника Сухомлинова. — А. А.). Он мне, откровенно говоря, никогда не нравился... Я предпочитала Сухомлинова. Хотя этот и умнее, но сомневаюсь, так же ли он предан»¹¹. Забегая вперед, отметим, что это противопоставление (или предпочтение) личной преданности уму стало главной отправной точкой политики царской четы и Распутина в годы войны и имело принципиальное значение. Как записал в своем дневнике 29 апреля 1915 г. (т. е. незадолго до отставки Сухомлинова) великий князь Андрей Владимирович, заключая беседу с ним, «государь

сказал, что он глубоко верит Сухомлинову, что это, безусловно, честный и порядочный человек». На вопрос князя, известно ли царю, что против военного министра «ведется страшная кабала (в смысле кампания.— А. А.)», последовал ответ: «Знаю и слишком хорошо, но в обиду его не дам и скорее сам восстану за него, но его не тронут»¹².

Важным этапом в эволюции царизма по пути отказа от министров традиционного типа (в смысле соответствия определенному уровню государственной ответственности и респектабельности) была замена в 1912 г. министра внутренних дел А. А. Макарова В. А. Маклаковым. Значение этого шага состояло в том, что именно Министерству внутренних дел, а не Совету министров принадлежала решающая роль в определении курса внутренней политики.

Еще до этого царь намеревался сделать министром внутренних дел нижегородского губернатора А. Н. Хвостова (личность, в своем роде легендарно-отрицательную), о котором подробно пойдет речь в связи с его назначением и деятельностью в качестве министра внутренних дел в 1915 г. Но в 1911 и 1912 гг. это назначение не состоялось из-за решительного протеста председателя Совета министров В. Н. Коковцова, указывавшего царю на одиозность и полную профессиональную непригодность Хвостова. На этот раз царь уступил, но, когда всплыла кандидатура Маклакова, премьер потерпел полное поражение. От его доводов о полной некомпетентности Маклакова царь просто отмахнулся¹³.

В выдвижении Маклакова сыграл значительную роль князь Мещерский, а также другие крайние правые силы. Но важно подчеркнуть, что новый министр был прежде всего личной кандидатурой Николая II. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Маклаков подчеркивал, и это соответствовало действительности, что свой пост он получил «ввиду исключительного, большого доверия к себе» царя¹⁴. Чем же было обусловлено это доверие? Маклаков демонстрировал себя человеком крайне правого толка. Но приписывать его назначение главным образом или исключительно этому обстоятельству было бы неверно хотя бы потому, что других министров, кроме правых, в составе Совета министров (особенно когда речь идет о министре внутренних дел) не было и быть не могло. Тот же Макаров, которого сменил Маклаков, был человеком крайних правых взглядов. Оба они, став членами Государственного совета, находились в одной крайней правой группе, бессменным лидером которой до самой смерти являлся П. Н. Дурново. Суть дела состояла не в том, что Маклаков был крайний правый, а в том, что он был правым в самом примитивном, и, если так можно выразиться, некомпетентном варианте. Именно примитивность политического мышления Маклакова сделала его личной кандидатурой царя. Последний увидел и почувствовал в нем человека, близкого себе по духу и уровню. Дилетантизм и полное отсутствие государственных способностей стали тем аттестатом, который обеспечил Маклакову один из самых высших правительственных постов.

Родной брат В. А. Маклакова прозвал нового министра «государственным младенцем» (вариант — «государственный шалун»). Депутат IV Думы В. В. Лашкевич, уже в эмиграции вспоминая былое, писал: «А вот лицом хорошенькая горничная, да и по внутреннему своему содержанию не выше, министр внутренних дел Маклаков»¹⁵. Эти оценки исходили из либерального лагеря. Но и коллеги Маклакова не питали иллюзий на его счет.

Политический единомышленник и софракционер Маклакова по Государственному совету П. П. Кобылинский, отвечая на вопрос о впечатлении, которое произвел на него новый министр внутренних дел, сказал: «...по формуляру ему 40 лет, по внешнему виду не более 30, а когда раскроет рот — не более пяти». В отличие от автора этой характеристики многолетний чиновник Министерства внутренних дел Н. П. Харламов, относившийся к Маклакову с симпатией и считавший его умным, обаятельным и симпатичным человеком, вынужден был все же признать, что, будучи «человеком правых, строго консервативных воззрений», Маклаков тем не менее «не был человеком серьезным», государственным деятелем, к нему недоброжелательно относились даже его товарищи по кабинету¹⁶. Харламов объяснял такое отношение завистью к головокружительной карьере¹⁷, но на самом деле министров просто раздражали глупость и дилетантизм их молодого коллеги.

А. Н. Наумов, сменивший Кривошеина на посту министра земледелия, считал Маклакова «вертлявым, говорливым субъектом»¹⁸. Преемник Маклакова на посту министра внутренних дел Н. Б. Щербатов, отвечая на вопрос о том, какого он мнения о своем предшественнике, сослался на ответ, который он дал на тот же вопрос одному из министров сразу по назначении Маклакова. «...Есть предприятия,— заявил он,— от которых можно ждать 100—120% удачи; есть и такое предприятие, которое может дать, заведомо можно сказать, 99% неудачи. Таким я считаю назначение на пост министра внутренних дел Маклакова»¹⁹. Один из вице-директоров и директоров департамента полиции, К. Д. Кафафов, вспоминал о Маклакове весьма иронически: «Что касается Маклакова, то это был министр-лирик, у него не было никаких резолюций, кроме „неужели“, „когда же“, „доколе это будет“, „неужели нельзя принять меры“ и т. д.»²⁰

Небезызвестный князь Андроников, подчеркивавший на допросе, что Маклаков лично к нему хорошо относился, характеризовал его компетентность следующим образом: «Я думаю, ему было решительно все равно, какую бумагу ему подсунут... Ему было все равно: кричать петухом или в чехарду играть в Царском!»²¹

Сам Маклаков признавал: «Мое слабое место — юридические вопросы»²². Его показания в Чрезвычайной следственной комиссии производят самое жалкое впечатление²³.

Замена Коковцова на посту председателя Совета министров И. Л. Горемыкиным 30 января 1914 г.— последнее назначение того же рода, которое успел сделать царь до начала войны. Горемыкин, бюрократ с 50-летним стажем, успевший уже до этого

побывать и министром внутренних дел, и председателем Совета министров, был ярким реакционером и именно этому обязан своим вторичным назначением на пост главы правительства. В 1914 г. ему исполнилось 75 лет. Как и Маклаков, он был кандидатурой князя Мещерского.

Тем не менее Горемыкин все же отличался от своего молодого коллеги не только возрастом, но и навыками полувекковой бюрократической школы, которая еще блюла те «государственные» подход и респектабельность, о которых говорилось выше. Следует также отметить непричастность Распутина к назначению Горемыкина²⁴. Однако указанная реакционность и вдобавок некоторые личные качества (презрение ко всякого рода общественности, упрямство и ограниченность, помноженные на старческое безразличие, искушенность по части учета придворных интриг и течений и т. д.) легко превратили Горемыкина из официального премьера в личного слугу царя, что позже и произошло. Характеризуя много лет спустя Горемыкина, который по поводу своего назначения говорил, что напоминает «старую енотовую шубу, которая давно уложена в сундук и засыпана нафталином», и потому недоумевал, зачем он понадобился²⁵, известный кадетский правовед и публицист писал: «Русская бюрократия выносила наверх людей двух основных типов. Одни выплывали потому, что умели плавать, другие — в силу легкости захваченного ими в плавание груза. Все их внимание было устремлено наверх, к лицу монарха, и не с тем, чтобы вести его к поставленным ими государственным целям, а с тем, чтобы в минуту, когда бывшие у власти люди более крупного калибра начинали его утомлять своей величиной, он вспоминал о них и инстинктивно чувствовал в них людей более сговорчивых и менее утомительных, ибо легковесных и гибких. У людей этого второго типа был служебный формуляр вместо служебной биографии, видимая политическая роль вместо политических убеждений, чутье обстановки вместо знания государственного дела. Таков был и Горемыкин». Он был «неглупым человеком... весьма себе на уме и по-своему умелым». Но «деловой его багаж состоял только из навыков и рутины петербургской казенной службы с добавлением недюжинной подвижности и очень тонкого чутья»²⁶.

Вот это-то тонкое чутье и давало возможность Горемыкину до определенного момента балансировать между официальным правительством и камарильей, быть противником Думы и в то же время противником замысла Маклакова, одобренного царем, превратить фактически Думу из законодательной в законосовещательную²⁷. К этому надо добавить то большое влияние, которое оказывал на Горемыкина Кривошеин. По мнению того же Нольде (и это было общее мнение всей тогдашней помещичье-буржуазной «общественности»), Кривошеин являлся «единственным по-настоящему крупным человеком в первом Совете министров военного времени». Кривошеин был как бы «теневым премьером», особенно когда речь касалась больших политических вопросов, и эта его

роль длилась вплоть до лета 1915 г., когда между ним и Горемыкиным произошел разрыв, обусловленный как раз окончательным переходом последнего в лагерь царско-распутинской клики.

Общий смысл охарактеризованных назначений состоял в уменьшении роли официального правительства, перенесении акцента на личную царскую власть. «В ближайшем кругу государя,— писал по этому поводу Коковцов,— значение правительства как-то ступсвалось и все резче и рельефнее выступал личный характер управления государем». В окружении царя все более утверждалась мысль о том, что, чем «дальше держать этот неприятный аппарат (правительство и Думу.— А. А.) от государя», тем лучше: не будет напоминаний о необходимости приспособляться к новым условиям, «уменьшающим былой престиж и затемняющим ореол „царя Московского“, управляющего Россией как своей вотчиною»²⁸.

Эта тенденция — следствие неудачи третьейюньюнского курса, имевшего цель решить объективные задачи революции сверху, в союзе и при помощи Думы. Официальное правительство должно было осуществлять этот курс. Провал третьейюньюнской политики усиливал в «верхах» стремление превратить Совет министров в прежний бесправный Комитет министров, с одной стороны, умалить и без того ничтожную роль Думы — с другой. Главное обвинение, которое было выдвинуто Мещерским и другими реакционерами, как раз и состояло в том, что Дума вмешивается во все дела управления, «не щадит и самого трона всевозможными намеками», расшатывая тем самым верховную власть; премьер также не принял никаких мер к «обузданию» печати — одним словом, показал «слабость власти»²⁹. В связи с этим именно отношение к Думе министров и кандидатов на министерские посты становилось тем пробным камнем, который определял их судьбу, их пригодность с точки зрения царя и камарильи³⁰.

Война приостановила этот процесс обезличивания и выхолащивания Совета министров. Более того, был даже сделан шаг в обратном направлении, правда на очень короткое время. Причиной послужили военные поражения весны — лета 1915 г., приведшие царя и «верхи» в состояние настоящей деморализации и паники. Вскрывшаяся в полной мере неподготовленность царизма к войне, осложненная разрухой и дороговизной, которые к тому времени уже сильно дали о себе знать, вызвали крайнее раздражение не только в народе, но и в широких помещичье-буржуазных кругах. Страх перед полной политической изоляцией в условиях острого внутреннего военного кризиса заставил царя пожертвовать министрами, которые так импонировали ему своей неприязнью к Думе, и тем самым продемонстрировать изменение курса в сторону «общественности». Один за другим были уволены четыре самых одиозных с точки зрения Думы министра: Саблер, Маклаков, Сухомлинов и И. Г. Щегловитов. Сухомлинов получил отставку 13 июня, остальные — 5 и 6 июля 1915 г. Из всей четверки только один Щегловитов не был личным министром

царя в описанном выше смысле, а являлся убежденным реакционером, тем большим, что начало своей карьеры ознаменовал либеральным сотрудничеством в либеральном еженедельнике «Право». Он был, по выражению Сазонова, «душой и мозгом» реакции³¹, одним из самых умных, опытных и образованных царских министров. Будучи апологетом монархизма (а не данного монарха), Щегловитов отличался и линией поведения в отношении царя, его окружения, своих коллег по кабинету и Государственному совету. Щегловитова в своих воспоминаниях подчеркивает, что ее муж никогда не имел близких друзей, был замкнут, рассчитывал только на себя, во время докладов царю никогда не затрагивал «вневедомственных» тем «и никогда мнений и суждений И[вана] Г[ригорьевича] (по другим вопросам.— А. А.) государь не спрашивал»³².

Показательно, что даже этой меры независимости — нежелания делать карьеру при помощи анекдотов и «прыжка влюбленной пантеры» (коронного номера, исполнявшегося в кругу царской семьи Маклаковым) — было достаточно, чтобы не только не пользоваться расположением царской четы, но даже быть ей антипатичным, несмотря на деловые качества и крайние убеждения, о которых царь хорошо знал³³. Если с Саблером, Сухомлиновым и Маклаковым царь расставался против своей воли, то своего многолетнего министра юстиции (с 1906 г.) увольнял без видимого сожаления.

Следует подчеркнуть, что непосредственным толчком, приведшим к переменам в составе Совета министров, были московские события в мае 1915 г. Они выразились в так называемом «немецком погроме», когда в течение нескольких дней громились торговые и другие заведения с немецкими фамилиями на вывесках. Многочисленные свидетельства очевидцев не оставляют сомнения в том, что погром был организован московскими властями, в первую очередь градоначальником Адриановым, при одобрении и благословении его непосредственного начальника — московского генерал-губернатора князя Юсупова (отца Юсупова — убийцы Распутина). Даже известный нам Харламов, посланный департаментом полиции в Москву для расследования, вынужден был признать, что погром возник благодаря прямому подстрекательству (которое он стыдливо именует «попустительством») Адрианова.

У князя Юсупова, отмечал он, любимая тема — «немецкое засилье». Когда начался погром, Адрианов докладывал: манифестации толпы мирные и патриотические. Когда же акция была в полном разгаре, градоначальник по-прежнему твердил: толпа «хорошая, веселая, патриотически настроенная». Более того, он лично возглавил шествие. «Поведение Адрианова и, главное, шествие его во главе погромщиков,— писал по этому поводу Харламов,— вселяли не только в толпу погромщиков, но и во все московское население... полное убеждение, что Адрианов погромы разрешил. На многих местах погрома Адрианова встречали криками „ура“. Погромщики прямо говорили тем немногим полицей-

ским, которые на свой страх и риск пытались предотвратить разгром того или иного магазина: „Нам Адрианов разрешил, так уж вы не лезьте“»³⁴.

Смысл этой традиционной полицейской провокации совершенно очевиден: выпустить пар — направить накопленное недовольство масс в другое русло. Однако на этот раз не только цензовая «общественность», но и правительство отдавали себе ясный отчет в опасных для режима последствиях московских событий. Уже тогда очевидцы указывали на ряд факторов, свидетельствовавших о том, что подлинные истоки недовольства, вылившегося из-за их темноты и неорганизованности в инспирированную властями стихийную вспышку, — в самом режиме и что в любую минуту это недовольство могло быть направлено по другому, истинному адресу.

События в Москве, писал генерал-квартирмейстер ставки верховного главнокомандующего Ю. М. Данилов, могли случиться «лишь в обстановке крайнего раздражения внутренним положением в стране». Именно это раздражение дало толчок течению в Совете министров, возглавляемому Кривошеиным и Сазоновым, смысл которого сводился к признанию необходимости опереться на общественные силы, т. е. на Думу и земско-городские союзы, чтобы «открыть клапан сверху, дабы уже чувствовавшийся революционный вихрь не взорвал всей государственной машины изнутри. Верховный главнокомандующий горячо сочувствовал этому движению, и в ставке были очень обрадованы известием о подробном и настойчивом докладе императору Николаю II мнения названной группы министров, сделанном А. В. Кривошеиным». Точка зрения названной группы была поддержана Николаем Николаевичем, заявившем об этом царю, как только тот спустя несколько дней после московских событий прибыл в ставку³⁵.

Шавельский полностью подтверждает это свидетельство. «Не подлежит никакому сомнению, что все три министра (Сухомлинов, Маклаков и Щегловитов.— А. А.) падали под натиском на государя со стороны великого князя и при большом содействии князя В. Н. Орлова»³⁶. В ставке их увольнение «восторженно приветствовалось». «За вечерним чаем,— вторит ему Спиридович,— в нашем вагоне-столовой уже положительно говорили о новом курсе „на общественность“, который принимается по настоянию великого князя, а посредником примирения правительства с общественностью является вызванный в ставку умный и хитрый Кривошеин»³⁷. В письме от 12 июня 1915 г. Николай II писал жене, что он назначает Поливанова военным министром по рекомендации Николая Николаевича³⁸.

Однако Родзянко считал, что решающую роль в отставке четырех министров сыграл его доклад, сделанный царю в ставке. «Государь был очень взволнован, бледен, руки его дрожали». «Обрисовав положение на фронте и в стране,— писал далее Родзянко,— я просил государя удалить Маклакова, Саблера, Щегловитова и Сухомлинова. Вскоре после доклада был уволен Маклаков, затем Сухомлинов»³⁹. То же самое писал Родзянко

и в другом месте. На этот раз царь «внял» голосу Думы — уволил пять (?) министров, наиболее к ней враждебных, «и призваны были к власти наиболее популярные государственные деятели и после сформирования кабинета была созвана Государственная дума в августе месяце 1915 года»⁴⁰.

Зная, с одной стороны, хвастовство Родзянко, презрительное отношение к нему царя — с другой, не говоря уже о приведенных свидетельствах, в данном случае весьма авторитетных, можно считать, что Родзянко свою роль явно преувеличил. Об этом свидетельствуют и допущенные неточности: Сухомлинова уволили раньше Маклакова; уволили четырех, а не пять министров; Дума была созвана в июле, а не в августе.

Смысл перемен в составе правительства заключался, конечно, в стремлении успокоить и привлечь на свою сторону Думу и помещичье-буржуазную «общественность». «Таким образом, — писал Поливанов, — все перемены в личном составе Совета министров, возникшие под давлением общественного мнения в июне, в течение истекшего месячного периода были закончены, и правительство могло явиться перед Государственной думой, созыв которой решено было приурочить к 19 июля — годовщине со дня объявления войны — в составе, из которого были удалены такие раздражающие элементы, как Маклаков, Сухомлинов, Саблер и Щегловитов»⁴¹.

На этот раз царь, пользуясь выражением Родзянко, действительно «внял», причем настолько, что пошел против воли царицы и Распутина, особенно при назначении Самарина, согласившегося занять предложенный ему пост только при условии удаления «старца». Сработал, если можно выразиться, «государственный рефлекс», подавив на этот раз рефлекс «вотчинный». Но сработал слабо, очень ненадолго и, самое главное, в последний раз.

Прежде всего обращает на себя внимание мизерность уступки, сделанной Думе: она целиком исчерпывалась назначением новых четырех министров. Никакими обещаниями реформ и т. п. произведенные перемены не сопровождалась. А главное — был оставлен на своем посту Горемыкин — такая же, если не больше, неприемлемая персона для Думы, как и уволенные министры. В ставке, писал Данилов, вначале предусматривались «более решительные перемены в составе правительства», а именно: уход Горемыкина и замена его Кривошеиным или Сазоновым. Но царь не пожелал расстаться с «милым стариком»⁴².

Кроме того, все вновь назначенные министры не только были далеки от либерализма, но являлись людьми весьма правыми, в том числе и любимец Думы Поливанов⁴³. Самарин был одним из самых авторитетных деятелей Совета объединенного дворянства, человеком крайних правых убеждений. А. А. Хвостов, ставший преемником Щегловитова, также крайний реакционер, к тому же был очень близок к Горемыкину. Наконец, новый министр внутренних дел князь Щербатов, богатый помещик⁴⁴, — один из активных деятелей Совета объединенного дворянства, до своего

назначения возглавлявший главное управление государственного коннозаводства. В немалой степени его назначение было обусловлено тем, что брат Шербатова был одним из адъютантов Николая Николаевича⁴⁵. В правых кругах, писал по этому поводу Шавельский, думали, что увольняются министры «правые» и назначаются «левые». Но это было сущая чепуха. Все они были правые⁴⁶.

Не могли новые министры похвастать и сколько-нибудь серьезными государственными талантами, особенно Хвостов и Щербатов⁴⁷. Единственное, что их отличало от предшественников, — это идея о том, что в сложившейся серьезной обстановке нельзя вести политику пренебрежения Думой и «общественностью», наоборот, надо искать с ними общий язык. Иначе говоря, расхождение было только в тактике: и Дума и «общественность» были им так же мало симпатичны, как и уволенным министрам.

Даже во время знаменитых секретных заседаний Совета министров в июле—августе 1915 г., т. е. тогда, когда разгорелся острый конфликт между большинством кабинета, требовавшим сотрудничества с Думой, помещичье-буржуазными общественными организациями и Горемыкиным, отстаивавшим прежний курс, эти антипатии к «народному представительству» и его лидерам сохранились в полной мере.

На заседании 4 августа главный инициатор сближения с Думой Кривошеин в резких тонах говорил о непозволительных наскоках Думы на правительство, злоупотреблении «потрясающими» речами и запросами и т. д.⁴⁸ На заседании 11 августа в связи с приходом Родзянко, потребовавшим в повышенном тоне от вышедшего к нему Горемыкина оказать давление на царя, чтобы тот отказался от решения возглавить армию, премьер, передав своим коллегам содержание беседы, закончил рассказ фразой: «...не стоит тратить времени на таких полупомешанных, как г-н Родзянко». Министры тут же заговорили о стремлении Думы «захватным порядком» присвоить неположенную ей роль, а Кривошеин разюморил общее мнение: «Если некоторые политические деятели не желают привильно понять проявляемую правительством мягкость и пользуются ею для агитационных целей, то надо поговорить с ними на другом языке».

На заседании 16 августа, после того как Поливанов сообщил, что царь явится на открытие Особого совещания по обороне в орденах и, следовательно, министры также должны быть в полном параде, последовали весьма характерные комментарии. «Что-то больно много чести всем сгоняемым туда разношерстным господам», — заявил Хвостов. «Надо быть готовым, — язвительно подхватил Харитонов, — что уже по бывшим примерам выборные люди прибудут в ковзоротках и спинжаках. Так либеральнее. Мы будем снять звездами, а они своими добродетелями». Эстафету принял Кривошеин: «Дума забывается, обращает себя чуть ли не в учредительное собрание». «Посадить бы этих господ в Совет министров, — вновь взял слово Харитонов. — Посмотрели бы они, на какой сковороде эти самые министры ежечасно поджариваются.

Вероятно, у многих быстро отпали бы мечты о соблазнительных портфелях». «Да, надо показать когти», — заключил Щербатов⁴⁹.

«Соблазнительные портфели». В этих словах — ключ к пониманию главного мотива неприязни официального правительства к Думе. Это была не непримиримая вражда классовых антиподов, а соперничество политических конкурентов. Как показывают факты, соперничество такого рода тем ожесточеннее по форме, чем ближе друг к другу в классовом отношении борющиеся стороны. Внешняя ожесточенность борьбы между кадетами и октябристами, как указывал В. И. Ленин, как раз и объяснялась в первую очередь их классовым родством. Во вражде министров к заправилам Думы, ВПК, Земского и Городского союзов наблюдалось то же самое. Именно поэтому на заседании Совета министров 9 августа в числе прочего «беседа коснулась личности А. И. Гучкова, его авантюристической натуры, непомерного честолюбия, способности на любые средства для достижения цели, ненависти к современному режиму и к государю императору Николаю II». Хвостов даже заявил: «этого господина» «считают способным в случае чего встать во главе батальона и отправиться в Царское Село»⁵⁰. Последнее замечание было уже вполне в духе «бочек сороковых» из бессмертной грибоедовской комедии.

На заседании 2 сентября министры заговорили о Г. Е. Львове, председателе Всероссийского земского союза. «Сей князь фактически чуть ли не председателем какого-то особого правительства делается, — с раздражением отмечал Кривошеин. — На фронте только о нем и говорят, он спаситель положения, он снабжает армию, кормит голодных, лечит больных, устраивает парикмахерские для солдат — словом, является каким-то вездесущим Мюр и Мерелизом... Безответственные распорядители ответственными делами и казенными деньгами недопустимы»⁵¹.

Конкурентный мотив особенно наглядно проявлялся в том удовольствии, с каким министры подчеркивали при случае некомпетентность думских заправил в государственных делах, т. е. несостоятельность их претензий на «портфели». Когда, например, на заседании 19 августа возник вопрос о необходимости пригласить в комитет финансов общественных деятелей для решения щекотливого вопроса о вывозе золота за границу, были поданы две характерные реплики. «В число сведущих лиц, — заметил Харитонов, — попадет, несомненно, и Шингарев с его по меньшей мере своеобразной оценкой финансово-экономических вопросов». Шингарев был главным кадетским оратором по финансовым и бюджетным вопросам в III и IV Думах. Кривошеин ответил: «Приходится мириться и с присутствием Шингарева. Человечество требует прежде всего не знаний, а вывески»⁵².

Другая сторона, Дума, точно чувствовала эту ситуацию. Товарищ председателя в III и IV Думах князь В. М. Волконский, ставший затем товарищем министра внутренних дел, выразил ее в словах: «По моему мнению, против Государственной думы была (со стороны правительства. — А. А.) какая-то затаенная обида: „Ах, что-то у нас отняли“»⁵³.

Тем не менее большинство Совета министров пошло на открытый конфликт с Горемыкиным, неизменно настаивавшим на негативном отношении к «народному представительству». Более того, конфликт с премьером вылился в конечном итоге в конфликт с царем, закончившийся полным поражением кабинета и повлекший за собой для царизма в целом далеко идущие последствия.

Чтобы понять причину этой немыслимой ни в какие другие времена оппозиции царских министров своему монарху, следует все время иметь в виду ту тревогу и крайнюю растерянность, которую испытывало правительство летом 1915 г. и которую так хорошо передал Яхонтов. Первое секретное заседание Совета министров, запротоколированное им, началось словами Поливанова: «Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, что отечество в опасности». Далее следовал рассказ о бездарности и растерянности ставки, раздражении в стране, признаках революционизирования не только в тылу, но и на фронте. Реакцию министров и свою собственную на этот рассказ Яхонтов передает следующим образом: «Всех охватило какое-то возбуждение. Шли не прения в Совете министров, а беспорядочный перекрестный разговор взволнованных, захваченных за живое русских людей. Век не забуду этого дня переживаний. Неужели все пропало!.. За все время войны не было такого тяжелого заседания. Настроение больше, чем подавленное. Разошлись словно в воду опущенные...» Заседание 24 июля автор начинает тем же рефреном: «Настроение в Совете министров подавленное. Чувствуется какая-то растерянность. Отношения между отдельными членами и к председателю приобретают нервный характер»⁵⁴

Ситуация еще более осложнилась, когда на заседании 6 августа Поливанов сообщил о намерении царя взять на себя верховное командование. Это сообщение военный министр предварил словами: «Как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно гораздо более страшное событие, которое угрожает России». Он добавил, что нарушает тайну: царь сообщил ему о своем намерении по секрету. «Это сообщение военного министра вызвало в Совете сильнейшее волнение. Все заговорили сразу, и поднялся такой перекрестный разговор, что невозможно было уловить отдельные выступления. Видно было, до какой степени большинство потрясено услышанной новостью, которая явилась последним оглушительным ударом среди переживаемых военных несчастий и внутренних осложнений»⁵⁵.

Мнение большинства выразил Кривошеин. «Ставятся ребром судьбы России и всего мира,— заявил он.— Надо протестовать, умолять, настаивать, просить — словом, использовать все доступные нам способы, чтобы удержать его величество от бесповоротного шага. Мы должны объяснить, что ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой и сила, и вся будущность России... Я понимаю тех,— в отчаянии воскликнул министр — кто говорит, что можно потерять равновесие душевное, нужно иметь особенные нервы, чтобы

выдерживать все происходящее. Россия переживала гораздо более тяжелые эпохи, но никогда не была такой, когда все делается к тому, чтобы еще усложнить и запутать и без того безысходное положение»⁵⁶.

Такое же ошеломляющее впечатление произвело известие о смене верховного командования и на ставку. «Неожиданность, потрясающая сенсационность сообщения совсем ошеломили меня,— писал Шавельский,— у меня буквально руки опустились... злобным представилось мне это событие. При том мракобесии, которое, опутав жизнь царской семьи, начинало все больше и сильнее расстраивать жизнь народного организма, великий князь казался нам единственной здоровой клеткой... В него верили и на него надеялись. Теперь же его выводят из строя в самый разгар борьбы»⁵⁷.

Дума и помещичье-буржуазная оппозиция были потрясены не меньше. Выше уже говорилось о приезде Родзянко на заседание Совета министров. Председатель Думы потребовал от Горемыкина, чтобы правительство добилось отказа царя от принятого им решения, так как в противном случае армия может положить оружие, неминуем взрыв негодования. На ответ премьера, что правительство в советах не нуждается, Родзянко воскликнул: «Я начинаю верить тем, кто говорит, что у России нет правительства»⁵⁸.

Московская городская дума приняла 5 августа постановление, которое стимулировало, несомненно, известие о смене верховного командования. В постановлении наряду с требованием образовать министерство, облеченное доверием страны, и просьбой дать высочайшую аудиенцию представителям московского городского самоуправления, на первом месте фигурировало ясно демонстративное приветствие Николаю Николаевичу как верховному главнокомандующему.

Возникает, естественно, вопрос, почему решение царя вызвало такое крайне отрицательное отношение со стороны верхних классов, включая и большинство кабинета? Этот вопрос тем более уместен, что и правительство, и «общественность» все время жаловались на то, что назначение Николая Николаевича верховным главнокомандующим, приведшее к разделению власти на военную и гражданскую, создало страшный хаос в управлении. Даже в самый разгар прений в Совете министров по поводу принятого царем решения Кривошеин и Харитонов вынуждены были признать, что оно влечет за собой и плюсы — удаление Янушкевича (который, по всеобщему мнению, считался одним из главных виновников военных неудач), а главное — объединение военной и гражданской власти в одних руках⁵⁹.

Тот же Кривошеин отрицательную реакцию на решение царя мотивировал двумя взаимно связанными доводами: народ давно, еще со времен Ходынки и русско-японской войны, считает царя неудачником. Популярность же великого князя Николая Николаевича, напротив, еще крепка, с его именем связывают все надежды на конечную победу. Щербатов к этому присовокупил:

решение будет истолковано как результат влияния Гаспутина. Харитонов пошел еще дальше, заявив: окружение великого князя в ставке может склонить его «на какие-нибудь решительные шаги». Поливанов в ответ на это пожал плечами, а Кривошеин выразил полнейшую уверенность в лояльности великого князя⁶⁰.

Отрицательную реакцию большинства министров на решение царя Щербатов объяснял (в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии), во-первых, полным отсутствием у Николая каких-либо военных способностей, а во-вторых, тем, что пребывание царя в ставке (а не в столице) «технически делало невозможным правильное управление страной»: возникнет «безалаберщина» (министры начнут порознь ездить в ставку и нарушится регулярность заседаний кабинета, удлинятся сроки принятия решений и т. д.)⁶¹. Те же соображения привел и Поливанов⁶².

Но совершенно очевидно, что, если бы дело заключалось только в этих причинах, реакция не была бы столь болезненной и острой. Тот же Поливанов, отметив, что царь понимал только «декоративную сторону» военного дела, признал, что и Николай Николаевич был не подготовлен к своему посту⁶³. Главная причина состояла в другом: в страхе, что с переменной командования в ставке восторжествует распутинское влияние. В цитированных словах Шавельского эта мысль уже присутствует. Щербатов вынужден был добавить: министры «отдавали себе отчет, что оставление императрицы здесь (одной, без царя.— А. А.) могло грозить стремлением в той или иной форме, если не регентствовать, то близко к этому, что во всех отношениях было крайне опасно»⁶⁴. В этом отдавали себе отчет и Дума, и помещичье-буржуазные оппозиционные круги, и даже большая часть правых.

У министров была еще дополнительная причина недовольства принятым царем решением, которую Яхонтов охарактеризовал следующим образом: общее настроение министров — как такое решение приняли без них? «Значит, к Совету нет доверия»⁶⁵. После первых неудачных попыток переубедить царя Щербатов, выражая мнение большинства, резюмировал: положение правительства в такой ситуации становится «трудным и щекотливым»⁶⁶. Доверия к правительству нет не только в Думе, но и «у того, кто является источником правительственной власти». «По-видимому,— заключал Яхонтов,— в Совете министров назревает внутренний кризис. Большинство обижено принятием решения о перемене командования... помимо участия Совета... Иван Логинович (Горемыкин.— А. А.) тверд в своей позиции, что сейчас не время протестовать»⁶⁷.

Обладая министры марксистским представлением о ходе событий в стране, они бы расценили данный факт как часть общего процесса прогрессирующего падения роли официального правительства, процесса, ускоренного войной и разложением царизма. Но поскольку они не обладали подобным представлением, то усмотрели в решении царя лишь стечение нескольких несчаст-

ливых субъективных обстоятельств, одним из которых была реакционность их председателя. С большим жаром накинулись они на своего Ивана Логгиновича, обвиняя его, что он вопреки воле большинства кабинета поддерживает стремление царя стать верховным главнокомандующим.

Однако позиция Горемыкина в этом вопросе была не такой однозначной, как можно подумать с первого взгляда. Более того, он сыграл едва ли не решающую роль в том, что царь не стал верховным главнокомандующим с первых же дней войны. Как свидетельствует Сухомлинов, царь на заседании Совета министров, проходившем под его председательством, «предполагал стать во главе армии», хотел дать правительству некоторые полномочия на время его отсутствия из столицы. На это «старик премьер-министр, чуть ли не со слезами на глазах, просил государя не покидать столицу ввиду политических условий, создавшихся в стране, и той опасности, которая угрожает государству,— отсутствие главы его из столицы в критическое для России время. Речь эта была трогательна и, видимо, произвела на государя большое впечатление». К этой речи «горячо присоединился» Кривошеин, их поддержал Щегловитов, сославшись на Прутский поход Петра I, а «после него решительно все остальные члены заседания в том же смысле», включая и самого Сухомлинова. В результате царь отказался от своего намерения⁶⁸.

Несомненно, Горемыкин, отговаривая царя, руководствовался теми же тайными опасениями насчет царицы и Распутина, как и остальные министры. Об этом свидетельствует и его первоначальная позиция во время знаменитых секретных заседаний Совета министров, о которых поведал Яхонтов. На первом же заседании 16 июля, на котором Поливанов сделал свой ошеломляющий доклад о беспомощности и бездарности ставки, Горемыкин призвал своих возбужденных коллег «с особой осторожностью» говорить царю о ставке, ибо против Николая Николаевича со стороны Александры Федоровны нарастает раздражение, чреватое серьезными последствиями. «Огонь разгорается, опасно подливать в него масло». Доклад о сегодняшних суждениях (чего требовали министры) и будет «именно таким огнем». Его надо отложить. Это заявление возымело действие, и вопрос был перенесен на следующее заседание⁶⁹.

На последующих заседаниях Горемыкин категорически возражал против всяких попыток Совета министров отговорить царя от принятого им решения. В результате конфликт между большинством Совета и премьером, протекавший до этого в более или менее скрытой форме, вылился наружу.

Главной причиной раздора стал вопрос о правительственном курсе в отношении Думы и либеральной «общественности». Большинство министров высказались за сотрудничество с Думой, меньшинство во главе с Горемыкиным — против. «Сравнительно либеральные министры», позже писал по этому поводу Милюков, сделали «попытку повернуть политику правительства на путь при-

мирения со страной. К *несчастью*, их заявления о необходимости перемены правительственного курса *совпали* с их представлениями государю о необходимости отказаться от его намерения принять лично командование над беспорядочно отступавшими войсками. А в этом вопросе, решенном под влиянием Распутина и царицы, переменить его решение было невозможно — всякие попытки в этом направлении вызывали со стороны Николая II только раздражение⁷⁰.

Подчеркнутые нами слова, как и отрывок в целом, говорят о том, что Милюков считал одновременность обеих попыток случайной, простым совпадением во времени, и не будь этого совпадения или окажись министры-«либералы» более тактически гибкими, глядишь, «несчастья» бы не произошло — их попытка примирения увенчалась бы успехом.

В действительности связь этих двух вопросов была не случайной, а *органической* — это фактически один вопрос. Нам уже известны мотивы, которые обусловили позицию Распутина и царицы в вопросе о смене верховного командования. Главным, решающим как раз и было соображение о необходимости пресечь «либеральное» влияние ставки — реакция на назначение министров, сторонников сотрудничества с Думой и «общественностью». Еще 16 июня царица писала Николаю II: в августе собирается Дума, «а наш Друг тебя несколько раз просил сделать это как можно позднее... они будут вмешиваться и обсуждать дела, которые их не касаются»⁷¹. Спустя неделю требование повторяется: «Дорогой мой, я слыхала, что этот мерзкий Родзянко с другими ходил к Горемыкину просить, чтобы немедленно создали Думу. О, прошу тебя, не позволяй, это не их дело!.. Эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться!»⁷²

Дума тем не менее была созвана, и не в августе, а раньше, 19 июля, и тогда императрица с «Другом» поняли, что надо приступить к решительным действиям. Царь был вызван в Царское Село, а уже спустя две недели Поливанов сделал сообщение о смене главнокомандующего.

Заседания Совета министров, запротоколированные Яхонтовым, служат прекрасной иллюстрацией и доказательством органической слитности вопросов о «примирении со страной» и о смене командования. Оба они обсуждались в неразрывной связи. Когда Горемыкин сообщил Совету, что доклад Поливанова об отрицательном отношении Совета министров к намерению царя взять на себя командование армией не возымел действия, министры заговорили о том, что положение правительства становится «трудным и щекотливым», а Сазонов выразил эту мысль более точно: «Правительство висит в воздухе, не имея опоры ни снизу, ни сверху». Именно в этой связи зашла речь о Гучкове и его амбициях (превращает якобы свой Военно-промышленный комитет в какое-то второе правительство), на что последовала эффектная реплика Харитонова: «Оно и понятно, ибо у страны нет

доверия к нынешнему правительству. Армия и население надеются не на нас, а на Государственную думу и военно-промышленные комитеты»⁷³. Заявление не соответствовало действительности, но настроение большинства кабинета отражало полностью.

По мере обострения вопроса о верховном командовании обострялся вопрос и об отношении к Думе. На заседании 19 августа Щербатов доложил об известной акции Московской городской думы с требованием правительства, «облеченного доверием страны», послать демонстративное приветствие Николаю Николаевичу с признанием его заслуг и просьбой о высочайшей аудиенции делегации московского городского самоуправления. Прения по этому поводу, свидетельствует автор протоколов, «носили исключительно горячий, даже резкий характер». Горемыкин заявил, что всем «им надо дать хороший отпор». Его поддержал Щербатов. Когда же Харитонов указал на шекотливость положения: «москвичи говорят под флагом верноподданнических чувств», Горемыкин несколько изменил свою позицию: «Самое простое не отвечать всем этим болтунам и не обращать на них внимания».

В ответ Поливанов заявил, что он решительно не согласен с «упрощенным решением вопроса величайшей политической важности». Раз москвичи заявили о доверии к Николаю Николаевичу, надо просить царя отложить отъезд в ставку. «А засим, — прибавил он, — что такого недозволенного или революционного можно усмотреть в резолюции? Правительство, опирающееся на доверие населения, — ведь это нормальный государственный порядок». Его поддержал Сазонов. Резолюция Московской городской думы — повод для того, чтобы отложить вопрос о командовании, заявил он. Челнокова же царь должен принять. Самарин также связал резолюцию Думы с вопросом о командовании, подчеркнул ее умеренность и высказался за принятие депутации. В том же духе выступил и Харитонов.

Наиболее законченно и решительно настроение большинства кабинета выразил Кривошеин. Он согласен, что депутацию Москвы надо принять, но вопрос должен быть поставлен шире: как быть дальше? Правительству «надо или реагировать с силой и верой в свое могущество, возможность достижения успеха, или же вступить открыто на путь завоевания для власти морального доверия. По моему глубокому убеждению, мы ни к тому, ни к другому не способны». Отсюда следует: надо обо всем сказать царю, «который не сознает окружающей обстановки и не дает себе отчета, в каком положении находится его правительство и, следовательно, все дело государственного управления». Сложившиеся условия допускают только два решения: либо военная диктатура, либо «примирение с общественностью».

Данный кабинет «общественным ожиданиям не отвечает и должен уступить место другому, которому страна могла бы поверить». Медлить и держаться середины нельзя. В такой обстановке смена командования является пагубным шагом. «Не время

рисковать, отталкивать от себя огромное большинство. Надо просить его величество собрать нас и умолять его отказаться от смещения великого князя, коренным образом изменив в то же время характер внутренней политики. Я долго колебался раньше, прежде чем окончательно прийти к такому выводу, но сейчас каждый день равен году и обстановка меняется с головокружительной быстротой». Поскольку дело со сменой командования зашло слишком далеко и отказ царя от принятого решения уже невозможен, надо пойти на компромисс: царь будет верховным главнокомандующим, а Николай Николаевич останется его помощником. Этот вопрос главный, остальное мелочь. Но тут надо стоять твердо: «не только просить, но и требовать». В случае же отказа «заявить ему, что мы не в состоянии больше служить ему по совести».

Предложение Кривошеина полностью поддержали Шаховской, Поливанов и Сазонов. Было постановлено ходатайствовать перед царем о необходимости провести заседание Совета министров под его председательством со следующей повесткой: 1) о верховном командовании, 2) эвакуация Петрограда и 3) о будущей внутренней политике, «т. е., — разъяснял этот пункт Яхонтов, — политика твердая или же политика, идущая навстречу общественным пожеланиям». Горемыкин заявил, что он не возражает, хотя, как и раньше, уверен в бесполезности этого шага. Заодно он снова предостерег от похвал в адрес великого князя⁷⁴.

Заседание состоялось на другой день, 20 августа. На таких заседаниях ни управляющий делами Совета министров, ни его помощник не присутствуют. Поэтому Яхонтов узнал о том, что там происходило, со слов Горемыкина, сказанных И. Н. Ладыженскому: «Вчера ясно обнаружилось, что государь император остается правым, а в Совете министров происходит быстрый сдвиг влево, вниз по течению».

На следующий день, 21 августа, Совет министров собрался в обычном составе, чтобы обсудить, что делать дальше, в частности окончательно решить вопрос об ответе Московской городской думе. Хвостов предложил вопрос о будущем правительстве не затрагивать, поскольку, «как все помнят», царь отложил его до доклада Совета министров относительно правительственной программы и выделения тех вопросов, которые вызываются сменой командования. На это Поливанов возразил, что «обстоятельства складываются настолько угрожающе, что ответ Москве должен быть исчерпывающим». Его поддержали Григорович, заметивший, что «в критической обстановке нельзя играть в прятки», и Самарин.

Последовала пренебрежительная реплика Горемыкина, и повод к ожесточенной схватке был дан. Тот же Григорович заявил, что раз «вчерашние уговоры» на царя не подействовали, то кабинет должен сделать еще одну попытку, представив «письменный доклад с изложением нашего мнения о перемене командования, об опасности для династии и т. д.». Сазонов одобрил это

предложение в самых решительных выражениях. «Т. е., говоря просто,— отреагировал на это Горемыкин,— вы хотите предъявить своему царю ультиматум». На что оскорбленный Сазонов парировал: «У нас в России не бывает ультиматумов. Нам доступны только верноподданнические чувства».

Щербатов нашел мысль морского министра «безусловно правильной» и предложил в письменном докладе объяснить, что «правительство, которое не имеет за собой ни доверия носителя верховной власти, ни армии, ни городов, ни земств, ни дворян, ни купцов, ни рабочих, не может не только работать, но и даже существовать. Это очевидный абсурд». Когда Шаховской предупредил, что очень важна редакция доклада, чтобы не навести царя на мысль о «забастовке» министров, ибо именно это слово он употребил во вчерашнем заседании, это привело к новой стычке. На замечание Сазонова, что Харитонов составит журнал заседания как надо, Горемыкин ответил, что, пока он председатель Совета министров, он составления такого журнала не допустит. На заявление Сазонова, что в таком случае большинство Совета оставляет за собой свободу рук, последовал ответ, что это их *частное* дело.

Тогда Самарин потребовал откровенности. Он, Горемыкин, не сочувствует намерению большинства Совета отговорить царя. Вчера в присутствии царя он сказал, что ходатайства, подобные московскому, ставят цель создать оппозицию уходу великого князя, имеющую скрытые цели. Но то же самое делают и министры, следовательно, они тоже оппозиция и тоже со скрытыми целями. В ответ Горемыкин снова напомнил, что с первых дней войны был против того, чтобы царь стал во главе войск. Но теперь, когда царем принято безоговорочное решение, «та агитация, которая идет вокруг этого вопроса и связывает с требованием министерства общественного доверия, т. е. с ограничением царской власти, является не чем иным, как стремлением левых кругов использовать имя великого князя для дискредитирования государя императора».

На возражение Самарина и Щербатова, что вся Московская дума — не только «левые» (т. е. кадеты), но и правые вплоть до Шмакова (крайнего реакционера) — проголосовала за доверие великому князю, Горемыкин твердил свое: в идеальность побуждений москвичей он не верит, и весь шум вокруг Николая Николаевича «есть не что иное, как политический выпад против царя». Не помог и довод Сазонова, что «и левые и кадеты за свои шкуры дрожат. Они боятся революционного взрыва и невозможности продолжать войну. Они боятся, что смена командования вызовет этот взрыв», а также ответное замечание Самарина, что «протестуют все, до большинства членов Совета министров включительно», и нельзя поэтому обвинять всю Россию в том, в чем обвиняет Московскую думу глава правительства. Горемыкин продолжал стоять на своем.

«Очевидно,— заявил Сазонов,— что мы с Вами говорим на

разных языках. У большинства из нас вчера, после заседания в Царском Селе, создалось тяжелое впечатление о значительном разделе между нами и Вами. Я считаю необходимым заявить об этом откровенно. Мы радикально расходимся в оценке современного положения и средств борьбы с надвигающейся грозой. В ответ Горемыкин «усердно попросил» доложить царю о непригодности его, Горемыкина, как председателя Совета министров. Тогда Щербатов поставил вопрос о непригодности всего правительства: «Мы все вместе непригодны для управления Россией при слагающейся обстановке... И я, и многие сочлены по Совету министров определенно сознают, что невозможно работать, когда течения свыше заведомо противоречат требованиям времени. Нужна либо диктатура, либо примирительная политика. Ни для того, ни для другого я по крайней мере абсолютно не считаю себя пригодным. Ваша обязанность сказать государю, что для спасения государства от величайших бедствий надо вступать на путь направо или налево». Между двух стульев сидеть нельзя.

Дальнейшая перепалка обратила спорящие стороны к коренным для них принципам. Царь — помазанник божий, говорил Горемыкин, «он олицетворяет собой Россию». Его воля проявилась, и верноподданные исполняют ее, невзирая ни на какие последствия. «А там дальше воля божья. Так я думаю и в таком сознании умру». Но, возразил Щербатов, «ни один военачальник, ни один корабль не пустят императора в заведомую опасность». «А если он, верховный вождь, укажет?» — возразил на это премьер. Ему ответил Поливанов: «Капитан корабля все-таки не пустит, хотя бы пришлось применить силу».

Но хотя этой как раз и не было. «К сожалению, — констатировал Сазонов, — мы не имеем ни полномочий, ни возможностей капитана корабля». Поэтому остается одно средство — попытаться еще раз «убедить».

В связи с этим речь пошла о том, как надо относиться к царской воле. Для царских министров это был вопрос вопросов. Для большинства членов Совета министров, подытожил Харитонов, вопрос решается следующим образом: если воля царя не вредна для России, ей надо подчиняться, если же вредна, — уйти. «Мы служим не только царю, но и России». Точка зрения Горемыкина была иной: для него царь и Россия — неразделимые понятия. «Русскому царю, — возразил на это Самарин, — нужна служба сознательных людей, а не рабское исполнение приказаний». Если развивать мысль Горемыкина, подхватил Сазонов, «то неизбежно заключение, что слова царя столь же священны, как слова Евангелия. Не забывайте, что популярность царя и его авторитет в глазах народных масс значительно поколеблены. Трудно при современных настроениях доказать совпадение воли России и царя. Видно как раз обратное явление». Горемыкин был хорош тем, что оставался последовательным. «В моем понимании существа русской монархии, — заявил он в ответ, — воля царя должна исполняться как заветы Евангелия».

Единственный министр, который полностью поддерживал Горемыкина, — А. А. Хвостов. На его взгляд, политика уступок в военное время недопустима. «Призывы, исходящие от Гучкова, левых партий Государственной думы... явно рассчитаны на государственный переворот. В условиях войны такой переворот неизбежно повлечет за собой полное расстройство государственного управления и гибель отечества. Поэтому я буду бороться против них до последнего издыхания». Выход, возразил Сазонов, — в создании кабинета, в котором не было бы лиц, заведомо не доверяющих законодательным учреждениям и который был бы «способен бороться с пагубными для России течениями не только снизу, но и свыше»⁷⁵.

Последний тур борьбы между большинством Совета министров и Горемыкиным связан с вопросом о прекращении заседаний Думы и отношением к только что образовавшемуся «Прогрессивному блоку». В отрицательной оценке работы Думы и, следовательно, в требовании прекращения сессии как можно скорее расхождений не было. На заседании 24 августа Кривошеин первым поставил вопрос о необходимости скорейшего роспуска, мотивируя тем, что «заседания без законодательных материалов превращают Государственную думу в митинг... а ее кафедру в трибуну для противоправительственной деятельности». Его тут же поддержали не только Шаховской и, конечно, Горемыкин, но и Поливанов.

Предметом спора стал вопрос о форме роспуска. Кривошеин предложил распустить Думу до 1 сентября (к этому времени ведомства должны были внести в Думу свои законопроекты и тем самым дать ей повод требовать продолжения сессии, но «обставить по-хорошему»). Горемыкин же, наоборот, предлагал с Думой не считаться и не церемониться. На замечание Игнатьева: не исключено, что Дума откажется подчиниться указу о роспуске, премьер решительно парировал: «Это будет прямым сопротивлением верховной власти», и тогда «придется не переговоры вести, а действовать». Щербатов считал, что на прямое неподчинение думцы не решатся, потому что «огромное большинство их трусы и каждый за свою шкуру дрожит».

Но он же и другие высказали опасение другого рода: роспуск Думы может стать причиной ответных беспорядков. Повод к подобному обсуждению подал верный оруженосец Горемыкина. Милюков хвастает, заявил Хвостов, что в день смены командования он нажмет кнопку — и беспорядки возникнут по всей России. Милюков, отреагировав на это Горемыкин, может нести какие угодно вздор и чепуху, но он, Горемыкин, этим угрозам не верит. На возражение Самарина: «Большинство из нас думает иначе» — премьер еще более резко возразил, что обсуждать вопрос о запугиваниях Милюкова и К° он считает недопустимым. На это Щербатов заявил: сведения насчет возможных беспорядков исходят не только от Милюкова, но и от охранки и жандармерии. Они сообщают, что напряженная пропаганда идет в лазаретах и

гарнизонах. Ежедневно в Министерство внутренних дел поступают донесения о том, что через два-три дня после роспуска Думы неминуем взрыв повсеместных беспорядков.

В результате обсуждения было решено вопрос о перерыве думских занятий отложить до рассмотрения программы образующегося «Прогрессивного блока»⁷⁶.

Видимо, информация Шербатова произвела впечатление, потому что заседание 26 августа, посвященное тому же вопросу, началось с заявления Сазонова о том, что роспуск Думы вызовет, «несомненно», беспорядки и среди рабочих. Поэтому необходимо все тщательно взвесить. «Быть может, придется признать, что митингующая Дума — меньшее зло, чем рабочие беспорядки в отсутствие Думы». Прежде чем принять решение, надо переговорить с блоком и попытаться сговориться: в программе много такого, против чего нет возражений. Отвергать блок с порога — ошибка, ибо рабочие кварталы «осложняют внутреннее положение, без того почти безнадежное». Ему вторил Григорович: по его сведениям, беспорядки неизбежны — «настроение рабочих очень скверное».

Горемыкин отверг как совершенно несостоятельную идею о связи Думы с рабочим движением. «Ставить рабочее движение в связь с роспуском Думы неправильно, — заявил он. — Оно шло и будет идти независимо от бытия Государственной думы». Если Дума не будет распущена — это еще не гарантия от рабочих выступлений. «Будем мы с блоком или без него, для рабочего движения это безразлично. С этим движением можно справиться другими средствами и до сих пор Министерство внутренних дел справлялось».

Слова «будем мы с блоком или без него» вновь переместили центр тяжести полемики к главному предмету спора, но уже по другой формуле: надо ли договариваться с блоком или это недопустимо? Горемыкин объявил «Прогрессивный блок» незаконной организацией. В ответ Сазонов заявил, что игнорирование блока — «опасная и огромная политическая ошибка. Правительство не может висеть в безвоздушном пространстве и опираться на одну полицию». Блок «по существу умеренный», и его надо поддержать. Горемыкин стоял на своем: «Блок создан для захвата власти, он все равно развалится, и все его участники между собой переругаются». «Его плохо скрытая цель — ограничение царской власти. Против этого я буду бороться до последних сил».

После того как в поддержку Сазонова выступили Шербатов, Харитонов и Поливанов, Горемыкин, хотя и очень неохотно, согласился, прежде чем решать вопрос о роспуске Думы, обсудить программу блока. Итог обсуждения показал, как отметил Сазонов, что «пять шестых программы блока могут быть включены в программу правительства» без всякого ущерба для царской власти. «Если только обставить все прилично и дать лазейку, — продолжал Сазонов развивать свою мысль, — то кадеты первые

пойдут на соглашение. Милюков — величайший буржуй и больше всего боится социальной революции». Хотя Горемыкин вновь подтвердил свою позицию, единогласно было решено: осуществить скорейший роспуск Думы и провести беседу с руководителями блока. Делегатами для переговоров Горемыкин назначил Харитонов, Хвостова, Щербатова и Шаховского⁷⁷.

Заседание 28 августа началось с отчета Харитонова о беседе с руководителями блока, состоявшейся накануне. Горемыкин с порога заявил, что, несмотря на его самые благоприятные впечатления об умеренности блока, «разойдется ли Дума тихо или скандально, безразлично». Снова он повторил, что рабочее движение не связано с роспуском, и он уверен, что все обойдется благополучно, страхи преувеличены. На возражение Сазонова: напряженность и озлобленность, царящие в Думе, «могут вызвать серьезные конфликты...», последовала презрительная фраза: «Это все равно пустяки. Никого, кроме газет, Дума не интересует и всем надоела своей болтовней». Ответ привел главного оппонента премьера в бешенство: «А я категорически утверждаю, что мой вопрос *не все равно и не пустяки* (курсив наш.— А. А.), — на высокой ноте заявил Сазонов.— Пока я состою в Совете министров, я буду повторять, что без добрых отношений с законодательными учреждениями никакое правительство, как бы оно ни было самонадеянно, не может управлять страной и что такое настроение депутатов влияет на общественную психологию». Горемыкин, однако, был настроен весьма решительно: «Вопросы на обуждение Совета министров ставлю я». Вопрос о прекращении занятий Думы исчерпан, «дальнейшие прения излишни». В результате голосования все высказались за роспуск. Казалось, вопрос действительно исчерпан, но дискуссия вспыхнула с новой силой.

Дров в костер подбросил Кривошеин, снова выдвинув главный вопрос — о министерстве доверия. В конце концов, как всем понятно, заявил он, разногласия между Думой и властью «сводятся к вопросу не программы, а людей, которым вверяется власть». Поэтому дело не в том, в какой день распустить Думу, «а в постановке принципиального вопроса об отношении его императорского величества к правительству настоящего состава и к требованиям страны об исполнительной власти, облеченной общественным доверием... Без разрешения этого кардинального вопроса мы все равно с места не двинемся». Лично он, Кривошеин, высказывается за кабинет, пользующийся доверием страны. Как обычно, он тут же был поддержан Сазоновым, Игнатьевым, Щербатовым, а также Шаховским.

Горемыкин пошел на обострение. «Значит,— заявил он,— признается необходимым поставить царю ультиматум — отставка Совета министров и новое правительство». Это был запрещенный прием, притом пущенный в ход вторично, и Сазонов снова взорвался: «Его императорскому величеству мы не ставим и не собирались ставить ультиматума. Мы не крамольники, а такие же верноподданные своего царя, как и ваше высокопревосходитель-

ство. Я очень прошу не упоминать таких слов в наших суждениях». Пришлось Горемыкину сказать, что он берет свои слова обратно. Тем не менее он повторил, что ответственность за роспуск Думы берет на себя без колебаний, «но навязывать государю императору личностей, ему неугодных», не считает для себя возможным. «Может быть, мои взгляды и архаичны, но мне поздно их менять». Опоздавший Самарин предложил смягченную редакцию обращения к царю: представить ему программу и одновременно заявить, что в кабинете нет единства, а потому нужно другое правительство. Если эта идея будет одобрена, то указать желательное лицо на пост председателя Совета министров. Роспуск же Думы взять на себя.

«В итоге Совет министров,— писал Яхонтов,— склонился к точке зрения А. В. Кривошеина с поправкой А. Д. Самарина, т. е. осуществить роспуск Государственной думы в ближайшем времени (по-хорошему сговорившись с президиумом и лидерами о проведении еще незаконченных правительственных законопроектов, обусловленных потребностями военного времени) и представить его величеству ходатайство о смене затем Совета министров».

Горемыкин обещал доложить царю все, как было ⁷⁸.

В день отъезда в ставку Горемыкин сказал Яхонтову, что, пока жив, он будет «бороться за неприкосновенность царской власти». Сперва надо довести войну до конца, а потом уже заниматься реформами. Вернулся Горемыкин из ставки 1 сентября с указанием распустить Думу на осенние вакации не позже 3 сентября. Министрам было приказано оставаться на своих местах. Когда позволит обстановка на фронте, царь вызовет правительство к себе и все разберет.

К началу заседания (2 сентября) министры, свидетельствует далее Яхонтов, по-видимому, уже были осведомлены о результатах поездки, что явно отразилось на их настроениях и суждениях. «Кризис вскрылся, нервность страшная. Много приходилось мне видеть Совет министров в неофициальной обстановке, но ничего подобного никогда в заседаниях не происходило. Особенно волновался С. Д. Сазонов... Когда И. Л. Горемыкин, закрыв заседание, выходил из зала, министр иностранных дел заявил: „Я не хочу с этим безумцем прощаться и подавать ему руку“. В передней Сазонов истерически воскликнул: „Он сумасшедший, этот старик“». Поливанов держал себя в отношении председателя «совершенно неприлично». У Кривошеина вид «безнадежно грустный и встревоженный». В таком же состоянии — Игнатьев и Харитонов.

В прениях снова всплыл рабочий вопрос. Стоило Горемыкину повторить свой излюбленный тезис: «Все это одно только запугивание, ничего не будет», Щербатов, не скрывая раздражения, воскликнул: «У департамента полиции далеко не столь успокоительные сведения, как у вашего высокопревосходительства. Показания агентуры единогласно сводятся к тому, что рабочее движе-

ние должно развиваться в угрожающих размерах для государственной безопасности». Его поддержал полный отчаяния Сазонов: «Куда же нас и всю Россию ведут!»

Горемыкин оставался непробиваемым. Все высказанное в Совете министров он доложил царю. «Весь вопрос о том, как Вы докладывали государю наши мнения», — заметил Поливанов. И тут же получил ответ: «Так, как следовало».

Заговорил Кривошеин. «Все наши сегодняшние суждения, — обратился он к Горемыкину, — с полной очевидностью обнаруживают, что за последнее время между Вами, Иван Логгинович, и большинством Совета министров разница в оценке положения и во взглядах на направление политики еще более углубилась... простите мне один вопрос: как Вы решаетесь действовать, когда представители исполнительной власти убеждены в необходимости иных средств, когда весь правительственный механизм в Ваших руках оппозиционен, когда и внешние и внутренние события становятся с каждым днем все более грозными?»

Горемыкин стоял на своем: «Свой долг перед государем императором я исполню до конца, с каким бы противодействием и несочувствиями мне ни пришлось сталкиваться. Я все доложил его величеству и просил заменить меня более современным деятелем. Но высочайшее повеление последовало, а оно в моем понимании закон. Что будет дальше? Государь император сказал, что он приедет лично и все разберет». Отверг премьер и предложение Поливанова смягчить роспуск Думы, выступив с благожелательным правительственным заявлением. «Бесплодно и несвоевременно... Вопрос исчерпан. Высочайшее повеление не может быть критикуемым в Совете министров. Объявляю заседание закрытым»⁷⁹. Горемыкин встал и вышел из зала.

На этом закончились секретные заседания Совета министров.

Трудно найти другой документ, который давал бы столь наглядное представление об описываемых событиях, создавая ощущение почти полного физического присутствия, как записки Яхонтова. Это редкое по убедительности свидетельство, помогающее понять причины вырождения правительственного механизма, обусловленность и неизбежность последовавших за августовско-сентябрьским кризисом явлений, воплотившихся в знаменитой «министерской чехарде».

Даже протокольная форма записей вводит нас в атмосферу большой тревоги, драматизма переживаний. И тем не менее основное впечатление, которое оставляют записки, — это мысль о поразительно малом калибре как самих дискуссий, так и ее участников, мысль о том, что мы имеем дело не с высокой трагедией, а с трагикомедией. Бросается в глаза огромное несоответствие масштабов происходивших в стране событий и уровней министров, пытавшихся их оценить, придать им нужное с их точки зрения течение. Это несоответствие было так велико, что в какой-то мере осознавалось, как отмечено выше, даже самими участниками дискуссий.

Несостоятельность исполнительной власти не была ни случайной, ни преходящей. Она обуславливалась природой царизма, конечным итогом его развития. Иначе невозможно понять и объяснить полное бессилие центральной власти, обладавшей вековой традицией управления, легкость и полноту победы, одержанной над этой властью распутным проходимцем и резонерствующей истеричкой. Записки Яхонтова убеждают нас в этом в полной мере.

Ахиллесова пята Совета министров в целом, министров в отдельности заключалась в том, что единственным источником их власти и полномочий был царь. Министры являлись, как сами признавали и чем гордились, всего-навсего *слугами* царя, его *верноподданными*. Когда царская власть была сильна, эта исходная позиция оказывалась достаточной для управления страной. Но в условиях разложения царизма, гигантски ускорявшегося в описываемый период, официальное правительство оказалось изолированным от всех и вся, даже от собственного класса. Как мы видели, эту пустоту вокруг себя министры полностью осознавали. Никого не представляя, царские министры могли только «просить» и «умолять» носителя верховной власти внять их советам. Да и их психология верноподданных не позволяла им поступать иначе. Недаром Сазонов так оскорблялся упреком, что они, царские министры, могут говорить со своим царем вне рамок верноподданничества, ставить ему «ультиматум» и пр.

Даже та оппозиция, которую большинство министров учинили царю в августе—сентябре 1915 г., включая и коллективное письмо с просьбой оставить верховным главнокомандующим Николаем Николаевичем, было с верноподданнической точки зрения незаконным, на что справедливо указывал взбунтовавшимся коллегам Горемыкин. Министры пытались выйти из создавшегося противоречия между долгом верноподданного и долгом гражданским со ссылкой на то, что они служат не только царю, но и России. Но позиция верноподданничества, базирующегося на тезисе о божественной природе царской власти, делала такое противопоставление неправомерным, на что им опять-таки указывал премьер. Когда он говорил, что Россия и царь в его представлении одно и то же, он был только последователен, а если эта последовательность была абсурдна, то это абсурдность самодержавия, а не его слуги.

Слова Поливанова «отечество в опасности», ставшие отправной точкой разгоревшейся борьбы внутри Совета министров,— это призыв набата, а царские министры в грозный для страны час могли говорить лишь языком слуг и чиновников.

Недалеко ушли от своего премьера министры и как государственные деятели. Косный рутинер, лишенный политического воображения, Горемыкин не верил в возможность революции, считая, что в конечном счете все обойдется. Его любимой при сказкой были слова: «Все пустяки». Он презирал народ, а главный принцип обращения с ним выразил в своем любимом тезисе,

что народ не понимает и не может понять существа политики, а воспринимает только ее внешнюю сторону. 24 июля 1915 г., например, на заседании Совета министров он не только охотно согласился на пожелание Думы о создании комиссии по расследованию и отысканию виновников недостаточного снабжения армии боеприпасами и снаряжением, послужившего причиной осенне-летнего отступления, но и высказался за придание такой комиссии возможно более представительного характера, включив в нее членов Думы и Государственного совета: «Декорация — вещь полезная. Для толпы она важнее существа»⁸⁰.

Сазонов, Поливанов, Шербаков и другие министры насчет возможности революции были настроены, как мы видели, совершенно иначе. Вся их оппозиция была не чем иным, как производным от страха перед ее неминуемостью, если ход вещей не изменится⁸¹. Но уровень их политического мышления был ничуть не выше, чем у их председателя, о чем свидетельствует их представление о министерстве доверия как гаранте от революции.

Более того. В оценке, так сказать, ближней перспективы Горемыкин оказался более дальновидным, чем его потерявшие голову коллеги. Он был абсолютно прав, когда утверждал, что рабочее движение совершенно не связано с Думой и будет идти своим чередом по воле, как он говорил, «рабочих вожаков» независимо от того, будет ли Дума заседать или отправится на вакации. Он был прав и тогда, когда утверждал, что Дума не интересуется народ. Никаких ужасных последствий, которых так боялись министры, не произошло и в результате смены командования. Наоборот, именно после того, как царь возглавил армию, дела ее пошли на поправку и в чисто военном отношении, и по части снабжения. Царь, естественно, к этому не имел ни малейшего отношения, но факт тем не менее оставался фактом: отставка Николая Николаевича так же мало взволновала народ и солдатскую массу, как и роспуск Думы 3 сентября⁸².

Объективный результат оппозиции министров был обратным по сравнению с ожидавшимся: поскольку все нарисованные ими ужасы не произошли, царь утвердился в своем прежнем курсе, его страхи и сомнения рассеялись, тем самым решилась собственная участь оппозиционеров. Иными словами, оппозиция ускорила новую и последнюю фазу в трансформации официального правительства — фазу распада полуабсолютистской «государственности». Мелкотравчатость породила еще большую мелкотравчатость.

Нольде считал, и это было общее мнение, что единственным крупным человеком в правительстве был Кривошеин, обладавший недюжинным умом и широтой кругозора. Остальной состав Совета министров, по мнению Нольде, «был необыкновенно пестр: в нем рядом сидели чиновники и нечиновники, люди умные и совсем неумные, люди серьезные и совсем несерьезные, люди с темпераментом и люди без всякого темперамента»⁸³.

Несомненно, Кривошеин был умным человеком, и его коллеги

«внали и чувствовали его калибр», но что он был крупным человеком, государственным деятелем действительно большого калибра, это сомнительно. Отличительной чертой Кривошеина как политика было стремление действовать за кулисами. В 1914 г., после отставки Коковцова, Кривошеин, если бы захотел (таково было всеобщее мнение), мог без всякого труда сменить его на посту премьера. Однако он предпочел, чтобы таковым стал Горемыкин, поскольку имел на него тогда большое влияние. Иными словами, предпочитал быть «теневым» премьером, а не подлинным. Нольде считал это «каким-то своеобразным недостатком боевого темперамента», мирившим его с «положением во втором ряду». Но это поведение мало характерно для государственного деятеля действительно большого масштаба. Что же касается расчетов Кривошеина на то, что он будет держать Горемыкина в руках, то нам уже известно, чем они окончились.

Тем не менее поражение Кривошеина и его единомышленников, означавшее конец Совета министров образца 1915 г., имело принципиальное значение. Этот Совет министров, в оценке того же Нольде, «был последним правительством старого порядка, заслуживавшим этого имени. С тех пор сквозь облака мистики императрицы наверх стали пробираться подлинные проходимцы и жулики, а все те, кто хранил в себе государственную традицию, осуждены были на безнадежные попытки спасти последние остатки русского государственного управления»⁸⁴. В целом эта оценка верна. Это было действительно последнее правительство с точки зрения минимума компетентности, морального уровня, государственной ответственности. «С приездом государя в Могилев, — писал по этому поводу Сазонов, — совпала печальная пора нашего правительственного разложения и тех невероятных назначений на высшие государственные посты, которые... дискредитировали монархическое начало в глазах русского народа и привели к падению династии, которой Россия была обязана своим величием и силой»⁸⁵. На правительственную авансцену вышли фигуры, являвшие готовые объекты для исследования криминалистам, психиатрам, комедиографам.

«Министерская чехарда»

Последняя запись, сделанная Яхонтовым, гласит: «16 сентября 1915 года состоялось в царской ставке заседание Совета министров в высочайшем присутствии. У меня со слов И. Л. Горемыкина написано: „Все получили нахлобучку от государя императора за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса“»⁸⁶.

Письмо, о котором идет речь, было написано 21 августа, т. е. на другой день после заседания Совета министров в Царском Селе, и подписано восьмью министрами: Харитоновым, Кривошеиным, Сазоновым, Барком, Щербатовым, Самариным, Игнатьевым и Шаховским⁸⁷. Автором его, по-видимому, являлся Самарин.

В письме вновь повторялась просьба оставить на своем посту Николая Николаевича и указывалось на «коренное разномыслие» между подписавшими и председателем Совета министров, недопустимое во всякое время, а «в настоящие дни губительное. Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и родине»⁸⁸.

15 сентября по приказанию царя, переданному Горемыкиным, министры выехали в ставку. Горемыкин уехал днем раньше. Министры, как показывал Поливанов, были поражены не только тем, что их никто не встретил, но в особенности тем, что даже не было известно, когда их примут. Экипажей не подали, завтракали в грязном вокзальном буфете. «Обстановка была неприятная». Добравшись до места, министры узнали, что их не хотят пригласить обедать. Только позже по настоянию Фредерикса их все-таки позвали к столу. Заседание состоялось перед обедом. Оно началось с резкого выговора царя, который «совершенно не понимает, как министры, зная, что его воля о принятии командования непреклонна, тем не менее «позволили себе» написать это письмо. Затем последовал ряд длинных речей, в которых министры указывали «на необходимость держаться в контакте с общественностью... а Горемыкин... отвечал, что это чепуха, что министр не понимает, что говорит, или что это не отвечает делу, потому что это в воле его величества». Закончилось заседание словами царя: «Так как мы ни до чего договориться не можем, то я приеду в Царское Село и этот вопрос разублю».

По оценке Поливанова, заседание было «историческим» — «дало окончательный толчок мысли монарха идти в сторону от страны. Заседание окончательно укрепило Горемыкина». Через несколько дней царь действительно приехал в свою резиденцию. Началось «последовательное увольнение министров, прогрессивно взиравших на события в государстве». Сперва увольняли по два в неделю, потом по одному, положение Горемыкина все более крепло, «и для нас не было тайной, что он ездил в Царское Село получать указания от Александры Федоровны»⁸⁹.

В целом верный рассказ Поливанова нуждается, однако, в уточнениях. Сразу, а именно 26 сентября было уволено только два министра — Самарин и Щербатов. Спустя ровно месяц уволили Кривошеина. Четвертым министром, которому дали отставку в том же, 1915 г., был министр путей сообщения С. В. Рухлов, но его увольнение не стоит ни в какой связи с письмом и оппозицией министров: Рухлов, как и Хвостов, — крайний реакционер, поддерживавший Горемыкина; отставка его была вынужденной — транспорт находился в критическом состоянии, а министр оказался полностью неспособным руководить им. Что же касается остальных министров, то их судьба сложилась следующим образом: Харитонов умер в 1916 г. на своем посту государственного контролера, Шаховской, Барк и Григорович оставались министрами вплоть до Февральской революции. Игнатьев был уволен незадолго до нее — в конце декабря 1916 г. Остальные два ми-

нистра — Сазонов и Поливанов — лишились своих постов — первый в июле, второй в марте 1916 г. Не так просто обстояло дело и с Горемыкиным, как считал Поливанов.

Тем не менее, повторяем, его основной вывод — после 16 сентября «оппозиционный» Совет министров был фактически ликвидирован и заменен совершенно иным — верный. Увольнение Сазонова задержалось потому, что за него горой стояли «союзники», и с ходу царь на его отставку не решился. Поливанов был еще нужен, поскольку под его руководством разрабатывались и осуществлялись меры по ликвидации нехватки военного снабжения. Как только эта задача была решена, Поливанова уволили. «Оппозиция» Григоровича оказалась настолько умеренной и гибкой, что не внушала опасений даже Александре Федоровне. Что же касается Шаховского и Барка, то это были ставленники Распутина и их подписи под письмом были им великодушно прощены. Игнатьев же — явный «оппозиционер» — оставался на своем посту благодаря личной симпатии к нему царя, которой, однако, до конца не хватило.

Из переписки царской четы видно, что решение «разогнать» министров созрело у них значительно раньше 16 сентября. В этом их активно поддерживал и Горемыкин. 28 августа царица сообщила царю о том, что «старик» рекомендует в министры внутренних дел Нейдгарта. «И я тоже полагаю, — добавляла она, — что он был бы не плох». «Щербатов — ничтожество», — читаем мы в письме от 3 сентября. Хорошо бы от него скорей отделаться. «Вот тебе, дружок, список имен... которые могли быть кандидатами на место Самарина... Он *должен* быть уволен», — писала царица в ставку 7 сентября. Спустя два дня Александра Федоровна снова возмущается Самариным и Щербатовым и заключает: «Разгони всех, назначь Горемыкину новых министров, и бог благословит тебя и их работу».

Супруг полностью разделял настроение своей жены. «Поведение некоторых министров, — вторил он ей в письме от 9 сентября, — продолжает изумлять меня! После всего, что я им говорил на знаменитом вечернем заседании (20 августа. — А. А.), я полагал, что они поняли меня... Что ж, тем хуже для них!» Спустя два дня он пишет: «Я, пожалуй, найду возможность слетать в Ц[арское] С[ело]. Ведь тут столько дела — эти смены министров и укрепление позиции старика».

«Старик» очень наседавал на императрицу в отношении Сазонова. «Сазонов, — писала она 6 сентября явно со слов Горемыкина, — больше всех кричит, волнуется всех... это ведь неслыханная вещь... Я это называю забастовкой министров». На другой день — тот же мотив: Сазонов стал «совершенно невозможным: потерял голову, волнуется и кричит на Горемыкина». Примерно также императрица и Горемыкин реагировали на поведение Кривошеина. В этом же письме она, советуя поскорее убрать Самарина и Кривошеина, поясняла: «Последний сильно не нравится старику, он виляет — и левый и правый — и возбужден невыразимо».

В том же духе царица продолжала писать и дальше, пока не получила письмо от Николая II от 17 сентября, в котором он сообщал: «Вчерашнее заседание (Совета министров, — А. А.) ясно показало мне, что некоторые из министров не желают работать со старым Гор[емыкиным], несмотря на мое строгое слово, обращенное к ним, поэтому по моем возвращении должны произойти перемены»⁹⁰. И действительно, Самарин и Шербаков были уволены ровно через неделю после возвращения царя в Царское Село.

В отношении Горемыкина царская чета пребывала некоторое время в состоянии растерянности, не зная как поступить — оставить на своем посту или заменить другим человеком. Поначалу Александра Федоровна склонялась к мысли об отставке. Кого взять вместо Горемыкина? — вопрошала она в письме от 24 августа. Он не может оставаться, потому что против него и министры, и Дума. В то же время царица не допускала мысли, чтобы отставка Горемыкина выглядела как уступка Думе и «обществу». «Только не сменяй старика *сейчас*, — писала она 29 августа, — позже можешь, когда тебе только заблагорассудится. Горемыкин, а также Андрон[иков] и Хвостов [А. Н.] согласны с тем, что это значило бы играть им в руку». «Намерен ли держать его (Горемыкина. — А. А.) самого?» — спрашивала она снова 7 сентября. Но уже на другой день царица ставила вопрос несколько иначе: «Великолепно было бы выгнать некоторых из них (министров. — А. А.) и оставить старика... обдумай это, пожалуйста». Царь тоже колебался. «Трудно уволить его, не выжав кого-нибудь на его место, — телеграфировал он жене 8 сентября. — Не может ли старик дать тебе список для выбора, а ты перешлешь его мне?»

Мысль о необходимости отставки «старика» в то время, как мы видим, преобладала, но окончательного решения принято не было. «Все желают твердого правительства, — отвечала Александра Федоровна мужу на его телеграмму спустя два дня, — так что после ухода старика выгони остальных и назначь решительных людей». В то же время Николай II пишет ей 11 сентября: «Ведь тут столько дела!.. Старый Фред[ерик] отлично это понимает и уговаривает меня держаться Гор[емыкина], что очень мило с его стороны».

Дело, как водится, решил Распутин, возвратившись из родного Покровского. Сначала, правда, он тоже испытывал известные колебания. «Наш Друг велел мне ждать со стариком, пока Он не увидит дядя Хвостова — какое впечатление тот на него произведет, — сообщает царица в ставку 10 ноября. — Ему очень жалко милого старика, говорит, что он такой праведник. Но Он боится, что Дума его ошибает, и тогда ты будешь в ужасном положении». Дядя Хвостова — это известный нам А. А. Хвостов, которого Распутин хотел посмотреть с точки зрения его пригодности как кандидата на место Горемыкина. «В городе опять ужасно ворчат на милого старого Горемыкина. Прямо отчаяние! — пишет ца-

рица на другой день.— Завтра Гр[игорий] повидает старого Хвостова, а затем вечером я Его увижу. Он хочет рассказать мне, о своем впечатлении — будет ли он достойным преемником Горемыкину».

Впечатление оказалось плохим (А. А. Хвостов крайне отрицательно относился к Распутину и не скрывал этого). «Ну, вчера я видалась с нашим Другом от 5,5 до 7 часов у Ани,— сообщает царица 13 ноября.— Он не допускает и мысли, чтобы старика уволили... Он находит, что лучше подождать. По-божьему не следовало бы его увольнять»⁹¹. Вопрос, как говорится, был исчерпан.

Помимо негативного отношения к «старика» Думы и помещичье-буржуазной общественности, у царской четы была еще одна причина думать о преемнике Горемыкину — последний упорно не соглашался на кандидатуру А. Н. Хвостова в качестве министра внутренних дел, хотя на ней настаивали упомянутый выше в письме Александры Федоровны князь Андроников и Распутин. Кроме того, сам Горемыкин по старости лет тяготился своим положением и без видимого сожаления готов был уйти со своего поста. В силу этого вопрос о его дальнейшем премьерстве фактически был лишь отодвинут; как оказалось, очень ненадолго.

Отставка Горемыкина, последовавшая в январе 1916 г., не была, так сказать, обычной, текущей отставкой. Она знаменовала собой окончательное оформление нового и последнего периода в жизни официального правительства, который, однако, наступил раньше — как следствие первых трех увольнений в сентябре — октябре 1915 г. На смену прежним классическим бюрократам пришли и заняли ключевые позиции в правительстве министры, которых цитированный нами Нольде, несмотря на всю свою академическую сдержанность, вынужден был характеризовать как «подлинных проходимцев и жуликов». И это действительно реальный факт.

Период «министерской чехарды» делится как бы на три подпериода, связанные с назначением и деятельностью определенных министров, каждый из которых накладывал свой отпечаток на деятельность Совета министров в целом, принося свой стиль, оставляя свой след в процессе и формах разложения царизма. Первым таким министром-проходимцем — и, пожалуй, самым колоритным — стал министр внутренних дел А. Н. Хвостов, назначенный сразу же после увольнения Щербатова.

Соловей-разбойник и Степан Петрович

Характеризуя А. Н. Хвостова, товарищ министра внутренних дел при Столыпине, а затем государственный секретарь С. Е. Крыжановский писал: «Это был человек очень неглупый, талантливый и ловкий, но какой-то неистовый, почти первобытный по инстинктам и вдобавок совершенно аморальный, способный ради личных выгод и целей на какие угодно поступки». Обладал

внешностью гориллы или антропоида. В бытность свою губернатором получил прозвище Соловей-разбойник⁹². Посвист этого одиннадцатипудового «соловья», раздававшийся в Вологодской и Нижегородской губерниях с 1906 по 1912 г., был так громок и выразителен, что уже тогда его имя стало нарицательным как символ крайней одиозности и низкопробности. Когда на заседании Совета министров совместно с губернаторами, специально посвященном подготовке избирательной кампании в IV Думу (которая стала олицетворением самого разнузданного произвола и беззакония), нижегородский губернатор изложил свои рекомендации, ответом ему было неловкое молчание⁹³.

Позже, в 1916 г., уже после отставки с поста министра внутренних дел, Хвостов в связи с неудавшейся попыткой убрать Распутина говорил про себя: «Вы знаете меня: я человек без сдерживающих центров. Я люблю эту игру, и для меня было бы все равно, что рюмку водки выпить, что арестовать Распутина и выслать его на родину»⁹⁴. Еще более красочно этот, по выражению того же Гессена, «уродливо толстый, с милым лицом и горящими глазами»⁹⁵ субъект рекомендовал себя Спиридовичу: «Я есть человек без задерживающих центров. Мне ведь решительно все равно, ехать ли с Гришкой в публичный дом или с буфера под поезд сбросить». Даже прошедший огонь и воду жандармский генерал был потрясен: «Я не верил ни своим глазам, ни своим ушам. Казалось, что этот упитанный, розовый, с задорными веселыми глазами толстяк был не министр, а какой-то бандит с большой дороги»⁹⁶. Что же касается деловых качеств «веселого толстяка», то тот же Спиридович указывал (и это полностью соответствовало действительности), что «Хвостов был невежда и в политике, и в полиции»⁹⁷.

Тем не менее идея сделать Хвостова министром внутренних дел возникла при дворе еще в 1911 г. Незадолго до убийства Столыпина к Хвостову в Нижний Новгород приехал Распутин, чтобы составить о нем мнение как о преемнике Столыпина. Но, как потом рассказывал сам Хвостов, он совершил ошибку, не приняв Распутина всерьез. В результате «старец» обиделся и дал о нем не совсем благоприятный отзыв⁹⁸. Назначение не состоялось, и Хвостов со свойственным ему авантюризмом решил строить свою дальнейшую карьеру на иной базе: в 1912 г. он баллотировался и прошел в Думу от землевладельческой курии по Орловской губернии, где у него было имение. В IV Думе он стал лидером фракции крайних правых, но в своей депутатской деятельности ничем себя не проявил и по сравнению со своими шумными соратниками — Марковым, Пуришкевичем и др. — выглядел весьма бледно.

Во время войны для него стало очевидно, что ключи к власти вручаются не в Таврическом дворце, а в Царскосельском и не царем, а известной троицей. Он начал действовать. На этом пути судьба свела его с С. П. Белецким. Знаменитый Степан Петрович был таким же беспардонным карьеристом и проходимцем, как и

Хвостов, но другого типа и другого происхождения. Белецкий был из мешан. Свою служебную карьеру по окончании Киевского университета он начал с весьма скромной должности писемоводителя в канцелярии киевского генерал-губернатора. Проявив недюжинную работоспособность и такую же угодливость, он стал довольно быстро подниматься по ступеням служебной лестницы. Основное впечатление, которое вынес о Белецком следователь Чрезвычайной следственной комиссии С. А. Коренев, состояло в том, что этот «плотный, бородатый, высокого роста» человек проявлял усердие при исполнении всякого рода щекотливых поручений⁹⁹.

Знавший близко Белецкого по совместной службе в департаменте полиции (которую тот начал в середине 1909 г. в качестве вице-директора) Харламов писал, что решающим моментом в карьере Белецкого стало знакомство со Столыпиным в бытность последнего ковенским губернским предводителем дворянства и особенно с его супругой Ольгой Борисовной, урожденной Нейдгарт, весьма падкой на лесть дамой. Став вице-директором, Белецкий продолжал исполнять «все многочисленные поручения по семейным делам Ольги Борисовны». Любезность, уступчивость, ловкость были основными чертами его характера. «Белецкий,— замечал Харламов,— был неизменно всегда и со всеми до приторности любезен и вряд ли с кем-либо и когда-либо был правдив». Всегда в хлопотах и постоянной суетне. «Доступность и простота в обращении были его любимыми коньками». Свои письма подписывал неизменно «Ваш покорнейший», а иногда и «усерднейший слуга». Был щедр на раздачи из пресловутого «секретного фонда» департамента полиции, оделяя некоторых по личной инициативе. Белецкий был человеком «несомненно хороших способностей и еще большего трудолюбия». Но эти качества, как «и свою недюжинную энергию», он, «к сожалению», направлял не на интересы дела, сколько на устройство своего служебного благополучия, а также и на создание себе популярности (в «верхах». — А. А.), причем как в том, так и в другом направлении преуспевал немало»¹⁰⁰. Способностей государственного деятеля у него, однако, не было никаких. По мнению Харламова, Белецкий был «совсем... ничтожный в государственном смысле человек»¹⁰¹.

В 1912 г. Белецкий уже директор департамента полиции. Но тут у него происходит непредвиденная осечка, виновником которой был назначенный в начале 1913 г. товарищем министра внутренних дел В. Н. Джунковский. Ознакомившись с деятельностью своего подопечного и убедившись в его денежной и служебной нечистоплотности, доходившей до присвоения казенных денег и прямого обмана непосредственного начальника, злоупотребления провокацией и прочими незаконными действиями, Джунковский потребовал от Маклакова удаления Белецкого. Сделать это было трудно, потому что, как свидетельствовал Джунковский, у Белецкого были большие связи и «какие-то темные поддержки»¹⁰². В конце концов от него удалось избавиться, сделав сенатором.

Белецкий отплатил своему бывшему шефу в лучших прокаторских традициях. Сразу же по возвращении в Министерство внутренних дел уже в должности, которую до этого занимал Джунковский, он инспирировал выпуск брошюры-памфлета за подписью некоего Тихменева, в которой, по словам самого Белецкого, «ярко подчеркивалось не только либеральное направление ген. Джунковского, но и сочувствие освободительному движению» начиная с 1905 г.¹⁰³ (что было, разумеется, абсолютной ложью). Не требуется объяснять, что для царского генерала и чиновника это были самые тяжелые обвинения.

К 1915 г. Белецкий становится уже совершенно аморальным субъектом. В семейной жизни это был «примерный муж... добрый, религиозный и скромный в домашнем обиходе человек». За пределами семьи — устроитель «афинских вечеров»¹⁰⁴. «Разжиревший, с одутловатым посиневшим лицом, заплывшими глазами и сиплым голосом, он (Белецкий) производил впечатление нравственно опустившегося, спившегося человека». Попойки, кутежи с балетными «звездочками» стали его образом жизни. Любой ценой стремится он заполучить пост министра внутренних дел¹⁰⁵.

Таков второй член будущего дуумвирата. Но был еще один участник его создания — пресловутый князь М. М. Андроников. В отличие от Хвостова и Белецкого князь никогда нигде не служил (лишь причислен к Министерству внутренних дел, что давало право на ношение вицмундира и получение чинов). Андроников был частным лицом без определенных занятий и, более того, человеком, не имевшим каких-либо постоянных источников существования. Тем не менее жил он на «широкую ногу», был вхож в самые высокие «сферы» вплоть до Царского Села. Министры, сановники, придворные не только не избегали знакомства с Андрониковым, но, наоборот, всячески стремились быть с ним в дружбе. И этому нисколько не мешала исключительно скандальная репутация князя, о которой все высокопоставленные знакомые были отлично осведомлены. Все знали, что Андроников — величайший интриган и опасный сплетник с порочной личной жизнью (свою спальню князь разделил на две половины: в первой была молельня, во второй он предавался утехам с молодыми людьми — офицерами и штатскими), но это ничуть не мешало ему состоять в большой дружбе с премьер-министром Горемыкиным.

Сам князь называл себя «адъютантом господ бога», «человеком в полном смысле», «гражданином, желающим как можно больше принести пользы своему отечеству»¹⁰⁶. Даже революция не убавила в нем наглости. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии на прямой вопрос, кто, он, чем конкретно занимался, Андроников без тени смущения заявил: «Человек в настоящем смысле этого слова, но интересующий всеми вопросами государственной жизни, близко принимающий все и желающий принести как можно больше пользы!»¹⁰⁷

В чем же таился секрет успеха проходимца «в настоящем

смысле этого слова», этого «маленького, полненького, чистенького, с круглым розовым лицом и острыми всегда смеющимися глазками, с тоненьким голоском»¹⁰⁸ человека? Ответ поразительный: двери министерств и департаментов распахивались перед Андрониковым именно потому, что он был темной личностью. Иначе говоря, если бы князь был, паче чаяния, обыкновенным бездельником, каких много, а не проходимцем высшей марки, его бы и за версту не подпустили к министерским квартирам и великокняжеским дворцам, куда он был запросто вхож.

По определению Сухомлинова, который вначале был дружен с Андрониковым, а потом рассорился, что стоило ему многих неприятностей, «тайна его (Андроникова.— А. А.) положения обуславливалась тем фактом, что отдельные министры пользовались его услугами, чтобы быть осведомленными относительно их коллег и о том, что делается в других министерствах»¹⁰⁹. В числе этих министров Сухомлинов называет Витте, Фредерикса, Горемыкина, Григоровича, Макарова, Штюмерера, Коковцова. Таким же путем князь проникал и к иерархам церкви. Андроников также «увивался» за дворцовым комендантом Воейковым, «завладел» великим князем Константином Константиновичем и его сестрой — королевой греческой. Затем он близко сошелся с Распутиным и добился аудиенции у императрицы. После смерти Мещерского Андроников решил издавать собственный журнал, подобный «Гражданину», под который ему удалось выудить несколько десятков тысяч рублей у Горемыкина. От своих клиентов он получал гонорары за ходатайства по их делам в министерствах и учреждениях, а кроме того, пристрастился ко всякого рода аферам и вымогал деньги от людей, попадавших в его паутину¹¹⁰.

Главным оружием Андроникова было владение информацией. Но министры, так охотно пользовавшиеся ею, были озабочены тем, чтобы самим не стать объектом сплетни способного на все и вся информатора. Основным побудительным мотивом «дружбы» сановников с Андрониковым был *страх*. «И его принимали,— писал по этому поводу жандармский генерал,— хотя за глаза и ругали, ибо все отлично знали, что нет той гадости, мерзости, сплетни и клеветы, которыми бы он ни стал засыпать человека, пошедшего на него войной»¹¹¹.

Чины поменьше, показывал Белецкий,— директора департаментов и др., «считаясь с его (Андроникова.— А. А.) влиянием у министров... поддерживали с ним лучшие отношения и старались исполнить его просьбы, предпочитая его иметь лучше своим хорошим знакомым, чем сильным и опасным врагом»¹¹².

Итак, министры боялись проходимца, боялись андрониковских сплетен потому, что они *никого не представляли*, их судьба целиком зависела от отношения к ним тех или иных лиц, скажем Распутина или царицы, а при таком условии сплетня становилась могущественным орудием ниспровержения и могла оборвать карьеру любому сановнику, тем более что царь охотно верил сплетням и никогда не давал себе труда проверить, насколько полученная

им информация о том или ином министре соответствует действительности. В ситуации «министерской чехарды» вес и влияние Андроникова должны были расти в геометрической прогрессии.

Андроников был, безусловно, тонким психологом, отлично изучившим (и презиравшим) свою высокую клиентуру. Свое же орудие воздействия на них он довел до высокой степени совершенства. Сбору информации о всех нужных ему людях он придал большой размах, настоящую организацию. Следователь Чрезвычайной следственной комиссии В. И. Руднев, занимавшийся деятельностью «темных сил», к которым был причислен и Андроников, писал позже, что из квартиры князя он вывез «на двух автомобилях колоссальный архив. При этом надо отдать должную справедливость кн. Андроникову в том, что канцелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все делопроизводство его разбивалось по полкам на определенные министерства, которые, в свою очередь, распределялись на департаменты; дела были вложены в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными, и свидетельствовали о тщательном наблюдении кн. Андроникова за их движением»¹¹³.

Тот же Спиридович, сам знавший немало, удостоверял: Андроников «знал все, кроме революционного подполья». Здесь, по собственному признанию князя, он уступал Манасевичу-Мануйлову¹¹⁴, другому проходимцу родственного типа.

Совершенно очевидно, что «адъютант господ бога» в своей деятельности руководствовался исключительно личными, притом грубо земными, интересами. Но в том-то и состояла логика вещей изучаемого периода, что Андроников неизбежно при этом вовлекался в политику. В силу специфики избранного князем бизнеса и образа жизни, весьма сомнительных с точки зрения уголовного законодательства, он хотя бы из соображений безопасности должен был стремиться иметь «своего» министра внутренних дел, «своего» директора департамента полиции и т. д. Осуществлять это ему удавалось потому, что и Распутин, и верховная царская власть в своей политике руководствовались такими же личными интересами: «свой» министр внутренних дел, «свой» директор департамента полиции и т. д. В этом ключ к объяснению появления на политической авансцене и в поле зрения царской четы, помимо Андроникова, таких фигур, как Манасевич-Мануйлов, Манус, Рубинштейн и им подобные. Царизм на последнем этапе своего существования вошел в прямой союз с уголовниками и жуликами. Власть опустилась до андрониковых и стала властью андрониковых.

Факт этот имеет принципиальное значение. В частности, он доказывает абсолютную неправомочность противопоставления политики как таковой и министерских назначений, противопоставления, при помощи которого апологеты царизма из правоземлигрантского лагеря пытались доказать, что Распутин не играл никакой политической роли¹¹⁵. В том-то и заключалась вся суть, вся особенность тогдашнего политического момента, что борьба между

царизмом и Думой велась именно вокруг лиц и в связи с лицами, за или против назначения того или иного премьера или министра внутренних дел, что на деле и означало борьбу за реакционный или либеральный политический курс.

Личный подход двора и Андроникова к министерским назначениям породил и одинаковость критериев при выборе того или иного кандидата, среди которых бесчестность, карьеризм и политическая ничтожность в конечном итоге были решающими, ибо в противном случае министр не мог быть «своим». Этим и объясняется та поразительная легкость, с какой Андроников нашел дорогу сперва к сердцу «Ани», а затем и ее августейшей покровительницы.

На допросе Андроников пытался уверить комиссию, что он привел Хвостова к Вырубовой «случайно», по ее инициативе и уже после того, когда царем было решено сделать Хвостова преемником Щербатова¹¹⁶. Однако переписка царской четы полностью опровергает эту версию: до появления Андроникова в Царском Селе императрица и Горемыкин примеривали на пост министра внутренних дел совсем других людей, в частности упомянутого Нейдгарта.

Впервые имя Хвостова в качестве возможного кандидата на пост министра внутренних дел императрица упоминает в письме от 3 сентября, причем наряду с тем же Нейдгартом. Из ее последующих писем видно, что эта кандидатура была подсказана ей именно Андрониковым. Андроников, писала она 7 сентября, «продолжает восхвалять Хвостова и убеждает в этом Горемыкина... Андрон[иков] говорит, что петр[оградские] забастовки вызваны огромными промахами Щербатова».

С того момента императрица пишет только о Хвостове. С каждым письмом ее восторги нарастают. На другой день она посылает царю речь Хвостова в Думе со следующим комментарием: «Она исполнена ума, честности и энергии. Видно, что этот человек жаждет быть тебе полезным». «Я уверена,— пишет Александра Федоровна спустя два дня,— что он подходящий человек для теперешнего момента, так как никого не боится и предан тебе». «Прошу тебя, назначь Хвостова на его (Щербатова.— А. А.) место,— читаем мы в письме от 11 сентября.— Он очень желает меня видеть, считает, что я одна могу спасти положение, пока ты в отсутствии (сказал это Андр.), хочет поговорить со мной по душе и высказать мне все свои мысли. Он очень энергичен, никого не боится и всецело предан тебе, что самое важное в нынешнее время... Он не такой трус и тряпка, как Щ[ербатов]». «Пожалуйста, помни о Хвостове»,— долбит царица в ту же точку в письме от 15 сентября.

Все это еще при заочном знакомстве, со слов Вырубовой, при сопротивлении Горемыкина, настаивавшего на своем кандидате — Крыжановском, в отсутствие Распутина, находившегося в то время в Покровском. Хвостов и Андроников отлично понимали, что решающее слово будет принадлежать не премьеру,

а «старцу» и, конечно, не ошиблись. «Теперь, когда и Гр[игорий] советует взять Хвостова,— пишет царица 17 сентября,— я чувствую, что это *правильно*». Крыжановский, по его мнению, очень дурной человек. Дальше она описывала свою встречу с Хвостовым, от которого была в полном восторге: «Ну вот я больше часу говорила с Хвостовым и полна наилучших впечатлений... И пришла к заключению, что работа с таким человеком будет удовольствием». Изложив подробно содержание беседы, она снова повторяет: «Правда, дружок, он, по-моему, самый подходящий... он видит и думает, как мы...»

Но этого царице показалось мало. В тот же день она пишет второе письмо, в котором Хвостов — главная тема. Хвостов «*не позволит никому нас затронуть*», он опытен и молод, хорошо знает крестьян, имеет свои взгляды на печать и т. д.

Реакция царя была быстрой и решительной. «Только что получил твое последнее письмо от 17-го, в котором ты говоришь о хорошем впечатлении, произведенном на тебя молодым Хвостовым,— пишет он 18 сентября.— Я уверен был в этом, зная его по прошлому, когда он был губернатором в Вологде, а позднее в Нижнем. И чтобы не терять времени, я немедленно повидать его в тот день, как приеду, в 6 часов». Через два дня царь возвращается в Царское, а спустя пять дней Хвостов назначается министром внутренних дел.

С Белецким все было проще и быстрее, потому что его уже непосредственно рекомендовал Распутин. «Он (Распутин.— А. А.),— пишет царица в ставку 20 сентября,— ужасно страдает от клеветы и подлых сплетен, которые печатаются о нем». Хвостов и Белецкий — вот люди, которые смогут положить этому конец. «Белецкий мне понравился,— сообщает она 10 октября.— Вот тоже энергичный человек!»¹¹⁷

Спиридович, непосредственно наблюдавший крупную игру, затеянную тремя проходимцами, характеризовал ее следующим образом: «Впервые за мою службу три ловких политических интригана подошли к царице Александре Федоровне не как к императрице, а как к простой честолюбивой женщине, падкой на лесть и не чуждой послушать сплетни. Подошли смело, отбросив всякие придворные этикеты, и ловко обошли ее, используя в полной мере ее скромную по уму, но очень ревнивую к своему положению подругу А. А. Вырубову. То, что нам, служившим около величеств, по своей смелости и цинизму не могло прийти в голову, то было проделано артистически тремя друзьями: Хвостовым, Белецким и Андрониковым»¹¹⁸.

Письма царицы, в которых она излагает свою беседу с Хвостовым, полностью подтверждают это наблюдение. Хвостов ловко, хотя и грубо, играл на ненавистных царице именах, особенно на имени Гучкова, дав понять, что сам он именно тот человек, который может с ним справиться, хаял Поливанова и Кривошеина, говорил о подготовке выборов в V Думу и т. д., т. е. спекулировал на симпатиях и антипатиях царицы, в полной мере

эксплуатируя ее самоуверенность и ограниченность. В качестве главного орудия шла в ход грубая лесть. Андроников сказал «Ане», сообщает царица, что «Хвостов остался очень доволен этим разговором, и много других любезностей, которые я не стану повторять»¹¹⁹.

Тот же Спиридович очень точно уловил, так сказать, принципиальную новизну, происшедшую в характере правительственной власти после того, как возглавили главное ведомство Хвостов и Белецкий. «Теперь, с приездом Распутина, случилось то, чего еще не случалось на верхах русской бюрократии. Хвостов и Белецкий цинично откровенно вошли с Распутиным в совершенно определенные договорные отношения о совместной работе... Впервые два члена правительства как бы фактически, официально признали Распутина и его влияние»¹²⁰.

Как возникли и чем кончились эти договорные отношения и «совместная работа», мы узнаем прежде всего из показаний Белецкого. В его версии события развивались следующим образом. Осенью 1915 г., когда Белецкий вернулся в Петроград, к нему позвонил Андроников, который «имел громадное значение», с просьбой зайти. При свидании он сообщил Белецкому, что за время его отсутствия он «близко сошелся с Распутиным, проник через него в особое доверие к А. А. Вырубовой» и что предстоят большие перемены в составе кабинета, которые открывают хорошие перспективы и перед ним, Белецким, поскольку почва для этого Андроников уже достаточно подготовил. Взамен Андроников поставил условие «действовать с ним солидарно».

Под «строгим секретом» он сообщил Белецкому, что еще летом им выставлена кандидатура Хвостова на пост министра внутренних дел, для чего он «сблизил» последнего с Воейковым и Вырубовой, что Хвостов был уже принят государыней, произвел на нее «самое лучшее впечатление», и теперь готовится почва для приема его царем. Успех дела обеспечен, все делается «очень тонко», даже в тайне от Горемыкина, имеющего своего кандидата — Крыжановского.

На другой день на квартире Андроникова в присутствии епископа Варнавы (ставленника Распутина) состоялось свидание Белецкого с Хвостовым, положившее начало ряду дальнейших ежедневных свиданий, тесно их сблизивших. Затем состоялась их совместная поездка к Вырубовой и Воейкову. Все это убедило Белецкого, что Андроников говорил правду. Этот же Андроников, «пользуясь своим сильным... влиянием» на Горемыкина, уговорил последнего не препятствовать назначению Хвостова, уверяя премьера, что новый министр будет его слушаться, а в случае чего он может воздействовать на него через А. А. Хвостова. Относительно Белецкого у Горемыкина никаких возражений не было¹²¹.

После того как Хвостов и Белецкий получили свои посты, для них главной проблемой стал Распутин. С одной стороны, они должны были продолжать сохранять с ним самые тесные и дружеские отношения, ибо немилость «старца» означала конец

карьеру и наоборот. С другой — надо было эти отношения тщательно скрывать во избежание полной политической и моральной компрометации перед Думой и помещичье-буржуазной «общественностью». Задача была трудная, и, несмотря на все ухищрения и маневры, решить ее друзьям не удалось.

План взаимоотношений с Распутиным был выработан троицей еще до приезда Распутина из Покровского. Непосредственные сношения с Распутиным (чтобы охранить «официальное положение и семейную жизнь» министра внутренних дел и его товарища) возьмет на себя Андроников. Князь должен был представлять им для «исполнения» просьбы «старца» и принимать просителей, имевших дела по Министерству внутренних дел и обращавшихся к Распутину, чтобы избежать их появления с письмами Распутина в приемных. Чтобы избавить «старца» от необходимости брать с просителей деньги, Андроников должен выдавать ему 1,5 тыс. руб. в месяц (разумеется, казенных, из сумм департамента полиции), но не сразу, а частями, для того чтобы иметь «более частые с ним свидания на предмет влияния на него».

Из этого отнюдь не следовало, что Хвостов и Белецкий отказались от личных встреч с Распутиным. Наоборот, такие встречи были предусмотрены. Согласно плану, эти совещания должны были происходить на квартире у Андроникова «путем приглашения Распутина на обеды в самом тесном кружке своих лиц, чтобы, не стесняясь, иметь возможность влиять на Распутина по тем вопросам, по коим нужно было А. Н. Хвостову подготовить благоприятную почву наверху». Одновременно Андроников предложил к услугам Хвостова «для проведения его начинаний и поддержки его» свою газету «Голос Руси», которую он наметил к изданию с нового, 1916 г. По примеру «Гражданина» этот орган должен был «вести главным образом кампанию против тех членов кабинета, сановников и других лиц, кои ему или кому-нибудь из близких к нему лиц были по тем или другим соображениям или лично неприятны, или неудобны в политической игре».

Но, как признал Белецкий, Распутин сразу перечеркнул весь этот план. Он сразу отбросил конспирацию и начал отправлять своих просителей непосредственно к Хвостову и Белецкому, звонить им по телефону не только на службу, но и на квартиру. Все эти письма и звонки принимались дежурными курьерами, ординарцами и секретарями, и Хвостова это «в особенности волновало»¹²². Как признал Белецкий, троица явно недооценила ум, хитрость и подозрительность Распутина. Нет сомнения, что Распутин намеренно афишировал свою близость к Хвостову, чтобы, во-первых, связать с собой, а во-вторых, проверить таким путем его надежность и преданность.

В план срочно пришлось вносить коррективы, которые, однако, мало что изменили. Тогда у Хвостова возникла идея отправить Распутина по монастырям в сопровождении двух монахов — игумена Мартемиана, давнего знакомого Хвостова по Вологде, и архимандрита Августина (совершенно отпетых негодяев). Даже

на Белецкого и Андроникова эти субъекты «произвели кошмарное впечатление». Главной задачей Мартемиана было спаивание «старца» во время поездки¹²³. Поэтому Хвостов дал указание Белецкому на поездку денег не жалеть, с чем последний охотно согласился. Одновременно было выдано 10 тыс. руб. и Андроникову за все хлопоты с обедами и пр. Мартемиан оговорил свое согласие возведением его в сан архимандрита, что и было обещано.

Распутин сделал вид, что согласен на поездку, получил на дорожные расходы 5 тыс. руб., но выдвинул условие: он хочет «у себя в губернии» иметь своего губернатора, а именно Ордовского-Танеевского, управляющего пермской казенной палатой. Как только эта просьба была исполнена, Распутин тут же заявил, что он никуда не поедет, и друзья поняли, что проиграли.

С большим трудом Хвостову и Белецкому удалось на время погасить «начало недоверия», а затем и «отчуждение» Распутина и Вырубовой к ним, которые возникли, как считал Белецкий, именно в связи с проектировавшейся поездкой¹²⁴.

Однако взамен появились осложнения с другим членом компании — Андрониковым, который начал предъявлять к оплате векселя, выданные ему Хвостовым. Андроников требовал, чтобы кандидаты на центральные посты в Министерстве внутренних дел обязательно согласовывались с ним. На этой почве возник конфликт, когда при двух назначениях Хвостов поступил вопреки настойчивым просьбам князя. Узнав об этом, Андроников заявил, что Хвостов и Белецкий нарушают заключенный между ними «контракт» и пригрозил, что он «расшифрует» все их планы Распутину, Вырубовой и Воейкову. Хвостов сильно встревожился. Князь был компенсирован другими назначениями, но черная кошка уже пробежала между друзьями.

Провал плана удаления Распутина из Петрограда и боязнь закулисных влияний Андроникова заставили Хвостова и Белецкого задуматься на том, как закрепить свое влияние на Распутина непосредственно, без услуг князя, а последнего постепенно и незаметно лишить доверия у Вырубовой. Здесь им повезло. Распутин обнаружил, что Андроников обманывает его при денежных расчетах в связи с реализацией тех или иных ходатайств, и заявил друзьям, что им лучше встретиться в другом месте. Была нанята для свиданий специальная квартира, а при встрече Вырубова спросила у Белецкого, правда ли, что Андроников — «такой плохой человек». Спустя некоторое время Вырубова сказала Белецкому, что она и Распутин Андроникову «совершенно не доверяют». В результате свидания Хвостова и Белецкого с князем стали реже, а с Распутиным у них «установилась прочная, вне князя связь»¹²⁵.

Логика развития отношений между членами шайки всегда одинакова — в конце ссора и вражда. Настал черед сцепиться в отчаянной схватке и самим Аяксам — Хвостову и Белецкому. После того как Хвостов был утвержден министром (вначале его назначили управляющим министерством) и получил Анну I сте-

пени, он решил в отношении Распутина действовать иначе. Сначала намеками, а затем все более прямо он стал вести с Белецким разговоры о вреде Распутина, о том, что теперь «старец» им не только не нужен, «но даже опасен». Если их связь с Распутиным станет известна, это сделает положение Хвостова в семье, обществе и Думе совершенно невозможным, а устранение Распутина «очистит атмосферу», принесет удовлетворение обществу, «умиротворит» Думу и т. д. Короче говоря, Хвостов предложил своему напарнику организовать убийство «старца», уверяя, что «при умелой организации этого дела» их положение в глазах «августейших особ» и Вырубовой не пошатнется.

Белецкий немедленно сообщил об этом замысле Комиссарову, своему другу и советчику, в обязанность которого входили охрана и информация о деятельности Распутина. Матерый жандармский волк¹²⁶ уже при первом свидании с Хвостовым понял, что имеет дело с проходимцем, потому отказал ему даже во внешней почтительности. Удивленному Белецкому генерал пояснил, что, «зная близко» многих министров внутренних дел, он в Хвостове «не мог почувствовать» такогого. И теперь Комиссаров доказал своему старшему коллеге, что Хвостов по отношению к нему «не искренен», ведет двойную игру и убийство Распутина, будь оно осуществлено, свалит на него, Белецкого. Кроме того, Хвостов «чужд конспиративности», т. е. болтун, что совершенно противопоказано для подобной операции. В результате было решено обмануть Хвостова: оба на словах соглашались с его замыслом, а на деле саботируют убийство путем критики всех предлагаемых конкретных его планов.

Началась серия взаимных обманов, инсценировок и т. п. совершенно уголовного пошиба, описание которых у Белецкого заняло много десятков страниц. Хвостов очень нажимал, в частности предлагал Комиссарову 200 тыс. руб., разумеется казенных. Один из планов, предложенных Хвостовым, состоял в том, чтоб послать Распутину ящик отравленной мадеры якобы от имени банкира Рубинштейна, которого потом и обвинить в убийстве.

Последняя часть этой многосерийной уголовной хроники свершилась уже после назначения Штюмерера председателем Совета министров. Это назначение окончательно убедило Хвостова, что его игра с Распутиным проиграна, и он решил форсировать события. Последний эпизод, связанный с попыткой убить Распутина, получил название «дела Ржевского». Благодаря взаимным разоблачениям Хвостова и Белецкого он попал в печать и вызвал громкий скандал, закончившийся их обоюдной отставкой.

В немногих словах эта длинная и сложная история выглядит следующим образом. Хвостов в тайне от Белецкого послал к бежавшему в Норвегию злейшему врагу Распутина, Илиодору, некоего Ржевского, темную личность, с поручением уговорить бывшего иеромонаха, уже пытавшегося однажды убить «старца», взять на себя организацию убийства Распутина.

Белецкий, которому стало известно об этой миссии, опасаясь

козней своего шефа, арестовал Ржевского. Показания последнего были таковы, что Хвостов пошел ва-банк: добился назначения Белецкого иркутским генерал-губернатором. В ответ Белецкий в тайне от Хвостова организовал свидание с митрополитом Питиримом, Штюрманом и Распутиным и рассказал им про замыслы Хвостова в отношении «старца», предупредив, что теперь, когда он, Белецкий, вынужден будет уехать, Хвостов «так или иначе покончит с Распутиным». Затем Белецкий встретился с Вырубовой и повторил свой рассказ. В свою очередь, Хвостов, еще не зная, что он предан, стал добиваться свидания с Вырубовой и Распутиным, чтобы изложить им свою версию дела Ржевского, но безуспешно. Тогда, чтобы запугать их, он прибегнул к обыскам у некоторых близких к Распутину лиц, арестовав его секретаря Симановича (карточного шулера и ростовщика), угрожая арестовать и самого Распутина. Но это уже был шаг отчаяния. «А. Н. Хвостов понял, что его игра проиграна». Министром внутренних дел стал Штюрман. Но и Белецкий не уехал в Иркутск. Причиной стала беседа с редактором «Биржевых ведомостей» Гакебушем о деле Ржевского, которую Гакебуш опубликовал, нарушив слово держать рассказ в тайне. Возникший скандал окончился отставкой Белецкого с рекомендацией на некоторое время уехать из Петрограда.

«Дамы» — императрица и Вырубова, а также «Друг» были потрясены историей с Хвостовым. «Пока Хв[остов] у власти и имеет деньги и полицию в своих руках, — писала в панике царица Николаю II в марте 1916 г., — я серьезно беспокоюсь за Гр[игория] и Аню».

Потрясение усугублялось сознанием, что в глазах царя поставлена под удар непогрешимость «старца» в качестве мудреца и советчика, ибо именно он рекомендовал Хвостова на пост министра внутренних дел¹²⁷.

Казалось бы, что после всего случившегося Хвостов должен стать одной из самых ненавистных для двора фигур. Однако ничуть не бывало. Когда первый гнев прошел, царица и Распутин стали сожалеть о нем как о большой потере. Распутину «грустно, что такой способный человек, как Х[востов], окончательно сбился с правого пути», — писала Александра Федоровна в ставку 6 марта¹²⁸. Более того, как сообщил Шавельскому ктитору Федоровского собора полковник Ломан, близко наблюдавший царскую чету, царица однажды сказала своему супругу: «Если бы Хвостов пришел к нам и выразил желание примириться, я рада была бы простить его»¹²⁹. В свою очередь, Николай II фактически также сожалел, что лишился Хвостова. 5 марта (т. е. за день до письма царицы) он сообщал жене: «Хв[остов] написал длинное послание, говорит о своей преданности и т. д., *не понимает* причины (увольнения. — А. А.) и просит принять его. Я переслал это Шт[юрмеру] с надписью, что я никогда не сомневался в его преданности, но приму его позднее, если он своим хорошим поведением и тактом заслужит, чтоб его приняли. Проклятая вся эта история»¹³⁰.

Как же объяснить этот загадочный феномен? Ответ в следующем: не только царица и Распутин, но и царь, когда назначали Хвостова министром, *знали*, с кем они имеют дело. Более того, *именно это обстоятельство* и решило вопрос в пользу Хвостова. В своих показаниях А. А. Хвостов сообщил, что, когда царь спросил его мнение о племяннике как кандидате в министры внутренних дел, он дал самую отрицательную характеристику: «Я высказал свое совершенно отрицательное мнение. Сказал, что этот человек безусловно несведущ в этом деле... Что никакой пользы я от этого не ожидаю, а в иных отношениях ожидаю даже вред». И далее он пояснил: Хвостов интриган, будет добиваться поста председателя Совета министров, и вся его служебная деятельность «будет посвящена не делу, а чуждым делу соображениям». Царь во время этой беседы был на высоте: «Государь очень благодарил меня за откровенные мнения»¹³¹.

В своей «Записке о верховной власти» Протопопов рассказывает: люди, имевшие доступ ко двору, делились на «своих» и «не своих»¹³². Хвостов был «свой». Белецкий специально подчеркивал, что назначение Хвостова состоялось тогда, когда у царской четы и в особенности Распутина «окончательно» созрела мысль о необходимости в сложившихся условиях «иметь... только своих людей, в личной преданности которых они не могли сомневаться»¹³³. Хвостов и считался таким лично преданным. Он был «своим» в том смысле, что стоял на тех же позициях, что и его августейшие покровители. Иными словами, аморальность и беспринципность являлись тем пропуском и свидетельством благонадежности, которые открывали доступ к тесной группе «своих». Здесь действовал принцип шайки, принцип мафии¹³⁴.

Дядя как в воду глядел, когда предсказывал, чем будет заниматься племянник, став министром. В союзе с митрополитом и Распутиным он, по словам Комиссарова, стал «валить» Горемыкина, чтобы занять его место¹³⁵. Об этом же свидетельствует и Белецкий¹³⁶. За время своего управления министерством, показал тот же Белецкий, Хвостов «старался как в центральное ведомство, так и на видные места по министерству в провинции проводить своих родственников и близких своих знакомых», а в Орловской, Тульской и Вологодской губерниях он в интересах своего будущего избрания в Думу не только всю администрацию, но и судебное и духовное ведомства заполнил своими ставленниками¹³⁷.

Но этого ему показалось мало, и он решил, следуя примеру своих августейших покровителей и Распутина, заполнить «своими» и Совет министров. Так, в частности, на должность обер-прокурора святейшего синода он провел своего свойственника А. Н. Волжина, хотя понимал, что тот для нее «не подготовлен»¹³⁸. Другого свойственника, графа В. С. Татищева, решил сделать министром финансов, для чего начал интригу против Барка с целью свалить его.

Белецкому он объяснил, что в лице министра финансов хочет

«иметь человека, обязанного ему своим назначением», для того чтобы тот «не стеснял его в отпусках денежных ассигнований на департамент полиции, прессу (т. е. ее подкуп.— А. А.)... и на предстоящую избирательную в Государственную думу кампанию»¹³⁹. Но Хвостов явно просчитался, недооценив противника. Барк имел сильные придворные связи, был в хороших отношениях с Горемыкиным, Андрониковым. Пост свой он получил благодаря князю Мещерскому. Хвостов потерпел поражение.

Надо ли говорить, что никакими государственными делами как таковыми Хвостов не занимался, да и не мог заниматься. Специалистом по части полиции считался Белецкий, но и он, по собственному признанию, занятый интригами, забросил служебные дела. Только для политического отдела ввиду его особой важности он «урывал» время, а на остальные отделы времени уже не хватало¹⁴⁰.

Итак, тройка, начавшая «чехарду», застряла на промежуточном финише и вышла из игры. Хвостов не стал председателем Совета министров, Белецкий — министром внутренних дел, как мечталось. Андроников впал в немилость при дворе и даже был выслан из Петрограда. Эстафету подхватила другая компания, не менее славная.

Футляр-премьер

«Опыт князя Андроникова, сумевшего провести в министры Алексея Хвостова, — писал хорошо осведомленный современник, — подал Мануйлову мысль провести Штюрмера в премьеры... Переговорив со Штюрмером и обсудив все дело, Мануйлов принял за дело». Он убедил Распутина, Вырубову и митрополита Питирима, что Штюрмер — тот человек, который нужен: «сумеет поладить и с Государственной думой и в то же время будет держать твердый правительственный курс». «Сам Мануйлов, — добавлял в скобках автор, — в это не верил». «Дело» пошло по накатанной колее. Началось деликатное давление на царицу. Затем Питирим поехал в ставку убеждать царя. Мануйлов мечтал в связи с назначением Штюрмера получить пост директора департамента полиции. Стремление Хвостова стать премьером, по его мнению, было нереальным: у Распутина он вызывает смех, «толстый», провинциален, несерьезен и легкомыслен. Отношения Распутина и Хвостова, считал он, несомненно, кончатся большим скандалом. «Сведения Мануйлова, — заключал рассказ Спиридович, — были верны, но только он преувеличивал свою роль»¹⁴¹.

На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Манасевич-Мануйлов, наоборот, стремился по понятным причинам уменьшить свое участие в продвижении Штюрмера в премьеры. По его словам, когда он приехал к Питириму с ответным визитом (первый визит нанес митрополит), то от него узнал, что кандидатура Штюрмера уже выдвинута и обсуждается при дворе. Только после этого Мануйлов поехал к Штюрмеру и возобновил старое

знакомство, начатое еще во времена Плеве, когда Мануйлов состоял при нем чиновником особых поручений, а Штюмер занимал пост директора департамента общих дел Министерства внутренних дел¹⁴². Но вряд ли эта версия соответствует действительности. Питирим еще был новым человеком в Петрограде, мало кого знал и в стремлении обзавестись «своим» председателем Совета министров неизбежно должен был обращаться за информацией и советами к людям, подобным Мануйлову. Так что рассказ последнего Спиридовичу более соответствует истине, хотя, несомненно, велся он с целью поднять свои акции в глазах собеседника. В данном случае можно считать соответствующим истине утверждение Хвостова, что «не Штюмер создал Мануйлова, а Мануйлов создал Штюмера... взял (!) через Гришку того, кого нужно было, председателем Совета министров»¹⁴³.

Следует, однако, подчеркнуть, что и на этот раз, как и в истории с назначением Хвостова, царю был предложен кандидат, которого он не только знал, но и ценил. Сам Штюмер на допросе показал, что после смерти Плеве царь имел в виду именно его сделать министром внутренних дел. Однако назначение не состоялось из-за того, что пришлось остановиться на другом кандидате — Святополке Мирском. Штюмер же в порядке компенсации был назначен членом Государственного совета, что по тогдашним меркам было совершенно исключительным явлением: таковыми становились лишь бывшие министры, даже товарищи министров не удостоивались такой чести. В дальнейшем, по мнению Штюмера, ему тоже не повезло: по ряду причин предпочтение отдавалось то Столыпину, то Маклакову, а он так и оставался вне министерского поста¹⁴⁴.

Этот ответ был дан Штюмером на вопрос председателя, почему Николай II не вспоминал о нем вплоть до января 1916 г. На самом деле царь вспомнил о Штюмере за три года до этого, в 1913 г., решив назначить его московским городским головой. Только отчаянное сопротивление В. Н. Коковцова, тогдашнего премьер-министра, заставило Николая II, выразившего свое крайнее недовольство позицией премьера, отказаться от своего намерения. Коковцов аргументировал свое несогласие одиозностью Штюмера, угрозой открытого конфликта в случае его назначения между буржуазной Москвой и центральной властью¹⁴⁵.

На этот раз все шло в очень хорошем темпе. 4 января 1916 г. имя Штюмера впервые упоминается в письме царицы («Милый, подумал ли ты серьезно о Штюмере?»), а 17 января он уже был назначен премьером. Из переписки видно, как развивались события. 5 января Николай II сообщал супруге: «Не перестаю думать о преемнике старику (Горемыкину. — А. А.). В поезде я спросил у толстого Хв[остова] его мнение о Штюмере. Он его хвалит, но (!) думает, что он тоже слишком стар и голова его уже не так свежа, как раньше». Но царица думала на этот счет иначе. «У него голова *вполне* свежа. Видишь ли, у Х[востова] есть некоторая надежда получить это место, но он слишком молод», — писала она 7 января.

Из дальнейшего видно, что кандидатура Штюмера была уже обстоятельно обсуждена с Распутиным. «Только не разрешай ему менять фамилию (Штюмер хотел избавиться от своей немецкой фамилии, взяв фамилию жены, урожденной Паниной. — А. А.)», — требовала императрица, потому, что «Друг», как царь помнит, считает, что смена фамилии принесет только вред. Штюмер хорош еще и потому, что «он высоко ставит Гр [игория], что очень важно».

Но царь продолжал колебаться. Того же 7 января он делится с женой своими сомнениями: «Я продолжаю ломать себе голову над вопросом о преемнике старику, если Штюм [ер] действительно недостаточно молод (68 лет. — А. А.) или современен». Для императрицы же сомнений не существовало, раз «Друг» был за. «Наш Друг сказал о Штюмере: „не менять его фамилии и взять его хоть на время, так как он, несомненно, очень верный человек и будет держать в руках остальных (министров. — А. А.). Пусть возмущается кто угодно, это неизбежно при каждом назначении“». Это было написано 9 января. В тот же день царь попросил во избежание толков и предположений Штюмера в ставку не посылать (как того хотели императрица и «Друг»). «Я хочу, — пояснял он, — чтобы его назначение, если оно состоится, грянуло как гром. Поэтому приму его, как только вернусь».

Так и было сделано — царь приехал и «гром грянул». По возвращении в ставку Николай II писал 28 января: «Что же касается других вопросов, то я на этот раз уезжаю гораздо спокойнее, потому что имею безграничное доверие к Штюм [еру]»¹⁴⁶.

Что же представляла собой новая троица, возникшая на горизонте большой политики? Наиболее яркой фигурой являлся, несомненно, И. Ф. Манасевич-Мануйлов, один из самых крупных и талантливых аферистов своего времени. В 1915 г. ему было 46 лет. Родился Манасевич в бедной еврейской семье. Отец его за подделку акцизных бандеролей по приговору суда был сослан в Сибирь на поселение. Там его старшего сына усыновил богатый сибирский купец Мануйлов, оставивший ему в наследство 100 тыс. руб., которые, однако, Иван мог получить лишь по достижении 35-летнего возраста. В 80-х годах Мануйлов приехал в Петербург и, занимая деньги у ростовщиков под будущее наследство, стал вести широкий образ жизни. Завязал близкие отношения с редактором «Гражданина» князем Мещерским и директором департамента духовных дел иностранных исповеданий А. И. Мосоловым. С 1890 г. начал сотрудничать в газете «Новое время» и одновременно в Петербургском охранном отделении. В 1899 г. Мануйлов был назначен агентом департамента духовных дел в Рим. Одновременно по поручению департамента полиции вел с 1901 г. наблюдение за русскими революционными группами за границей. В 1902—1903 гг. находился в Париже, куда был послан по приказанию Плеве для информации и подкупа иностранной прессы. Во время русско-японской войны занимался контрразведкой за границей. Добыл часть японского дипломатического шифра, чертежи орудий и т. д.

В 1905 г. Мануйлов создал и возглавил особый отдел при департаменте полиции, в задачу которого входило наблюдение за иностранными шпионами и добыча шифров иностранных государств. Вскоре, однако, Мануйлов по приказанию нового товарища министра внутренних дел А. Ф. Трепова был освобожден от своих обязанностей, а затем командирован в распоряжение председателя Совета министров С. Ю. Витте, потому что, во-первых, слишком дорого брал за свои сообщения, во-вторых, часто сообщаемые им сведения были несерьезны, и, в-третьих, он не доплачивал своим сотрудникам. В начале 1906 г. Витте командировал его в Париж для переговоров с Гапоном. В сентябре 1906 г. Мануйлов был уволен в отставку и стал подвизаться на журналистском поприще в газетах «Новое время» и «Вечернее время» (псевдоним «Маска»). Одновременно занялся проведением частных дел в разных министерствах, вымогая у своих клиентов крупные денежные суммы. В связи с этим было начато предварительное следствие, которое, однако, по настоянию Министерства внутренних дел, опасавшегося нежелательных разоблачений, было прекращено. В 1908 г. Мануйлов был объявлен несостоятельным должником. К описываемому моменту он, оставаясь сотрудником двух названных газет, являлся одновременно информатором Белецкого, когда тот был товарищем министра внутренних дел, и осведомителем следственной комиссии генерала Батюшина, в задачу которой входило расследование злоупотреблений в тылу. Был тесно связан с банкиром Д. Л. Рубинштейном, известным «Митькой», и, как уже говорилось, с Распутиным и Питиримом¹⁴⁷.

Биография, как видим, достаточно красочная и говорит сама за себя.

Недаром Столыпин при увольнении Мануйлова из министерства на докладе о нем наложил резолюцию: «Пора сократить этого мерзавца»¹⁴⁸. «Мерзавец» был уволен, но прежнюю свою деятельность не прекратил и не сократил. В 1915—1916 гг. она достигает своего апогея.

Далеко не однозначной личностью был и митрополит Питирим. Сын рижского протоиерея, в миру Павел Окнов, он по пострижении в монахи начал свою духовную карьеру, которая шла ни шатко ни валко, с переменным успехом. Положение резко изменилось после сближения с Распутиным. «Старец» нуждался не только в «своем» министре внутренних дел, но и в «своем» митрополите, причем непременно петроградском и ладожском, поскольку именно петроградский владыка считался первым церковным иерархом, председательствовавшим в синоде. В результате в ноябре 1915 г. митрополит Владимир, убежденный противник Распутина, был перемещен на киевскую кафедру, а его место занял открытый распутинский ставленник, назначенный сперва экзархом Грузии, а затем митрополитом по прямому указанию «старца». Утверждение Хвостова о том, что «Питирим был явление служебное у Распутина, не он влиял на Распутина, а Распутин на него»¹⁴⁹, соответствовало действительности.

По свидетельству Наумова, в бытность его самарским губернским предводителем дворянства, когда «Самара имела несчастье иметь Питирима своим архиепископом», на собрании дворянских предводителей и депутатов губернии было решено его бойкотировать. Поводом послужила телеграмма Питирима Распутину с выражением сердечных соболезнований и мольбой о выздоровлении по случаю покушения, произведенного на «старца» в апреле 1914 г. одной из бывших его поклонниц, Хионией Гусевой. В Петрограде во время службы в соборе Наумов демонстративно не подходил под благословение «владыки». Питирим жаловался вместе с Распутиным на Наумова в Царском Селе ¹⁵⁰.

Сам по себе Питирим был весьма ограниченным человеком. По мнению Мануйлова, вряд ли способным написать самостоятельно серьезный доклад или записку ¹⁵¹. При нем неотлучно находился некий Осипенко, считавшийся секретарем митрополита, но на деле являвшимся его фактотумом. Хвостов со знанием дела утверждал, что «не Питирим создал Осипенко, а Осипенко создал Питирима!» ¹⁵². Чтобы как-то замаскировать слишком бросающиеся в глаза странно близкие отношения главного сановника церкви и безвестного субъекта, Питирим выдавал Осипенко за своего воспитанника. Однако молва приписывала этой паре иные отношения, весьма предосудительного свойства.

«Секретарь» митрополита был обыкновенным проходимцем и взяточником. Он и Мануйлов, как истые авгуры, сразу поняли друг друга и не только нашли общий язык, но и вместе кутили ¹⁵³.

Совершенно очевидно, что Питирим должен был стать и действительно стал человеком, очень близким к царской чете. Пойди к Питириму, советовал Распутин Андроникову, «он очень хороший человек... Он наш...» ¹⁵⁴. «Из всех лиц в составе правящего класса (в смысле группы.— А. А.)... прошедших через Распутина,— свидетельствовал Белецкий,— никто не пользовался таким постоянным и неизменным доверием как у государя и государыни, так и у Вырубовой, как владыка» ¹⁵⁵. К его мнениям по государственным и церковным вопросам, а также к оценкам и отзывам о тех или иных людях «высокие особы» весьма прислушивались. Поездки Питирима во дворец конспирировались.

Третий член компании — Штюрмер также был весьма примечательной фигурой. До того как Штюрмер стал директором департамента общих дел Министерства внутренних дел, он был губернатором в Новгородской и Ярославской губерниях, а до того в течение 15 лет служил в Министерстве двора, где заведовал церемониальной частью — единственная область, в которой он действительно знал толк. Церемониал был его подлинным призванием, стихией, предметом горделивых воспоминаний ¹⁵⁶. К государственной деятельности он не годился совершенно ¹⁵⁷. Даже в свои лучшие годы отличался крайней ограниченностью и отсутствием всяких способностей к административной работе. Но определенная ловкость, хитрость и беспринципность, а также знание придворной среды и связи с лихвой компенсировали эти минусы,

которые с точки зрения двора, в описываемый период стали котироваться как плюсы, высшее доказательство благонадежности.

Царь отметил Штюмерера еще с того времени, когда тот был ярославским губернатором. На докладе Сипягина, объезжавшего Ярославскую губернию, Николай II наложил следующую резолюцию: «Желаю, чтобы другие губернаторы так же ясно понимали, давали себе отчет, так же исполняли поручения, мною возлагаемые, как Штюмерер»¹⁵⁸. С гордостью сообщая об этой резолюции следственной комиссии, Штюмерер скромно умолчал о том, кому он в действительности был обязан столь лестной оценкой.

Именно в Ярославле Штюмерер обзавелся человеком, который за него думал, писал, говорил, создавая своему шефу славу умного и делового губернатора. Этим человеком стал И. Я. Гурлянд, приват-доцент Демидовского юридического лица в Ярославле. Как говорили в чиновничьем мире, показывал Мануйлов, «Штюмерер был в интимных отношениях с мадам Гурлянд, и это, так сказать, их сблизило»¹⁵⁹. Когда Штюмерер перебрался в Петербург, Гурлянд, естественно, последовал за ним и получил должность чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел. В связи с этим шеф Штюмерера Плеве часто говорил: «Гурлянд — это мыслительный аппарат Штюмерера»¹⁶⁰.

Несмотря на отсутствие своего собственного «мыслительного аппарата», а вернее, благодаря этому Штюмерер отличался безграничным честолюбием. Он жаждал власти, причем любой. Об этом свидетельствует хотя бы его согласие в 1912 г. стать московским городским головой, что для члена Государственного совета, по тогдашним представлениям, было абсолютно недопустимо¹⁶¹. Когда Белецкий предупредил Горемыкина, что его отставка решена и вместо него назначается Штюмерер, Горемыкин не поверил и уверял, что дальше поста обер-прокурора желания Штюмерера не идут¹⁶².

В годы войны Штюмерер подвел под свои тайные притязания фундаментальную базу, создав у себя политический салон, разумеется, самого правого направления, который, как свидетельствовал Белецкий, с течением времени «начал приобретать значительное влияние»¹⁶³. Число участников салона росло. В него входили члены Государственного совета А. С. Стишинский, А. Л. Ширинский-Шихматов, В. Ф. Дейтрих, А. А. Макаров, Кобылинский, В. И. Гурко, князь Н. Б. Шербатов, А. А. Бобринский, сенаторы Римский-Корсаков, А. Б. Нейдгардт, Судейкин, М. М. Бородкин, сам Белецкий, председатель Совета объединенного дворянства А. П. Струков, члены Думы Г. Г. Замысловский и Ф. Н. Чихачев и ряд других. Кроме того, на собрания приглашались приезжавшие из провинции губернаторы, предводители дворянства, «владыки» и т. п.

Выносившиеся на собраниях постановления передавались затем «в форме пожеланий» через особо выбираемых депутатов «из видных представителей кружка» Горемыкину, а также другим

министрам. Через Штюмерера «пожелания» передавались также министру двора Фредериксу, который доводил их до сведения императора. «Значение политического салона Б. В. Штюмерера, — резюмировал в связи с этим Белецкий, — не могло, конечно, не выдвинуть его имя как политического деятеля, стоявшего на страже охраны монархического устоев, и его деятельность не могла не вызвать внимания к нему со стороны высоких сфер»¹⁶⁴. Но, признавал он, всех этих и других усилий Штюмерера добиться власти все же было недостаточно, и вопрос о его включении в состав кабинета продолжал оставаться открытым до тех пор, пока в это дело не вмешался Распутин¹⁶⁵. «Старец» — вот кто решал дело. Лишь после того как была создана цепочка Мануйлов—Питирим—Распутин, Штюмерер 17 января 1916 г. возглавил Совет министров.

О том, что представлял он собой в качестве главы правительства, можно судить по оценкам нескольких его здравомыслящих коллег. На министра иностранных дел Н. Н. Покровского Штюмерер производил впечатление человека не только ограниченного, но находившегося в состоянии старческого маразма. Штюмерер уже не мог ничего сформулировать. Чтобы высказать свое мнение, самые простые вещи он должен был предварительно записать на бумаге. «В Совете министров он не выступал». Возможно, говорил Покровский, это была «большая ловкость с его стороны», но вряд ли по своему «умственному настроению, степени интеллигентности... он был способен направлять что-нибудь». Когда речь шла о более или менее серьезных вопросах, Штюмерер «сидел как истукан... Он производил впечатление истукана и больше ничего»¹⁶⁶.

«Назначение Штюмерера... было ошеломляющим, видимо, для всех и лично для меня событием», — показывал Наумов. Это «какой-то ходячий церемониал... какой-то футляр»¹⁶⁷. В своих воспоминаниях Наумов писал: 19 января 1916 г. «докатился невероятный слух о назначении на место Горемыкина... Штюмерера. Мы были так ошеломлены показавшейся нам (министрам.— А. А.) совершенно несуразной новостью, что отмахнулись от нее как от какого-то страшного кошмара и разошлись по домам, будучи уверены в полной ее вздорности распущенного досужими озорниками „дикого“ слуха». Когда же на другой день появился указ о назначении, «ужас и отчаяние завладели всем моим существом. Должен сознаться, что при этом назначении у меня впервые возник настоящий жуткий страх за целостность российского престола и за спокойствие страны»¹⁶⁸. В качестве председателя, Штюмерер производил «впечатление напыщенного манекена». Как уверял Волконский, он был настоящим рамоликом, ничего не удерживавшим в голове.

Примерно так же реагировал и Поливанов. Назначение Штюмерера, свидетельствовал он, «было в высшей степени неожиданно... явствовало, что тут начало конца»¹⁶⁹.

Тем не менее «истукану» показалось мало быть только премье-

ром, он захотел еще стать министром внутренних дел. Для этой цели он вместе с Мануйловым ловко использовал «дело Ржевского», свалив при его помощи Хвостова, и занял место последнего. Но, разумеется, решающее слово и здесь было за Распутиным¹⁷⁰.

В коварстве, лживости и бесчестии Штюмер несколько не уступал последнему: «Я считал его всегда человеком фальшивым, двуличным, не особенно умным, хитрым, не верил ни одному его слову», — характеризовал Штюмера его коллега по кабинету А. А. Хвостов¹⁷¹. В качестве примера он ссылался на историю с пятиллионным кредитом.

Это одна из первых акций Штюмера в качестве председателя Совета министров, которая, кстати, была предпринята совместно с Хвостовым. На заседании Совета министров членам кабинета было предложено подписать уже готовый журнал, согласно которому сумма в 5 млн руб. ассигновалась в полное и бесконтрольное распоряжение министра внутренних дел. На недоуменные вопросы министров, откуда берется эта сумма, на какие нужды предназначается, почему проводится в нарушение закона, без санкций Думы и Государственного совета, и изымается из ведения государственного контролера, Штюмер твердил одно: ассигнование сделано по «высочайшему повелению», журнал, предложенный к подписи, доложен уже царю, и он приказал подписать его. Нажим был настолько грубый и бесцеремонный, что вызвал протесты со стороны нескольких министров, и во избежание скандала Штюмеру и Хвостову пришлось от этих 5 млн отказаться. Как позже выяснилось, деньги предполагалось взять из военного фонда (о чем Поливанов не имел никакого понятия). Предназначались они для организации широкого подкупа печати и подготовки новых выборов в Думу¹⁷².

Штюмер показал себя способным на прямые уголовные преступления. Со слов банкира Рубинштейна Протопопов сообщил следственной комиссии, что Штюмер намеревался провести члена Государственного совета Охотникова в министры финансов или земледелия за взятку в 1 млн руб.¹⁷³ Как установили следователи Чрезвычайной следственной комиссии, Штюмер при переезде в Петербург не погнушался вывезти часть не принадлежавшего ему имущества из губернаторского дома в Ярославле.

Став министром внутренних дел, Штюмер скоро обнаружил, что совершил промах. Главной и неразрешимой внутренней проблемой стал продовольственный вопрос, который царь (да и сам Штюмер) считал необходимым передать из Министерства земледелия в Министерство внутренних дел. Штюмер сообразил, что на этом попроще лавров ему не снискать, и поспешил посадить на свое место министра юстиции А. А. Хвостова, несмотря на протесты последнего. Сам же решил, что ему лучше стать министром иностранных дел, что и было сделано. На вопрос председателя Чрезвычайной следственной комиссии, почему Штюмер решил возглавить другое министерство, последовал совершенно поразительный ответ: Министерство внутренних дел было тяжелым

министерством, а иностранных — легким. «У нас (?) легкими министерствами,— пояснял Штюрмер,— считались Министерство иностранных дел и святейший синод». На недоуменный вопрос председателя, как учреждение, ведающее внешней политикой великой державы, может считаться легким, Штюрмер мог только пролепетать: «Мне трудно сказать это... Мне трудно сказать»¹⁷⁴.

Даже Распутин, как показывал Мануйлов, «рвал и метал», когда узнал, что Штюрмер втайне от него и царицы поехал в ставку и добился своего перевода в министры иностранных дел. Распутин в гневе стучал кулаком по столу и кричал: «Этот старикашка совсем с ума сошел. Идти в министры иностранных дел, когда ни черта в них не понимает, и мамаша кричала... Как он может брать за это дело и, кроме того, еще с немецкой фамилией!»¹⁷⁵

История развития взаимоотношений между Штюрмером, Распутиным и Мануйловым до удивления похожа на историю развития взаимоотношений предшествующей троицы — Хвостова, Распутина, Андроникова. Вначале, как и положено, Штюрмер обещал во всем слушаться Распутина (и Питирима) и выполнять все его просьбы. Было, как и у Хвостова, целование руки Распутина в знак благодарности и преданности и тайные свидания на разных квартирах (у некоей Лерма, любовницы Мануйлова, артистки частного театра, коменданта Петропавловской крепости Никитина, ставленника Распутина, Питирима)¹⁷⁶. Затем взаимные подозрения и недоверие, потом порча отношений и, наконец, грандиозный скандал, аналогичный «делу Ржевского», скандал, в центре которого на этот раз оказался Манасевич-Мануйлов.

Недоверие началось с того, что «старикашка» стал уклоняться от данных Распутину обещаний, ошибочно посчитав, как и в свое время Хвостов, что его позиции у царя настолько окрепли, что он может теперь обойтись без «старца». Но Распутин был на этот счет другого мнения. «Смотри, чтобы я от тебя не отошел, тогда тебе крышка»,— кричал он на Штюрмера на одном из свиданий. По той же причине испортились отношения Штюрмера с Питиримом. Затем, естественно, «образовался... холод между дамской половиной (царицей и Вырубовой.— А. А.) и Штюрмером»¹⁷⁷.

Неизвестно, как бы дальше развивалась эта грызня, если бы не подоспело дело Мануйлова, заставившее спорящих вновь сплотиться и действовать заодно. Дело Мануйлова состояло в следующем. В августе 1916 г. товарищ директора Московского соединенного банка И. С. Хвостов обратился с жалобой к директору департамента полиции Климовичу, в которой говорилось, что Мануйлов шантажирует банк, требуя 25 тыс. руб. за то, чтобы деятельность банка не была обследована комиссией генерала Батюшина. По совету Климовича (находившегося во враждебных отношениях со Штюрмером, причем не в последнюю очередь из-за Мануйлова, который по распоряжению премьера получал из сумм департамента полиции почти министерский оклад в 18 тыс. руб. в год)¹⁷⁸ Хвостов передал Мануйлову требуемую сумму, предва-

рительно записав номера выданных кредитных билетов. С этими деньгами Мануйлов и был арестован¹⁷⁹.

Этот арест вызвал настоящий шок у всей честной компании. Царица, Вырубова, Распутин, Питирим и Штюмер предприняли все, чтобы не довести дело до суда, отлично понимая (да и сам Манасевич сразу дал это понять), что в противном случае их ждут скандальнейшие разоблачения. В категорической форме Штюмер потребовал от министра внутренних дел А. А. Хвостова увольнения Климовича. Отказ стоил Хвостову министерского поста. Штюмер, пояснял он позже, «приобрел больших союзников и союзниц сбоку, которые и могли подействовать на государя в смысле необходимости моего удаления»¹⁸⁰. По той же причине были уволены и два директора департамента полиции — Климович и Степанов.

Оказалось, однако, что увольнения одного министра недостаточно. Пришлось уволить еще и министра юстиции Макарова, отказавшегося, в свою очередь, прекратить дело Мануйлова (а также и Сухомлинова). Получив два соответствующих «высочайших повеления», изложенных в «высочайшей телеграмме», Макаров по делу Мануйлова написал специальную «всеподданнейшую записку», в которой просил не приводить в исполнение высочайшего повеления о Манасевиче до его, министра, личного доклада царю. Ответа на эту записку, показывал на допросе Макаров, он не получил, а по приезде царя из ставки «был уволен, так и не получив ответа»¹⁸¹. Вместо него министром юстиции был назначен прямой ставленник Распутина М. А. Добровольский.

Крайне неохотно, упиравшись и веляя, Штюмер на допросе был вынужден признать, что о прекращении дела Мануйлова «хлопотали» Распутин, Вырубова и царица¹⁸². Заступился за Мануйлова и «владыка»¹⁸³.

Распутин, как показывал Мануйлов, прямо сказал ему: «Дело твое нельзя рассматривать, потому что начнется страшный шум в печати; я сказал царице, и она написала сама министру юстиции письмо». А когда это не помогло, то царица (об этом тоже сообщил Мануйлову Распутин) послала телеграмму царю о том, что «дела не будет»¹⁸⁴.

Только после смерти Распутина новый министр юстиции уговорил императора дать согласие судить Манасевича. Суд состоялся 13—18 февраля 1917 г. Петроградский окружной суд признал Мануйлова виновным в мошенничестве и приговорил к полутором годам тюремного заключения. К сентябрю 1916 г. у Мануйлова на текущем счету в «Лионском кредите» имелось 260 тыс. руб., в Русско-Азиатском банке на онкольном счету — 150 тыс. руб. при долге в 198 тыс. руб. Дома было обнаружено 33 тыс. руб. наличными и на 25 тыс. руб. векселей. Все эти деньги Манасевич «заработал» в конце 1915 — начале 1916 г.¹⁸⁵

Карьера Штюмера кончилась после знаменитой речи Милюкова в Думе 1 ноября 1916 г. 10 ноября он был уволен, и его место занял А. Ф. Трепов. 6 января 1917 г. экс-премьер обратился с

письмом к царю, в котором писал: «Теперь на меня обрушился новый удар, и такой, который меня сразил. Я исключен на 1917 г. из списка присутствующих членов Государственного совета». На этом основании группа ярославских дворян собирается возбудить вопрос об исключении его, Штюмерера, из списка ярославского дворянства, «и того же можно ожидать в Твери». Поэтому он просит перевести его в действительные члены Совета. Вакансии есть: умер Ермолов и отставлен Голубев. На этом письме Николай II наложил резолюцию, обращенную к председателю Государственного совета Щегловитову: «Я его приму на днях; постарайтесь его успокоить».

Но Штюмерер никак не мог успокоиться. 29 января он обращается к царю с новым письмом, но со старой просьбой: «Ваше императорское величество! Если Ваше благоволение к моей службе осталось неизменным, примите благосклонно мое всеподданнейшее ходатайство о назначении меня (в Государственный совет. — А. А.) на место барона Корфа»¹⁸⁶.

За неделю до революции этот злобный и жалкий рамолик был озабочен только своими делами — настоящий рекордсмен бесчестия и ничтожности¹⁸⁷.

Про-то-Попка знает, про-то-Попка ведает

Рефрен широко ходившего мятлевского стихотворения о А. Д. Протопопове не только свидетельствовал о презрении современников к последнему царскому министру внутренних дел, но удивительно верно передавал главную суть этой «государственной» личности. В отличие от описанных выше двух импозантных предшественников у Протопопова было другое амплуа.

Какой-то причудливый симбиоз грандиозного Хлестакова и коварного, беспринципного иезуита¹⁸⁸, слабовольного, трусливого болтуна и целеустремленного интригана, мягкого, податливого влияниям человека и оголтелого карьериста, удерживающего свои позиции любыми средствами. Последнее превалировало. Непомерное тщеславие маленького человека — вот, пожалуй, та формула, которая полнее всего выражает сущность Протопопова.

Вначале он собирался, видимо, сделать военную карьеру. После кадетского корпуса окончил Николаевское кавалерийское училище и в 1885 г. в возрасте 19 лет стал корнетом лейб-гвардейского конногренадерского полка, одного из самых привилегированных гвардейских полков. Однако военная служба почему-то не пошла, и был избран другой путь. В молодости, как уверял Протопопов, он был вынужден давать уроки по 50 коп. за урок. Однако, если и существовал такой период в его жизни, он длился недолго. В Корсунском уезде Симбирской губернии он унаследовал от своего дяди генерала Н. Д. Селиверстова, бывшего в свое время командиром корпуса жандармов, крупное имение с суконной фабрикой. Это наследство и послужило трамплином к дальнейшей карьере Протопопова.

С 1905 г. Протопопов становится членом Корсунского уездного и Симбирского губернских земств. В 1912 г. избирается корсунским уездным предводителем дворянства, а в феврале 1916 г.— губернским (Симбирской губернии). В 1907 г. его избирают от той же губернии в III думу, а в 1912 г.— в IV. В Думе Протопопов вошел во фракцию октябристов и после ее раскола во фракцию земцев-октябристов. В 1914 г. он становится товарищем председателя Государственной думы.

Война превратила суконную мануфактуру Протопопова из заведения, ранее находившегося (как и имение) под административной опекой, в весьма прибыльное предприятие, сделавшее ее владельца миллионером¹⁸⁹ и, кроме того, обеспечившее ему видные позиции в промышленно-финансовом мире. Суконные фабриканты, металлзаводчики, банки, учитывая положение, занимаемое Протопоповым в Думе, активную защиту им интересов крупной буржуазии в думской комиссии по рабочему вопросу при обсуждении страховых законопроектов, его широкие связи в петербургском чиновничьем мире и придворных кругах, высокую коммуникабельность, внешний лоск, знание языков и пр., избрали его в 1916 г. председателем Совета съездов металлургической промышленности и Суконного комитета, а также кандидатом в председатели Совета съездов промышленности и торговли¹⁹⁰.

Все и вся знавший Белецкий утверждал, что до своего избрания в Думу Протопопов у себя в уезде и губернии «состоял в рядах консервативных кругов местного дворянства» и вел «настойчивую борьбу» с рабочим движением на собственной фабрике. В октябриста Протопопов перекрасился из политического расчета, но в какой-то мере промахнулся. В наказание за это «отступничество» с ним проделали следующую «воспитательную» операцию: как предводителя дворянства произвели в чин действительного статского советника, но без пожалования в звание камергера, как это обычно делалось, что автоматически лишало его придворного звания камер-юнкера.

Урок пошел впрок, и Протопопов стал делать все, чтобы заслужить расположение «верхов» и правительства. Так, например, он оказал сильную поддержку Сухомлинову при обсуждении в Думе нового устава по воинской повинности. Военный министр высоко оценил его услуги и доложил о них царю, в результате чего Протопопов был высочайше пожалован золотым портсигаром с бриллиантовым вензелем Николая II — случай беспрецедентный в отношениях между двором и Думой. «С этого времени,— свидетельствовал Белецкий,— Протопопов всецело перешел на сторону правительства». В частности, он начал систематически помогать при проведении соответствующих законопроектов не только Сухомлинову, но и Шаховскому и особенно генералу Шуваеву, возглавлявшему интендантство, взяв на себя посреднические функции между ним и суконным синдикатом¹⁹¹.

Более того, Протопопов сделался прямым агентом правительства. Белецкий его так прямо и называл. Через Протопопова он уз-

навал, что говорилось в думском совете старейшин, в кругу близких Родзянко депутатов и «в интимном кружке думских деятелей», и он, Белецкий, не преминул «указать Анне Александровне, какую помощь оказывает Протопопов». «Помощь», помимо осведомления, заключалась еще и в том, что Протопопов «воздействовал... и наводил» Родзянко на то, что тот «должен говорить и чего не должен, удерживал его и т. д. В это время,— заключал Белецкий,— он (Протопопов.— А. А.) мне давал очень много»¹⁹².

Как свидетельствовал Муратов, когда Протопопов, как обычно «ласковый, услужливый, рассыпавшийся, что называется, мелким бесом», появлялся в Английском клубе, то «он в нашей среде (т. е. в крайне правой среде.— А. А.), смотревший более чем в профиль на думскую болтовню, совершенно сбрасывал с себя свой левооктябристский костюм и имел вид человека, извинявшегося за свой волчий вой в волчьей стае. Он приносил в клуб разные детали думских выступлений и прений, инцидентов, скандалов и характеристик думских вояк в такой окраске, которая могла прийти по вкусу нашим чинам»¹⁹³.

Когда собственная фракция не послала Протопопова в Особое совещание по обороне, куда ему очень хотелось попасть, он был так «обижен», что вознамерился из нее «куда-ниб [удь] выйти», и не вышел только потому, что не знал, куда: «В „центр“ неудобно, налево нельзя, так как там оппозиция, а он не оппозиция»¹⁹⁴. Еще в 1913 г. он сказал брату, что не откалывается от «земцев-октябристов» только потому, что «гонится за белыми штанами»¹⁹⁵.

Одноцветные «белые штаны» преломлялись в сознании Протопопова ярким спектром самых разных постов, которые ему хотелось бы занять. Поначалу его претензии были сравнительно скромными. Летом 1914 г. ему, например, «очень хотелось» осенью попасть в президиум Думы. Может быть, «даже в председатели Думы!»¹⁹⁶ Но, судя по восклицательному знаку, это была скорее мечта, чем конкретное намерение. Еще до этого, весной, когда возникли предположения и слухи, что Маклакова на посту министра внутренних дел сменит влиятельный член Думы князь В. М. Волконский, с которым Протопопов в ту пору находился в дружеских отношениях, он «хотел сделать только директором канцелярии министра». «Вот какое скромное желание» было у Протопопова, подчеркивал Белецкий. Стремления Протопопова «как-нибудь вступить в ряды правительства», указывал он еще раз, вначале «были не так честолюбивы»¹⁹⁷.

В своем стремлении во что бы то ни стало добыть «белые штаны» Протопопов не останавливался перед соображениями достоинства и престижа. Даже родной брат глубоко презирал его за это. «Мелкий, дрянненький человек... — писал брат в своем дневнике.— Целый днями таскается по высокопоставленным лицам. Сам сейчас проговорился, что утром „исполнял поручение“ в [оенного] министра... Это тов[арищ] пр[едседателя] Гос. думы...» В другой раз Протопопов умудрился за один день

побывать сразу у трех министров — Шаховского, Кривошеина и Барка. Брату он сказал, что первые два обещали ему пост товарища министра. Кроме того, уже по другой линии предложили место вице-директора «одного банка» с жалованьем в 50 тыс. руб. с перспективой через три года стать директором с окладом в 100 тыс. руб. в год. На проверку все оказалось ложью. Когда Протопопов прямо сказал Кривошеину: «Как я жалею, что не специализировался по земледелию», «испуганный» министр поспешил ответить: «Зачем же: у Вас ведь есть специальность — торговля». Банк также оказался блефом. «Что-то есть ненормальное в этих глупостях», — резюмировал автор дневника¹⁹⁸.

Однако, несмотря на все хлопоты, 1914 и 1915 годы не принесли Протопопову сколько-нибудь ощутимых результатов. Положение начало меняться с лета 1916 г. по возвращении из-за границы. В феврале 1916 г. Протопопов в качестве товарища председателя Думы возглавил совместную «парламентскую» делегацию Думы и Государственного совета для поездки к «союзникам».

Как это ни странно, но в какой-то мере помог Протопопову не кто иной, как Сазонов. Когда Протопопов рассказал ему о своей известной встрече в Стокгольме с Варбургом, Сазонов счел нужным, чтобы царь о ней узнал из первоисточника, и устроил Протопопову «высочайшую аудиенцию». Встреча состоялась 19 июня в ставке¹⁹⁹. Царь, как показал Протопопов, был с ним «очень ласков». Это соответствует действительности. «Вчера, — писал Николай II 20 июня, — я видел человека, который мне очень понравился. — Протопопов — товарищ председателя Гос. думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказал мне много интересного»²⁰⁰. Тем не менее никаких конкретных планов у царя в отношении Протопопова не возникло²⁰¹. Никаких ответных эмоций это сообщение не вызвало и у царицы.

Более того, когда Распутин (а следовательно, и Александра Федоровна) окончательно решил, что Протопопова надо сделать министром внутренних дел, царь даже пытался оказать некоторое сопротивление, правда недолгое. Наступление началось 7 сентября. Сообщив, что Штюмермер хочет посадить министром внутренних дел харьковского губернатора Оболенского, царица писала: «Но Гр [игорий] убедительно просит назначить на этот пост Протопопова. Уже по крайней мере 4 года, как он знает и любит нашего Друга, а это многое говорит в пользу человека»²⁰². Спустя три дня царь отвечает: «Мне кажется, что этот Протопопов — хороший человек, но у него много дел с заводами и т. п. Родзянко уже давно предлагал его на должность министра торговли вместо Шаховского. Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня совершенно врасплох». Царь даже решается на выпад, намекая на скандал с Хвостовым. «Мнения нашего Друга о людях, — писал он далее, — бывают иногда очень странными, как ты сама знаешь, поэтому нужно быть осторожным, особенно при назначениях на высокие должности»²⁰³.

Но осторожности хватило только на пять дней. 10 сентября

царица настаивает: «Протопопов, как говорит Гр[игорий], подходящий человек», а 14 сентября она уже изъявляет свой восторг по поводу состоявшегося назначения: «Да благословит господь выбор тобою Протопопова! Наш Друг говорит, что ты этим избранием совершил акт *величайшей* мудрости»^{20 4}.

Следует отметить, что самому Распутину понадобилось по меньшей мере три года, чтобы совершить свой очередной «мудрый акт». Как показывал Протопопов, Распутин еще в 1914 г. обещал ему, что он будет министром^{20 5}, но дальше слов не шел. Лишь летом 1916 г. под влиянием П. А. Бадмаева и П. Г. Курлова «старец» решил наконец вывести Протопопова из «резерва» и дать ему министерский пост. Вначале он, по-видимому, также склонялся к мысли, что его подопечный должен стать министром торговли и промышленности, но затем передумал, потому что это было сопряжено с увольнением Шаховского, которого он с полным основанием считал своим ставленником^{20 6}. В результате возникла идея о Министерстве внутренних дел и даже обсуждался вариант о премьерстве.

Знакомство Протопопова с Бадмаевым и Курловым было весьма давним. У первого он лечился на протяжении 27 лет, со вторым вместе служил в конногренадерском полку, был на «ты» и называл его «дорогим Павликом».

Бадмаев был довольно колоритной фигурой на обширном фоне авантюристов, подвизавшихся на петербургских околоправительственных подмостках. Бурят, родившийся в богатой скотоводческой семье в Восточной Сибири, молодым человеком приехал учиться в столицу, окончил Петербургский университет (восточный факультет) и, приняв православие, стал заниматься тибетской медициной, познания в которой унаследовал от старшего брата, и пробовать свои силы в дальневосточной политике. Ему даже удалось заинтересовать своим проектом мирного присоединения к России Тибета и Монголии Александра III и Вите и получить на его осуществление 2 млн руб. Когда же спустя несколько лет он попросил еще 2 млн руб., проект (в форме торгового дома П. А. Бадмаев и К^о) был ликвидирован. В 1908—1909, 1911 и 1916 гг. он пытался осуществить еще несколько грандиозных проектов в Забайкалье и Монголии (добыча золота в Забайкалье, железнодорожное строительство в Монголии), но все это оказалось блефом. В 1911—1912 гг. Бадмаев поддерживал саратовского епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора в их борьбе с Распутиным. Однако рыбак рыбака видит издалека: Бадмаев и Распутин сблизились между собой в 1916 г.

На этом основании и память о деятельности Бадмаева в годы царствования Александра III, современники приписывали «тибетскому врачу» большое влияние на Царское Село. Эта точка зрения отражена и в советской исторической литературе. Однако она не соответствует действительности. В описываемое время тибетский доктор, хотя и был широко известен в высших кругах, никакой политической роли не играл. Слухи о близости

Бадмаева ко двору распускал прежде всего сам Бадмаев, чтобы преувеличить свое значение в глазах клиентов. Руднев позже писал, что «следствие показало полное несоответствие этих слухов с действительностью». Связи Бадмаева с руководящими политическими деятелями, подчеркивал Руднев, имели место только в предшествующее царствование²⁰⁷. Правда, он не оставлял надежды вернуть утраченную роль. С этой целью сочинял брошюры и записки, которые адресовал царской чете, их детям, Вырубовой и т. п. В них он излагал свои политические концепции. В личном архиве Бадмаева сохранились некоторые из его сочинений, написанные хотя и русскими словами, но абсолютно не по-русски. Они свидетельствуют в основном о графомании, а не о политике. Даже Протопопов считал, что у Бадмаева был «политический хаос» в голове²⁰⁸.

Другой персонаж, причастный к назначению Протопопова, Курлов, сделал в основном административно-полицейскую карьеру, хотя начинал после окончания военно-юридической академии с прокурорских должностей. Весь служебный путь Курлова изобилует поступками, превратившими его в крайне одиозную фигуру даже среди собратьев, что в конечном итоге отрицательно сказалось на его карьере. Будучи в 1905 г. минским губернатором, проявил себя настоящим карателем и вызвал такую ненависть, что в начале 1906 г. в него была брошена бомба. Поведение Курлова было настолько скандальным, что его пришлось отрезать от должности и назначить специальное расследование о его действиях при подавлении в Минске революционных выступлений.

Тогда Курлов отделался легким испугом и снова стал продвигаться по служебной лестнице. В 1907 г. он вице-директор и и. о. директора департамента полиции, затем начальник главного тюремного управления. В 1909 г. становится товарищем министра внутренних дел при Столыпине и командиром корпуса жандармов. Полицейская карьера оборвалась в сентябре 1911 г. в связи с убийством Столыпина. Курлов был уволен в отставку с назначением сенатского расследования. В широких думских и помещичье-буржуазных кругах господствовало мнение, что Курлов прямо причастен к убийству своего шефа и, следует сказать, что оно имело под собой достаточно серьезные основания²⁰⁹. По высочайшему повелению дело было прекращено, но Курлов оказался в довольно плачевном положении — без денег и без должности.

Война открыла снова некоторые перспективы, но Курлов опять довольно быстро сорвался. В октябре 1914 г. он был командирован в Ригу с правами генерал-губернатора, но уже в августе 1915 г. за очередное злоупотребление отставлен, и по его делу назначили расследование. Снова Курлов оказался на мели, больной и без средств. Его пригрел Бадмаев. Он поселил Курлова на своей даче-санатории, содержал и лечил за свой счет.

Курлов являл собой тип абсолютно аморального и циничного человека. Его везде подводила страсть к неумеренной трате денег,

ради которых он и пускался во все тяжкие, не останавливаясь ни перед какими злоупотреблениями по службе. Еще будучи молодым, залез в крупные долги. Спустив родовое имение, растратил приданое жены, единственной дочери ярославского купца-миллионера Вахрушева. «Он всегда старался показаться богатым человеком, не стесняющимся в средствах»,— свидетельствовал Муратов²¹⁰. Все это сделало имя Курлова почти нарицательным. Он стал неприемлем не только в либерально-буржуазных и думских кругах, но даже и в кругах чиновничьей и военной бюрократии.

Естественно, что в такой ситуации и Курлов и Бадмаев пришли к выводу, что им было бы совсем не худо обзавестись «собственным» министром внутренних дел. Тонко чувствуя обстановку и досконально изучив своего друга и клиента, они оставили свой выбор на Протопопове.

В последний раз Протопопов очутился в санатории Бадмаева в качестве пациента осенью 1914 г. Он страдал какими-то сильными нервными расстройствами «с припадками страха и отчаяния», граничащими с сумасшествием. Во всяком случае, его жена однажды «просила Бехтерева выдать свидетельство о необходимости опеки над Ал[ександром] Дм[итриевичем]». Бехтерев отказал, но сам факт показателен. «С осени я вожусь с этим рамоликом,— негодовал по этому поводу брат,— который пишет духовную в пользу жены — свиньи, которая норовит его засадить в дом сумасшедших... Она просила Бехтерева... и А[лександр] Д[митриевич] это знает»²¹¹. Болезнь Протопопова, по-видимому, была следствием сифилиса²¹².

Как видно из дневника С. Д. Протопопова, именно тогда окончательно сложился «тройственный союз»— Протопопов, Бадмаев, Курлов²¹³. Вся троица отлично понимала, что решающим звеном является Распутин, и по возвращении Протопопова из-за границы провела интенсивную серию тайных совещаний друзей со «старцем» на Поклонной горе, где находилась дача Бадмаева. Протопопову такие свидания были не в диковинку. Он уже и раньше, будучи товарищем председателя Думы, встречался подобным образом с Распутиным на квартире некоего Книрши (по профессии альфонса), где происходили «большие пиры [и] пьянства»²¹⁴.

Когда дело было сделано и назначение Протопопова состоялось, его брат резюмировал это событие следующим образом: «Ал[ександр] Дм[итриевич], добравшийся до поста мин[истра] в [нутренних] д[ел], сделал это при помощи Гр. Распутина, Курлова, Бадмаева, Бордукова, Вырубовой и т. д. ... Младенец, похищенный чертями. И в их власти. Сам по душе добрый и честный А[лександр] Д[митриевич] в руках этих чертей»²¹⁵. Спустя месяц, когда Протопопов был уже «задействован» как министр, его брат снова записывает: «Младенец во власти чертей; Гаккебуш пишет ему ответы в газеты»²¹⁶, Гурлянд его инспирирует, Курлов начинает, Павлушка (по-видимому, тот же Курлов.— А. А.) оберегает, Бадмаев доит и т. д.»²¹⁷.

Автор дневника явно односторонне изображал положение своего высокопоставленного брата. Тот отнюдь не был жертвой, а являлся полноправным членом шайки, таким же коварным и способным на любой предательский шаг по отношению к своим партнерам, если этого потребуют его интересы. Куда более проницательный Распутин, по свидетельству Мануйлова, говорил о Протопопове: «Честь его тянется как подвязка... Он из того же мешка (из Думы.— А. А.) вышел, а пошел против, значит, может пойти и против царицы в конце концов». Не верил Распутин и Бадмаеву: «Этот китаец за грош продаст»²¹⁸. Друзья дружили по законам мафии: поддерживали друг друга, следили друг за другом, подозревали друг друга.

Но в главном все же Протопопов обманул Распутину. Дело в том, что одним из важных соображений, которым руководствовались Распутин и царская чета при назначении Протопопова, была уверенность, что новый министр внутренних дел как человек, разбирающийся в торговле и банковском деле, поможет разрешить самую критическую проблему момента — продовольственный вопрос. Протопопов и назначался с таким условием, что продовольственное дело перейдет из Министерства земледелия в Министерство внутренних дел. При первой же аудиенции после назначения царь, как рассказывал сам Протопопов, сказал ему: «Ну делайте, что надо — спасайте положение», т. е. не допускайте беспорядков на почве продовольственной нужды²¹⁹. Сам Протопопов горячо настаивал на том, чтобы продовольственное дело перешло в его руки, объясняя, что у него есть великолепный план его успешного решения. На допросе Протопопов подтвердил рассказанное брату. «При первом моем разговоре с государем он мне поставил вопрос так: „Самое важное — продовольствие“. Вообще все надежды по продовольствию возлагались на меня — что я это устрою. Действительно, мне казалось, что я это сделаю, непременно устрою»²²⁰.

Как истый Хлестаков, Протопопов вначале ужасно хорохорился. Когда Совет министров, не желая излишне обострять отношения с Думой, высказавшейся категорически против передачи продовольственного дела в Министерство внутренних дел, и уже получив достаточное представление о деловых возможностях его главы, также восемью голосами против шести высказались против передачи, Протопопов поспешил с жалобой к Распутину. Под диктовку последнего министр написал телеграмму на имя царя, которая начиналась словами: «Все вместе ласково беседем». Дальше говорилось: «Дай скорее Калинину власть, ему мешают, он накормит народ, все будет хорошо...»²²¹ Калинин — полуконспиративная кличка, которую дал Распутин Протопопову и которой стали также широко пользоваться при телефонных разговорах и переписке царская чета и Вьрубова.

Телеграмма была отправлена в ставку, царь утвердил мнение меньшинства Совета министров, но в последний момент Протопопов испугался и под всякими предлогами стал отказываться и

в конце концов отказался, несмотря на крайнее недовольство Распутина и царской четы. «Вспоминая теперь свое намерение взяться за продовольственное дело, я должен признаться,— писал он в своих показаниях,— что недостаточно обдумал это дело и ознакомился с ним»²²².

«Недостаточно обдумывал» Протопопов любое другое дело, которое так или иначе попадало в его поле зрения. Все, кто соприкасался с ним на деловой почве, в один голос констатировали полную неспособность Протопопова к какой-либо продуктивной и тем более систематической деятельности²²³. Одним из таких людей был известный нам Харламов, оставивший отличное описание и характеристику своего последнего шефа.

Назначение Протопопова, писал он, «произвело ошеломляющее впечатление». Все знали его как «очень милого, приятного человека, но никто не подозревал в нем государственных способностей». Харламов встречался с Протопоповым не только в служебном кабинете, но и на завтраках у знаменитого генерала Богдановича, хозяина одного из самых реакционных салонов, и всегда «отличительной чертой была чрезвычайная любезность... доходившая иногда до приторности». «...Очень суетлив как в движениях, так и в своих разговорах». Словоохотливость Протопопова была так велика, что «разговор с ним редко носил характер диалога». Подчас он высказывал неглупые мысли, «но в общем все, что он говорил, было весьма сумбурно и производило общее впечатление... какого-то недержания речи... Особенно охотно Протопопов говорил на политические темы, причем с необычайной легкостью разрешал самые сложные государственные вопросы».

Став министром, он обнаружил «совершенное неумение распоряжаться своим временем». Если, скажем, директор департамента вызывался им для доклада на 11—12 часов, то попадал к нему не раньше 6—7, а иногда и в 9 часов вечера. Был очень доступен. Всякий чуть ли не с улицы мог получить аудиенцию и слушать его в течение нескольких часов. У него было огромное количество приятелей в самых различных кругах, со всеми был на дружеской ноге и большей частью на «ты».

Во время первой официальной встречи Харламова с Протопоповым, происходившей в служебном кабинете министра, последний встретил его как лучшего друга, расцеловал и начал говорить на самые разнообразные темы, да так, что слово вставить было невозможно. Тут был и продовольственный вопрос, и критика министров, и нападки на членов Думы и Государственного совета. Своих противников он обвинял «в политическом легкомыслии и недостаточной государственной зрелости». Единственно, о чем не было разговора,— это о департаменте духовных дел инославных вероисповеданий, т. е. о том предмете, ради которого и был вызван Харламов как директор этого департамента. Единственное, что было сказано Протопоповым в этой связи,— это заявление, что ему стоило большого труда уговорить царя назначить Харламова на этот пост. «Не сомневаюсь», замечал по этому поводу Харламов,

что это был плод досузей фантазии министра, так как царь, вернее всего, и не слыхивал о его фамилии. «Впрочем, Алекс[андр] Дмитр[иевич], как я в этом потом неоднократно убеждался, частенько уклонялся от истины», сам веря в собственные небылицы. В целом же Протопопов производил впечатление человека с пошатнувшейся психикой. «Суетливости и нервной торопливости не было предела». Вскакивание с места, бегание, истерические выкрики — все это была настоящая пытка для собеседника. Но, заключал автор воспоминаний, на его взгляд, прогрессивным параличом Протопопов все-таки болен не был (о том, что он сифилитик, знали все ²²⁴).

Даже Александра Федоровна, которая была в восторге от Протопопова, выразила сочувствие мужу, когда он сообщил ей о первом докладе нового министра. «Как ты, верно, устал после двухчасового доклада (Протопопова.— А. А.),— писала она 29 сентября 1916 г.,— он сыплет словами как заведенная машина» ²²⁵. У Покровского в связи с одним из выступлений Протопопова в Совете министров (о расстановке политических сил в стране) «возникло сомнение в состоянии его умственных способностей» ²²⁶. Даже последний премьер, князь Н. Д. Голицын, старый человек и почти рамолик, пришел к заключению, что Протопопов «совершенно не в курсе дела» вверенного ему министерства, что он «попросту не знает дела» ²²⁷. Наконец, сам Протопопов вынужден был признать, что был «неопытный в громадном деле» и потому допускал ошибки и «бездействие власти», а министерство управлялось людьми, «стоящими во главе отдельных его частей» ²²⁸, т. е. фактически не управлялось.

И вот этот человек сделался главным объектом борьбы между Думой и «общественностью», с одной стороны, двором вместе с Распутиным — с другой. Даже для Совета министров Протопопов стал совершенно неприемлем. Последние два премьера, выражая мнение большинства Совета, обуславливали свое согласие занять этот пост увольнением Протопопова. Более того, от него отвернулся даже Совет объединенного дворянства. Симбирское дворянство решило исключить его (предводителя дворянства) из своих рядов ²²⁹. В ставке говорили: «У Протопопова... все есть: великолепное общественное положение, незапятнанная репутация (?), огромное богатство... недостает одного — виселицы, захотел ее добиться» ²³⁰.

Большинство кабинета считало необходимым избавиться от Протопопова, кроме всего прочего, в силу его крайней одиозности в глазах Думы и «общественности». В этом отношении Протопопов превзошел всех, включая и Штурмера. Он стал грандиозной красной тряпкой, «эмблемой», как выразился Голицын ²³¹.

Под общим нажимом в сложившейся после известных думских выступлений 1—3 ноября 1916 г. Милюкова, Шульгина и других обстановке даже царь понял: оставлять дальше Протопопова на его посту нельзя. 10 ноября 1916 г., сообщив Александре Федоровне, что нужны перемены, «которые крайне необходимо теперь

провести», Николай II писал: «Мне жаль Прот[опопова] — хороший честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной (!) болезни (когда он обращался к Бадмаеву). Рискованно оставлять в руках такого человека Мин[истерство] внут[ренних] дел в такие времена!»²³².

В ответ из Царского Села понеслись совершенно отчаянные вопли с требованием не трогать Протопопова: «Я тебя умоляю, *не сменяй* Протопопова теперь, он будет на месте... *Только не Протоп[опова]... Не допусти этого. Он не сумасшедший... Успокой меня, обещай, прости*». Одновременно полетела телеграмма: «Умоляю оставить Калинина. Солнышко просит об этом. Подожди до встречи, не решай ничего». Послушный супруг в тот же день телеграфировал: «Подожду с назначением до свидания с тобой»²³³.

Александра Федоровна продолжала пребывать в готовности номер один. «Треп[ов] лжет, когда говорит, что Прот[опопов] ничего не понимает в делах своего министерства, он прекрасно все знает», — писала она 12 ноября²³⁴. Это последнее письмо перед очередным приездом царя в Царское Село, где он пробыл с 26 ноября по 4 декабря. Но за это время, писал Спиридович, «окончательно окреп Протопопов, окончательно провалился Трепов, влияние же Распутина достигло своего апогея»²³⁵. Тем не менее после отъезда Николая II в ставку царица снова требует от своего супруга быть стойким и не поддаваться козням Родзянко и Трепова в отношении Протопопова. «Но Калинина оставь, оставь его, дорогой мой!.. *Не поддавайся*» (6 декабря). «Почему он (Трепов.— А. А.) ладит и старается работать с ним (Родзянко.— А. А.), луном, а не с Протопоповым [который правдив?]», — писала она неделю спустя²³⁶.

Царь обещал «не поддаваться». «Я намерен (во время приема Трепова.— А. А.) быть твердым, резким и нелюбезным», — успокаивает он супругу в письме от 9 декабря. «Он (Трепов.— А. А.) был смущен и покорен и не затрагивал имени Прот[опопова], — сообщает он 13 декабря. — Вероятно, мое лицо было нелюбезно и жестко»²³⁷.

За спиной царицы, как всегда, стоял Распутин. «Друг» боится визита Трепова в ставку, писала она в том же письме от 6 декабря: «подсунет своих кандидатов»²³⁸. Но и сам «Калинин» не сидел сложа руки, а повел весьма энергичную кампанию против Трепова. В частности, он сказал Вырубовой (а не царице), что Трепов «сговорился» с Родзянко распустить Думу с 17 декабря по 8 января 1917 г., тогда как «Друг» и он «умоляют» распустить ее не позже 14 декабря и притом по 1 или даже 14 февраля. Трепов «не смеет противиться твоему приказу, прикрикни на него», — просит царица мужа²³⁹.

Как свидетельствовал Белецкий, Протопопов «решил своего

поста не покидать», несмотря на полученное Треповым согласие царя о его отставке и просьбы некоторых министров о том же. Протопопов показал Белецкому копию своего секретного личного письма к царю, в котором писал, что интрига, направленная на его уход, вызвана исключительно его стойкостью «в отстаивании прерогатив трона» и что он, Протопопов, будучи предан царю «не за страх, а за совесть», считает, что политика уступок Государственной думе приведет не к умиротворению, как рассчитывает Трепов, а к новым домогательствам с ее стороны и большим потрясением в стране. Протопопов сообщил Белецкому, что все свои надежды он возлагает на императрицу и Распутина²⁴⁰.

В результате Трепов получил отставку. Потерпел полное фиаско убрать Протопопова из состава правительства и последний его глава — Голицын. Зная, что решает не царь, а императрица, он вначале обратился к ней. Мотивируя неосведомленностью Протопопова в делах вверенного ему ведомства и его полной неприемлемостью для Думы, Голицын заявил, что Протопопова нужно «сменить». Царице это «не понравилось». После этого Голицын «очень долго», приводя массу причин, доказывал то же самое царю, который уже был «предупрежден» своей супругой и поэтому от прямого ответа уклонился: «скажу в следующий раз»²⁴¹.

В чем секрет такой «живучести» Протопопова? Протопопов был «свой»²⁴². Когда Мосолов по поручению Трепова предложил Распутину компромисс — Протопопов останется министром, но не внутренних дел, а торговли и промышленности вместо Шаховского, тот возразил: зачем, он предан «папе». На возражение, что, кроме преданности, еще надо уметь делать дело, Распутин ответил: «Эх, да что дело... Дело — кто истинно любит папу... Вот Витя (Витте. — А. А.) умней всех, да не любит папу, его и нельзя»²⁴³. Если учесть, что Витте к тому времени уже умер, то можно понять — в устах Распутина его имя звучало нарицательно, как обобщение главного принципа.

Однако мало сказать, что Протопопов был «свой». Можно смело утверждать, что из всех министров Николая II на всем протяжении его царствования не было министра более «своего», чем этот. Он оказался самым «своим», оставив за флагом даже таких любимцев-министров, какими были Сухомлинов и Маклаков, не говоря уже о Горемыкине и Штюрмере. Об этом свидетельствует, помимо других, и тот факт, что даже после смерти Распутина Протопопов не только уцелел на своем посту, но и еще больше укрепился. Одной из первых ответных мер царя на убийство Распутина было утверждение Протопопова министром внутренних дел (до этого он был управляющим министерством). Более того, Воейков писал, что Протопопов не только «пользовался громадным влиянием в Царском Селе, куда он приезжал почти через день, но и заменил Распутина». На вопрос, в силу каких свойств ему это удалось сделать, Воейков отвечал: «Это я не могу сказать, какая была психология в этом деле»²⁴⁴.

«Психология», однако, понятна. Любовь Протопопова и

«папы» (и тем более «мамы») была взаимной: это было в полном смысле родство душ, основанное на общей политической убогости, ничтожности, совпадении характеров. На допросах Протопопов, устно и письменно объясняя свой правый курс на посту министра, несколько раз ссылаясь на то, что он «полюбил государя», когда узнал его. «Кроме того, я стал любить государя», поэтому был против переворота, который нанесет «вред тому самому человеку, которого я стал любить»²⁴⁵. Что это говорилось всерьез, подтверждает дневник его брата. «Ал[ександр] Дми[итриевич] говорит, — записал он 26 октября 1916 г., — что особенно полюбил царя [после наз]начения [в Мин]истерство в [нутренних] дел»²⁴⁶.

Царь, в свою очередь, «полюбил» своего министра, очень быстро обнаружив сходство характеров и политических взглядов. «Моя точка зрения очень совпадала с точкой зрения государя, — свидетельствовал Протопопов. — И вообще я должен сказать, что, быть может, именно на этом свойстве некоторой уклончивости характера, которая имеется у бывшего государя и у меня, быть может, на этом был тот контакт, который произошел»²⁴⁷. «Контакт» произошел сразу. «Принял нового министра, говорил с ним 2 часа, — сообщал царь жене 28 сентября 1916 г. — Произвел хорошее впечатление»²⁴⁸. «Государь принял А[лександра] Д[митриевича] очень хорошо, — записывал автор дневника 4 октября. — Обнял и поцеловал. Беседа длилась 2,5 часа», опоздали даже к обеду. Очень показательны некоторые темы, затронутые в беседе, свидетельствующие, что беседовали единомышленники. «Кадеты — главная опасность: умные и организованные. Гучков — Юань Шикай. И он дружен и в переписке со всеми фрондерами — Куропаткиным, Рузским, Кривошеиным и даже с Алексеевым»²⁴⁹.

Главное, что объединяло царя и Протопопова, — это неверие, обусловленное политической слепотой, в революцию. Именно на этом убеждении была основана их общая точка зрения о недопустимости уступок «общественности» и Думе в их требовании «министерства доверия», о жесткой конфронтации как единственно верном ответе на эти требования. Царю было очень важно на фоне всеобщих предостережений о близости революции найти союзника в лице человека, которого он считал наиболее осведомленным на этот счет (поскольку вышел «оттуда» — из «левых», по представлению царя, кругов) и, кроме того, решительно заявлявшего бы, что он железной рукой подавит любые беспорядки, если они возникнут, не остановится перед разгоном Думы и т. д.

Как писал Харламов, «излюбленной темой» Протопопова была революция. «Он в нее не верил, и его чрезвычайно раздражали предостережения некоторых, правда немногих, окружавших его лиц». Протопопов «находил, что в России некому делать революцию, он верил в консервативные наклонности нашего крестьянина, по природе собственника, а интеллигенцию считал слишком жалкой, ничтожной, не имеющей корней в народе. Вместе с тем он не сомневался в преданности армии, не замечал ее сдвига

влево, как, впрочем, не видел такого же сдвига и в крестьянстве... Протопопов не сомневался, что, опираясь на верные династии штыки, внешне образцовую петроградскую полицию, он силой оружия подавит первые же вспышки революции».

Точно так же думал и царь²⁵⁰. Находившийся в близких отношениях с Протопоповым А. А. Ознобишин, в свою очередь, свидетельствовал, что «на существующее положение и будущее Протопопов продолжал смотреть довольно уверенно, открытых революционных выступлений не предвидел, полагал, что некому выступать, ибо рабочие довольны (!), зарабатывая много денег, продовольствие имеется в избытке (!), а если бы и были произведены попытки уличных выступлений, то таковые были бы без труда подавлены»²⁵¹.

Говоря о революции, Протопопов «любил принимать грозный вид и действительно, как потом писали в газетах, кричал чуть ли не на всех перекрестках, что он „кровью зальет Россию“». Это была одна из его любимых фраз, которой, надо сознаться, он чрезвычайно злоупотреблял», разговаривая с малознакомыми людьми, в переполненной приемной, за многолюдными завтраками и обедами. Неудивительно, что это разошлось по всей стране²⁵². «Между тем,— пояснял автор,— все мало-мальски знавшие Протопопова никакой его кровожадности верить не могли. Подобно многим бесхарактерным людям, Протопопов пытался казаться человеком властным, сильным, даже жестоким, но все эти попытки производили впечатление какого-то неестественного и довольно-таки жалкого карабкания на совершенно не соответствовавшие его росту ходули. Выходило только смешно... если бы по существу не было так грустно»²⁵³.

Однако все это было отнюдь не смешно. В том-то и состояла особенность рассматриваемого периода, что самые жестокие и крайние решения, максимальную реакционность демонстрировали именно такие ничтожные люди, как Протопопов, и именно в силу своей полной как личной, так и исторической несостоятельности. Это был отнюдь не парадокс, эта была закономерность. Чем ничтожнее и бездарнее становился царский строй, тем ничтожнее и бездарнее были его представители и тем охотнее эти последние выбирали самый крайний курс, ибо любой другой был просто несовместим с их пребыванием у власти и самой властью.

Как свидетельствовал Протопопов, начиная с декабря он сделался главной надеждой всех крайних правых групп и кружков. Само его утверждение в должности министра было в значительной мере результатом «лестных отзывов» о нем царю «многих видных правых деятелей». Само это утверждение и назначение председателем Совета министров Голицына означали дальнейшее поправление правительственного курса²⁵⁴. Протопопов, по словам Белецкого, вошел в тесный контакт с черносотенными главарями, инспирируя их на посылку «верноподданнических» телеграмм, которые «во многом помогли Протопопову в деле борьбы с Государственной думой при Трепове и Голицыне»²⁵⁵.

Самый любимый и близкий царский министр стал самым ненавистным для Думы и «общественности», оставив позади даже Маклакова и Штюрмера. И дело здесь не только в том, что их бывший, как они думали, единомышленник и коллега, видный деятель «Прогрессивного блока», оказался ренегатом, перебежчиком. Заправила блока чувствовали и понимали, что министр Протопопов и их собственное порождение, а не только царя и Распутина. Нет никакого сомнения в том, писал тот же Харламов, что «если бы Протопопов не попал в министры в сентябре 16-го года, то он оказался бы таковым в марте 17-го года в составе Временного правительства... Гг. Терещенки, Некрасовы, Львовы, Коноваловы, Третьяковы и многие другие, имена же их, ты господи, оказались не выше его»²⁵⁶.

Сказано не в бровь, а в глаз. Действительно, можно с полной уверенностью утверждать, что, сложись судьба Протопопова иначе, он непременно сделался бы одной из главных фигур будущего Временного правительства. Как мы помним, и это тоже отмечал Харламов, царь впервые услышал о Протопопове не от Распутина, а от Родзянко. Заславский писал, что Протопопов был одним из кандидатов в премьеры будущего «ответственного министерства»²⁵⁷.

Когда накануне своего назначения, о котором уже все знали, Протопопов явился в Думу, его там встретили отнюдь не враждебно: Милюков беседовал с ним «очень дружелюбно», Родзянко сперва изображал суровость, но потом «обмяк»²⁵⁸. «Некоторые члены Думы поздравляли меня,— показывал Протопопов,— поздравил и М. В. Родзянко»²⁵⁹.

Более того, на конспиративных собраниях 5—9 октября 1916 г., проходивших на квартире Коновалова, т. е. почти месяц спустя после назначения Протопопова, участники этих собраний, как доносили секретные информаторы, считали это назначение «колоссальной победой общественности, о которой несколько месяцев тому назад трудно было мечтать». В частности, Коновалов, заявил: «Капитулируя перед обществом, власть сделала колоссальный, неожиданный скачок... Для власти эта капитуляция почти равносильна акту 17 октября. После министра-октябриста не так уж будет страшен министр-кадет. Быть может, через несколько месяцев мы будем иметь министерство Милюкова и Шингарева»²⁶⁰. Даже если сделать скидку на преувеличение, поскольку для «секретных информаторов» подобные преувеличения были весьма характерны, факт положительной реакции со стороны части либеральной «общественности» остается несомненным.

«Маленький Протопопов — большое недоразумение», — бросил крылатую фразу Гучков²⁶¹. Но при этом «забыл», что в интервью с журналистами по поводу назначения Протопопова сам заявил: «У Протопопова хорошее общественное и политическое прошлое. Оно целая программа, которая обязывает»²⁶². Сказано достаточно определенно. Подлинная суть «большого

недоразумения» с Протопоповым состояла в том, что породила Протопопова Дума, та партия, которую возглавлял Гучков. Унтер-офицерская вдова сама себя высекала — вот глубинная причина ненависти Думы и «общественности» к своему недавнему соратнику.

Остальные. Стиль и уровень

Чтобы закончить очерк о «министерской чехарде», следует проследить за судьбой остальных министров. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Штюмер, пытаясь доказать, что Распутин не имел никакого влияния на назначение министров, сослался на имена Н. Н. Покровского, А. А. Бобринского, А. А. Хвостова и А. А. Макарова. Все эти четыре министра, заявил он, были назначены во время его премьерства без всякого участия «старца»²⁶³. На этот раз в порядке исключения Штюмер говорил правду. Действительно, назначение Покровского сперва государственным контролером (с 21 января по 30 ноября 1916 г.), а затем министром иностранных дел, Бобринского министром земледелия (с 21 июля по 14 ноября 1916 г.), Хвостова министром внутренних дел (с 7 июля по 16 сентября 1916 г., министром юстиции он был назначен при Горемыкине) и Макарова министром юстиции (с 7 июля по 19 декабря 1916 г.) произошло не только без участия Распутина, но и частью против его воли (Макаров).

Тем не менее при ближайшем рассмотрении довод Штюмера оказывается несостоятельным. Уже говорилось, что Распутина интересовали не все министерские посты, а только ключевые (а также синод). К второстепенным, с его точки зрения, постам он относился сравнительно нейтрально, допуская здесь некоторую «относительную самостоятельность» самодержца. Против назначения Покровского, например, Распутин не только не возражал, но и полностью его одобрил. «Он (Распутин.— А. А.) очень рад, что ты назначил Покр[овского],— писала царица в ставку 15 сентября 1916 г.— Он находит, что это чрезвычайно мудрое назначение»²⁶⁴.

Против Бобринского, одного из признанных столпов реакции, большого царедворца, подчеркнуто лояльного по отношению к «Другу» (в 1916 г. ему было 64 года), у Распутина просто не могло быть возражений. При дворе Бобринского ценили, однако, далеко не так, как, скажем, Маклакова и тем более Протопопова²⁶⁵. Во всяком случае, замена его А. А. Риттихом не вызвала никаких отрицательных эмоций ни у царицы, ни у «Друга». Как свидетельствовал Наумов, Бобринский «в серьезных деловых кругах» был мало авторитетен²⁶⁶.

Подоплека же назначения Хвостова министром внутренних дел, была чисто распутинская, о чем Штюмер, естественно, предпочитал не распространяться. Хвостов, как уже говорилось, был верным сателлитом Горемыкина, одним из самых правых министров в его кабинете, за что весьма ценился царем. Но он действительно не терпел Распутина и считал нужным, по его собственно-

му заявлению, подчеркивать отрицательное отношение к «старцу»²⁶⁷. По словам Андроникова, Хвостов был «очень почтенный человек, который не пускал к себе Распутина и не кланялся Вырубовой»²⁶⁸.

До поры до времени эта «почтенность» царицу и Распутина не беспокоила. Но дело изменилось коренным образом, как только выяснилось, что Хвостов вопреки их настояниям не соглашается прекратить «дело Сухомлинова». Это и решило его судьбу: «он надоед императрице», показывал тот же Андроников, «и нужно было его ликвидировать»²⁶⁹. Перемещение на пост министра внутренних дел и было формой такой «ликвидации»: «дело Сухомлинова» переходило к новому министру юстиции, а назначение на новый пост, как это все понимали, в том числе и сам Хвостов, носило заведомо временный, точнее, кратковременный характер. Узнав от Штюмера о своем назначении министром внутренних дел, Хвостов, по его словам, очень рассердился по поводу того, что премьер преподнес ему «такую пакость», означающую на деле намерение «выжить» его из состава кабинета. Сам царь ему писал, что смотрит на это назначение «как на временное»²⁷⁰.

Отставка с нового поста последовала, однако, быстрее, чем предполагали даже царь и Штюмер, и причиной тому была снова «вина» Хвостова, давшего санкцию на арест Манасевича-Мануйлова. Когда он доложил премьеру, что арестован Мануйлов, «и арестован мертвой хваткой», Штюмер «побледнел». «Я думаю главным образом это послужило поводом к моей отставке,— констатировал Хвостов,— потому что Манасевич-Мануйлов, кроме связи со Штюмером, имел отношения с Распутиным»²⁷¹.

Макаров, сменивший Хвостова на посту министра юстиции, был действительно назначен вопреки желанию царицы и Распутина, питавших к нему давнюю и прочную антипатию. Вызвано это было тем, что в бытность свою министром внутренних дел Макаров собрал и представил царю материал, разоблачавший Распутина, с тем чтобы удалить его от двора. Это стоило Макарову поста и долгой опалы, которая фактически не прекратилась и в момент нового назначения. На этом назначении, как признавал сам Макаров, настоял перед царем Штюмер²⁷².

Самое забавное здесь, что Штюмер выдвигал своего кандидата в интересах *Распутина и царицы*. Дело в том, что он и Макаров находились в самых дружеских отношениях и были полными политическими единомышленниками. Макаров входил в ядро политического салона Штюмера, в Государственном совете они сидели на одних скамьях. Вот на эти личные отношения и рассчитывал Штюмер. Опираясь на них, он думал добиться от Макарова того, чего не смог добиться от Хвостова,— прекращения дела Сухомлинова; этого так жаждали Распутин и его августейшая покровительница.

Но Штюмер ошибся. Хотя Макаров и был деятелем крайне правого направления, но его нравственные и государственные критерии были выше критериев Штюмера. Макаров отказался к

вящему удивлению и разочарованию своего патрона. Так же поступил Макаров с делом Манасевича-Мануйлова, тем самым предопределив вопрос о скорой отставке.

Что касается царицы и Распутина, они с самого начала были против какого-либо выдвижения Макарова. Особенно опасались они, что он снова может стать министром внутренних дел. «Наш Друг, — писала царица 29 марта 1916 г., — очень просит, чтобы ты *не назначил* Макарова министром внутренних дел... вспомни, как вел себя во время истории с Илиодором и Гермогоном (выступавшими с разоблачением Распутина, за что подверглись опале. — А. А.), кроме того, он никогда не вступался за меня, потому было бы большой ошибкой дать ему подобное назначение»²⁷³.

Назначение Макарова министром юстиции было встречено царицей с нескрываемым огорчением. «Увы, назначен Макаров (опять человек, враждебно относящийся к твоей бедной старой женушке, а это не приносит счастья), — сообщала она в ставку 16 июля, — и я должна обезопасить... нашего Друга, а также Питирима», для чего на завтра вызван Штюрмер²⁷⁴. За день до убийства Распутина царица, ссылаясь на мнение «Друга», что Макаров опасен и якобы держит в своих руках Трепова, потребовала скорейшей замены его Добровольским²⁷⁵.

Как свидетельствовал Белецкий, Распутин незадолго до смерти говорил ему, что он не успокоится до тех пор, пока не добьется прекращения дела Сухомлинова, и что императрица и он считают Макарова главным препятствием в осуществлении этой цели. Поэтому «по его настоянию Макаров будет сменен, и его должность займет М. А. Добровольский, которого он уже рекомендовал вниманию императрицы и государя»²⁷⁶.

Чтобы покончить с утверждением Штюрмера о якобы непричастности Распутина к министерским назначениям, укажем еще на двух министров, которые действительно получили свои посты без санкции последнего. Одним из них был Д. С. Шуваев, сменивший Поливанова и пробывший в должности военного министра с 17 марта 1916 по 1 января 1917 г., другим — А. Ф. Трепов, ставший преемником Штюрмера, а до этого занимавший пост министра путей сообщения, который он получил после отставки Рухлова.

Собственно против Шуваева как такового царица и «Друг» вначале настроены не были. Он их не устраивал только потому, что перебежал дорогу их собственному кандидату — М. А. Беляеву. Поэтому, когда царь 10 марта сообщил: «Наконец-то... нашел заместителя (в смысле преемника. — А. А.) для Поливанова — это Шуваев, которому я могу вполне доверять», царица на это известие отреагировала осторожно: «Я много думала о Шуваеве и сомневаюсь, способен ли он занимать такое место и сумеет ли выступать в *Думе* (так, как нужно с ее точки зрения. — А. А.)»²⁷⁷. Когда Николай II заверил ее в письме от 14 марта, что «добрый, старый Шуваев как раз подходящий человек на должность военного министра», так как «он честен, вполне предан, нисколько не боится

Думы и знает все ошибки и недостатки этих комитетов»²⁷⁸, Александра Федоровна (а следовательно, и «Друг») была более или менее успокоена.

Однако, когда выяснилось, что Шуваев отказывается выполнять просьбы императрицы как незаконные, а также принимать Распутина и уволил с должности помощника военного министра Беляева²⁷⁹, позиция Александры Федоровны определилась твердо: Шуваева уволить, а на его место назначить Беляева. «Положительно я думаю, что Беляев был бы на месте, а Шув[аев] более пригоден для улажения продов[ольственного] вопроса, так как он прекрасно поставил дела интендантства», — писала она 17 августа 1916 г.²⁸⁰

Следует отметить, что в данном случае царица, характеризуя Шуваева, была в общем права. Он действительно не годился на роль военного министра. Правда, Беляев подходил к этой роли еще меньше, но это уже был другой вопрос. До своего назначения на министерский пост Шуваев в течение ряда лет был главным интендантом военного министра, а с декабря 1915 г. главным полевым интендантом и действительно очень хорошо проявил себя в этом качестве. Более того, он оказался совершенно честным человеком, жившим исключительно на жалованье. На фоне возглавленного им ведомства, где коррупция порой принимала легендарные размеры, он поистине казался белой вороной.

Но к должности военного министра ни по образованию, ни по способности Шуваев совершенно не годился. Как мы помним, его кандидатура была подсунута царю лейб-медиком Федоровым и Ниловым, которые руководствовались исключительно личной неприязнью к Поливанову. У всех в ставке, писал Шавельский, в том числе и у Алексеева, назначение Шуваева вызвало «искреннее изумление»²⁸¹. Даже в кабинете Штюмера это назначение «произвело на всех самое удручающее впечатление»²⁸².

Когда 15 марта Поливанова уволили, показывал Милюков, на его место был «назначен, к общему недоумению, еще один кандидат ниже уровня и ниже элементарного требования — Шуваев... Шуваев очень почтенный человек, его деятельностью по интендантству всегда вызывала наше сочувствие... Но в качестве военного министра мне совершенно было ясно, что он совершенно не на месте. Человек слишком элементарных понятий и психологии и со слишком малым знанием. Его председательствование в особом совещании (по обороне. — А. А.) производило жалкое, смешотворное впечатление»²⁸³.

Увольнение Шуваева последовало 3 января 1917 г., но, разумеется, не по тем соображениям, которые привел Милюков.

Что касается назначения Трепова вместо Штюмера, то оно явилось следствием известной растерянности не только царя, но и царицы и Распутина, возникшей в связи с известными выступлениями в Думе в начале ноября 1916 г. Попытки спасти Штюмера на посту премьера окончились безуспешно, и надо было срочно его заменить, причем таким человеком, который взял бы на себя

задачу как-то поладить с Думой, не меняя при этом реакционного курса. Подходящего кандидата не оказалось, и царю пришлось остановить свой выбор на Трепове, пользовавшемся репутацией твердого человека и к тому же единомышленника Штюрмера в Государственном совете. Даже царица в какой-то мере понимала неизбежность этого назначения, которое, однако, и ею и царем мыслилось как сугубо временное. 7 ноября Александра Федоровна, ссылаясь на мнение «Друга» и Протопопова, предлагала царю отправить Штюрмера в трехнедельный отпуск, а после того как Дума в декабре будет распущена, он сможет вернуться. На эти же три недели обязанности премьера придется возложить на Трепова, хотя она так и не может осилить своего нерасположения к нему²⁸⁴. Такое же нерасположение испытывал к Трепову и царь. Обстоятельства заставили изменить этот план. Буквально с первого же дня назначения Трепова главой правительства императрица повела против него самую ожесточенную кампанию, особенно когда узнала, что Трепов обусловил свое согласие на премьерство отставкой Протопопова и удалением Распутина.

«Трепов мне лично не нравится...— писала царица 10 ноября, еще не зная об условиях нового премьера,— и если он не будет доверять мне или нашему Другу, то, думается, возникнут большие затруднения»²⁸⁵. «Не подчиняйся такому человеку, как Трепов (которому ты не можешь доверять, которого ты не уважаешь)... Как Тр[епов] и Родзянко (со всеми злодеями) на одной стороне, так я, в свою очередь, стану против них (вместе с святым божьим Человеком) на другой. Не поддерживай их — держись нас»,— взывала царица к своему супругу 5 декабря, т. е. на другой день после его отъезда из Царского Села, куда его вызвали, чтобы отстоять Протопопова²⁸⁶.

Атака велась безостановочно. «Он (Распутин.— А. А.) умоляет тебя быть *твердым* и властным и не уступать во всем Тр[епову]. Ты знаешь *гораздо* больше, чем этот человек, и все-таки позволяешь ему руководить тобой. Почему не нашему Другу, который руководит при помощи бога?.. Он правильно ведет нас, а ты благоклонно внимаешь такому лживому человеку, как Тр[епов]»,— вот что прочитал царь в числе прочего, получив письмо царицы от 13 декабря²⁸⁷. «Трепов ведет себя теперь как изменник, и лукав, как кошка,— не верь ему»,— писала царица на другой день²⁸⁸.

Из этих писем видно, что дни Трепова-премьера были фактически сочтены уже спустя неделю после того, как он занял свой пост. В тот же день, 14 декабря, царь писал: «Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и которому не доверяешь, как Тр[епов]. Но раньше всего,— объяснял он супруге,— надо найти ему преемника, а потом вытолкать его — после того как он сделает грязную работу. Я подразумеваю — дать ему отставку, когда он закроет Думу. Пусть вся ответственность и все затруднения падут на его плечи, а не на плечи того, который займет его место»²⁸⁹. Трепов пробыл на своем посту ровно пять недель — с 19 ноября по 27 декабря 1916 г.

Как же сложилась судьба остальных министров, подвизавшихся в период «министерской чехарды»? Лишь два министра: морской — И. К. Григорович и финансов — П. Л. Барк, ставшие такими еще до войны (с 1911 и 1914 гг. соответственно), сумели пройти через все Сциллы и Хариды последнего трехлетия и пробыть на своих постах до последнего дня существования царизма. На наш взгляд, исключение из правила в основном было обусловлено двумя причинами: сравнительной «нейтральностью» этих министров по отношению к большой политике и, следовательно, меньшей заинтересованностью в них Распутина и царицы и, во-вторых, повышенными приспособительными, если так позволительно выразиться, свойствами обоих министров по сравнению с некоторыми другими их коллегами. Даже простодушный Шуваев, рассказывая на допросе о раскладе сил в Совете министров, честными и порядочными называл только Покровского и Игнатьева, а шедшие сразу за ними, согласно его моральной шкале, Григорович и Барк были людьми, о которых он «затруднялся сказать». Барк, по его словам, вел себя на заседаниях Совета министров «неопределенно, в зависимости от обстоятельств», а Григорович «и так и этак»²⁹⁰. Барк, кроме того, как уже отмечалось, был в большой чести у Распутина.

Сравнительно долго (с 9 января 1915 по 27 декабря 1916 г.), по меркам «чехарды», удерживался на своем посту министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев, причем он не только не был распутинцем, но, наоборот, имел прочный авторитет либерала в глазах Думы и «общественности». Это обстоятельство, с точки зрения клики, управлявшей страной, было абсолютным противопоказанием для пребывания на министерском посту, тем не менее факт оставался фактом — Игнатьев действительно проводил сравнительно либеральную политику по отношению к высшей и средней школе и был последовательным сторонником курса на лояльное сотрудничество правительства с Думой.

Феномен этот объясняется довольно просто. Во-первых, и здесь принималась в соображение второстепенность возглавлявшегося Игнатьевым ведомства по сравнению, скажем, с Министерством внутренних дел, а во-вторых, и это было главным в данном случае, секрет устойчивости Игнатьева объяснялся тем, что царь питал к нему личную симпатию как к бывшему однополчанину. Отвечая на вопрос о том, каковы корни того, что он уцелел на своем посту, несмотря на то что превратил Министерство просвещения в «оазис, на котором отдыхала русская общественная мысль», Игнатьев сослался на то, что «верховная власть» знала его еще 20 лет назад, когда он был солдатом в Преображенском полку, и питала к нему «большую нежность», и вообще у нее «была слабость к бывшим преображенцам».

Несколько раз Игнатьев просился в отставку, ссылаясь то на помехи, чинимые ему Советом министров, то на невозможность совместной работы со Штюрмером и т. д., но каждый раз получал отказ, причем царь, явно подделываясь под собеседника, пускал

в ход такие фальшивые в его устах аргументы: «неужели Вам не жаль школы?», «Из окопов не бегут» и т. д.²⁹¹

Затянувшееся пребывание Игнатьева на министерском посту было явным диссонансом на фоне политики, проводимой той же «верховой властью». Игнатьев давно раздражал царицу²⁹², да, по-видимому, и царя. Когда «нежность» иссякла, Игнатьев получил отставку в самой оскорбительной по тогдашним понятиям форме — без причисления куда-либо, без назначения и без рескрипта²⁹³. На его место был назначен И. К. Кульчицкий, снискавший себе славу крайнего реакционера именно на ниве просвещения еще в довоенные годы (вероятно, для того, чтобы по-настоящему «пожалеть школу»).

Около двух лет, с 6 марта 1915 г. и до конца режима, пробыл на своем посту министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской. Но тут все ясно: Шаховской, как и Барк, был распутинец. На заседаниях Совета министров, писал Наумов, князь держал себя «нервно и суетливо», а в служебных и законодательных кругах не пользовался никаким авторитетом²⁹⁴. Но все это не имело значения: он был «свой» и этим все сказано.

«Министерская чехарда» создавала и такие ситуации, когда министры, считавшие себя противниками Распутина, в действительности были назначены с его санкции. Таковыми являлись министр земледелия Наумов и обер-прокурор синода А. Н. Волжин, сменившие на этих постах соответственно Кривошеина и Самарина. Однако для обоих не являлось тайной, что их кандидатуры были предложены и проведены Хвостовым и Белецким, людьми, к которым по крайней мере Наумов относился отрицательно.

Белецкий в своих показаниях подробно писал о том, как и по каким соображениям он и Хвостов проводили указанную пару. В отношении Наумова существовали два соображения: респектабельность, приемлемость его кандидатуры для дворянства, раздраженного отставкой их лидера Самарина, и деловые качества — способность, как им казалось, если не разрешить, то по крайней мере смягчить продовольственный кризис. В пользу первого соображения говорили многолетнее пребывание Наумова на посту самарского губернского предводителя дворянства, избрание от самарского земства в Государственный совет, активная деятельность на дворянских съездах и т. д. В пользу второго — богатство, крупное помещичье хозяйство.

Волжина также избрали как фигуру, способную ослабить реакцию дворянства на увольнение Самарина и примирить его «с высокими сферами», поскольку, до того как стать директором департамента общих дел Министерства внутренних дел, с коего поста и пересел в кресло обер-прокурора синода, он был губернским предводителем дворянства, губернатором и богатым помещиком старинного дворянского рода²⁹⁵. Но, кроме того, Волжин являлся еще и свойственником Хвостова, что, с точки зрения последнего, служило не менее важным доводом в пользу его кандидатуры.

И Наумова и Волжина славная пара «проводила» испытанным способом — при помощи Андроникова и Вырубовой, которые должны были им обеспечить поддержку, вернее, согласие Распутина. Андроников «как тонкий человек, знающий высокие сферы», сразу оценил значение кандидатуры Наумова. Вырубову также удалось уговорить, объяснив ей, что, хотя Наумов «на сближение с Распутиным не пойдет... его преданность августейшим особам... сдержит от всяких резких выступлений против Распутина». После этого состоялось свидание тройцы с Распутиным, и тот, уже будучи подготовлен своей самой верной поклонницей, дал согласие, заявив, что «его (Наумова. — А. А.) цари любят». Он даже согласился, что, если у него будет дело в земледельческом ведомстве, поддержать его просьбу у Наумова. Как потом оказалось, никаких дел у Распутина к Наумову не возникло.

Самое трудное было сделано, теперь оставалась задача уговорить Наумова. Когда последний «выразил ужас от возможности прохождения через посредство Распутина», ему объяснили, как обстоит дело, и он дал согласие ²⁹⁶.

Но даже Хвостов и Белецкий не знали, что у любивших Наумова «царей» (а следовательно, и Распутина) существовала ещё своя тайная причина хотеть его назначения. Дело в том, что Наумов был членом образованной под давлением «общественности» Верховной следственной комиссии под председательством генерала Петрова по расследованию причин поражений русской армии весной — летом 1915 г., в которой он вместе с А. А. Бобринским занял резко антисухомлиновскую позицию. Прямо убрать его из комиссии было неудобно. И вот подвернулся удачный выход. Приняв Наумова в связи с его назначением, царь сказал ему, что ценит и приветствует его «как хозяина-практика и живого человека», но одновременно добавил, чтобы тот не забыл срочно подать доклад об освобождении от членства в комиссии. Чтобы сразу взяться за работу, объяснил Николай II свое требование ²⁹⁷.

Сходным образом и теми же людьми был проведен и Волжин; к этому делу подключили и ставленника Распутина епископа Варнаву. Волжин также просил, и ему было обещано «устроить так», чтобы избавить его не только от сближения, но и от знакомства с Распутиным. Но «на сближение с Андрониковым он легко согласился. Хотя Хвостов и Белецкий, «конечно, понимали», что Волжин не годится на должность обер-прокурора, они решили, что в данном случае это значения не имеет ²⁹⁸.

Позже на допросе Наумов, рассказывая о том, как он непочтительно обошелся с Распутиным, который все-таки не утерпел и решил составить личное впечатление о новом министре, выразил удивление по поводу той реакции, которую произвел этот элементарный и само собой разумеющийся поступок на его коллег и бюрократические круги. «Все это представилось мне актом простым, естественным», а «я сделался каким-то героем». Один из министров сказал Наумову: «Я слышал, что Вы Распутина не впустили к себе в кабинет, я тоже его ненавижу, но тем не

менее я должен был в этом отношении пойти на уступку»²⁹⁹. Все думцы — отдельные лица и депутатии — были в восторге от смелости Наумова и приветствовали его за этот шаг³⁰⁰. Однако противоречие «фактический ставленник Распутина — личный его противник» не могло в сложившихся условиях длиться скольким-нибудь долго. Разрешение его также могло быть только однозначным — отставка. И Наумов и Волжин пробыли недолго на своих постах: первый — несколько больше полугода (с ноября 1915 по 21 июля 1916 г.), второй — около года (с 30 сентября 1915 по 7 августа 1916 г.). Первый оказался негодным еще и потому, что считал необходимым сотрудничество с Думой на какой-то минимальной основе и требовал отставки Штюмерера. Второй занял непримиримую позицию к Питириму и, кроме того, противился назначению на должность товарища обер-прокурора князя Н. Д. Жевахова.

Особенно непереносимой для царицы и ее «Друга» оказалась позиция Волжина. «Знаешь, Волжин упорно несносен и не хочет помогать Питириму... боится общественного мнения», — негодовала Александра Федоровна в письме от 7 января. Волжин «совершенно неподходящий человек для занимаемого им поста... работает он исключительно с Влад[имиром]», — читаем мы в письме, отправленном спустя полгода, 25 июня 1916 г.³⁰¹

Преемником Наумова, как уже указывалось, стал Бобринский (с 21 июля по 14 ноября 1916 г.), а последним министром земледелия был А. А. Риттих, с 1912 г. являвшийся товарищем главноуправляющего землеустройства и земледелия. Что же касается последнего обер-прокурора синода И. П. Раева, то его назначение свидетельствует, что царица и Распутин отныне твердо решили не подвергать этот пост ни малейшему риску. В том же письме, где бранится Волжин за компанию с митрополитом Владимиром, царица всячески хвалит Раева — «это прекрасный человек, близко знающий церковные дела с самого детства... Пожалуйста, не забудь поговорить о нем со Штюмерером». В письме от 9 сентября царица снова хвалит Раева³⁰². Поначалу, как показывал Мануйлов, Питирим и Распутин намеревались заменить Волжина Кульчицким, тем самым, который затем сменил Игнатьева, но по каким-то причинам эта кандидатура была оставлена, и Распутин рекомендовал другого своего ставленника — Раева, сына петроградского митрополита Палладия³⁰³.

Раев был субъектом за 60 лет, носившим парик ярко-черного цвета. Так же были выкрашены его французские бородка и усы. Он ходил «с чуть ли не раскрашенными щеками, в лакированных ботинках...». Увидев его в ставке, великий князь Георгий Михайлович сказал царю: «Ну и рожу же ты выбрал в обер-прокуроры», на что царь, смеясь, ответил: «Да, здоровая картина!»³⁰⁴ В Совете министров Раев полностью поддерживал Протопопова.

Весьма характерна история с назначением Жевахова. Уже

9 сентября 1915 г., т. е. вскоре после назначения Волжина, императрица писала царю: «Я сегодня придумала (!) помощника для нового обер-прокурора — кн. Живаха... *очень лоялен...* согласен ли ты?»³¹⁵. Как видим, царица еще не твердо знает фамилию своего кандидата и еще не видела его, но о главном — «лояльности» ей уже сказали. Спустя месяц, 10 октября, она уже делится с царем личным впечатлением: «Жеваха был прелестен... был бы хорошим помощником Волжину».

Однако Волжин был на этот счет другого мнения. При помощи разных уловок ему удалось не допустить назначения «прелестного Жевахи», что вызвало крайнее раздражение его августейшей покровительницы. Волжину помогло то обстоятельство, что по штатам синода полагается только один товарищ обер-прокурора. Жевахова же хотели сделать вторым, а учреждение второй должности требовало санкции Государственной думы, поскольку оно было связано с бюджетным ассигнованием, на что рассчитывать не приходилось. Все попытки царицы обойти это препятствие и преодолеть саботаж Волжина не удалась, и вопрос о «Жевахе» пришлось скрепя сердце отложить до того времени, когда непокорный Волжин будет заменен «своим» обер-прокурором. «Я думаю,— писала царица 14 августа 1916 г., за полтора месяца до назначения Раева,— что он (Раев.— А. А.) с Жеваховым в качестве помощника были бы истинным даром божьим для церкви»³⁰⁶. В сентябре практически одновременно с Раевым Жевахов был назначен, а закон был обойден при помощи слов «исполняющий дела» (товарища обер-прокурора).

Что же представлял собой этот «прелестный Жеваха», который так понравился Александре Федоровне? Вот как описывает его Шавельский: «Князек он был захудалый; университетский диплом не совсем гармонировал с его общим развитием; деловитостью он совсем не отличался. Внешний вид князя: несимпатичное лицо, сиплый голос, голова редькой — тоже был не в его пользу». Когда умер Питирим, повествует далее протопресвитер, находившийся при нем Жевахов обокрал покойника: взял двое или трое золотых часов и 18 тыс. руб. николаевских денег, зашитых у Питирима в рясе. «И такие грязные субъекты,— восклицал автор,— попадали чуть ли не в кормчие российского церковного корабля!..» «О! Гнусная персона»,— писал он в другом месте³⁰⁷.

Но лучше всего Жевахова характеризует сам Жевахов. «Князек», по выражению Шавельского, ко всему прочему был весьма честолюбив и решил увековечить свое имя, издав в эмиграции обширные воспоминания. Эти мемуары — чудовищная смесь невежества, претенциозности и лживости.

Свои воспоминания Жевахов начинает с рассказа о том, как он ознакомился с докладом некоего полковника О., в котором тот сообщал, как к нему явился во сне святитель Иоасаф (которого Жевахов считал родоначальником рода Жеваховых) и объявил ему, что спасти страну могут две иконы: Владимир-

ской божьей матери в Белгороде и Песчаный образ богоматери в с. Пески около г. Изюма. Эти иконы надо провезти по фронтам, и они покроют войска «своим омофором от нападений вражеских». Князь пробил все препятствия, в том числе и Шавельского, якобы заявившего, что некогда заниматься пустяками, разными снами, и лично привез обе иконы в ставку. Пока святые находились там, утверждал Жевахов, были только победы, а когда увезли, началось отступление по всему фронту (иконы находились в ставке с 4 октября по 15 декабря 1915 г., т. е. тогда, когда фронт стабилизировался)³⁰⁸. «То, что другими относилось к области фантазии и мистицизма,— писал Жевахов,— то для меня являлось реальной действительностью. Участие в моем назначении св. Иоасафа казалось мне до того очевидным, что я не мог пройти мимо этого факта и заявил обер-прокурору Н. П. Раеву, что прежде вступления своего в должность считаю обязательным для себя поехать к святителю (речь идет о мощах св. Иоасафа.— А. А.) в Белгород за благословением»³⁰⁹.

Среди «лучших людей», по мнению князя, едва ли не первый был Питирим. Но больше всего восторгов вызывала в нем Александра Федоровна. «Я видел, что *только одна* императрица отдает себе ясный отчет в том, что происходит в действительности, что ее пронизательный ум и обостренное страданием чутье знают выходы из тупика и что императрица могла бы спасти Россию, если бы к ее голосу прислушались и не отождествляли этого голоса с голосом Распутина». Опубликованная переписка царской четы подтвердила, что для такого отождествления нет никаких оснований. Кстати, царица, по утверждению автора, говорила «на превосходном русском языке без малейшего даже акцента иностранки»³¹⁰.

Ахиллесовой пятой в воспоминаниях Жевахова является, несомненно, Распутин, и не только потому, что даже Жевахов не мог полностью отрицать связь «старца» с царицей, но и потому, что в его назначении Распутин принимал самое деятельное участие. Рассказывая подробно о всех перипетиях, связанных с назначением Жевахова, в которые и он внес свой вклад, Белецкий писал: «Назначение князя успокоило и Распутина, который знал о пожелании князя, относился к нему хорошо и в его прохождении в св. синод видел возможность иметь там своего человека»³¹¹.

Жевахов, конечно, полностью отрицает какую-либо причастность «старца» к своему назначению, а роль последнего при дворе объясняет как часть заговора «интернационала». «Распутин,— с неподражаемым апломбом писал князь,— в момент своего появления в Петербурге, а может быть и раньше, попал в сети агентов интернационала, которые желали использовать полуграмотного мужика, имевшего славу праведника, для своих революционных целей»³¹². Вот так. Ни много ни мало.

Всех благоглупостей князя просто не перечислить. По его мнению, не только Дума являлась преступным скопищем рево-

люционеро́в, но и во всех министерствах было «уже 90 процентов революционеро́в, поддерживаемых Думой и прессой, бороться с которыми можно было только пулеметами»³¹³. Не было границ и самодовольству князя. «Думские речи не производят на нас, стоящих у власти, ровно никакого впечатления», — писал он 3 декабря 1916 г. некоему А. В. Стороженко в Киев³¹⁴. Чувства Шавельского легко понять, когда читаешь такие откровения.

Нам осталось кратко охарактеризовать последние три персонажа из пьесы под названием «Министерская чехарда», в которой однообразие интриги компенсировалось многообразием действующих лиц.

История с Макаровым встревожила Распутина, и он твердо решил заполучить «собственную юстицию», т. е. сделать министром юстиции своего прямого ставленника. Как свидетельствовал Мануйлов, Распутин в своем кругу «говорил, что нужно, чтобы министр юстиции был свой, что юстиция должна быть своя». Но у него не было под рукой готового кандидата, и тогда известный нам Симанович заявил, что у него имеется «подходящий на такое амплуа человек». Этим человеком являлся сенатор М. А. Добровольский, который, по словам того же Симановича, «пойдет на что угодно, лишь бы быть у власти, так как его денежные дела очень запутаны».

Распутин поехал к Добровольскому знакомиться и составил о нем отрицательное впечатление: «Говорил, что у него глаза мошеннические... что это человек неважный». Но, помимо Симановича, на кандидатуре Добровольского настаивал другой близкий к «старцу» человек — банкир Д. Л. Рубинштейн, знаменитый «Митька», которому также позарез нужна была «своя юстиция», особенно после того, как его арестовала комиссия Батюшина. Распутину пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться его освобождения, — царица должна была несколько раз просить об этом царя³¹⁵, — но и куш был соответствующий — Распутин получил от «Митьки» более 100 тыс. руб. Такого рода аргументы действовали на Распутина неотразимо, и Добровольскому было устроено тайное свидание с императрицей.

Все шло по накатанной колее, но вдруг возникли осложнения: царица получила сведения, что Добровольский, будучи в сенате, брал взятки. «И гроши брал, и много брал, сколько ни давали, все брал», — сокрушался Распутин. Он был до крайности расстроен: «Подумайте, какого рода дело! Симанович-то привел в юстицию заурядного мошенника». Даже «старец» понимал, что такого человека нельзя назначать, а другого, запасного кандидата у него не было³¹⁶. Тем не менее Добровольский был назначен, правда уже после смерти Распутина, 20 декабря 1916 г. (царице, как и ее «Другу», тоже нужна была «своя юстиция»).

В отличие от Добровольского М. А. Беляев являлся не случайным, а давним и прочным кандидатом Распутина, но и он

стал военным министром только после смерти своего покровителя — с 3 января 1917 г. Это произошло только благодаря казусу с Шуваевым, не будь его, Беляев сразу бы занял место Поливанова. Последний был ненавидим не только царицей, но и ее супругом, и только крайняя необходимость заставила царскую чету смириться с мыслью о его назначении. Это означало, что, как только производство вооружения более или менее наладится, Поливанов будет отставлен. Сам Поливанов это очень хорошо понимал. За его спиной, писал он, не было поддержки императрицы и ее «Друга», «трудно поэтому было бы ожидать, чтобы должность военного министра могла быть мне предоставлена на продолжительное время, и действительно я был освобожден от нее в марте 1916 года, в ту пору, когда острота в недостаточности военного снабжения... была устранена»³¹⁷.

Обреченность Поливанова на министерском посту наглядно продемонстрирована в письмах царицы. «Ох, как мне хочется, чтобы ты избавился от Поливанова, который мало разнится от Гучкова», — писала она 9 января 1916 г. «Поливанову не надо давать никакого места — пусть он не беспокоит себя», — читаем мы в письме от 28 января. «Поливанов ведет себя просто как изменник», — негодует супруга в письме от 6 марта. «Он просто революционер под крылышком Гучкова», — неистовствует Александра Федоровна спустя шесть дней³¹⁸. И т. д. и т. д.

Все это сопровождалось не менее горячими похвалами в честь кандидатов на место крамольного министра. Хорошо бы на место Поливанова, читаем в письме от 9 января, поставить «старого Иванова, если честный Беляев слишком слаб». 12 марта Александра Федоровна снова настойчиво требует: «Тебе прежде всего необходим *искренно преданный* человек, и Беляев подходит, если Иванов слишком упрям». Что касается Шуваева, то он «менее джентльмен, чем Беляев»³¹⁹. В понятие «джентльмен» императрица вкладывала смысл прямо противоположный общепринятому: в ее представлении «джентльменом» был человек, готовый из-за личной преданности принести в жертву государственный интерес, пользу дела, пойти на беззаконие.

В августе кампания давления возобновилась: «Намерен ли ты назначить Беляева военным министром?» — не то спрашивала, не то приказывала царица в письме от 13 августа. С мнением царя о том, что Беляев — «человек чрезвычайно слабый, всегда уступает во всем и очень медленно работает», она решительно не соглашалась³²⁰.

Что же представлял собой последний военный министр? Даже Шуваев был о нем весьма невысокого мнения. Беляев, показывал он, человек большой работоспособности, «но он самое большее столоначальник, это удивительно узкий человек»³²¹. Такого же примерно мнения о Беляеве был и Поливанов, в прошлом его учителем по Академии генерального штаба³²².

На следователя Чрезвычайной следственной комиссии С. А. Коренева, занимавшегося делом Беляева, последний произ-

вел самое удручающее впечатление: «...щуплый ... с пугливой походкой, весь съежившийся, растерянный... Вскрикивает при каждом вопросе. Хватает за руку и шепчет: „Благодарю Вас, ведь мне бы только в отставку бы поскорее уволиться, да пенсию получить и довольно, только бы пенсию“». Таков был этот вчерашний военный министр». «Форма и форма — вот главное. Содержание же, во-вторых», — писал Коренев, характеризую стиль работы Беляева. Его жизненный катехизис — не касаться живого дела, «чернильная запятая». Но когда дело касалось услуг, «форма» забывалась. «Чтобы угодить царице», Беляев «по ее указанию» в нарушение закона перевел сына Распутина из Сибири в санитары в Петергоф. По ее же желанию распорядился не обыскивать на границе приезжающих в Россию австрийских сестер милосердия. По соглашению с Протопоповым приказал неподчиненной ему военной цензуре не пропускать в печать отчета о заседании кабинета министров по вопросу о Польше и т. п.³²³

Последний председатель Совета министров князь Н. Д. Голицын занял свой пост, как показывал Протопопов, «по выбору б[ывшей] царицы»³²⁴. Это верно только в том смысле, что на сей раз ей пришлось решать вопрос о премьерe самостоятельно, без помощи «Друга». Но это не значит, что за Голицыным никто не стоял. Он сам признавал, что его назначение «состоялось по ходатайству лиц, которые не пользовались ни уважением, ни доверием»³²⁵. Голицын имел в виду ту группу самых крайних правых членов Государственного совета, к которой он сам принадлежал. По-видимому, он причислял к ним и Протопопова. Воейков прямо утверждал, что Голицын был «рекомендован Протопоповым»³²⁶.

Назначение Голицына означало дальнейшее усиление правого курса. «Назначение Голицына и мое утверждение (министром. — А. А.), — указывал Протопопов, — являются характерными признаками времени. Руководство политикой фактически перешло в еще более правый круг. Б[ывший] царь это понимал и сделал этот шаг сознательно»³²⁷. Эту оценку подтверждает и другой свидетель. «Что же касается последних назначений министров, — записал Андрей Владимирович в своем дневнике 29 декабря 1916 г., — то Ники сказал Саблину, что он пойдет против общественного мнения во что бы то ни стало и докажет этим твердую власть. Таким образом, он нарочно выбирает лиц, которых общественное мнение не любит и ненавидит»³²⁸.

Вместе с тем выбор Голицына свидетельствовал о полном тупике, в который завела царизм «министерская чехарда», основанная на принципе «джентльменства» в истолковании Александры Федоровны. Даже сам Голицын, которого тот же Коренев характеризовал как «старого рамолика», «прихрамывающего, волочащего ноги подагрика, ничего не помнившего и ничего не знавшего»³²⁹, знал и понимал, что он совершенно не подходит на предложенную роль. «Я поник головой, так был

ошеломлен», — вспоминал он, когда царь сказал, что хочет сделать его председателем Совета министров, показывал Голицын. «Совершенно искренно и убежденно говорил я, что уже устарел (Голицыну было 66 лет. — А. А.)... признаю совершенно неспособным». Голицын был уверен, что после такой автохарактеристики царь откажется от своего решения, но спустя два дня получил указ о своем назначении³³⁰. Как свидетельствует Родзянко, на его вопрос Голицыну, зачем он согласился занять пост, абсолютно ему противопоказанный, последний ответил: «Я совершенно согласен с Вами. Если бы Вы слышали, что я наговорил сам о себе императору; я утверждаю, что если бы обо мне сказал все это кто-либо другой, то я вынужден был бы вызвать его на дуэль»³³¹. Голицын был премьером ровно два месяца — с 27 декабря 1916 по 27 февраля 1917 г. Революция избавила старика от тяжелого бремени.

Последствия «министерской чехарды» для царизма были катастрофическими. Авторитет власти не только в народе, не только в господствующих классах, но и в самом государственном аппарате близко подошел к абсолютному нулю. «Если при Макарове кабинет министра (внутренних дел. — А. А.) потерял для меня всякий страх, при Маклакове — серьезность, то при Щербатове он сделался каким-то нелепым местом, куда нужно было только возить бумаги, чтобы получить подпись», — писал известный нам Муратов³³². А ведь Щербатов подвизался еще в «дочехардовскую» эру. Да и сами министры не чувствовали себя таковыми, понимая, что они калифы на час. Новые министры, отмечал в своем дневнике Пуришкевич, не переезжают даже на казенные квартиры³³³. «В ведомствах, — писал Родзянко, — устраивались при назначении нового министра пари или нечто вроде тотализатора на срок пребывания данного лица у власти»³³⁴.

Джунковский, который в свой дневник «ташил» все, что казалось ему интересным, записал ходивший в Петрограде по рукам «отчет о скачках», в котором под видом лошадей были выставлены все тогдашние претенденты на посты председателя Совета министров и министра внутренних дел. Вот характеристика некоторых «лошадей» из этого отчета: «„Толстяк“ — густой караковый жеребец орловской породы от Губернатора и Думы. Камзол и рукава черные. Нетрудно догадаться, что речь здесь идет о Хвостове. «Подхалим» без аттестата (т. е. беспородный. — А. А.) от «Хама» и «Подлизы» — это Белецкий. Штюрмер «в отчете» характеризовался как «Первач» — рыжий жеребец завода Б. В. Ш. от «Серьезного» и «Правой». Цвета черные. В «отчете» перечисляются «Крыж» — Крыжановский — от «Бакалавры» и «Конституции», «Думский любимец» — князь Волконский — от «Дурака» и «Интриги» и др.³³⁵ Муратов утверждал, что автором «бегов»³³⁶ являлся он, но, скорей всего, это было коллективное творчество, так как сам Муратов также фигурировал в «бегах»³³⁷.

Совершенно очевидно, что подобные меткие и злые характеристики были реакцией не только на частую смену министров, но и на самих министров, оценкой их деловых и моральных качеств. Карабчевский, вспоминая эпоху Александра III, писал, что на всех государственных ступенях «les prochvostis» уже тогда «брали верх»³³⁸. Современники последнего царствования понимали, что прежние времена были просто идиллическими по сравнению с теперешними. «И в былые времена на эти посты (министров.— А. А.), быть может, попадали люди не вполне безукоризненной честности,— писал по этому поводу другой мемуарист,— но всем известных мошенников раньше конца столетия мы на них не видели... Я мог бы привести еще много современных типов. Но довольно. А то воспоминания будут не воспоминаниями, а зоологическим садом, в котором отсутствуют только львы и орлы»³³⁹.

Естественно, что «les prochvostis», ставшие хозяевами положения, наложили печать на работу всего правительственного аппарата, полностью определили его стиль и уровень. Можно с уверенностью утверждать, что начиная с «эры» Хвостова — Штюмерера Совет министров как единое целое практически перестал существовать. В нем образовалось некое полуконспиративное ядро — правительство в правительстве, которое и принимало все действительно важные решения в тайне от остальных министров, узнававших о них.

Как показывал Наумов, на квартире у Штюмерера происходили «тайные заседания» группы министров, обсуждавших вопросы борьбы с «гидрой» — Земским и Городским союзами. Ряд вопросов, которые вдруг возникали в Совете министров, говорил он в другом месте, «были для некоторых министров, в частности для меня, обычно полной неожиданностью. Мы совершенно не знали... как высшая политика фабрикуется». Только часть министров «была близка к первоисточнику высшей политики»³⁴⁰.

То же самое говорил и Покровский. «Во время председательствования Штюмерера,— указывал он,— Совет министров производил на меня такое впечатление, как будто он все более превращался в старый комитет министров, то есть в присутственное место для решения текущих дел... а политика ведется не в Совете министров, а где-то за пределами Совета министров», помимо него, лишь некоторыми его членами»³⁴¹.

По свидетельству Игнатьева, «маленький» Совет министров начал функционировать еще при Горемыкине, но окончательно оформился при Штюмерере. Под предлогом необходимости координации деятельности министерств, связанных со снабжением армии, был создан под председательством главы кабинета «такой коллектив, который был сильнее Совета министров». Он фактически решал все вопросы, а остальных министров «совершенно отстранил». В Совет министров вносились только «бесспорные» вопросы, т. е. малозначащие»³⁴².

Но если споры, паче чаяния, все же возникали, то журнал

заседания, как показывал Покровский, фальсифицировался по указанию Штюрмера таким образом, что разногласия из него исчезли³⁴³. «Там были большие стилисты», — замечал по этому поводу Наумов³⁴⁴. Надо дойти до крайней точки падения, чтобы начать культивировать такие методы. Даже Протопопов вынужден был признать, что Штюрмер был «председателем в Совете министров, но не председателем Совета министров», а сам Совет «был разбит на кусочки»³⁴⁵.

Но и «малый совет», осуществлявший директивы царицы и Распутина, отнюдь не отличался сплоченностью. Участники клики все время интриговали и следили друг за другом. Дело дошло до того, что Мануйлов убедил Штюрмера в необходимости создать при председателе Совета министров «как бы особый сверхдепартамент полиции». Это учреждение, по словам Белецкого, мыслилось «как совершенно законспирированное» от всех высших правительственных лиц и установлений, «в том числе в особенности от департамента полиции», с большими средствами и огромной агентурой. В сферу его деятельности должно было попасть решительно все: положение внутри страны, внешняя политика, торговля и промышленность, печать русская и заграничная, министерства и законодательные палаты, настроения армии и флота, широко поставленный контршпионаж. Идея эта понравилась Распутину и «была близка к осуществлению Штюрмером», и только арест Мануйлова, а затем и отставка самого Штюрмера помешали ей осуществиться³⁴⁶.

Не могло быть, конечно, и речи о единой согласованной правительственной программе. Штюрмер вообще считал принципиально недопустимым для правительства монархической страны следовать какой-то определенной программе. «Одна есть программа, — заявил он на допросе, — власть, которой каждый из нас в свое время присягал»³⁴⁷. Голицын тоже признал, что никакой программы у него не было³⁴⁸. Протопопов на допросе лепетал о том, что в первую очередь он ставил своей задачей наладить «продовольственное дело» и дать «движение» еврейскому вопросу.

Идею о «еврейском равноправии» подсказал Протопопову его друг и советчик Курлов. Как истый жандарм, он был убежден, что революцию в России делают евреи, недовольные «чертой оседлости» и другими ограничениями, и если эти «стеснения», хотя бы частично ликвидировать, большинство их превратится в лояльных российских обывателей. Характерно, что другой высокопоставленный полицейский — Белецкий занимал в еврейском вопросе точно такую же позицию, как Протопопов и Курлов. В специальной записке на имя царя он призывал последнего в порядке «высочайшей милости» упразднить «запретительные нормы» в отношении евреев, мотивируя необходимость этого шага двумя соображениями: мера эта будет способствовать упрочению престижа царской власти и произведет хорошее впечатление в странах-кредиторах, особенно в Америке (где судьба займов во многом зависела от еврейских банкиров)³⁴⁹.

В так называемой «предсмертной записке А. Д. Протопопова», опубликованной Петром Рыссом, экс-министр пытался изобразить дело таким образом, что у него была продуманная и цельная программа деятельности. Помимо продовольственного и еврейского вопросов, он еще называет законопроект о выборном духовенстве, разработанный в синоде по его инициативе в результате соглашения с Раевым и при поддержке Питирима. Согласно проекту, священники выбирались приходами, содержание они должны были получать от казны, плата за требы запрещалась³⁵⁰.

Самым интересным с точки зрения характеристики государственных потенций Протопопова, а заодно и царской четы был его проект, изложенный в памятной записке на имя царя и направленный, по его словам, на то, чтобы «в известной мере развить существовавшую русскую конституцию». Надо полагать, этот проект представлялся Протопопову остроумным ходом, выбивающим из рук «Прогрессивного блока» его главное оружие — Министрство общественного доверия.

Проект состоял из трех основных пунктов: 1) Думе и Государственному совету предоставлялось право вносить запросы и голосовать не только по вопросу незакономерности действий тех или иных министров и главноуправляющих, но и по вопросу о нецелесообразности их действий; 2) в случае, если закрытым голосованием в две трети кворума Думы действия министра будут осуждены, следует вторичное голосование, предлагающее дать этому министру объяснение перед «особым Верховным судилищем», состоящим из сенаторов и членов Государственного совета и Думы, а также почетных опекунов, членов Военного совета или других лиц, назначенных по высочайшему повелению; 3) постановление «судилища» идет «на высочайшее благовоззрение».

Даже царь оценил всю прелесть этого «конституционного» перла, вышедшего из-под пера вчерашнего октябриста. Царю «понравилась моя мысль», писал Протопопов, потому что постановление «судилища» «еще не предрешало его (царя.— А. А.) резолюции». Согласно проекту, выбор у царя был достаточно широк: он мог направить дело к доследованию, оправдать обвиненного министра, ограничиться замечанием, или выговором и, наконец, удалить. По мнению самого Протопопова, его проект был хорош тем, что «ставил право запросов законодательных учреждений весьма на реальную почву, не умаляя юридически права верховной власти». Царица, в свою очередь, «находила, что этот шаг возможный, хотя и серьезный». Царь поручил разработать проект двум сановникам-юристам, сказав, что «дело это спешное». Однако из-за «технических трудностей» (?) они это задание не выполнили³⁵¹.

В конечном итоге вся «позитивная» политика по отношению к стране и Думе свелась к приемам мелкой хитрости, ничего не значащих жестов и другим подобным ухищрениям. Прекрасное представление о характере такой политики дает один полицейский документ, составленный в недрах департамента полиции в конце

1915 г., с характерным заголовком: «Что делать?». Документ не подписан, но на нем явно лежит отпечаток личности тогдашнего главы ведомства Хвостова.

Ссылаясь на «крайне напряженное настроение всех кругов общества», автор записки проводит мысль о необходимости *симулировать* хорошее отношение, готовность пойти на реформы, на деле не давая никаких реформ. Успокоение масс и Думы, уверял автор записки, «может быть достигнуто ценой очень незначительных уступок, осуществлением мер, которые явились бы, так сказать, лишь намеком на реформы... Цель этих уступок в мелочах именно громкое *демонстрирование* благожелательности правительства, и, чем громче, чем широковещательнее будет это демонстрирование, тем надежнее и вернее результаты». Далее шли конкретные советы по различным аспектам политики. Так, например, рекомендовалось незамедлительно созвать Думу, поскольку дальнейшая отсрочка «таит в себе большую опасность», но одновременно ввести цензуру думских речей президиумом Думы, «строгое наблюдение за газетами», дающими отчет о заседаниях Думы, и т. д. Об амнистии «менее всего может быть речи в данный момент», так как она укрепила бы положение и силы левых партий, но если бы была освобождена, например, «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская, это произвело бы «прекрасное впечатление». Аналогичные рекомендации давались по польскому и украинскому вопросам, в отношении земских и городских союзов и т. д.³⁵²

Типичным примером подобной политики была организация посещения царем Думы. Если верить Мануйлову, эту идею подал ему Бурцев, а сам Мануйлов взялся ее осуществить, уговорив Распутина. Последний, выслушав просьбу, «стал бегать по комнате, а потом говорит: „Ну, ладно, папа придет в Думу, ты скажи этому старикашке (Штюмеру) ... чтобы он не артачился“». «Старикашка» не только не «артачился», но отнесся к идее «очень сочувственно», и через несколько дней царь посетил Думу³⁵³. Это посещение было единственным за все десять лет существования Думы.

К подобного же рода приемам относится предложение Штюмера царю внести в Думу законопроект о так называемой областной реформе. Поражает абсолютная практическая неприемлемость этого проекта, не говоря уже о его крайней несвоевременности в условиях войны и разрухи. Предлагалось существующее губернское деление заменить делением на области, которых должно быть 15—18. Единственный аргумент, выдвинутый в пользу проекта, заключался в том, что областное деление суть исконное русское начало, тогда как деление на губернии искусственное, этим началам противоречащее. К этому надо добавить, что великолепная «русская идея» пришла в голову Штюмеру (на самом деле Гуриянду) еще в бытность его ярославским губернатором. Памятная записка, озаглавленная «Областное начало внутреннего управления империи» и подписанная Штюмером 7 июля 1916 г.,

начиналась именно с указания на то, что мысль об «областном» начале возникла в Ярославле еще в 1899 г. и разработана в своих «главнейших частностях» уже в 1900 г.³⁵⁴

На этой записке царь наложил следующую резолюцию: «Разработать теперь же законопроект об областном управлении и внести на рассмотрение законодательных собраний ко времени осеннего созыва их»³⁵⁵.

Когда А. А. Хвостов получил эту резолюцию, он, естественно, стал искать законопроект и материалы к нему, но не обнаружил их ни в Совете министров, ни в собственном Министерстве внутренних дел, ни даже в Ярославле. Наконец он «узнал от автора доклада (т. е. памятной записки на имя царя.— А. А.) Гурлянда, что никаких материалов и законопроектов не нужно, так как цель его была занять внимание Государственной думы и интересными (?!) разговорами отвлечь от других, более важных предметов». Вопрос не был внесен в Думу только потому, что Хвостов заявил, что он на «эту игру... не согласен», и добился у царя разрешения не исполнять его резолюции. Однако свое согласие царь обусловил требованием «все же заняться этим делом»³⁵⁶.

В конечном итоге все эти жалкие уловки оборачивались самообманом и прямым, сознательным обманом верховной власти, целью которого было уверить царскую чету, что хотя в стране положение сложное, но оно никакой серьезной опасности для режима не представляет. Примером подобного самообмана является приведенная история с проектом областной реформы, ибо совершенно очевидно, что Дума не поддавалась бы на такой примитивный трюк, будь соответствующий законопроект внесен. Тот же Штюмер уверял Наумова: у него такие хорошие отношения с Думой, что он не может назвать их «иначе как симфонией», что привело собеседника, знавшего истинное отношение Думы к Штюмеру, в совершеннейшую ярость³⁵⁷. Что же касается введения в заблуждение царскую чету, то здесь пальма первенства принадлежала Протопопову.

Так, например, незадолго до революции Протопопов представил на имя царицы доклад, который состоял в основном из выдержек и заявлений черносотенных организаций об обреченности революции (народ не допустит и расправится с революционерами). На вопрос в следственной комиссии, верил ли в это сам Протопопов, тот ответил отрицательно. На вопрос, зачем же тогда он послал такой доклад, ответ был дан следующий: «Хотел успокоить царицу и царя»³⁵⁸. Если к этому прибавить, что сам Протопопов инструктировал черносотенных главарей по части присылки подобных телеграмм и писем, картина будет полной.

Не менее характерен другой пример, связанный с арестом рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете. Протопопов лично выпросил санкцию царя на этот арест, сказав ему, что он расценивает эту группу как «центральный» и, разумеется, революционный орган рабочих всей России, как «повторе-

ние организации Хрусталева-Носаря в 1905 году» (т. е. как Петроградский совет 1905 г.). За арест секции Протопопову в Царском Селе был «поставлен плюс»³⁵⁹. Но Белецкий как профессионал был уязвлен до глубины своей полицейской души таким дилетантством, выдаваемым за политическую дальновидность. «Я невольно покраснел и за Протопопова, и за департамент полиции, когда прочел официальное сообщение об аресте, где «простая ликвидация» выдавалась как борьба с вновь народившемся Советом рабочих депутатов. Арест свидетельствовал, по его мнению, о полном бессилии Протопопова перед действительными противниками существующего строя»³⁶⁰.

К сказанному следует добавить, что министры обманывали не только царя, но и друг друга и своих единомышленников, руководствуясь соображениями местничества и соперничества. Тот же Протопопов, по его собственному признанию, утаил однажды важные сведения не только от царя, но и от военного министра и председателя Совета министров, которым был обязан эти сведения сообщить. Царю он их не сообщил, потому что «не хотел передавать ему неприятное», военному министру — потому, что «не любил Шуваева», а Голицыну «не давал всех сведений», потому что «хотел быть более осведомленным, нежели он, при докладах царю»³⁶¹.

Штюрмер в бытность свою премьером также из карьерных соображений не передавал царю записки Римского-Корсакова, активного участника его салона и полного единомышленника, в которой крайние правые требовали дальнейшего ужесточения реакционного курса. Ее позже, незадолго до отставки Штюрмера, передал царю Голицын³⁶².

Надо ли доказывать, что «министерская чехарда» оказалась самым разрушительным образом на работе всех звеньев государственного аппарата, и до этого демонстрировавшего крайний бюрократизм, нерасторопность, неудержимую тягу к коррупции и другие подобные качества? Еще до «министерской чехарды» Кривошеин на одном из первых скрытых заседаний Совета министров жаловался на безделье чиновников, на то, что часто в департаменте не встретишь ни одной души в рабочее время. «Государство, — возмущался он, — находится на пороге, быть может, непоправимой катастрофы, и его служащие не имеют права предаваться ничегонеделанию». В результате было решено ограничить отсутственные дни воскресеньями и двенадцатыми праздниками³⁶³, но вряд ли сами министры надеялись на то, что эта мера что-нибудь изменит.

Климович на допросе говорил, что он за все время пребывания на посту директора департамента полиции не получил от своего министра ни одного руководящего указания. «В этом-то была вся горечь службы, — пояснял он, — что я тщетно просил Христом богом дать мне какие-нибудь общие директивы...» и не получал их³⁶⁴. Щербатов, в свою очередь, отрицательно характеризовал личный состав Министерства внутренних дел, который возник

в результате неделовой системы подбора³⁶⁵. «Все как катилось по наклонной плоскости, так и продолжало катиться», — дал свою оценку ситуации в связи с «министерской чехардой» другой бывший министр внутренних дел, А. А. Хвостов³⁶⁶. Так обстояло дело в отношении ведомства, которое с точки зрения царизма являлось главным, особенно в обстановке развивавшегося и углублявшегося революционного кризиса.

В провинции, разумеется, было не лучше, тем более что, как писал Муратов, «была не только министерская, но и вообще чиновничья чехарда»³⁶⁷.

В связи с отставкой А. Н. Хвостова «Новое время» писало: «За истекшее полугодие с небольшим происходит уже *двенадцатая* смена на министерских постах вообще и третья в Министерстве внутренних дел». В течение года на 167 должностях генерал-губернаторов и вице-губернаторов состоялось 87 перемещений. «Целый звездный дождь сановников, падающих, перемещающихся и совершенно сходящих с бюрократического горизонта!» — восклицала газета. Это «зрелище внушает тревогу»: государственная служба превратилась в нечто вроде проходного двора и «утратила под собой твердую почву. Изолированная от народа бюрократия уже не может больше держать на своих плечах всю тяжесть государственной власти»³⁶⁸.

Спустя полгода та же газета с еще большей тревогой отмечала пагубность «министерской чехарды». Смена министров начиная с конца 1915 г., говорилось в статье «Болезнь власти», «превратилась в своего рода систему управления». Средний срок пребывания на посту министра юстиции — 4,5 месяца, внутренних дел — 3. «Беспрерывная смена министров — это, конечно, только внешний симптом внутренней болезни государственного организма... Все больше и больше разverzается пропасть между народом и бюрократической властью... Страна направляется по курсу без компаса и карты»³⁶⁹.

То же писала и кадетская «Речь». «Можно себе представить его (чиновничества. — А. А.) отношение к своим обязанностям теперь, когда потеряно важнейшее преимущество государственной службы — устойчивость, когда каждый чувствует себя калифом на час», — говорилось в одной из передовых³⁷⁰. Раньше при встрече спрашивали: что нового? Теперь задают вопрос: кто уходит? — писал Л. Львов в статье «Положение дел»³⁷¹. «Разруха управления», — делался вывод в еженедельном обзоре в связи с назначением Голицына, Добровольского и Кульчицкого³⁷².

Реакция «общественности» на «чехарду» и распутинщину довольно точно выразила следующая крылатая фраза, имевшая широкое хождение: «Прежде мы были боголепны и победоносны, а теперь хвастливы (от Хвостова. — А. А.), распутны и горемычны».

В свете изложенного возникает весьма существенный вопрос: неужели у царя так атрофировалась способность оценки обстановки, настолько была искажена ориентация, наконец, потеряны

чувство опасности и инстинкт самосохранения, что он не отдавал себе отчета в происходящем, в грозящих последствиях «министерской чехарды»?

Вопрос этот тем более уместен, что, как было показано выше, не было недостатка в предостережениях о грозящей опасности приближения революции, исходивших из самых разных источников, начиная от великих князей и кончая британским послом, с мнением и оценками которых нельзя было не считаться хотя бы потому, что они диктовались собственными кровными интересами. Кроме того, за спиной царя, каким бы ограниченным и слабобольным он ни был, стояло два десятка лет управления страной, неизбежно связанного с приобретением каких-то навыков государственного управления, хотя бы и минимальных, но все же достаточных, чтобы отличать критическую ситуацию от нормальной.

Какие-то проблески понимания время от времени появлялись. Это видно уже из цитированных нами писем царя, в которых он, например, необходимость отставки Протопопова и непригодность на пост военного министра Беляева обуславливал прежде всего отсутствием у них деловых качеств. 16 августа 1916 г. царь писал: «От всех этих перемен голова идет кругом, по-моему, они происходят слишком часто. Во всяком случае, это не очень хорошо для внутреннего состояния страны, потому что каждый новый человек вносит также перемены и в администрацию»³⁷³. Противоречие между принципом «джентльменства», по которому подбирались министры, и принципом компетентности, по которому следовало подбирать их во всякое время, а тем более во время войны, было настолько явным, что тревожило даже императрицу и «Друга», целиком озабоченных подыскиванием «джентльменов». В связи с этим царь предпринял даже несколько шагов, направленных на то, чтобы соединить оба принципа.

О первой такой попытке мы узнаем из воспоминаний С. Е. Крыжановского. В 20-х числах декабря 1916 г. около 12 часов ночи автору воспоминаний позвонил инженер Балинский с просьбой принять по срочному делу. Смысл дела состоял в следующем. Он, Балинский, имеет поручение от статс-дамы Е. А. Нарышкиной, которая, в свою очередь, исполняет поручение царицы, пославшей ей телеграмму из ставки (и, следовательно, согласовавшей свою акцию с царем) с требованием организовать встречу Крыжановского с Распутиным, с тем чтобы последний сообщил ей свои впечатления о нем. В зависимости от него в ставке будет иметь суждение о перемене состава правительства (т. е. о назначении Крыжановского председателем Совета министров). Когда, если верить Крыжановскому, он ответил отказом, ему было заявлено, что этот отказ в ставке предвидели, и поэтому он, Балинский, предлагает провести встречу у него в доме, причем Распутин только пройдет через комнату, где он будет сидеть. Крыжановский отказался и от этого варианта, и с этим посланец уехал.

Через несколько дней к Крыжановскому несколько раз заез-

жал Пителирм, но не заставлял, и тогда он сам решил поехать к митрополиту. «Митрополит сказал, что государь поручил ему переговорить со мной доверительно о следующем. Его величество озабочен приисканием подходящего лица на должность председателя Совета министров, которую он находит необходимым по обстоятельствам военного времени соединить непременно с должностью министра внутренних дел. Он имеет в виду несколько кандидатов, но, прежде чем решить, к кому обратиться, желает заранее знать отношение их к некоторым вопросам, чтобы избежать затем неприятных разговоров, так сильно, по словам митрополита, надоевших его величеству. Этими вопросами являются, продолжал владыка, отношение к Протопопову — раз и к „известному лицу“ — два, т. е. к Распутину? — спросил я. — Да, и к Григорию Ефимовичу».

Далее состоялся следующий диалог. Крыжановский ответил, что Протопопова он считает «человеком совершенно ничтожным... не способным быть не только министром, но и делопроизводителем в любом министерстве. Он не более как пустое место». Сам по себе он «совершенно безвреден», но отношение к нему со стороны бывших думских друзей «делает пребывание его в среде правительства совершенно нежелательным».

В ответ на это митрополит «пояснил», что царь «сам сознает непригодность Протопопова как министра, но не считает возможным теперь же его уволить», так как это увольнение будет воспринято как капитуляция перед Родзянко и К°. Поэтому царь хочет отставку Протопопова с поста министра внутренних дел «несколько отсрочить» и сделать его министром иностранных дел. Крыжановский возразил, что такое решение совершенно невозможно, поскольку даст новую пищу о сепаратном мире: Протопопов — болтун, его болтовня причинит величайшие осложнения. Поэтому он предпочел бы, если станет премьером, оставить Протопопова на некоторое время в теперешней его должности, но с правом самому избрать ему товарищей министра, которые и будут управлять министерством до его отставки. Что же касается Распутина, то это частное дело царской четы, но и здесь он, Крыжановский, настаивает на том, чтобы «старец» никуда не лез и не похвалялся, а на первых порах должен уехать из Петрограда. Но главное, что он требует, — это разрешить ему обезвредить круг проходимцев, эксплуатирующих Распутина, и, кроме того, согласие царя на некоторые меры.

Меры эти сводились к следующему: 1) кроме военных министров и министра двора, право на всеподданнейшие доклады получает только премьер; доклады же министров делаются только в Совете министров и в крайнем случае лично царю, но все равно в присутствии главы правительства; 2) Петроград изымается из ведения военных властей и передается гражданской администрации; 3) наиболее надежные части гвардии возвращаются в столицу; 4) немедленно образуются специальные полицейские батальоны из отборных второсрочных солдат, свободных от посылки на

фронт. Эти меры, добавлял автор, «как бы висели в воздухе».

Митрополит все эти условия записал, а через некоторое время уже сам Распутин через посредника просил Крыжановского о встрече, но снова получил отказ. Через несколько дней Питирим привез ответ, который фактически означал отказ, и на этом переговоры двора с Крыжановским были закончены. Когда он вскоре после убийства Распутина был с докладом у царя, последний об этих переговорах не обмолвился ни словом³⁷⁴.

Крыжановский в бюрократических кругах столицы имел репутацию умного, делового и твердого человека, крайне правого по своим убеждениям. Казалось бы, лучшей кандидатуры в столь ответственное для режима время нельзя было и желать. Тем не менее он не подошел, и именно потому, что был умен и деловит. Компетентность (и ее обеспечение определенными полномочиями и условиями) тут же, как мы видели, приходила в противоречие с устремлениями двора и Распутина, как бы скромнен и умерен ни был в своих требованиях тот или иной толковый кандидат. На нем ставили крест и делали новую попытку.

Другая такая попытка была связана с Григоровичем. Как рассказывает адмирал Бубнов, мысль о том, чтобы сделать премьером морского министра родилась в морском штабе верховного главнокомандующего и была с радостью поддержана «всеми благомысленными людьми в ставке». Действовать стали через Саблина и начальника походной канцелярии Нарышкина. Они согласились довести возникшую идею до царя, который встретил ее «весьма благоприятно»³⁷⁵.

О дальнейшем развитии событий мы узнаем из воспоминаний самого Григоровича. В ноябре 1916 г., когда он приехал в Могилев, адмирал Русин сообщил ему, что царь объявил о своем решении назначить его, Григоровича, председателем Совета министров, и общая просьба к нему — не отказываться. Григорович решил согласиться при условии немедленного удаления некоторых министров (иностранных дел, внутренних дел, торговли, путей сообщения, народного просвещения и юстиции). Однако за обедом царь ему ничего не сказал, кроме того, что примет с докладом. Во время доклада также ничего не было сказано, а на утро Григорович узнал, что председателем Совета министров назначен Трепов. «Какая произошла перемена и какая была причина, — меланхолически заключал Григорович, — осталось неизвестно, знаю только одно и со слов одного из членов Г. думы, что они все мечтали о моем назначении председателем Совета министров, зная в то же время, что я не потерплю некоторых министров и составил бы кабинет из деловых людей; ни о каком ответственном министерстве они не мечтали — им нужен был человек, к которому они питали доверие»³⁷⁶. Именно это намерение Григоровича и отношение к нему Думы и стали теми причинами, которые заставили царя в последнюю минуту дать отбой и остановить свой выбор на Трепове — последний по сравнению с Григоровичем запрашивал меньше, вернее, ничего не запрашивал. При всей нелюбви царской четы

к Трепову он все же был предпочтительнее человека, который намеревался очистить кабинет от явных распутинцев и составить правительство из лиц, приемлемых для Думы³⁷⁷.

Третьей «деловой» кандидатурой на пост председателя Совета министров был Щегловитов, причем о нем речь как о возможном премьере возникала в «высших кругах», т. е. у царицы и Распутина, дважды. С точки зрения последних, Щегловитов являлся самым подходящим кандидатом, поскольку представлял собой сочетание убежденного крайнего реакционера и действительно умного, образованного и делового человека, что в лагере реакции в то время было редкостью. Царь держался о нем самого высокого мнения. Как свидетельствовал Протопопов, царь, узнав от него, что он чаще всех советуется с Щегловитовым, сказал: «Это хорошо, он человек опытный и большой государственной мудрости»³⁷⁸.

Помимо этого, у Щегловитова по сравнению с Крыжановским и Григоровичем было еще одно огромное преимущество — он нисколько не возражал против знакомства и сближения с Распутиным. Незадолго до отставки Горемыкина, когда участь последнего как премьера была уже фактически решена, но не был еще окончательно решен вопрос о преемнике, Распутин, кроме Штюрмера, подумал и о Щегловитове. Посредником выступил Белецкий, сообщив Щегловитову о желании Распутина с ним познакомиться, что, по его мнению, означало «рано или поздно призыв снова к власти». Щегловитов охотно согласился, попросив только, чтобы посещение его Распутиным осталось в тайне от Хвостова³⁷⁹. Сам Щегловитов объяснял на допросе согласие на эту встречу исключительно любопытством, но это, конечно, не так. Он вынужден был признать, что Распутин приехал к нему с совершенно конкретной целью — уговаривал «вернуться в прежнее положение», т. е. снова войти в состав правительства, на что якобы он, Щегловитов, отвечал отказом³⁸⁰. Председателем Совета министров стал, однако, Штюрмер: царица и «Друг» в конечном итоге предпочли деловому и умному Щегловитову человека с прямо противоположными качествами.

Но после отставки Штюрмера они снова вернулись к этому проекту. На этот раз в качестве посредника выступил известный правый журналист Сазонов, один из ближайших друзей Распутина. Он явился к Щегловитову и стал горячо уговаривать его стать премьером, прибавив к этому, что вопрос о его свидании с Распутиным — «это вопрос решенный». Свидание состоялось в квартире у Сазонова, и Распутин, по выражению Щегловитова, «точно помешанный», все время повторял: «Председателем, председателем!» Распутин горячо поддержал хозяин квартиры, уговаривая согласиться: «Вам нужно только добиться диктаторских полномочий» — и все будет в порядке, объяснял он³⁸¹.

И на этот раз Щегловитов не стал премьером — ему предпочли ненавистного, но зато менее умного Трепова. Щегловитов не стал премьером и после отставки Трепова. Максимум, на что пошла

царская чета,— это сделала Щегловитова председателем Государственного совета, предоставить ему пост главы правительства она так и не решилась.

Показательно, что все три перечисленные попытки (не считая первой попытки с Щегловитовым) были предприняты одновременно — в ноябре 1916 г., т. е. в один из самых напряженных и острых для царизма моментов, связанных с известными речами думских лидеров и последовавшей за ними отставки Штюмерера. Несмотря на критическую ситуацию, колебания были недолгими и поверхностными. «Джентльмены» по-прежнему продолжали управлять страной, пока их не по-джентльменски попросила вон Февральская революция.

Из всего изложенного следует, что увольнение министров-«забастовщиков» и «министерская чехарда» не являются обычной практикой избавления от негодных министров, с одной стороны, и их частой сменой — с другой, а представляют собой факт принципиального порядка, качественный сдвиг в природе и характере официального правительства и царизма в целом, сдвиг, который принято обозначать термином «разложение». Какие же основные признаки и параметры разложения прослеживаются на базе приведенного материала, как можно их охарактеризовать, хотя бы в первом грубом приближении? На наш взгляд, его основные компоненты следующие.

1. Принцип государственного управления (под которым в данном случае понимается управление в наиболее общих интересах господствующего класса) заменяется управлением по принципу сосредоточения власти в руках узкой клики и в интересах клики, оторванной не только от народа, но и в значительной мере от своей собственной социальной опоры.

2. Процесс этот необратим. Доказательством служат хотя и два разных, но тем не менее бьющих в одну точку факта: а) со смертью Распутина власть «темных сил» не только не исчезла, но еще больше усилилась; процесс разрушения официального правительства продолжался теми же темпами и осуществлялся теми же методами; б) лозунг «министерства общественного доверия» был по существу не чем иным, как требованием возрождения прежнего официального правительства (независимость от «темных сил»), и провал этого требования указывал на невозможность его реализации обычным, «парламентским» путем.

3. Следующим элементом разложения, обусловленным двумя первыми, является выход из строя всех механизмов обычных методов управления и реализации прерогатив власти. Отказ системы иерархии и соподчинения в центре и на местах, кризис всех институтов власти, результатом которых является утрата контроля и воздействия на ход вещей. Иными словами, дезорганизация и нестабильность всего правительственного аппарата.

4. Полный разрыв между властью и страной, включая и самые умеренные и даже консервативные социальные слои, которые

в обычных условиях служат верной опорой режиму. Стопроцентное, абсолютное недоверие к ее честности, компетентности, пригодности выполнять свои функции.

5. Потеря веры в дееспособность власти со стороны бюрократии и чиновничества, т. е. среди агентов власти. Вызревание в их среде настроения обреченности и пораженчества перед лицом надвигающейся революции, внутренняя готовность перейти на службу к новому хозяину — буржуазной власти, т. е. полная изоляция режима³⁸².

6. Лавинообразность процесса, его быстротечность и нарастание по экспоненте в завершающей стадии, что является доказательством давности болезни, ее непрерывного развития, завершающегося в конце бурной вспышкой, выглядящей на первый взгляд исторически необоснованной.

7. Невозможность преодоления ситуации мирным путем. Все дальнейшее решается расстановкой классовых сил в стране, исторической дееспособностью народа.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 140—141. Курс. наш.— А. А.

² Там же. Т. 20. С. 369. Курс. наш.— А. А.

³ Там же.

⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Сес. 5. Ч. 3. Стб. 1345—1347. (Далее: Ст. от. С.)

⁵ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954. Т. 1. С. 283—284.

⁶ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 405.

⁷ Шавельский Г. Указ. соч. Т. 1. С. 68.

⁸ Сагонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1921. С. 351. Курс. наш.— А. А.

⁹ Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 56. Допрос А. А. Поливанова.

¹⁰ Апушкин В. А. Генерал от поражений В. А. Сухомлинов. Л., 1925. С. 16, 112.

¹¹ Переписка Николая и Александры Романовых, 1914—1917 гг. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 242. Письмо царю от 24 июня 1915 г. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии А. А. Хвостов говорил: императрица, требуя от него как от министра юстиции освобождения Сухомлинова из крепости, указывала, что «это человек наиболее преданный государю, человек, от которого государь слышал всегда только правду» (Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 448).

¹² Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. М., 1925. С. 32.

¹³ Подробно о назначении Маклакова см.: Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 255—264.

¹⁴ Падение царского режима. Т. 5. С. 206.

¹⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 5881. Оп. 1. Ед. хр. 370а. Л. 6.

¹⁶ РО ГБЛ. Ф. 261. Картон 20. Ед. хр. 7 (Харламов Н. П. Записки бюрократа). Л. 22. об.— 23.

¹⁷ До своего назначения на пост министра Маклаков в течение трех лет был губернатором Черниговской губернии, которая по своему значению считалась второразрядной.

¹⁸ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк. 1955. С. 284.

¹⁹ Падение царского режима. Т. 7. С. 223.

²⁰ Там же. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 144.

²¹ Там же. Т. 1. С. 423.

²² Там же. М.; Л., 1926. Т. 3. С. 131.

²³ Там же. С. 84—138.

²⁴ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 2. С. 323.

²⁵ Как показывал на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии князь М. М. Андроников, Распутин все же явился к Горемыкину на прием, чтобы «посмотреть, что это за личность» (Падение царского режима. Т. 2. С. 17).

²⁶ Нольде Б. Э. Далекое и близкое: Ист. очерки. Париж, 1930. С. 122—123.

- ²⁷ *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. С. 110—121.
- ²⁸ Там же. С. 274.
- ²⁹ *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 357—359.
- ³⁰ В августе 1914 г. Морис Палеолог заносит в свой дневник следующую запись: «Известно, что... Горемыкин... Маклаков... Шегловитов и... Саблер смотря на Государственную думу как на самый низкий, не стоящий внимания государственный орган» (*Палеолог Морис.* Царская Россия во время мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 88).
- ³¹ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Париж, 1927. С. 351.
- ³² ЦГАЛИ. Ф. 1208. Шегловитова М. (Ф). Моя воспоминания о муже Иване Григорьевиче Шегловитове. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 110. 118.
- ³³ 12 июня 1915 г. царица писала Николаю II: «Есть еще один министр, который, по-моему, не на месте... Это Шегловитов: он не слушает твоих приказаний (?), и каждый раз, когда думает, что прошение исходит от нашего Друга, не желает его исполнять и недавно разорвал одно обращенное к тебе. Это рассказал Веревкин, его помощник (друг Гр.)» (Переписка. Т. 3. С. 207).
- ³⁴ РО ГБЛ. Ф. 261. Картон 20. Ед. хр. 6. Л.; Ч. 2. Л. 9, 10, 47, 60.
- ³⁵ *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 205—206.
- ³⁶ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 279—280.
- ³⁷ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг. Нью-Йорк. 1960. Кн. 1. С. 155.
- ³⁸ Переписка. Т. 3. С. 205.
- ³⁹ *Родзянко М. В.* Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 93.
- ⁴⁰ *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов н/Д. 1919. С. 21.
- ⁴¹ *Поливанов А. А.* Воспоминания. С. 168.
- ⁴² *Данилов Ю. Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и вел. князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 206.
- ⁴³ На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии один из ближайших сотрудников Белецкого — Комиссаров показывал, что Поливанов был близок с Пуришкевичем. См.: Падение русского режима. Т. 3. С. 171.
- ⁴⁴ «В своих Тернах, под которыми числилось около 12 тыс. десятин земли,— писал тамбовский, а потом курский губернатор Н. П. Муратов,— Шербатовы жили безвыездно, если не по-царски, то по-великокняжески» (ЦГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 465).
- ⁴⁵ *Данилов Ю. Н.* Указ. соч. С. 206.
- ⁴⁶ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 294.
- ⁴⁷ Светский поэт-сатирик Мятлев разразился по поводу назначения Шербатова стихотворением, в котором, в частности, были такие строки:
- Но прежде чем дать ему ведать людьми,
Решили премудро «dorf oben» —
Пускай позавеует год лошадыми,
Управится — значит способен.
Помолимся ж господу, дети мои,
Чтобы он даровал ему силы
Не спутать российских законов статья
С статьями рысистой кобылы.
- (ЦГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 26. Муратов Н. П. Воспоминания. Л. 466).
- ⁴⁸ *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни: (Секретные заседания Совета министров 16 июля—2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 38.
- ⁴⁹ Там же. С. 62—63, 72—73.
- ⁵⁰ Там же. С. 59.
- ⁵¹ Там же. С. 129.
- ⁵² Там же. С. 84.
- ⁵³ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 132.
- ⁵⁴ *Яхонтов А. Н.* Указ. соч. С. 14, 23.
- ⁵⁵ Там же. С. 52—53.
- ⁵⁶ Там же. С. 55.
- ⁵⁷ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 203.
- ⁵⁸ *Яхонтов А. Н.* Указ. соч. С. 62—63.
- ⁵⁹ Там же. С. 58.
- ⁶⁰ Падение царского режима. Т. 7. С. 220.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. С. 68.
- ⁶³ Там же. С. 69.
- ⁶⁴ Там же. С. 220.
- ⁶⁵ *Яхонтов А. Н.* Указ. соч. С. 56.
- ⁶⁶ Там же. С. 58—59. Заседание 9 августа.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ *Сухомлинов В. И.* Воспоминания. С. 292.
- ⁶⁹ *Яхонтов А. Н.* Указ. соч. С. 21.
- ⁷⁰ *Миллюков П.* Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 14.
- ⁷¹ Переписка. Т. 3. С. 224.
- ⁷² Там же. С. 244. Письмо от 24 июня 1915 г.

- ⁷³ Яхонтов А. Н. Указ. соч. С. 58—59.
- ⁷⁴ Там же. С. 82—86.
- ⁷⁵ Там же. С. 89—97.
- ⁷⁶ Там же. С. 102—103.
- ⁷⁷ Там же. С. 105—118.
- ⁷⁸ Там же. С. 119—127.
- ⁷⁹ Там же. С. 128—135.
- ⁸⁰ Там же. С. 27.
- ⁸¹ Отражая и заражаясь общим настроением, Яхонтов писал в связи с заседанием Совета министров 18 августа: «Если судить о положении дел по разговорам в Совете, то скоро придется повисеть на фонаре». «Что-то дело, и правда, к все-разрешающему фонарю близится», — записывает он три дня спустя (Там же. С. 77, 89).
- ⁸² Николай Николаевича, свидетельствовал современник, «как губкой стерло из народного сознания, как только царское влияние разжаловали его как верховного главнокомандующего» (Карбачевский Н. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. С. 56).
- ⁸³ Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 221, 541—542. Игнатъев считал, что влияние Кривошеина на Горемыкина кончилось в мае — июне 1915 г., т. е. накануне известных нам заседаний. Затем с Горемыкиным произошло что-то «странное... для меня совершенно необъяснимое» (Падение царского режима. Т. 6. С. 8). Объяснение же, как считал Нольде, надо искать в горемыкинской «служебной калькуляции».
- ⁸⁴ Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 549.
- ⁸⁵ Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 368.
- ⁸⁶ Яхонтов А. Н. Указ. соч. С. 135.
- ⁸⁷ Поливанов и Григорович не подписали его в силу, так сказать, протокола, потому что их посты были, по тогдашним представлениям, несовместимы с какими-либо коллективными обращениями к царю. Но на деле они письмо целиком поддерживали. Так что министров-«оппозиционеров» было не восемь, а десять.
- ⁸⁸ Падение царского режима. Т. 7. С. 72.
- ⁸⁹ Там же. С. 70—71.
- ⁹⁰ Переписка. Т. 3. С. 278, 298, 312, 314, 316, 329, 338, 364.
- ⁹¹ Там же. С. 262, 284, 314, 320, 338, 445, 455.
- ⁹² Крыжановский С. Е. Воспоминания. Петрополис, Б. г. С. 148.
- ⁹³ Кокцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 2. С. 110.
- ⁹⁴ Гессен И. В. Беседа с А. Н. Хвостовым в феврале 1916 г. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 81.
- ⁹⁵ Там же. С. 78.
- ⁹⁶ Спиридович А. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 50.
- ⁹⁷ Там же. Кн. 1. С. 220.
- ⁹⁸ Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968. С. 346.
- ⁹⁹ Корнев С. А. Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 20.
- ¹⁰⁰ РО ГБЛ. Ф. 261. Картон 20. Ед. хр. 6. С. 18—20.
- ¹⁰¹ Там же. Ед. хр. 5. Л. 2.
- ¹⁰² Падение царского режима Т. 5. С. 77.
- ¹⁰³ Там же. Т. 4. С. 207.
- ¹⁰⁴ Корнев С. А. Указ. соч. С. 21.
- ¹⁰⁵ Шавельский Г. Указ. соч. Т. 2. С. 51.
- ¹⁰⁶ Спиридович А. И. Указ. соч. Кн. 1. С. 217.
- ¹⁰⁷ Падение царского режима. Т. 2. С. 11.
- ¹⁰⁸ Спиридович А. И. Указ. соч. Кн. 1. С. 217.
- ¹⁰⁹ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 325.
- ¹¹⁰ Там же. С. 325—326.
- ¹¹¹ Спиридович А. И. Указ. соч. Кн. 1. С. 217.
- ¹¹² Падение царского режима. Т. 4. С. 151—152.
- ¹¹³ Руднев В. М. Правда о царской семье // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 49.
- ¹¹⁴ Спиридович А. И. Указ. соч. Кн. 1. С. 218.
- ¹¹⁵ Вот одно из типичных высказываний подобного рода. Просьбы Распутина касались только назначений, перемещений, помилования... и других дел, но решительно не было никаких (?) указаний о вмешательстве Распутина в политические дела, несмотря на то что влияние его при дворе, несомненно, было велико» (Руднев В. Правда о царской семье и «темных силах». Берлин, 1922. С. 13).
- ¹¹⁶ Падение царского режима. Т. 1. С. 411—412.
- ¹¹⁷ Переписка. Т. 3. С. 298, 316, 322, 331, 336, 352, 360, 361, 365, 367, 371, 372, 376, 408.
- ¹¹⁸ Спиридович А. И. Указ. соч. Кн. 1. С. 227.
- ¹¹⁹ Переписка. Т. 3. С. 370.
- ¹²⁰ Спиридович А. И. Указ. соч. Кн. 1. С. 265.

- ¹²¹ Падение царского режима. Т. 3. С. 399—400.
- ¹²² Там же. М.; Л., 1925. Т. 4. С. 158, 159, 162, 170, 171. Шавельский передает следующий эпизод: Распутин звонит чиновнику Министерства внутренних дел Граве с требованием позвать «Алешку» (т. е. Хвостова). Получив отрицательный ответ, пригрозил: «Ну ты смотри, потише, а то не будет ни тебя, ни твою Алешки» (*Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 10).
- ¹²³ Хвостов говорил Спиридовичу, что Мартемиан должен был столкнуться пьяного Распутина с поезда (см.: *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 50). Такую же «брехню» (спавание, «нечаянно» сваливается под колеса поезда) он рассказывал и Наумову, пришедшему «в ужас от той страшной действительности, которая окружает трон и правит государством» (*Наумов А. Н.* Указ. соч. С. 343).
- ¹²⁴ Падение царского режима. Т. 4. С. 181, 183, 186, 190.
- ¹²⁵ Там же. С. 210, 211, 214, 226, 239, 242, 244.
- ¹²⁶ «Комиссаров — высокий, здоровый мужчина с красным лицом и рыжей бородой — настоящий Стенька Разин» (*Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 271).
- ¹²⁷ Переписка. Т. 4. С. 108—109.
- ¹²⁸ Там же. С. 123.
- ¹²⁹ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 50.
- ¹³⁰ Переписка. Т. 4. С. 121.
- ¹³¹ Падение царского режима. Т. 5. С. 469.
- ¹³² Там же. Т. 4. С. 9.
- ¹³³ Там же. С. 259.
- ¹³⁴ Протопопов сообщил, что Белецкий, рассказывая о замысле Хвостова отравить Распутина, употребил редчайший по тем временам термин «мафия». «Правительство не может становиться на путь „мафии“, — заявил он (Там же. С. 69). Отражение этого эпизода мы находим также в дневнике брата Протопопова Сергея Дмитриевича. «Враги Хвостова, — записал он 14 февраля 1916 г., — называют его „маффи“... готовым на все» (*ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 188 об.*).
- ¹³⁵ Падение царского режима. Т. 3. С. 169.
- ¹³⁶ Там же. Т. 4. С. 230.
- ¹³⁷ Там же. С. 179.
- ¹³⁸ Там же. С. 164—165.
- ¹³⁹ Там же. С. 227—228.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 359.
- ¹⁴¹ *Спиридович А. И.* Указ. соч. 2. С. 22—23.
- ¹⁴² Падение царского режима. Т. 2. С. 30—31.
- ¹⁴³ Там же. Т. 1. С. 57.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 263—265.
- ¹⁴⁵ *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. С. 268—269.
- ¹⁴⁶ Переписка. Т. 4. С. 16, 24, 29, 34, 40, 43, 62.
- ¹⁴⁷ Падение царского режима. Т. 7. С. 374—375.
- ¹⁴⁸ Там же. Т. 1. С. 87.
- ¹⁴⁹ Там же. Т. 6. С. 83.
- ¹⁵⁰ Там же. Т. 1. С. 365.
- ¹⁵¹ Там же. Т. 2. С. 34.
- ¹⁵² Там же. Т. 1. С. 57.
- ¹⁵³ Там же. Т. 4. С. 40.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 198.
- ¹⁵⁵ Там же. Т. 1. С. 262.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ Лемке записывает в своем дневнике 9 февраля 1916 г.: комендант Главной квартиры Саханский рассказывал группе офицеров, «какую роль играл Штюрмер еще недавно на придворных балах. Стоя в дверях танцевального зала со списком в руках, он указывал кавалерам, с кем из дам они должны танцевать... И жандармский генерал говорит это с сарказмом, понимая, насколько такая „деятельность“ мало пригодила к премьерству в правительстве да еще во время войны» (*Лемке Мих.* 250 дней в царской ставке... Пг., 1920. Т. 2. С. 534).
- ¹⁵⁸ Падение царского режима. Т. 1. С. 263.
- ¹⁵⁹ Там же. Т. 2. С. 35.
- ¹⁶⁰ Там же. Т. 5. С. 441.
- ¹⁶¹ Там же. Т. 1. С. 395.
- ¹⁶² Там же. Т. 4. С. 390.
- ¹⁶³ Там же. С. 382.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 382, 383, 385, 386.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 386.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 339—340.
- ¹⁶⁷ Там же. Т. 1. С. 362, 444.
- ¹⁶⁸ *Наумов А. Н.* Указ. соч. С. 427—428.
- ¹⁶⁹ Падение царского режима. Т. 7. С. 77.
- ¹⁷⁰ Вот как сам Распутин рассказывал Мануйлову историю с назначением Штюрмера министром внутренних дел. «Вот сегодня утром Аннушка... звонила и говорила: „кого же назначить министром внутренних дел?“ Я сам... не знаю, кого Шегловитов хочет, но он разбойник... Крыжанов-

- ский меня тащит обедать, он хочет, но он плут... Затем Белецкий хочет. Он если меня не убивал, то, наверное, убил бы. А уж старикашка сидит, пусть он один и правит...». «С этим он уехал в Царское, и вскоре, кажется через два или три дня, состоялось назначение Штюмерера» (Там же. Т. 2. С. 50).
- 171 Там же. Т. 5. С. 458.
- 172 Там же. Т. 1. С. 379, 380.
- 173 Там же. Т. 4. С. 12, 47. Как свидетельствует генерал Марченко, сенатор Фриш лично говорил ему: Штюмер потихоньку убирает негодных людей. «Вместо Барка он хочет назначить Охотникова» (ЦГИА. Ф. 80. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 68. Запись в дневнике от 21 августа 1916 г.).
- 174 Падение царского режима. Т. 1. С. 272—273.
- 175 Там же. Т. 2. С. 51, 52.
- 176 Там же. Т. 5. С. 101.
- 177 Там же. Т. 2. С. 49; 50, 52.
- 178 Там же. Т. 1. С. 89.
- 179 Там же. Т. 7. С. 375—376.
- 180 Там же. Т. 5. С. 456—457.
- 181 Там же. Т. 2. С. 127—128.
- 182 Там же. Т. 1. С. 288—290.
- 183 Там же. Т. 4. С. 528.
- 184 Там же. Т. 2. С. 89. В письме от 10 декабря 1916 г. царица просила Николая II на деле Мануйлова наложить резолюцию «прекратить дело», так как оно имеет цель повредить «Другу» и Питириму (Переписка. Т. 5. С. 175).
- 185 Падение царского режима. Т. 7. С. 376.
- 186 Из архива Шегловитова // Красный архив. 1926. № 2 (15). С. 116—117.
- 187 Назначают «заместо Столыпина», писал В. В. Шульгин, Штюмерера, «о котором Петербург выражается так: абсолютно беспринципный человек и полное ничтожество» (Шульгин В. В. Дни. С. 59).
- 188 Белецкий утверждал, что Протопопов воспитывался в иезуитской коллегии в Париже (Падение царского режима. Т. 5. С. 354).
- 189 С. Д. Протопопов оценивал состояние своего брата в 2 млн руб. (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 47; запись в дневнике от 25 августа 1916 г.); сам Протопопов говорил «наверху», что имеет 5 млн руб.; Макаров и Хвостов называли цифру 8 млн руб. См.: Падение царского режима. Т. 5. С. 258.
- 190 Падение царского режима. Т. 7. С. 400.
- 191 Там же. Т. 4. С. 469—470.
- 192 Там же. Т. 5. С. 253, 265, 266.
- 193 ЦГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 457.
- 194 Там же. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 11. Запись от 24 августа 1915 г.
- 195 Там же. Ед. хр. 41. Л. 110. Запись от 3 декабря 1913 г.
- 196 Там же. Ед. хр. 42. Л. 35. Запись от 16 июня 1914 г.
- 197 Падение царского режима. Т. 5. С. 252—253; Т. 4. С. 470. Запись от 17 февраля 1914 г. С. Д. Протопопов записал в своем дневнике со слов брата: «В. М. Волконскому хочется пройти в председ[атели] Думы, чтобы увеличить свои шансы на Мин[истерство] в [нутренних] дел» (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 125).
- 198 ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 45. Записи от 11, 17, 24 и 27 августа 1915 г.
- 199 Падение царского режима. Т. 1. С. 143.
- 200 Переписка. Т. 5. С. 381.
- 201 25 июня 1916 г. Николай II сообщал жене: был Родзянко и предлагал на должность министра торговли и промышленности «своего товарища Протопопова. Наш Друг упоминал, кажется, как-то о нем. Я улыбнулся и поблагодарил его за совет» (Там же. Т. 4. С. 342).
- 202 Там же. Т. 5. С. 11.
- 203 Там же. С. 16—17.
- 204 Там же. С. 18, 26.
- 205 Падение царского режима. Т. 1. С. 163.
- 206 В том же письме от 10 сентября с ходатайством о Протопопове царица писала: «Шаховского нельзя увольнять» (Переписка. Т. 5. С. 18). В своих показаниях Белецкий утверждал, что Протопопов, «сблизившись с Распутиным и познакомившись с Вырубовой», воспользовался в августе 1916 г. отсутствием Шаховского в Петрограде и повел против него интригу, чтобы получить его место, хотя раньше вполне удовлетворялся постом товарища министра торговли и промышленности, на который его хотел провести тот же Шаховской. Протопопов, считал Белецкий, «бесспорно получил бы это назначение», если бы Шаховской, узнав о его кознях, не поспешил вернуться в столицу,

- прервав свою командировку, и не принял энергичные контрмеры. См.: Падение царского режима. Т. 4. С. 470—471.
- 207 Руднев В. М. Правда о царской семье. С. 49.
- 208 Падение царского режима. Т. 2. С. 311.
- 209 См.: Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. Гл. 8. Убийство Столыпина.
- 210 ЦГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 185—185 об., 189.
- 211 Там же. Ф. 189. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 135 об., 192 об., 194. Запись от 16 марта, 12 и 13 мая 1915 г.
- 212 13 ноября 1914 г. брат записал в дневнике: доктор прописал Александру Дмитриевичу «3 вливания сальварсана и 5 втираний» и т. д. (Там же. Ед. хр. 43. Л. 281).
- 213 Вот несколько характерных записей на протяжении конца 1914—середины 1916 г. «Бадмаев — эгоист и подхалим при сильных: дружит с Курловым, Распутиным. Груб, хитер и шарлатан» (4 ноября 1914 г.); «Подчинил он (Бадмаев.— А. А.) себе Ал[ександра] Дм[итриевича] бесхарактерного» (27 февраля 1915 г.); «Вчера Ал[ександр] Дм[итриевич] отправился к Бадмаеву... Нельзя не поехать: там можно узнать о Распутине» (29 июня 1916 г.) (Там же. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 29, 114 об.; Ед. хр. 45. Л. 346).
- 214 Падение царского режима. Т. 2. С. 63—64. Показания Манасевича-Мануйлова.
- 215 ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 101—101 об. Запись от 17 октября 1916 г.
- 216 Сам Протопопов, свидетельствовал его брат, «никогда в жизни» не читал газет (Там же. Л. 120 об. Запись от 7 ноября 1916 г.).
- 217 Там же. Л. 145 об. Запись от 26 ноября 1916 г.
- 218 Там же. Т. 2. С. 87.
- 219 ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 86. Запись от 4 октября 1916 г.
- 220 Падение царского режима. Т. 2. С. 303.
- 221 Там же. Т. 4. С. 75.
- 222 Там же. Т. IV. С. 77.
- 223 Это относилось и к его торгово-промышленной деятельности. Некий «Борис», по-видимому компаньон по суконной мануфактуре, намерялся уйти в акционерное общество, потому что «Ал[ександр] Дм[итриевич] — человек очень легкомысленный». «Таково мнение близких о господине, желающем б[ыть] министром», — резюмировал в своем дневнике С. Д. Протопопов 1 августа 1916 г. (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 26 об.).
- 224 РО ГБЛ. Ф. 261. Картон 20. Ед. хр. 5. Л. 1 об., 5, 7—8 об., 11—12.
- 225 Переписка. Т. 5. С. 80.
- 226 Падение царского режима. Т. 5. С. 358.
- 227 Там же. Т. 2. С. 263.
- 228 Там же. Т. 4. С. 23. «Понимаю теперь, — писал Протопопов в другой записке, — что ведал делом, которого не знаю» (Там же. С. 50).
- 229 Еще до назначения Протопопова управляющим Министерством внутренних дел его брат 24 августа 1916 г. записал в своем дневнике: «По слухам из Симбир[ской] г[убернии] там считают Ал[ександра] Дм[итриевича] ненормальным» (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 47). По-видимому, это было связано со скандалом, вызванным встречей Протопопова с Варбургом в Стокгольме.
- 230 Шавельский Г. Указ. соч. Т. 2. С. 258.
- 231 Падение царского режима. Т. 2. С. 268.
- 232 Переписка. Т. 5. С. 146.
- 233 Там же. С. 149, 150.
- 234 Там же. С. 153.
- 235 Спиридович А. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 183.
- 236 Переписка. Т. 5. С. 163, 184.
- 237 Там же. С. 173, 186.
- 238 Там же. С. 163.
- 239 Там же. С. 172. Письмо от 9 декабря.
- 240 Падение царского режима. Т. 4. С. 531.
- 241 Там же. Т. 2. С. 254.
- 242 После того как Протопопов «струсил» в продовольственном вопросе, Распутин сказал Мануйлову: «Когда министр — трус, он не может быть на своем месте». Тем не менее, несмотря на «моменты недовольства», добавлял Мануйлов, Распутин «все-таки считал его (Протопопова.— А. А.) самым близким человеком» (Там же. С. 68).
- 243 Мосолов А. При дворе императора. Рига, Б. г. С. 161. Проект Трепова был неприемлем и потому, что Шаховской тоже был «свой». «Прот[опопов] и Шахов[ской] все-

- цело наши», — писала царица в ставку 5 декабря 1916 г. (Переписка. Т. 5. С. 160).
- 244 Падение царского режима. Т. 3. С. 67.
- 245 Там же. Т. 1. С. 150.
- 246 ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 105 об.
- 247 Падение царского режима. Т. 2. С. 285.
- 248 Переписка. Т. 5. С. 79.
- 249 ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 86.
- 250 «Государь часто повторяет — это тяжелое время надо пережить... минуте и установится. Очевидно, и Ал[ександр] Дм[итриевич] верит, что тяжелое время благополучно минует и его надо теперь пережить», — записывал С. Д. Протопопов 12 февраля 1917 г., за две недели до начала революции (Там же. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 249).
- 251 *Ознобишин А. А.* Воспоминания члена IV Государственной думы. Берлин, 1927. С. 242. В то же время Протопопов на замечание Волконского (в то время товарища министра внутренних дел) о том, что он ведет Россию к гибели, с пафосом воскликнул: «Пусть гибнет, и я торжественно погибну под ее развалинами» (*Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 207).
- 252 В начале января 1917 г. Протопопов заявил брату по поводу одного назначения: «Мне нужен опытный генерал, а не философ или филантроп для усмирения» (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 209). В январе 1907 г., за десять лет до этого, «мягкий» и «деликатный» царь давал аудиенцию генералу Казбичу. Последний по наивности с гордостью поведал, что в 1905—1906 гг. он во вверенном ему Владивостоке прекратил «беспорядки» без всякого кровопролития, «убеждением». Царь оборвал аудиенцию и «кинул в лицо» растерявшемуся генералу: «Стрелять надо было, генерал, стрелять, а не речи говорить» (*Грузенберг О. О.* Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 104).
- 253 РО ГБЛ. Ф. 261. Картон 20. Ед. хр. 5. Л. 12 об.—13.
- 254 Падение царского режима. Т. 4. С. 25—26.
- 255 Там же. С. 486.
- 256 РО ГБЛ. Ф. 261. Картон 20. Ед. хр. 5. Л. 2 об.—3 об.
- 257 *Заславский Д.* Последний временщик Протопопов. Л., 1927. С. 9.
- 258 ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 69. Запись от 16 сентября 1916 г.
- 259 Падение царского режима. Т. 4. С. 64.
- 260 *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 58.
- 261 ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 158. Запись от 2 декабря 1916 г.
- 262 *Мельгунов С.* Указ. соч. С. 58.
- 263 Падение царского режима. Т. 1. С. 306.
- 264 Там же. Т. 5. С. 29.
- 265 В цитированном письме от 10 ноября 1916 г., в котором Александра Федоровна «умоляла» царя не сменять Протопопова, было также сказано: «Если ты сместишь Бобр[инского], то, по моему, ничего не изменится, только не Протоп[опова]» (Там же. С. 148).
- 266 *Наумов А. Н.* Указ. соч. С. 299.
- 267 Падение царского режима. Т. 5. С. 450.
- 268 Там же. Т. 1. С. 426.
- 269 Там же. С. 426.
- 270 Там же. Т. 5. С. 449, 455—456.
- 271 Там же. Т. 2. С. 122.
- 272 Там же. С. 122.
- 273 Переписка Николая и Александры Романовых, 1916 год. М.; Л., 1926. Т. 4. С. 257.
- 274 Там же. С. 373.
- 275 Там же. Т. 5. С. 197.
- 276 Падение царского режима. Т. 4. С. 523—524.
- 277 Переписка. Т. 4. С. 136, 149.
- 278 Там же. С. 148.
- 279 Там же. Т. 7. С. 284—285.
- 280 Там же. Т. 4. С. 426.
- 281 *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 54.
- 282 *Наумов А. Н.* Указ. соч. С. 442.
- 283 Падение царского режима. Т. 6. С. 334. В ставке шутили: Шуваев «более годится в каптенармусы, чем в военные министры». Тем не менее за ним признавали два плюса: безукоризненно честный интендант и благоволение к нему Думы, «несмотря на его правизну» (*Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 53).
- 284 Переписка. Т. 5. С. 138.
- 285 Там же. С. 145.
- 286 Там же. С. 159, 160.
- 287 Там же. С. 184.
- 288 Там же. С. 188.

- 289 Там же. С. 192.
- 290 Падение царского режима. Т. 7. С. 288.
- 291 Там же. С. 4—6, 11, 17.
- 292 15 марта 1916 г. царица писала в ставку: «Хотелось бы, чтобы удалось остановить либеральные речи Игнатьева в *Думе*... он ломает себе шею в погоне за популярностью» (Переписка. Т. 4. С. 154).
- 293 Падение царского режима. Т. 6. С. 24. Только по настоянию Фредерикса позже дополнителным указом Игнатьев был возведен в звание шталмейстера, ибо в противном случае он мог быть призван в армию как прапорщик (Там же).
- 294 *Наумов А. Н.* Указ. соч. С. 372.
- 295 Епископ Евлогий писал в своих воспоминаниях: «А. Н. Волжин, женатый на Долгоруковой, большой помещик, человек недалекий, разгрызав вельможу, стараясь выдержать стиль древнерусского воеводы: завел в поместье кафтаны, сафьяновые сапоги — одним словом, изображал себя боярином в вотчине» (*Епископ Евлогий. Путь моей жизни.* Париж, 1947. С. 233).
- 296 Падение царского режима. Т. 4. С. 202—204.
- 297 *Наумов А. Н.* Указ. соч. С. 494.
- 298 Падение царского режима. Т. 4. С. 164—165.
- 299 Там же. Т. 1. С. 384, 386.
- 300 *Наумов А. Н.* Указ. соч. С. 429.
- 301 Переписка. Т. 4. С. 29, 344. Владимир был петроградским митрополитом (и, следовательно, первоприсутствующим членом синода) с конца 1912 по конец 1915 г. (когда его место занял Питирим, а Владимира как противника Распутина перевели на митрополичью кафедру в Киев).
- 302 Переписка. Т. 5. С. 16.
- 303 Падение царского режима. Т. 2. С. 66.
- 304 *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 67, 87.
- 305 Переписка. Т. 3. С. 326.
- 306 Там же. Т. 4. С. 420.
- 307 *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 71—72, 79.
- 308 Воспоминания товарища обер-прокурора св. синода князя Н. Д. Жевахова, сентябрь 1915— март 1917. Мюнхен, 1925. Т. 1. С. 5, 6, 50, 111 (Далее: *Жевахов*).
- 309 Там же. С. 167.
- 310 Там же. С. 98, 148.
- 311 Падение царского режима. Т. 4. С. 224.
- 312 *Жевахов.* С. 287.
- 313 Там же. С. 114.
- 314 ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. 1916 г. Ед. хр. 1064. Л. 1455. Курс. наш.— А. А.
- 315 См.: Переписка. Т. 5. С. 118.
- 316 Падение царского режима. Т. 2. С. 62, 63.
- 317 *Поливанов А. А.* Указ. соч. С. 119.
- 318 Переписка. Т. 4. С. 41, 65, 122, 140.
- 319 Там же. С. 140—141.
- 320 Там же. С. 416, 418, 419.
- 321 Падение царского режима. Т. 7. С. 284.
- 322 Там же. С. 85—86.
- 323 *Корнев С. А.* Там же. С. 15, 17.
- 324 Падение царского режима. Т. 4. С. 25.
- 325 Там же. Т. 2. С. 250.
- 326 Там же. Т. 3. С. 67.
- 327 Там же. Т. 4. С. 25, 26.
- 328 Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 191.
- 329 *Корнев С. А.* Указ. соч. С. 19.
- 330 Падение царского режима. Т. 2. С. 261.
- 331 *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 года революция. С. 27.
- 332 ЦГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 26. С. 467.
- 333 *Пуришкевич В. М.* Дневник. Рига, 1924. С. 48.
- 334 *Родзянко В. М.* Указ. соч. С. 27.
- 335 ЦГАОР СССР. Ф. 826. Оп. 1. Ед. хр. 58. С. 46, 47.
- 336 ЦГАЛИ. Ф. 1258. Оп. 1. Ед. хр. 26. С. 457.
- 337 Мурат — соловый жеребец завода графа Бенкендорфа от Жиды и Болтовни. Цвета черные.
- 338 *Карабчевский И.* Указ. соч. С. 35.
- 339 *Врангель Н.* Указ. соч. С. 142, 144.
- 340 Падение царского режима. Т. 1. С. 367, 374.
- 341 Там же. Т. 5. С. 337, 338.
- 342 Там же. Т. 6. С. 14, 17, 19.
- 343 Там же. Т. 5. С. 339, 340.
- 344 Там же. Т. 1. С. 384.
- 345 Там же. Т. 5. С. 269.
- 346 Там же. Т. 4. С. 514. То, что эта идея, кажущаяся неправдоподобной, не была плодом досужей выдумки Белецкого, подтвердил Протопопов. В одном из своих письменных показаний он сообщил, что, разбирая бумаги оставшиеся после А. А. Хвостова, нашел в одном из ящиков его рабочего стола письмо и

- проект Мануйлова, адресованный Штюрмеру, в котором речь шла о создании при председателе Совета министров «особой разведки, состоящей всецело в его распоряжении» (Там же. С. 55).
- ³⁴⁷ Там же. Т. 1. С. 288.
- ³⁴⁸ Там же. Т. 2. С. 256.
- ³⁴⁹ Там же. Т. 4. С. 488.
- ³⁵⁰ Предсмертная записка А. Д. Протопопова // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 2 (XV). С. 178.
- ³⁵¹ Там же. С. 187, 188.
- ³⁵² ЦГАОР СССР. Ф. ДП ОО. 1916 г. Ед. хр. 307. Л. А. Т. 1. Л. 57, 60 об.
- ³⁵³ Падение царского режима. Т. 2. С. 55.
- ³⁵⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 647. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 1—5.
- ³⁵⁵ Там же. Л. 1.
- ³⁵⁶ Падение царского режима. Т. 5. С. 466.
- ³⁵⁷ Там же. Т. 1. С. 372.
- ³⁵⁸ *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 64.
- ³⁵⁹ Падение царского режима. Т. 4. С. 87, 90.
- ³⁶⁰ Там же. С. 489; Т. 5. С. 260—261.
- ³⁶¹ Там же. Т. 4. С. 84.
- ³⁶² Там же. Т. 5. С. 247, 248.
- ³⁶³ *Яхонтов А. Н.* Указ. соч. С. 46.
- ³⁶⁴ Падение царского режима. Т. 1. С. 102.
- ³⁶⁵ Там же. Т. 7. С. 223.
- ³⁶⁶ Там же. Т. 5. С. 459.
- ³⁶⁷ ЦГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 26. С. 451.
- ³⁶⁸ Новое время. 1916. 6 марта.
- ³⁶⁹ Там же. 24 дек.
- ³⁷⁰ Речь. 27 февр.
- ³⁷¹ Там же. 1917. 4 янв.
- ³⁷² Там же. 9 янв.
- ³⁷³ Переписка. Т. 4. С. 425; Т. 5. С. 17.
- ³⁷⁴ *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 164—176.
- ³⁷⁵ *Бубнов А.* Указ. соч. С. 195.
- ³⁷⁶ ЦГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 17—21.
- ³⁷⁷ 8 ноября царица писала: «Я нахожу, что Григорович и Шуваев не взяли надлежащего тона в своих речах (в Думе.— А. А.), а Шуваев поступил хуже всех — он пожал руку Милокову» (Переписка. Т. 5. С. 140).
- ³⁷⁸ Падение царского режима. Т. 4. С. 57.
- ³⁷⁹ Там же. С. 380.
- ³⁸⁰ Там же. Т. 2. С. 431.
- ³⁸¹ Там же. С. 433.
- ³⁸² Муратов приводит следующий характерный эпизод, показательный для настроений чиновничества незадолго до Февральской революции. На одном из совещаний подчиненный Муратова «рассыпался» в похвалах Земгору. На вопрос, как следует понимать подобное славословие в стенах Министерства внутренних дел, был дан ответ: «Нельзя отстаивать». На упреки Муратова со ссылкой на прежнюю службу, чин, совесть и прочее чиновник заявил: «У нас совесть складная, из воли начальства мы не выходим, а по нынешним временам кто его знает, кто будет начальством...» В февральские дни этот чиновник, писал далее Муратов, нацепил на себя красный бант и всех уверял, что он давно уже по убеждениям республиканец (ЦГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 449 об.).

ТРИ ОПОРЫ

(ставка, «объединенное дворянство»,
черносотенцы)

Названные институты — это три кита, на которые опирался царизм в исследуемый период. Именно поэтому и с этой точки зрения они объединены и исследуются вместе как составные части единого целого. Помимо того, хотя они и различны по своему происхождению и природе, их объединяло единство цели, тот факт, что они являлись политической опорой царизма. Ставка верховного главнокомандования, Совет объединенного дворянства и «союзники» — это вера, надежда, любовь последнего российского самодержца. Ставка, верилось, обеспечит военную победу, благодаря которой можно будет раз и навсегда выйти из революционного кризиса, ибо, как показывает история, ничто так сильно и эффективно не противодействует революции, как победный шовинистический угар. «Объединенное дворянство» в послереволюционные годы было неизменной надеждой, как самая твердая и верная политическая опора, сторонник самого жесткого реакционно-репрессивного внутривластного курса. Черносотенцы пользовались столь же неизменными симпатиями при дворе, поскольку там считали, что черносотенные главари обеспечат поддержку народных масс, крестьянства в первую очередь. Итог оказался печальным: вера сменилась горьким разочарованием, надежда была иллюзорной, и лишь любовь осталась взаимной до конца вопреки очевидному отсутствию у черносотенцев народной поддержки.

Исследованию причин, приведших к подобному результату, и посвящена настоящая глава.

Ставка

Значение ставки именно как политической силы (военный аспект ее деятельности не рассматривается) в значительной мере выявилось уже в ходе предыдущего изложения, когда речь шла об отставке нескольких реакционных министров летом 1915 г., «министерской забастовки» и уходе с поста верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Значение ставки определялось уже самими масштабами войны, поставившей под ружье миллионы людей и потребовавшей крайнего напряжения всех материальных и духовных сил страны. Благодаря огромным

полномочиям, полученным верховным главнокомандующим, и колоссальным ресурсам, которыми он распоряжался, ставка была фактически вторым правительством не только на театре военных действий, но и в столице. От ее позиции зависели важнейшие внутри- и внешнеполитические решения, без санкции ставки и военных властей Совет министров не мог принять решений по многим жизненно важным вопросам. При определенных условиях ставка могла стать самодовлеющей политической силой, и именно это соображение, как мы видели, стало основной причиной, приведшей к отставке Николая Николаевича.

О великом князе как верховном главнокомандующем довольно много написано, но трудность использования этой литературы состоит в том, что она в массе своей крайне тенденциозна, представляет собой либо неумеренную апологетику Николая Николаевича, либо, наоборот, его полное развенчание. Типичным примером восхваления его талантов и добродетелей является упоминавшаяся выше книга генерала Ю. Н. Данилова, а также воспоминания адмирала Бубнова, который, в частности, писал: «Мы все, проникнутые безграничной преданностью великому князю и глубоко преклоняясь перед его полководческим даром», были подавлены его отставкой, «в душах многих зародился во имя блага России глубокий протест, и, пожелай великий князь принять в этот момент какое-либо крайнее решение, мы все, а также и армия последовали бы за ним»¹. Полное несоответствие этого утверждения истинному положению вещей очевидно.

Что же касается полководческих талантов Николая Николаевича, то адмирал утверждал: «Великий князь на деле (!) доказал свои исключительные способности как полководец. Россия давно уже не имела во главе своих вооруженных сил такого сведущего вождя, и никто даже в отдаленной степени не был в состоянии его заменить»².

Обратным примером, где все оценки продиктованы исключительно личной враждой и неприязнью к Николаю Николаевичу, является книга Сухомлинова, от начала до конца посвященная доказательству «злополучной для судеб России и царствовавшей династии роли этого человека»³. К этому надо добавить, что в своих воспоминаниях, вышедших раньше, Сухомлинов не жалеет ни места, ни бранных характеристик в адрес великого князя.

На этом фоне приобретают исключительную ценность свидетельства и оценки Шавельского, которые в отличие от названных заслуживают полного доверия. Будучи человеком, близким великому князю, и испытывая к нему чувства личной преданности⁴, Шавельский тем не менее нашел в себе достаточно честности, чтобы дать в целом объективную характеристику.

По всеобщему признанию, Николай Николаевич пользовался большой популярностью, причем не только в помещичье-буржуазных кругах Думы, но и в какой-то мере в низах и солдатской массе. Это тем более необъяснимо, что его слава полководца находилась в вопиющем противоречии с теми тяжелыми пораже-

ниями, которые несла русская армия в первый год войны и особенно весной—летом 1915 г. Необъяснимо это и с другой стороны: у великого князя до войны была давняя и прочная репутация крайнего реакционера и к тому же психически неуравновешенного человека, с «зайчиком» в голове, по выражению С. Ю. Витте. Последний считал Николая Николаевича «обер-черносотенцем», под прямым влиянием которого царь «возлюбил... как первых людей» таких «героев вонючего рынка», как Дубровин, граф Коновницын и им подобные ⁵.

Именно на этот загадочный феномен, полностью противоречащий истинному положению дел, и обратил внимание Шавельский. «За последнее царствование в России не было человека, — писал он, — имя которого было бы окружено таким ореолом и который во всей стране... пользовался бы большей известностью и популярностью, чем этот великий князь». Поскольку никаких разумных оснований для такой славы не было, следует думать; что здесь действовали «какие-то неуправляемые фатальные (в смысле, по-видимому, иррациональные. — А. А.) причины», независимые от его реальных дел. «За первый же год войны, гораздо более неудачной, чем счастливой, он вырос в огромного героя, перед которым, несмотря на все катастрофические неудачи на фронте, преклонялись, которого превозносила, можно сказать, вся Россия» ⁶. Несмотря на явные преувеличения, общая картина схвачена верно.

«В войсках авторитет великого князя был необыкновенно высок», — указывал Шавельский. Офицеры ценили его за понимание дела. «В солдатской массе он был олицетворением мужества, верности и правосудия». С начала войны о нем стали складываться легенды, рассказывавшие, как он под градом пуль обходит окопы, бьет виновных генералов и срывает с них погоны. «Легенды, — заключал автор, — росли и плодились независимо от фактов» ⁷.

Хотел он того или нет, но Шавельский убедительно доказал, что из всех многочисленных положительных качеств и добродетелей, которыми молва наградила великого князя, в действительности *ни одного* из них у него не было. Все было наоборот. Его считали храбрецом, а он был трусом. Ему приписывали решительность и твердую волю, а Шавельский пишет о нем как о паникере и истерике. Лень, равнодушие, непригодность к делу и другие подобные черты — вот что составляло подлинную сущность верховного главнокомандующего.

«На самом деле, — писал Шавельский, — он ни разу не был дальше ставок главнокомандующих» (фронтами. — А. А.), поэтому никак не мог шагать под градом пуль. И причиной того была самая тривиальная трусость. Опасаясь за свою жизнь, он не только ни разу не выехал на фронт, но не разрешал во время автомобильной прогулки ехать быстрее 25 км в час. «Великого князя Николая Николаевича, — отмечал Шавельский, — все считали решительным». Но это было чисто внешнее, и притом обманчивое, впечатление. «При внимательном же наблюдении за

ним нельзя было не заметить, что его решительность пропадала там, где ему начинала угрожать серьезная опасность. Это сказывалось и в мелочах и в крупном. Великий князь до крайности оберегал свой покой и здоровье»⁸. «Он ни за что не принял бы участия ни в каком перевороте или противодействии, если бы предприятие угрожало его жизни и не имело абсолютных шансов на успех; при больших несчастьях он или впадал в панику, или бросался плыть по течению, как это не раз случалось во время войны и в начале революции. У великого князя было много патриотического восторга, но ему недоставало патриотической жертвенности».

Вот одна из сценок, описанная Шавельским, которая рисует верховного главнокомандующего в его истинном свете. «Батюшка, ужас! — воскликнул он, — Ковно отдано без бою» — и залился слезами. «Я почти крикнул на великого князя: „Ваше высочество, Вы не смеете так держать себя!“» Николай Николаевич считал, что в обеспечении победы главное — это не военные факторы, а божья помощь. Бог «все может», пояснял он. «Верховный ликовал от радости, уверенный, что прибытие св. иконы (из Троице-Сергиевской лавры. — А. А.) принесет счастье фронту, что помощь божьей матери непременно придет к нам», — свидетельствовал Шавельский.

Хотя, по мнению автора, великий князь имел «ум... тонкий и быстрый», он «к черновой, усидчивой продолжительной работе... не был способен» — иными словами, как верховный главнокомандующий не работал. В этом убеждаешься, ознакомившись с распорядком дня великого князя. Он вставал около 9 часов, умывался, молился богу. Затем к нему приходил доктор и шел разговор о здоровье. Потом дежурный адъютант приносил письма и телеграммы. После этого наступало время завтрака. В 10 часов Николай Николаевич выслушивал доклад генерал-квартирмейстера и решал с ним очередные вопросы. В 12 часов великий князь завтракал, в 4 часа пил чай, а перед этим «немного отдыхал». Затем следовала прогулка на автомобиле, реже верхом. В 6 часов великий князь (ежедневно) садился писать пространные письма жене в Киев. В половине восьмого был обед, в 9 часов 30 минут — вечерний чай. И так изо дня в день независимо ни от каких обстоятельств, какими бы чрезвычайными они ни были. «Режим в ставке сразу установился строгий», — подчеркивал Шавельский. По ночам Николая Николаевича никогда не беспокоили. У него было пять адъютантов, которым решительно нечего было делать. Один из них занимался тем, что завел голубятню и дрессировал барсучку и лисицу. Кроме того, имелась большая свита, решительно ни к чему не пригодная, получившая прозвище «дачников».

Не лишены интереса для характеристики великого князя его беседы за завтраком и обедом. Любимыми его темами были огородничество, садоводство, рыболовство, поварское искусство и т. п. «Великий князь, — писал Шавельский, — буквально порадовал нас своими познаниями по этим отраслям сельского хозяй-

ства. Я заслушивался обстоятельными сообщениями великого князя, как надо разводить те или иные овощи, ухаживать за садом, ловить рыбу, готовить уху, солить капусту и огурцы и т. д.» Понимал он толк и в охоте, одна только псарня в его имении в Першине стоила 60 тыс. руб. в год.

В конце книги Шавельский рассказывает о своей последней встрече с Николаем Николаевичем 6 ноября 1918 г. в Дюльбере (Крым), где великий князь ждал приглашения возглавить все боевые силы России для борьбы с Советской властью. То, что Шавельский увидел, потрясло его. Надежда всей белой контрреволюции обзавелся собственным «Распутиным» в лице капитана первого ранга А. А. Свечина, мистика, а может быть, и ханжи, впавшего в настоящее кликушество. «Ошеломленный, ушел я от великого князя, — вспоминал автор. — Выслушанные откровения произвели на меня потрясающее впечатление. Новой распутинской повеяло от них».

Но Шавельский, как мы помним, также был сильно потрясен, узнав об отставке Николая Николаевича. На фоне жизни царской семьи, писал он, «великий князь казался нам единственной здоровой (!) клеткой... В него верили и на него надеялись»⁹. Полный алогизм подобного заключения в свете всего сказанного самим автором в адрес великого князя очевиден.

Показав, что представлял собой великий князь на деле, Шавельский с горечью добавлял: все это было бы еще ничего, если бы штаб верховного главнокомандования был на высоте, но, увы, так дело не обстояло.

Второй после Николая Николаевича человек в ставке, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич был, по словам Шавельского, настолько неподготовлен в стратегических и тактических вопросах, что сам это сознавал, «а потому служил с трепетом и немалыми страданиями».

Со «страданиями» Янушкевич, однако, справился весьма оригинальным способом: полностью отстранился от своих прямых обязанностей, передав их генерал-квартирмейстеру ставки; упоминаемому выше генералу Ю. М. Данилову (черному), «который, таким образом, фактически оказался полным распорядителем судеб великой русской армии». По мнению автора, Данилов был «честный, усидчивый, чрезвычайно трудолюбивый человек», однако без «огонька». Полезен Данилов только на вторых ролях. «Но вести огромную армию он не мог, идти за ним всей армии было не безопасно». Кроме того, Данилов отличался самоуверенностью и неумением выбирать людей. К этому надо добавить, что Янушкевич и Данилов «не терпели друг друга»¹⁰.

Генерал С. А. Ронжин, занимавший один из ключевых постов начальника главного управления военных сообщений, требовавший исключительной энергии и работоспособности, был, как писал Шавельский, помещик-сибарит, «ленивый и медлительный». Единственно, что он делал «очень старательно», — это «увеличивал свою коллекцию этикеток от сигар»¹¹.

В целом автор воспоминаний уподоблял ставку... живущему за границей помещику. Этот помещик, получая известия от своих «управляющих», т. е. от командующих фронтами, выказывал платоническое сочувствие или несочувствие, волновался из-за неудач, радовался успехам. Но когда вмешивался в дело, путного из этого ничего не получалось. Худым управляющим такое вмешательство из заграничного далека не помогает, а хорошим — мешает. Ставка, заключал Шавельский, была барометром, а не рычагом, направляющим армию. В результате «штаб ставки для фронта был однозен»¹².

Для Энгельгардта популярность Николая Николаевича не составляла такой иррациональной загадки, как для Шавельского. «В данном случае, — писал Энгельгардт, — выступали особенности общественного уклада того времени: авторитет Н. Н. держался почти исключительно на его великокняжеском достоинстве, а в то время это имело солидный вес». Что же касается Янушкевича, то вся его предыдущая служба «не давала основания» для назначения начальником штаба ставки. Он все время, начиная с подполковника, служил в канцеляриях военного ведомства, т. е. занимался бюджетными и отчасти организационными, но отнюдь не военными в собственном смысле вопросами. Поэтому, узнав о назначении его начальником Главного управления генерального штаба, «многие генералы и офицеры генерального штаба не скрывали своего возмущения»¹³.

Янушкевичем как полной бездарностью и тупым реакционером возмущались не только военные. На секретном заседании Совета министров 27 июля 1815 г., т. е. в разгар отступления армии, Кривошеин передал содержание письма Янушкевича к нему, суть которого сводилась к следующему. По мнению генерала, в армии «героев единицы». Солдатам недоступно само понятие «патриотизм». Тамбовец — патриот лишь Тамбовской губернии, а на общероссийские интересы ему наплевать. Поэтому солдата «необходимо помянуть... наделением землей» за счет конфискации наделов у солдат, сдающихся в плен, издав для этого особый монарший акт. «Необычайная наивность или, вернее сказать, непростительная глупость письма начальника (штаба) верховного главнокомандующего, — комментировал Кривошеин, — приводит меня в содрогание. Можно окончательно впасть в отчаяние... Господа, подумайте только, в чьих руках находятся судьбы России, монархии и всего мира. Творится что-то дикое. За что бедной России суждено переживать такую трагедию?»¹⁴

Но даже эта ставка силой вещей вынуждена была встать в оппозицию политике двора и потребовать более благожелательного отношения к Думе и организованной помещичье-буржуазной общественности, работавшей на войну. Мера этой оппозиционности и ее итог нам известны. Ничего, кроме праздных разговоров о необходимости заключить царицу в монастырь, она по существу не содержала. Тем не менее сам факт конфликта между *одинаково реакционными* партнерами по вопросу о политическом курсе,

как и способ разрешения этого конфликта, свидетельствовал о начавшемся процессе отчуждения между верховной властью и силой, которая в конечном итоге была для нее самой важной и решающей, — армией, вернее, ее офицерским корпусом, силой, на протяжении веков демонстрировавшей свою преданность и готовность защищать самодержавного монарха. С переменой верховного командования, когда хозяином в ставке стал сам царь, этот процесс не только не прекратился, но еще более усилился.

Следует отметить, что страхи и опасения, волновавшие Совет министров в связи со сменой верховного командования, оказались напрасными. Более того, как уже отмечалось, в чисто военном отношении, да и в сфере материального снабжения армии дела пошли значительно лучше. Несколько лучше стала выглядеть и сама ставка главным образом благодаря назначению на пост начальника штаба генерала М. В. Алексеева.

В отличие от своего предшественника Алексеев действительно знал дело. По поводу меры его военных талантов мнения у генералов были различные, но все они единодушно сходились на том, что новый начальник штаба — знающий, толковый и исключительно работоспособный профессионал. Кроме того, Алексеев, чуждый искательства, с презрением относился к придворному окружению царя и был ярым антираспутинцем. На первом месте у него действительно стояли интересы страны и армии — так, как он их понимал. Если еще учесть, что Николай II в военные дела фактически не вмешивался и был лишь номинальным главнокомандующим, а все военные вопросы от его имени решал Алексеев, то можно было ожидать значительного улучшения самого состава ставки, стиля ее работы и, главное, установления взаимного доверия между ней и ее августейшим патроном. Ничего этого, однако, не произошло.

Начать с того, что Алексеев был именно начальником штаба ставки, а не фактическим главнокомандующим. Таким образом, определение ставки Шавельским как барометра, а не рычага, направляющего армию, оставалось в силе и при Алексееве. Кроме того, кадровые вопросы, т. е. вопросы, связанные с назначением на высшие командные должности, царь полностью изъясил у своего «когого друга», как он называл Алексеева. В отношении личного состава, писал Лемке, «царь имеет свои определенные мнения, симпатии и антипатии и сплошь и рядом решительно напоминает, что назначениями хочет ведать сам». Результаты, констатировал автор, «получаются плачевные». Так, например, Алексеев был против назначения В. М. Безобразова командиром гвардейских корпусов. Царь на это возразил: «Ну что Вы, Михаил Васильевич! Он такой милый и такой веселый рассказчик и анекдотист!»¹⁵ Доклады начальника штаба о том, что такой-то начальник испортил боевое дело или обнаружил преступную нераспорядительность, царь выслушивал совершенно спокойно и оставлял все без последствий¹⁶.

А. И. Деникин также отмечал «полное безучастие государя

в вопросах высшей стратегии» и его большую заинтересованность в вопросах «о назначениях приближенных, о создании им должностей и т. п.». В результате «бездарности... оставались на местах, губили и войска и операции»¹⁷.

С приходом на пост начальника штаба Алексеева не произошло никаких принципиальных изменений и в характере работы ставки в целом. Вместо Данилова генерал-квартирмейстером стал М. С. Пустовойтенко, получивший прозвище Пустоместенко. При Алексееве находился некий генерал В. Е. Борисов, с которым он был в дружеских отношениях и всегда держал при себе. Этот генерал никакого официального поста в ставке не занимал, но предполагалось, что Алексеев советуется с ним как с умным военным специалистом. Насколько это соответствовало действительности, сказать трудно. Борисов был довольно странной личностью. Бубнов называл его «серой экселенцией» Алексеева, сравнивая его роль с ролью О. Жозефа при Ришелье. Он считал Борисова радикалом и даже революционером. В качестве доказательства ненависти последнего к власти Бубнов ссылался на то, что Борисов никогда не принимал приглашений к царскому столу¹⁸. Подобная оценка мелкого фрондерства больше характеризует Бубнова, чем Борисова.

Ронжин остался на месте, раздул свое главное управление до сотни чиновников с «громадными окладами», а все дело вел «глупо и кабинетно»¹⁹. Офицеры-генштабисты, населявшие ставку, «серьезного и порядочного не читают», часами рассказывают скабрзные анекдоты. Умственный уровень не выше уровня строевого офицера, нравственный «гораздо ниже». «Они *не желают* ничего знать и считают себя способными управлять всеми сторонами жизни страны... Это ужасное умственное ничтожество не сознает своей ползучести и полной неподготовленности»²⁰. Изменился лишь внешний стиль. Если Николай Николаевич ввел «пуританский порядок», в частности запретил категорически пребывание в ставке женщин, то вкусы нового главнокомандующего были иными.

«Сразу все изменилось. Приехала оперетка, которой не было при Николае Николаевиче, театр был до отказа набит дамами и ставочными офицерами... открылся новоявленный ресторан... Могилев приобрел вид резиденции царской семьи, и война отходила на второй план, забывалась... все почувствовали, что можно жить легко и весело, не думая о завтрашнем дне». Даже у могилевских обывателей достало пронизательности увидеть в этом опереточном антураже общее государственное неблагополучие. «Все распускалось, — констатировала Белевская, — стало видно всякому, что машина начинает давать перебой»²¹. Этому в немалой мере способствовало и тупо-равнодушное отношение последнего самодержца к тому, что творилось на фронте, какие колоссальные и неоправданные потери несла русская армия часто только потому, что во главе ее стояли генералы такого же профессионального уровня и нравственного ценза, как и их верховный повелитель²².

Если даже у Николая Николаевича сработал рефлекс самосохранения и он потребовал перемен, то Алексеев, будучи умным человеком, гораздо острее и глубже понимал всю катастрофичность политики Царского Села, поставившего режим, горячим приверженцем которого он был, на грань полной изоляции в условиях прогрессирующей разрухи и углублявшегося революционного кризиса. Даже заметное улучшение собственно военной конъюнктуры и материально-технического снабжения армии, достигнутое в 1916 г., не являлось, как понимал новый начальник штаба, достаточным противовесом надвигавшейся катастрофе. Алексеев видел выход в союзе правительства с Думой, Земским и Городским союзами, «общественностью» как таковой. В этом отношении никакой разницы между его позицией и позицией бывшего главнокомандующего не было. Разница заключалась лишь в более тесных контактах Алексеева с руководителями Думы, союзов и ЦВПК — иначе говоря, в большем отчуждении начальника штаба от царя и его непосредственного окружения.

Лемке сообщает, что существовали довольно доверительные контакты между Алексеевым и некоторыми оппозиционными лидерами. Так, в частности, разговор начальника штаба с приехавшими в ставку Челноковым был «очень дружественный». Благодаря настоянию Алексеева и вопреки желанию Фредерикса царь пригласил Челнокова к обеду и дал ему аудиенцию, причем «прием был очень благосклонный». Когда Гучков телеграммой попросил Алексеева принять своего заместителя по ЦВПК Коновалова для важного разговора, тот тут же ответил, что будет очень рад встрече. В письме к Родзянке Алексеев делился своими соображениями о мерах, необходимых для оздоровления армии, которая «нездорова». В частности, он считал необходимым в три-четыре раза уменьшить численность штабов всех рангов, а также их переписку, царящие в них «роскошь и эпикурейство» (встают в 11 часов, пьют, играют в карты — «это не война, а разврат») вырвать с корнем²³.

Одно время у Лемке сложилось впечатление, что Алексеев стал участником заговора, имевшего целью дворцовый переворот. «Вчера Пустовойтенко сказал мне: „Я уверен, что в конце концов Алексеев будет просто диктатором“, — записал Лемке 9 ноября 1915 г. — Не думаю, чтобы это было обронено так себе. Очевидно, что-то зреет... Да, около Алексеева есть несколько человек, которые исполняют *каждое* его приказание, включительно до ареста в Могилевском дворце... Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли около набитого дурака и мерзавца, у него есть что-то связывающее его с генералом Крымовым, именно на почве политической, хотя и очень скрываемой деятельности»²⁴.

«По некоторым обмолвкам Пустовойтенка, — писал Лемке спустя три месяца, — мне начинает казаться, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспира-

ция, какой-то заговор, которому не чужд и Михаил Саввич (Пустовойтенко.— А. А.), а также еще кое-кто»²⁵.

Однако Лемке принимал желаемое за действительное. Алексеев, как, впрочем, и весь высший генералитет, был далек от приписываемого ему намерения. Один из наиболее активных приверженцев необходимости дворцового переворота, Гучков, размышляя на эту тему в эмиграции, писал, что он до сих пор «остался в неуверенности» относительно того, «удалось ли бы нам получить участников (заговора.— А. А.) в лице представителей высшего командного состава... скорее была уверенность, что они бы нас арестовали, если бы мы их посвятили в наш план»²⁶. В письме к Мельгунову тот же Гучков сообщал, что «никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»²⁷.

Когда представители думских и общественных кругов незадолго перед революцией обратились к Алексееву во время его пребывания в Севастополе за советом по поводу переворота, тот высказался категорически против, мотивируя это тем, что подобный переворот во время войны представляет собой смертельную угрозу армии, которая «и так не слишком прочно держится»²⁸.

В действительности, как свидетельствовал несколько позже тот же Лемке, в позиции Алексеева, как и в других случаях, отражался все тот же необъяснимый паралич воли, поразительный разрыв между пониманием и действием, неспособность взять на себя подлинную ответственность за государственные дела. Так, в беседе Лемке с Алексеевым и Пустовойтенко в марте 1916 г. последние, излагая свою точку зрения на положение вещей и их дальнейший ход, говорили, по сути дела, лишь о покорности судьбе. «Вот вижу, знаю, что война кончится нашим поражением», говорил Алексеев, но все же «я вот счастлив, что верю, глубоко верю в бога... Страна должна испытать всю горечь своего падения и подняться из него рукой божьей помощи...».

«Армия наша, — продолжал он развивать свою мысль, — наша фотография... С такой армией в ее целом можно только погибать... Россия кончит крахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьих лапы и пойдет ломать... Вот тогда мы... пойдем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором и тряпками».

Так Алексеев, как и правые, и либералы, представлял себе будущую революцию. На вопрос Лемке, не принять ли теперь в ожидании такой перспективы меры к спасению того, что можно спасти, «к меньшему краху», последовал ответ: «Мы бессильны... никакими мерами этого нам не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда все начнет валиться». Пустовойтенко ближайшее будущее также находил «самым безотрадным», а на вопрос, где же выход, ответил: «Выход? По-моему, куропаткинское терпение»²⁹.

Оппозиция Алексеева была самой верноподданнической. Тем не менее это была оппозиция³⁰, и, что существенно, она не замыкалась только на нем — ни в ставке, ни тем более в армии.

Деникин весьма определенно утверждал, что борьба «Прогрессивного блока» с правительством находила, «несомненно, сочувствие у Алексева и командного состава». Речи Шульгина и Милюкова 1 ноября в Думе, свидетельствовал он, «читались и резко обсуждались в офицерских собраниях». Один «видный социалист (?) и деятель городского союза» говорил автору, что, побывав в армии в 1916 г., он был поражен, «с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д., говорят о негодности правительства, о придворной грязи»³¹.

Шавельский как очень характерный приводит следующий эпизод. 1 мая 1916 г. командир 26-го корпуса Гернгросс на торжественном обеде под хохот офицеров трех дивизий громогласно заявил, что он согласен отсидеть 6 месяцев в Петропавловской крепости за удовольствие «выдрать Распутина»³². Тот же автор свидетельствует, что, когда весть об убийстве Распутина дошла в Могилев, «и высшие и низшие чины бросились поздравлять друг друга, целуясь, как в день пасхи. И это происходило в ставке государя по случаю убийства его «собинного» друга! Когда и где было что-либо подобное?»³³ Волконский еще в сентябре 1915 г. говорил великому князю Андрею Владимировичу: «Я получаю из армии от командующих армиями такие письма, что просто ужас берет. Я у себя не могу таких вещей говорить, а они пишут»³⁴.

Без учета этого всеобщего настроения ставки и офицерского корпуса нельзя до конца правильно понять и объяснить ту легкость и быстроту, с которой командующие фронтами, будучи и оставаясь сторонниками самодержавной власти, присоединились к мнению Алексева и высказались за отречение Николая II. Это стало возможным только благодаря полному отчуждению от последнего самодержца офицерского корпуса, т. е. той силы, на которую царь больше всего рассчитывал.

«Объединенное дворянство»

Реакционное поместное дворянство было главной социальной опорой царизма. Свою организационно-политическую консолидацию оно начало в ходе революции 1905 г. и завершило в мае 1906 г. созданием общероссийской дворянской организации, словесной по форме, но классово-партийной по существу. До революции помещики не испытывали необходимости в создании своей партии, так как царизм выглядел сильным и успешно справлялся с защитой их интересов. Революция полностью разрушила веру дворянства во всемогущество царизма. Власть, по мнению дворянства, готова была пойти на уступки либеральному обществу за счет кровных интересов «первенствующего сословия». Правящая бюрократия, и раньше находившаяся под подозрением за свое заигрывание с тузами торгово-промышленной буржуазии, теперь была признана чуть ли не главным виновником разразившейся

«смуты», обвинена в слабости и бездарности. В связи с этим дворянство твердо вознамерилось защиту российской «государственности», которая, конечно, полностью отождествлялась с его собственными интересами, взять под свой неусыпный контроль. Именно с этой целью и возникла общероссийская дворянская организация — Совет объединенного дворянства или в просторечии «объединенные дворяне».

Структура ее была двучленной: ежегодные съезды уполномоченных дворянских обществ, посылавшихся губернскими дворянскими собраниями, и Постоянный совет — центральный исполнительный орган, выбиравшийся съездом. Постоянный совет являлся тем центром, который направлял и осуществлял политику «объединенного дворянства». Его сила и влияние были очень велики, особенно в первые годы. Огромную роль играл состав совета. В него избирались по преимуществу люди, имевшие большие связи при дворе и в правительстве, часто члены Государственного совета, высокопоставленные чиновники в прошлом, кандидаты на крупные посты в правительстве и армии. Тесная родственная связь с камарильей и правительством обеспечивала Постоянному совету большие возможности для достижения преследуемых дворянством целей.

Пик политического влияния Постоянного совета приходится на 1906—1907 гг. В секретном циркуляре от 12 января 1908 г. совет прямо признавал, что главную роль в переходе царизма к столыпинской аграрной политике и в осуществлении третьинского государственного переворота, который «дал нам третью Государственную думу», сыграла общедворянская организация³⁵.

В последующие годы наметилась хотя и медленная, но тем не менее постоянная тенденция к снижению политической роли и активности Совета объединенного дворянства. Этому содействовал ряд причин, но главной была специфика организации. В том же секретном циркуляре говорилось: «Значение объединенной дворянской организации и ее необходимость (после того как она выполнила упомянутые выше две главные задачи. — А. А.) остаются в силе, во-первых, как *постоянного стража* в будущем в случае возможного под влиянием разных случайностей поворота государственной политики в сторону, противоположную интересам государства (т. е. «объединенного дворянства». — А. А.), во-вторых, как *теоретического* выразителя взглядов дворян перед Государственной думой по тем или другим государственным вопросам»³⁶.

Уже в этих словах обнаруживается внутренняя противоречивость организации. Признается, что она предназначена действовать лишь в *чрезвычайной* ситуации, когда произойдет нежелательный, с точки зрения «объединенных дворян», *поворот* в политическом развитии страны. Именно таким критическим периодом была революция 1905—1907 гг. В промежутках же между «поворотами» съездам и Постоянному совету нечего, собственно, было делать, и последняя фраза о *теоретическом* выражении общедво-

рянских взглядов перед Думой служит доказательством этому. Правая часть Государственной думы и Государственного совета весьма последовательно и объемно выражала как «теоретические», так и практические устремления поместного дворянства. Трудно было найти лучших «теоретиков», чем Пуришкевич и Марков 2-й, А. А. Бобринский и П. Н. Дурново. Первые два весьма энергично развивали дворянские «теории» в Думе, вторые — в Государственном совете.

Еще больше указанная противоречивость обнаруживается при анализе устава общедворянской организации. Суть дела здесь состояла в том, что он также исходил из чрезвычайной, а не «нормальной» ситуации. Устав давал Постоянному совету, по сути дела, чрезвычайные права, ставившие его фактически *над* организацией. Параграф 13 устава (пункт «в») предоставлял Постоянному совету право обращаться, не спрашивая согласия губернских дворянских организаций (хотя все губернские предводители, согласно уставу, были членами Постоянного совета) и не дожидаясь съезда, в случаях, «не терпящих отлагательств», к главе правительства с политическими заявлениями принципиального характера. Наступил или не наступил такой момент, решал сам Постоянный совет. Хотя формально, как предусматривал устав, совет выступал от своего имени, на деле он говорил от имени всего «объединенного дворянства».

Кроме того, устав давал совету право кооптации 'на съезд и в самый совет, которым он широко пользовался. Достаточно сказать, что даже первый председатель Постоянного совета А. А. Бобринский был кооптированным, а не избранным членом совета. В результате создавалось двойственное положение. С одной стороны, «объединенные дворяне» признавали пользу кооптации, поскольку кооптируемые были, как правило, весьма влиятельные в правительственных и придворных кругах люди. Но в то же время «объединенных дворян» порой раздражала и тревожила та роль, которую стали играть на съездах и в совете кооптируемые: пользуясь своим авторитетом и весом, они если и не направляли деятельность съездов и Совета, то оказывали на них влияние, несоразмерное с их численностью.

На первых порах отмеченные уставные «излишества» не вносили в дворянскую организацию никакого диссонанса. Наоборот, деятельность и заслуги Постоянного совета чрезвычайно превозносились в связи с той ролью, которую он сыграл в переходе правительства к столыпинской аграрной политике и третьеиюньской Думе, а следовательно, превозносились и заслуги кооптированных, ибо их влияние оказалось особенно важным в этот момент. Акции Постоянного совета стояли достаточно высоко и в последующие годы.

Но вот на горизонте появилось первое легкое облачко, которое оказалось провозвестником большой бури, до основания потрясшей общедворянскую организацию пять лет спустя. В мае 1911 г. черниговское губернское дворянское собрание вынесло решение

о лишении Постоянного совета права кооптации и обращения по своей инициативе к правительству, т. е. превращения его в исполнительный орган съезда в прямом смысле слова. Это постановление стало предметом обсуждения на VIII съезде «объединенных дворян» в 1912 г. и подверглось самой ожесточенной критике со стороны Маркова 2-го, Самарина и др. Марков 2-й прямо заявил, что в случае принятия требования черниговцев «не нужно нам объединения дворянских обществ, не нужно нам совета». Сила последнего в том и состоит, что он «вправе во всякую минуту обратиться к государю императору (по уставу — к председателю Совета министров, право обращения непосредственно к царю имел только съезд. — А. А.) и делать такой доклад, который совет найдет нужным сделать ради интересов дворянства»³⁷. В том же духе выступали и другие. В качестве главного довода ссылались на заслуги перед «объединенным дворянством» таких кооптированных членов Постоянного совета, как А. А. Бобринский, В. И. Гурко, А. А. Нарышкин, А. С. Стишинский и др.³⁸

Тем не менее, несмотря на такой дружный отпор, не кто иной, как сам Постоянный совет, уговорил непримиримо настроенное большинство съезда проголосовать за некоторые поправки к уставу, которые представляли определенные уступки черниговскому дворянству³⁹. Секрет состоял в том, что не только последнее, но и еще несколько дворянских обществ дали понять, что они могут выйти из организации, если Постоянный совет откажется проявлять гибкость по вопросу о своих прерогативах.

Выпад черниговцев на первый взгляд выглядит совершенно случайным и даже малопонятным. Своим правом «возвысить голос» совет воспользовался до этого только один раз, в 1907 г., а кооптация была сведена к минимуму.

Но если вдуматься, странного тут ничего не было. Поскольку программа «объединенного дворянства» была исключительно негативной — не допустить никаких реформ и стоять на страже незыблемости самодержавия, ежегодные съезды стали с утомительным однообразием повторять друг друга, интерес к ним со стороны дворянства постепенно начал падать. Неизбежным следствием этого стало возникновение недовольства диктаторской политикой Постоянного совета среди некоторых губернских организаций, настроение которых и выразило черниговское дворянство.

Либеральный лагерь быстро подметил эти признаки упадка и начал пророчить близкий конец общедворянской организации. Однако затем он вынужден был признать, что его надежды оказались сильно преувеличенными. За год с небольшим до начала войны октябристский официоз констатировал, что наряду с Думой «существует еще, так сказать, приватный парламент, обладающий большим влиянием на ход нашей государственной жизни», — «объединенное дворянство», политика которого «находит живое отражение в настроениях сфер, направляющих внутреннюю политику нашего отечества»⁴⁰.

Особенно сильно это влияние в годы, предшествовавшие войне,

сказывалось в вопросе о назначениях. Как свидетельствовал В. Н. Коковцов, «большей частью» назначения в Государственный совет шли под «негласными влияниями» Совета объединенного дворянства, который провел туда «из своей среды» Бобринского, Струкова, Арсеньева, Куракина, Охотникова «и немало других»⁴¹. За несколько месяцев до начала войны два активных члена Постоянного совета — Н. Н. Янушкевич и И. Н. Ладыженский — были назначены соответственно начальником генерального штаба и управляющим делами Совета министров⁴².

Одиннадцатый съезд «объединенных дворян» (10—14 марта 1915 г.) — первый в условиях войны — прошел совершенно спокойно. В унисон с Думой произносились казенно-патриотические речи, посылались телеграммы не только царю и Николаю Николаевичу, но и славному соратнику Янушкевичу. С энтузиазмом обсуждались доклад о борьбе с «немецким засильем» и резолюция, требовавшая «обладания» проливами. Не были забыты и кровные дворянские дела — более скромные, чем проблема «Царьграда», но зато более близкие. В частности, дебатировался вопрос о положении винокурной промышленности в связи «с прекращением торговли крепкими напитками». В целом съезд был пустым и заурадным. Критический час еще не наступил, а в текущей ситуации ничего не оставалось, как заниматься тривиальными словопрениями.

Весенне-летние события 1915 г. оказались переломными не только для Думы, но и для общедворянской организации. «Патриотическая тревога», охватившая широкие круги либеральной «общественности», вызвала тревогу и у Постоянного совета объединенных дворянских обществ, но несколько иного свойства. Настал, по его мнению, первый из тех двух моментов, ради которого он, собственно, и был создан. Пришла очередная пора «возвысить» голос в защиту самодержавия.

Голос был «возвышен» в форме письма председателя Постоянного совета А. П. Струкова на имя Горемыкина, датированного 23 августа 1915 г., т. е. днем окончательного оформления «Прогрессивного блока». Даты совпали случайно, но то, что письмо Струкова было прямой реакцией на создание блока, не подлежит сомнению. От имени совета Струков обращал внимание премьера на то, что «произносимые и передаваемые прессой во все концы страны левые речи, некоторые заключения столичных совещаний и злоупотребление печатным словом являются предвестниками новых смут с целью изменения государственного строя России. Только незыблемость основ существующего порядка в соединении с твердой и единой правительственной властью в центре страны и на местах, врученной государем лучшим преданным ему и осведомленным людям из обширного русского общества, оградит страну от шатания мыслей и внутренней смуты»⁴³. Кого Струков и К^о считали «лучшими» и наиболее «осведомленными», не требует объяснений. Пример с Янушкевичем говорит об этом достаточно красноречиво.

Расчет Постоянного совета на то, что письмо Струкова в трудный для царизма час мобилизует и сплотит дворянскую организацию, не оправдался. Наоборот, оно вызвало бурю в дворянской среде. С мест посыпались заявления и протесты, осуждавшие акцию Постоянного совета как не только не отвечающую, но прямо противоречащую подлинным настроениям дворянства.

Весьма решительно отреагировали на письмо Струкова полтавские дворяне. В постановлении губернского собрания, принятом в начале октября 1915 г., говорилось: поскольку Постоянный совет «признал возможным» сделать очень серьезное выступление от имени «объединенного дворянства», не только не осведомившись о мнении дворянских обществ, но даже не запросив губернских предводителей дворянства, и так может поступить впредь, «неотлагательно выйти из организации объединенных дворянских обществ».

За Полтавой последовала Кострома. 7 октября костромичи постановили: «Считая, что Совет объединенных дворянских обществ, выступая с протестом против всенародных желаний и выдавая их за происки неблагонадежных лиц, действует во вред народу и его державному вождю, костромское дворянство единогласно постановило немедленно выйти из состава объединенных дворянских обществ».

Петроградское дворянство 27 сентября вынесло решение «впредь до выяснения» деятельности Постоянного совета «воздержаться от участия в работе Постоянного совета и общедворянских съездов», т. е. практически также вышло из организации. В постановлении от 31 августа новгородское дворянство «в сознании долга перед царем и родиной» заявило, что оно «не может согласиться» с письмом Струкова по следующим соображениям: 1) вера народа в носителей власти поколеблена, 2) власть лишена народного доверия, 3) налицо отчужденность народа. В силу этого царь должен призвать к власти лиц, которым бы «народ верил и которым бы он повиновался и за которыми бы шел не только за страх, но и за совесть, уверенный в их таланте, творчестве, преданности царю и честности». Новгородское дворянство полагает, что «сохранение порядка и ограждение страны от внутренней смуты коренятся лишь в неотложном призвании монархом власти, сильной авторитетом всенародного доверия»⁴⁴. Последние слова были фактически требованием создания «министерства общественного доверия».

По мере того как письмо Струкова становилось широко известным и наконец попало в печать, цепная реакция дворянских протестов нарастала. В декабре с осуждением письма Струкова выступило московское дворянство, заявившее о необходимости «сближения правительственной власти с обществом». Московские дворяне, говорилось далее в письме губернского предводителя дворянства Базилевского от 11 декабря 1915 г., остаются «в полном единении взглядов по вопросу о неизбежности коренных основ существующего строя», изложенных в письме Струкова, но «по

вопросу о способах достижения этой цели держатся совершенно противоположных взглядов». Кроме того, письмо Струкова является превышением полномочий Постоянного совета, определяемых уставом⁴⁵.

Вопрос о превышении полномочий прямо или косвенно затрагивался и другими дворянскими обществами. Так, например, Пензенское губернское дворянское собрание 16 декабря 1915 г. потребовало поставить вопрос о необходимости изменения § 13 устава таким образом, чтобы впредь обращения к царю от имени «объединенных дворян» могли бы иметь место только при согласии на него двух третей губернских предводителей дворянства⁴⁶.

В конце 1915 г. из дворянской организации вышли еще две губернии: Смоленская и Уфимская. Уфимские дворяне на своем «чрезвычайном» собрании 17 декабря вынесли следующее решение: 1) признавая недопустимыми обращение к «высшему правительству» от лица всего дворянства, не выслушав его мнения; 2) исходя из того, что Постоянный совет солидарен со своим председателем; 3) «совершенно не разделяя взглядов» этого письма и «сожалея о случившемся», собрание постановило осудить выступление Струкова и Постоянного совета, выйти из состава «объединенных дворянских обществ», суждение о деятельности организации в целом отложить до специального обсуждения⁴⁷.

В январе 1916 г. обвинило Постоянный совет в превышении полномочий и объявило о своем несогласии с содержанием письма Струкова тверское дворянство⁴⁸. 27 января аналогичное постановление вынесло собрание дворян области Войска донского, заявив, однако, что выходить из организации, как это сделали некоторые губернии, нет оснований⁴⁹.

Раздались и примиряющие голоса, продиктованные опасением за судьбу общедворянской организации. В частности, симбирские дворяне, выразив на очередном губернском собрании в марте 1916 г. несогласие с письмом Струкова, вместе с тем заявили, что необходимо «приложить все усилия», чтобы «остановить начавшийся распад объединенной дворянской организации», и постановили обратиться с просьбой к покинувшим ее вернуться обратно. Выход в преодолении кризиса симбиряне видели в «безотлагательном» созыве общедворянского съезда⁵⁰.

Лишь курское дворянство, ведомое Марковым 2-м, заявило о своей поддержке акции Постоянного совета (февраль 1916 г.) и выразило сожаление по поводу разногласий в среде «объединенных дворян». Подавленный и растерянный, Струков поспешил поблагодарить в письме от 5 марта «уважаемого Льва Ивановича» (князя Дондукова-Изьединова, губернского предводителя дворянства) за поддержку⁵¹.

Как сообщил на заседании Постоянного совета 1 марта Струков, открыто осудили письмо 13 губернских дворянских обществ. В своем «объяснении» XII съезду он их перечислил: Полтавское, Костромское, Смоленское, Уфимское (вышли из организации), Петроградское, Новгородское, Ярославское, Московское, Влади-

мирское, Тверское, Пензенское, Симбирское и Орловское (прислали письма с «неодобрением») ⁵². Тем не менее на том же заседании 1 марта Мосолов твердо стоял на том, что «совет не должен считать себя связанным вышеприведенными неодобрительными отзывами и, памятуя свои высокие задачи, не имеет права отказаться от нового выступления, если обстоятельства того требуют» ⁵³.

Но это была чистая бравада: и Струков, и Постоянный совет в целом ясно понимали, что на деле «объединенные дворяне» лишили их своего доверия, фактически отобрали полномочия руководящего центра. В этом и состояло значение всех перечисленных протестов. Более того, «объединенные дворяне» прямо поставили вопрос о пересмотре прав Постоянного совета в сторону их резкого сокращения и прежде всего отмены пресловутого § 13 устава. Если на VIII съезде черниговские дворяне остались в одиночестве, то теперь большинство губерний встало на ту точку зрения, что только при условии реформирования устава может идти речь о сохранении общедворянской организации как таковой.

Это настроение настолько захватило «объединенных дворян», что вылилось в открытую демонстрацию недоверия Постоянному совету. 12 мая 1916 г. 24 губернских предводителя дворянства собрались в Москве на частное совещание, чтобы обсудить «тяжелое положение», создавшееся в среде «объединенного дворянства» в последнее время, «грозящее вызвать раскол в дворянских обществах и тем нанести, быть может, непоправимый удар достигнутому с таким трудом объединению». Совещание нашло, что основные причины кризиса следует искать «в некоторых коренных недостатках самой организации, о которых неоднократно говорилось и в совете и на съездах», а именно: неупорядоченное представительство от губерний на съезды, наличие § 13 устава и остатки прав кооптации. Но самый главный удар наносился следующим пунктом постановления: вновь собраться 1 июля в Москве и просить принять участие в этом совещании Постоянный совет. Это уже было похоже на вызов в суд, и Постоянный совет, отдавая себе отчет в характере подобного приглашения, прореагировал на письмо Базилевского от 24 мая, в котором излагалось вышеизложенное, крайне болезненно.

На заседании Постоянного совета 31 мая 1916 г. Нейдгардт заявил, что приглашение совета в Москву на частную беседу противоречит уставу. Сам он также стоит за упорядочение вопроса о кооптации, но против изменения устава в смысле запрещения Постоянному совету обращаться в исключительных случаях к власти без санкции съезда. Реформированный в таком духе совет будет бесполезен.

Карпов целиком присоединился к этому мнению, прибавив, что сам факт собрания губернских предводителей вселяет «большое чувство тревоги»: они по уставу члены совета, а между тем отделяют себя от него. Отдельные выступления губернских предводителей дворянства в корне подрывают общероссийское дворянское объе-

динение. Ему непонятно совещание в Москве под председательством Базилевского. Это пренебрежение к уставу. Поэтому он считает нужным «протестовать против такого постановления» (24 предводителей. — А. А.) и от поездки в Москву отказаться.

Еще один член совета, Сергеев, нашел сам факт московского совещания «весьма знаменательным» вследствие большей численности съехавшихся и единогласности принятого решения. На это последовала реплика Струкова, что он в своем письме несколько не раскаивается и готов в любую минуту уступить свой пост. Было постановлено созвать общедворянский съезд «при первой возможности» осенью. До этого созвать Постоянный совет для обсуждения заявления 24 губернских предводителей и пригласить на него губернских предводителей вышедших из организации губерний⁵⁴.

Однако второй пункт постановления не смогли выполнить, потому что Постоянный совет уже не был хозяином положения, как прежде. Чтобы убедиться в этом, надо на несколько месяцев вернуться назад к документу, на который мы уже ссылались, отпечатанному типографским способом с грифом «на правах рукописи» (для рассылки всем губернским дворянским собраниям) и озаглавленному: «Журнал заседания Постоянного совета объединенных дворянских обществ 25 октября 1915 г.», целью которого было как-то объяснить и оправдать акцию совета с письмом Струкова. Документ намного шире своего названия, поскольку в него включены журналы предшествующих нескольких заседаний, связанных с вопросом посылки письма, а также постановления полтавского, костромского и других дворянских обществ с заявлениями о выходе и несогласии с содержанием письма, которые цитированы выше. Весь этот пакет должен был, по мнению совета, дать полную и объективную картину развивавшихся событий.

Заседание 25 октября началось с изложения председателем «обстоятельства возникновения» его письма на имя Горемыкина. Письмо, объяснил он, было не его единоличной акцией, а исполнением постановлений Постоянного совета от 27 июня, 20 и 22 августа, «подвергнутого подробному обсуждению вопрос о необходимости выступить по поводу происходивших событий и домогательств левых партий». В постановлении от 22 августа говорилось: «Просить председателя совета А. П. Струкова письменно или лично обратиться от имени совета к председателю Совета министров по вопросу переживаемого времени». Это постановление базируется на специальном пункте § 13 устава дворянских съездов, дающем Постоянному совету право такого обращения. «Что письмо это вызвало гнев печати, — резюмировал Струков, — неудивительно, но крайне прискорбно, что оно встретило несочувствие со стороны некоторых входящих в объединение дворянских обществ»⁵⁵.

В связи с этим были оглашены журналы заседаний Постоянного совета 27 июля, 20 и 22 августа и 30 сентября 1915 г. Из них выясняется, что решение о посылке письма Горемыкину приняли без колебаний и не сразу. Можно даже утверждать, что письмо

Струкова было делом рук и энергии не всего совета, а лишь его нескольких членов во главе с председателем.

На заседании 27 июля вместо отсутствовавшего Струкова председательствовал товарищ председателя А. И. Мосолов. Именно он, по его собственному заявлению, был инициатором посылки письма. Необходимость этого шага мотивировалась сходством момента с ситуацией 1905 г. В связи с этим объявлялось желательным осведомить правительство и, может быть, великого князя Николая Николаевича, что лозунг «ответственного министерства» не разделяет «благомыслящая часть народа», за ним стоит лишь группа лиц.

Результаты обсуждения оказались довольно симптоматичными: Мосолова не поддержал ни один человек. Возражения, которые ему делались, были весьма созвучны постановлениям губернских дворянских собраний. Так, С. А. Панчулидзеv заявил, что в письме нет необходимости, потому что «пожелания думского большинства весьма умеренны».

В. И. Карпов также сказал, что он «не вполне согласен с А. И. Мосоловым». По его мнению, «все грани между отдельными партиями и группами стусшевались» — все они хотят только того, чтобы у власти стояли честные и знающие люди. Поэтому сейчас поводов и оснований для выступления Постоянного совета нет.

Граф В. Е. Рейтерн-Нолькен высказался в том смысле, что правительство должно опираться на большинство Думы и Государственного совета. Мнение В. А. Сухомлинова сводилось к тому, что посылка письма несвоевременна. Наумов, тот самый, который вскоре стал министром земледелия, поддержал Сухомлинова и расхваливал «общество».

В результате было постановлено следить за событиями, от выступления воздержаться⁵⁶.

На заседании 20 августа Струков и его сторонники повели решительное наступление на более умеренных коллег. «Обстоятельства круто переменялись», — указывал Струков. В доказательство он сослался на резолюции Московской городской думы, биржевых и купеческих обществ. Им должно быть противопоставлено заявление дворянства.

Председателя энергично поддержал его товарищ Мосолов. Нейдгардт высказался также за посылку письма, но не от имени совета, а от имени съезда, мотивируя тем, что в противном случае письмо не произведет должного впечатления. Однако предложение о созыве съезда было единодушно отвергнуто по тем соображениям, что его нельзя будет собрать раньше октября, а кроме того, открытый съезд нецелесообразен, а закрытый принесет только вред.

Было постановлено собраться через два дня для вынесения окончательного решения⁵⁷.

Только с третьего захода Струков и его группа добились своего. «Объединенное дворянство, — решительно заявил Нейдгардт, — не имеет права не подать своего голоса». Настал решительный момент: «В печальной памяти периода 1905—1907 гг. общедворянс-

кая организация сыграла несомненную роль в деле восстановления спокойствия и законности. В последующие годы мы ушли как в резерв, но теперь в переживаемое время, когда решается судьба России (т. е. царизма. — А. А.), если объединенное дворянство будет молчать, то потеряет смысл своего существования».

На этот раз Наумов высказался *за выступление*, обвинив кадетов в том, что они стремятся к «ответственному министерству», т. е. к насаждению в России чуждого ей «парламентаризма». Однако Карпов с ним не согласился. Никто «ответственного министерства» не добивается, заявил он. Все хотят только твердой власти и ничего более, и было бы очень хорошо, если предстоящий дворянский съезд высказался в том же духе. Любопытна концовка речи: но надо опасаться, предостерег оратор, что «на съезде многие суждения будут слишком резкими и потому самый вопрос о необходимости его созыва сомнителен». 22 августа было постановлено съезд созвать во второй половине октября (1915 г.), приурочив его ко времени созыва уполномоченных для выборов в Государственный совет от дворянства, заседания съезда по политическим вопросам сделать закрытыми.

Однако 30 сентября было решено съезд отложить, а вместо него созвать особое заседание Постоянного совета с участием губернских предводителей⁵⁸. Это решение, несомненно, обуславливалось теми протестами дворян, о которых шла речь выше. Главный мотив отсрочки созыва съезда, указывала «Речь», состоит в том, чтобы не допустить обсуждения на нем письма Струкова. По мнению совета, если съезд будет созван в марте 1916 г. вместо ноября 1915 г., то о письме к тому времени забудут. Борьба между советом и «прогрессивными элементами» на выборах в Государственный совет ожидается ожесточенная. Совет очень опасается провала своих ставленников⁵⁹.

Заседание Постоянного совета 25 октября проходило под знаком отступления по всему фронту. Карпов предложил выразить от имени совета «глубокое сожаление» по поводу выхода некоторых обществ, с чем председатель немедленно согласился. Бобринский объявил эти выходы результатом недоразумения. Фраза «правительство, опирающееся на доверие страны», пояснил он, многими была понята как требование «ответственного министерства». Поскольку «Прогрессивный блок» такое толкование объявил клеветой, то между ним и «объединенным дворянством» теперь «непримиримой точки разъединения» нет.

Председатель подхватил эстафету. Часто приходится слышать, будто его письмо было направлено против декларации блока. Это «досадное недоразумение», простое совпадение во времени (решение о письме было принято 22 августа, а декларация опубликована 23 августа). Зубчанинов пошел еще дальше. Толковать письмо в реакционном смысле нет никаких оснований. «*Напротив*, по смыслу своему письмо *вполне солидарно* с резолюциями общественных организаций. В том же духе говорил и Д. Н. Гергеев⁶⁰. Достаточно сопоставить это утверждение с приведенными выше мотивами

посылки письма Струкова и содержанием самого письма, чтобы понять, насколько мало это соответствовало действительности.

Член Государственного совета и участник «Прогрессивного блока» Д. А. Олсуфьев объяснил, почему он выступил с публичным осуждением письма Струкова в «Вечернем времени». Письмо, по его мнению, было направлено против «Прогрессивного блока». К блоку же примкнули все губернские земства, «в состав которых в значительном большинстве входит дворянство». Ни о каком изменении основных законов в декларации блока нет и речи — письмо искажает его действительную позицию. Формула «министерство общественного доверия» «обозначала только пожелание иметь во главе страны такое правительство, которое могло бы работать в согласии с умеренно прогрессивным большинством Государственной думы».

Даже Мосолов вынужден был сказать, что в письме нет нападок на «Прогрессивный блок». И лишь один Нейдгардт упрямо твердил, что письмо Струкова, «несомненно, отвечает взглядам большинства дворян».

Принятое постановление, помимо пунктов о лучшем оповещении дворянских обществ насчет содержания работы Постоянного совета, обещало созыв съезда в марте 1916 г. (вместо первоначально намечавшейся даты — октябрь—ноябрь 1915 г.)⁶¹.

Однако поскольку, как правильно подметила «Речь», становилось все более очевидно, что ничего хорошего Струкову и К^о на этом съезде ждать не приходится, Постоянный совет объявил, что переносит созыв очередного, XII съезда (планировавшийся ранее на конец 1915 г. был бы внеочередным или чрезвычайным, так как XI съезд состоялся в марте того же года) на март 1916 г.

Оттягивая съезд, совет поступал со своей точки зрения правильно. Ряд дворянских обществ и отдельных дворянских уполномоченных требовал немедленного созыва съезда. С таким требованием, например, обратилась в письме от 20 ноября 1915 г. группа уполномоченных московского и самарского губернских земств. Отвечая на него, Струков сослался на ст. 6 устава, в которой говорилось, что чрезвычайные съезды созываются лишь тогда, когда этого потребуют: 1) две трети членов Постоянного совета, 2) две пятых губернских дворянских собраний, 3) не менее 15 дворян, имеющих право голоса в дворянском собрании⁶².

В скором времени обнаружилось, что совет не собирается созывать съезд и в марте. На заседании 21 марта 1916 г. Струков заявил, что созыву съезда в марте мешают «исключительные обстоятельства», а именно: большинство уполномоченных «переобременено» работой на нужды войны; затруднено железнодорожное сообщение; наплыв беженцев в Петроград осложняет проблему жилья для уполномоченных и, наконец, никакие съезды не разрешаются сейчас министром внутренних дел, и если для «объединенных дворян» будет сделано исключение (в чем Струков, конечно, не сомневался), то оно «едва ли послужит на пользу дворянского объединения и его значения в стране». В связи с этим он предло-

жил оставить вопрос о времени созыва съезда открытым, что и было принято⁶³.

В циркулярном письме председателя совета от 7 февраля 1916 г. не говорилось ни слова ни о жилье, ни о железных дорогах (смехотворность этих мотивов была бы очевидной), но давалась ссылка на позицию правительства, которое, как говорилось в письме, признает сейчас съезды нежелательными вообще. Дворянский съезд также имел бы, несомненно, политический характер, «способный не вовремя волновать как широкие круги общества, так и печать»⁶⁴.

Все эти аргументы, разумеется, никого не могли обмануть.

Требования созвать съезд продолжали выдвигаться и были настолько всеобщими в дворянской среде, что на заседании Постоянного совета 31 мая 1916 г. председатель вынужден был огласить заметку в газете «День» от 27 мая, в которой говорилось, что дворянство недовольно ретроградной политикой совета, оттягивающего созыв съезда, чтобы не допустить обсуждения письма Струкова, и выдумавшего для этого смехотворный предлог о негативной якобы позиции Министерства внутренних дел⁶⁵.

В конечном счете Постоянному совету пришлось созвать съезд в конце ноября 1916 г. Но это ему не помогло. Наоборот, поскольку обстановка в стране с каждым месяцем становилась взрывоопаснее, атмосфера, царившая на съезде, полностью исключила для Постоянного совета возможность какой-либо реабилитации.

XII, последний, съезд объединенных дворянских обществ (29 ноября — 4 декабря 1916 г.) проходил под знаком осуждения письма Струкова и требования реформирования Постоянного совета. О несогласии с письмом говорил Гурко⁶⁶. Письмо не отвечает «ни мнениям, ни чувствам настоящего времени», поддержал его Олсуфьев. «Заволновалось российское дворянство, — говорил он, — промашку, говорят, дали, промашку, не туда попали»⁶⁷. Постоянный совет и его председатель Струков подверглись осуждению за затягивание съезда⁶⁸.

Критика письма базировалась на двух взаимосвязанных тезисах: оправдании и восхвалении «Прогрессивного блока» и осуждении «темных сил». Именно доказательству своевременности, нужности и полезности блока были в первую очередь посвящены речи трех ораторов, произведших наибольшее впечатление на делегатов съезда: Гурко, Олсуфьева и В. Н. Львова. Все трое, как известно, являлись активными участниками блока. Зная косность своей аудитории, они пустили в ход такие аргументы, которые убедили даже дворянских «мастодонтов» и «ихтиозавров» от политики.

Что касается «темных сил», то в этом отношении выделялась речь В. Н. Львова, в большей части посвященная состоянию церкви, где эти «темные силы» в лице Распутина были особенно активны. Институт церкви «объединенные дворяне» считали одним из важнейших в системе русской «государственности». Поэтому, когда Львов рассказал пикантную историю назначения Жевахова, не-

годованию делегатов не было предела. Особенно возмущение вызвала та часть рассказа, где сообщалось, из каких церковных сумм Жевахов получал свое жалование (Совет министров, понимая, что «Дума подымет вопль», не решился выплачивать ему деньги из казначейства): 5 тыс. руб. Жевахову выплачивалось из средств духовных семинарий, 2,5 тыс. — из церковного страхового капитала и последние 2,5 тыс. из свечной прибыли. Так что, горько сетовал Львов, «каждый покупающий свечку... кладет свою копейчку для кн. Жевахова (смех, негодующие возгласы)»⁶⁹. «Прогрессивный блок» тем и хорош, указывал после этого Львов, что ставит задачу избавиться от «темных сил», которые более опасны, чем даже Чхеидзе и Керенский⁷⁰. В устах Львова и в понимании его слушателей это звучало предельно смело.

Конечная оценка деятельности Постоянного совета была predetermined. Тем не менее она не стала единогласной. Часть уполномоченных выступила в качестве «горячих сторонников» председателя совета. В целом же голосование дало такие результаты: за осуждение письма Струкова подала голос 21 губерния, против — 11. Одна губерния воздержалась⁷¹. Если прибавить голоса четырех вышедших губерний и Петроградской (отказавшейся участвовать в работе съезда), то число осуждавших составило бы две трети всех дворянских обществ, входивших в организацию.

Этот вотум означал конец карьеры Струкова в качестве председателя Постоянного совета. Сам Струков это хорошо понимал и от участия в работе съезда уклонился.

Вероятно, какую-то роль в отрицательной реакции «объединенных дворян» на письмо Струкова сыграла и личность его автора. В отличие от таких дворянских «столпов», какими были Самарин и Бобринский, Струков был фигурой незначительной. Сам факт его избрания председателем Постоянного совета служил доказательством измеления и деградации дворянской организации. На съезде критика председателя внешне выглядела тактичной и сдержанной («но, гг., и на старуху бывает проруха», — говорил Олсуфьев), сопровождалась подчеркиванием заслуг «глубокоуважаемого Анания Петровича» и т. д. (его избрали членом Постоянного совета), но все понимали, что это обычный политес и не более⁷².

Чтобы покончить с письмом Струкова, следует ответить на вопрос, сыграло или оно какую-либо роль в повороте политического курса царизма осенью 1915 г., выразившемся в решении царя о смене верховного главнокомандующего, закрытии Думы и серии министерских отставок. Гурко на съезде уверял, что письмо Струкова в этом повороте имело решающее значение. Когда деятели «Прогрессивного блока» уже все сделали, «вошли в сношения» с нужными лицами, «с некоторой частью Совета министров» и «были накануне образования того кабинета, который вывел бы Россию на почву победы... Уже был намечен председатель Совета министров и члены этого кабинета», письмо Струкова все разрушило. «Накануне этого дня, когда все это было решено, произошло изменение. Почему это изменение произошло? Отчего? Влияние Распу-

тина, какой-то шайки, которая его окружала? Может быть. Влияние Постоянного совета объединенного дворянства — наверное. Да, гг. ... это письмо сыграло фатальную роль»⁷³. На этой версии настаивал и Милюков. Буквально, как и Гурко, он писал, что в окончательном изменении курса верховной власти, которое он датирует 16 сентября — днем известного заседания Совета министров под председательством царя, письмо Струкова сыграло «фатальную роль»⁷⁴.

Однако это утверждение представляется сомнительным. Как уже нам известно, именно «влияние Распутина, какой-то шайки», говоря словами Гурко, сыграло решающую роль в принятии указанного решения. Что же касается письма Струкова, то оно было доложено Горемыкиным царю в ставке 30 августа. Реакция последнего свелась к тому, что он «начертал» на письме «знак рассмотрения», т. е., говоря современным языком, поставил «галочку»⁷⁵. Показательно, что в переписке царской четы письмо не упоминается ни словом, а это верный признак того, что ему не придали значения.

Сам Горемыкин также, по-видимому, не относил письмо к документам принципиальной важности. На заседании Совета министров 26 августа он в числе прочих аргументов, направленных против «Прогрессивного блока», вскользь упомянул и о письме. «Нельзя откидывать, — заявил он, — резолюцию (?) и объединенного дворянства. А оно говорит, что речи левых депутатов в Государственной думе и злоупотребление печатным словом создают при всеобщем шатании умов смуту и плодят беспорядки»⁷⁶.

Премьер, как видим, считал письмо Струкова второстепенным документом. Политику Царского Села формировали уже другие силы, другие влияния. Спрашивается, чем же объяснить тогда утверждение Гурко и Милюкова? Ответ, по-видимому, заключается в том преувеличенном представлении (вернее, заблуждении) о силе и значении «Прогрессивного блока», которое составили себе о нем и о себе самих его лидеры. В России парламента в его европейском значении не было, но болезнь, которую В. И. Ленин назвал «парламентским кретинизмом», успела поразить не только кадетских «парламентариев», но и таких правых деятелей, как Гурко⁷⁷. Проявлением этой болезни стала иллюзия, что они хозяева положения, тогда как на самом деле они решали вопрос без хозяина⁷⁸.

Осуждение письма Струкова было, несомненно, в духе «Прогрессивного блока», и «объединенные дворяне» это отлично понимали. В «Прогрессивный блок», доказывал Олсуфьев, вошла вся страна. Помимо Думы и Государственного совета, в него входят на деле синод с высшим духовенством, Рябушинские, «вся русская буржуазия с миллионными капиталами, вошли все городские организации, организации рабочих». Вне его остался только мужик — «сфинкс», на которого и рассчитывает опереться власть. «Но, гг., вспомните, что еще Столыпин сказал, что эта карта была бита в первой Думе. Если вы теперь хотите собрать бородатых Сусани-

ных, то вы их не соберете, так как этих бородатых Сусаниных больше нет... Так вот и надо сказать государю»⁷⁹.

Синод и рабочих, якобы ставших участниками блока, можно смело приписать полемическому задору и политической неосведомленности речистого графа⁸⁰. Но смысл его речи был ясен: вы надеетесь на мужика, обращался он к верховной власти, а эта надежда призрачна. Ваш подлинный оплот — мы, дворяне, а не мужик, но правительство делает все, чтобы и дворянство загнать в оппозицию.

Осуждение письма все же было косвенным выражением оппозиционного духа. Предстояло сделать второй шаг, уже не оставляющий места никаким сомнениям насчет истинных чувств, обуревавших «первенствующее сословие». Таким шагом стала политическая резолюция, принятая XII съездом. Сам факт признания необходимости такой резолюции представлял собой оппозиционный акт, так как являлся отходом от основополагающего принципа дворянской организации обращаться только к монарху и только в качестве его верных слуг (которых он, как и во времена Алексея Михайловича, вправе казнить или миловать), но никоим образом не к «улице». Поэтому единственными формами обращения к царю устав признавал только адрес на его имя и доклад председателя Постоянного совета о состоявшемся очередном дворянском съезде и принятых им решениях. Этот исходный принцип был предметом особой дворянской гордости, поскольку именно он выражал главную суть дворянства как «первенствующего сословия», чуждого политическим приемам «улицы». Теперь, увы, приходилось опускаться до презренных «либералов», которых, хлебом не корми, дай только возможность сочинить лишнюю резолюцию.

Вот почему ожесточенные споры на съезде разгорелись не по содержанию резолюции, чего, казалось бы, следовало ожидать, а по вопросу о ее форме (должна ли это быть резолюция как таковая или адрес). В первом случае документ подлежал опубликованию в печати, во втором отсылался царю. Наиболее решительно указанные две точки зрения выразили два оратора: А. А. Римский-Корсаков и Гурко. Первый требовал не оглашать резолюцию в печати (сделается достоянием «улицы»; второй решительно заявил, что двух мнений быть не может — резолюцию нужно немедленно опубликовать)⁸¹. За оглашение резолюции проголосовали 22 губернии, против — 11, одна губерния воздержалась⁸². Было отвергнуто также предложение о посылке адреса и депутации к царю параллельно с опубликованием резолюции (оно собрало только три голоса, против проголосовали 28 губерний)⁸³.

При этом, однако, в прениях единодушно прозвучало требование сформировать в резолюции пункт о «министерстве доверия» таким образом, чтобы было ясно: «объединенные дворяне» выступают категорически против лозунга «ответственного министерства»⁸⁴.

Начальный, ударный абзац резолюции гласил: «XII съезд объединенных дворянских обществ, искони преданных своим само-

держцам, с великой скорбью усматривает, что в переживаемый Россией грозный исторический час, когда для крепости и единства государства является особо важным монархическое начало, эта вековая основа государства претерпевает колебания в своих собственных устоях». Далее перечислялись конкретные проявления «колебаний». В государственное управление «внедряются... темные силы», которые «подчиняют своему влиянию верхи власти и посягают даже на управление церковное». Церковь «угнетена». Гражданское управление страны «потрясено». Власть не обладает «единством мысли и воли и не пользуется доверием народа». Центральный пункт о создании «министерства доверия» был сформулирован следующим образом: «Необходимо создать правительство сильное, русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе; однако ответственное только перед монархом, оно должно быть вооружено в лице председателя Совета министров полнотой власти и сплочено единством общей программы»⁸⁵. Резолюция была принята единогласно под бурные аплодисменты⁸⁶. Она (прежде всего указанный выше пункт) означала присоединение «объединенных дворян» к «Прогрессивному блоку».

Кадетский официоз поспешил объявить осуждение съездом письма Струкова фактом исторического значения, колоссальным сдвигом «объединенного дворянства» влево. «На наших глазах, — говорилось по этому поводу в передовой, — совершается огромный сдвиг, который еще вчера казался невероятным... создавшееся положение совершенно исключительно»⁸⁷.

Такая оценка была далека от действительности: «объединенные дворяне» стали оппозиционерами поневоле. Являясь крайними реакционерами и монархистами, они вынуждены были присоединиться к ненавистному племени «прогрессистов» и заявить о своем отчуждении от верховной власти, но это не означало действительного полевения. Съезд показал, что «объединенные дворяне» продолжали оставаться такими же «зубрами», как и Марков 2-й, несмотря на то что на этот раз он даже не был допущен на съезд. Даже самые «левые» из них не уставали твердить, что они прежде всего правые, правые, правые... Раньше и теперь заявляю, говорил Львов, что, работая в Земском союзе, был и остаюсь там крайним правым⁸⁸.

Как мы помним, треть губерний выступила за одобрение письма Струкова, хотя революция уже заглядывала в окна дома Офицерского собрания, где проходил съезд. Несмотря на единогласное принятие резолюции, 25 дворян — участников съезда в пику большинству составили собственное постановление, в котором указывали, что «долг благородного российского дворянства верноподданнически донести до сведения державного вождя земли русской о современном тяжелом внутреннем положении России и выразить ему, что, следуя завету и примеру предков, дворянство самоотверженно готово всеми средствами помочь государю победить врага и вывести отечество из настоящего положения на путь процвета-

ния». 25 дворян требовали, чтобы обращение к царю со стороны съезда последовало «непосредственно через председателя совета, смело, прямо и открыто, и не может вопреки традициям быть объявлено во всеобщее сведение вне съезда до доклада его величества»⁸⁹.

Несомненно, что, если бы политическая конъюнктура, с точки зрения царизма и дворянства, несколько улучшилась, мнение указанного меньшинства мгновенно бы стало мнением большинства. «Объединенные дворяне» наступали на горло собственной песне, и это обстоятельство лишний раз подчеркивает силу и глубину кризиса, переживавшегося царизмом накануне революции.

Как уже известно, на XII съезде дворянская организация ставила задачу не только выразить отношение к кризису власти, но и преодолеть свой собственный кризис. Последнее они рассчитывали достигнуть с помощью организационных коррективов. После того как 24 губернских предводителя вынесли 12 мая свое постановление, Постоянный совет понял, что ему придется согласиться на их требования, тем более что и в самом совете были сторонники реформирования § 13 и других пунктов устава. На заседании 23 октября так и было сделано. В принятом постановлении § 13 исключался. Вместо него вводился § 14, согласно которому Постоянный совет мог обращаться к «высшему правительству» только тогда, когда на чрезвычайном заседании совета в присутствии не менее половины всех губернских предводителей дворянства две трети собравшихся проголосуют за такое обращение, причем заседания должны проходить в Москве, а не в Петербурге⁹⁰.

Примечательно требование о перенесении важных заседаний Постоянного совета в Москву. Мусин-Пушкин вообще предложил всю деятельность совета перенести в Москву, но это было признано чрезмерным и отвергнуто 22 голосами против двух⁹¹. Формально это предложение мотивировалось тем, что губернским предводителям, которые по уставу являлись членами совета, легче и быстрее доехать до Москвы, чем до Петрограда. В столицу же они не успевают приезжать вовремя, повестки о предстоящем заседании часто получают уже после того, как заседание состоялось, и в результате Постоянный совет на деле превратился в очень немногочисленную коллегию, решающую все дела от имени совета. В действительности, хотя об этом вслух не говорилось ни слова, за этим требованием стояло нечто гораздо большее, а именно попытка если не оторвать, то по крайней мере ослабить главный источник силы и влияния руководящей группы совета — правительственные и придворные связи.

На съезде была принята также поправка к уставу, полностью отменявшая кооптацию. По поводу кооптированных опять говорилось, что «эти лица в большинстве случаев высоко стоящие и живущие в гор. Петрограде, которые вместе с тем и допускаемы этим самым фактом на съезд». Была принята поправка Олсуфьева, предоставлявшая Постоянному совету право выбирать место для сво-

их заседаний. В остальном постановление совета от 23 октября было принято без изменений⁹².

Поскольку изменения устава были произведены в желательном для большинства губерний духе, Крупенский на следующем заседании съезда (2 декабря) предложил послать письмо от имени президиума съезда к вышедшим дворянским обществам с просьбой вернуться, а заодно обратиться с призывом о вступлении тех дворянских обществ, которые до этого не входили в общедворянскую организацию⁹³. Это предложение было принято, и новый председатель совета разослал соответствующие письма как первым, так и вторым (тифлисскому и кутаисскому губернским обществам), но адресаты уже не успели ни вступить, ни вернуться — помешала Февральская революция.

Председателем Постоянного совета съезд избрал Самарина, причем заочно. Первый раз он был выбран на этот пост (и тоже заочно) в 1912 г. Тогда Самарин отказался. Теперь он дал согласие. Выбор, конечно, был не случаен. Позже его единогласно избрали московским губернским предводителем, и ему была устроена «необычайная овация». В свою очередь, столичное дворянство, демонстрируя свою оппозиционность, избрало своим губернским предводителем князя В. М. Волконского⁹⁴. Самарин был самой авторитетной фигурой российского дворянства, стяжавшей себе славу негибаемого борца против «темных сил» и Распутина в защиту православной церкви. Его избрание председателем совета явилось, так сказать, организационным выражением дворянской оппозиционности.

На этом фоне становится понятной акция Родзянко, предпринятая в январе 1917 г. в связи с роспуском Думы. Когда председатель Совета министров показал ему три подписанных царем указа о роспуске Думы, предусматривавшие три разных варианта этого роспуска (полный роспуск и новые выборы, роспуск до окончания войны и роспуск на неопределенное время без указания даты), из которых он мог выбирать любой, Родзянко в ответ на этот шаг обратился с призывом за помощью... к Совету объединенного дворянства. «Я оказался вынужденным,— объяснял он,— искать ту организацию общественного характера, которую упразднить и заставить молчать невозможно (?) по самому существу дела». С этой целью он вызвал из Москвы Базилевского и Самарина с его товарищами по Постоянному совету князем Куракиным и Карповым и петроградского предводителя Сомова. «Разъяснив им положение вещей и возможность моего ареста (!) и высылки, я просил в этом случае их стать на страже интересов страны... Представители дворянства вполне разделяли мою точку зрения и поняли мои опасения...»⁹⁵.

Кроме них, из Москвы прибыли Г. Е. Львов, Челноков и Коновалов⁹⁶, и вот этой «великолепной семерке», по мысли Родзянко, предстояло спасти положение. Его опасения оказались напрасными, страхи преувеличенными, а вся деятельность Самарина свелась к тому, что он испросил аудиенцию у царя, где изложил последнему

снова все то, что Николай II слышал уже десятки раз. Родзянко также сообщает, что на 19 января было решено созвать съезд «объединенного дворянства», но вряд ли это утверждение соответствует действительности: во всяком случае, в архиве Постоянного совета, полностью сохранившемся, на этот счет нет ни малейших намеков.

Свидельство Родзянко интересно и с другой стороны. Оно говорит, во-первых, о том, что в либеральном общественном мнении «объединенное дворянство» и всероссийские Земский и Городской союзы выносились за скобки единой оппозиции, и, во-вторых, дворянские организации и их Постоянный совет по-прежнему представляли в его глазах внушительную политическую силу, способную на многое. Иначе говоря, итоги XII дворянского съезда были расценены в широких помещичье-буржуазных кругах как симптом возрождения и упрочения организации.

Такое представление уже не соответствовало действительности. По всему было видно, что этот съезд был началом конца общедворянской организации: у царя позиции были подорваны, главная ударная сила — Постоянный совет — разоружен, а сами «объединенные дворяне» деморализованы.

Обладавший весьма тонким нюхом по части всяческого гниения и разложения, нововременский журналист понял это еще задолго до XII съезда. В статье с показательным заголовком «Домогательства справа» Меньшиков в связи с письмом Струкова ставит коренной вопрос: соответствует ли действительности претензия дворянства считать себя опорой России? Ответ давался резко отрицательный.

Около 200 лет «Россия была предоставлена в исключительное распоряжение „служилому сословию“», т. е. дворянству. И что же, выполнило ли оно свой долг? «К глубокому сожалению, нет». Благодаря дворянству «народ вышел из крепостного быта менее цивилизованным, чем он был в эпоху писцовых книг...». «И после освобождения власть дворянской бюрократии не прекращалась, как не прекращается она и до сих пор». Но она все больше разбавляется за счет разночинной интеллигенции. Необходимость заставляет обращаться не к званиям, а к способностям. Самой выразительной была концовка статьи: «Не хочется употреблять неприятных выражений вроде „банкротство“, „крах“ и т. д.), но затрудняешься обойтись без них. «Мало ли что в истории было да сплыло». Дворяне — это всего лишь один процент населения, «притом ни образованностью, ни талантами, ни героизмом дворянство уже не представляет исключения среди других обеспеченных кланов»⁹⁷.

Это уже было похоже на отходную и, самое главное, проповедовал ее человек, альфой и омегой поведения которого было пресмыкательство перед властью имущими, человек, который незадолго до войны ядовито высмеивал претензии буржуазии занять место дворянства, награждая при этом «первенствующее сословие» всевозможными добродетелями и достоинствами.

В истории царизма было немало конфликтов между короной

и дворянством. Они возникали по разным поводам, по-разному кончались, но всегда неизменным оставалось главное: связка царь — поместное дворянство продолжала оставаться самым тесным, органичным, испытанным веками единством, стержневым элементом абсолютизма, определявшим его силу и прочность. И вот теперь «порвалась связь времен». Разобшилось то, что выглядело нерасторжимым. Перестал функционировать сам механизм взаимопонимания и взаимодействия. И именно в этом состояла катастрофичность ситуации для царизма в целом — не только для верховной власти как таковой, но и для самого поместного дворянства. Сорвавшись со своей единственно возможной орбиты вращения, оно потеряло себя, превратилось из сплоченной политической силы в распыленную группу обывателей, бессильно застывшую в ожидании катастрофы. Верховная власть и господствующий класс изолировались друг от друга в тот момент, когда взаимное сплочение было для них особенно необходимым.

Черносотенцы

Только черносотенцы остались верны самодержавию до конца в том смысле, как эту верность понимали в Царском Селе. «Союзники» были последними союзниками царской четы, которая расценивала их как реальную и притом крупную политическую силу. В представлении царя и его супруги именно черносотенные организации вели за собой основную массу русского народа.

«Правительство, — показывал Щегловитов, — возлагало на правые организации величайшие надежды, усматривая в них опору существующего порядка...»⁹⁸

В действительности, однако, черносотенные организации еще задолго до войны превратились в армию, не имевшую личного состава. Обещанные их главарями тысячи местных отделов, охватывающие миллионы членов, оказались мифом. Многие организации существовали только на бумаге. Другие представляли собой малочисленные группы, в которых основной контингент составлял босяцкий и уголовный элемент. Главари «союзов» как в столицах, так и на местах находились в состоянии непрекращающихся войн и соперничества друг с другом, принявших самые скандальные формы, в первую очередь на базе дележа казенных субсидий. Несмотря на исключительное внимание, которое оказывалось черносотенным организациям, начиная с царя и кончая местными властями, все многочисленные попытки со стороны правительства, департамента полиции и губернаторов оживить их деятельность и прекратить распри ни к чему не привели. Накануне и в начале войны «Союз русского народа», возглавляемый А. И. Дубровиным, и «Союз русского народа» во главе с Марковым 2-м находились в состоянии стагнации, а их газеты «Русское знамя» и «Земщину» читали только профессиональные журналисты. В таком же состоянии находился и «Союз русского народа имени Михаила Архангела», вождем

которого был В. М. Пуришкевич. Провинциальные «союзы» и от-
делы являли собой мерзость запустения.

Белецким был послан специальный запрос начальникам губер-
нских жандармских управлений, в котором им предписывалось, «не
стесняясь», дать правильную оценку деятельности черносотенных
организаций на местах. Сведения, полученные им, показывал Бе-
лецкий, «были неутешительны; деятельность означенных органи-
заций выражалась главным образом в форме участия в церковных
торжествах и посылке телеграмм царю и отдельным министрам,
сами же организации в большинстве распались, большинство дея-
телей осталось старых, новых идейных работников почти не прибавилось»⁹⁹. Один из самых близких друзей и соратников «союзни-
ков», Н. В. Маклаков, вынужден был признать, что его друзья упрекали его как шефа и покровителя черносотенцев, что у них «нет
никого, кроме продавшихся журналистов, т. е. таких, которые по-
лучали крупные правительственные деньги, кроме так называемых
кабацких черносотенцев, нет догматики (т. е. идейности.— А. А.),
нет чистого исповедания определенного образа политической мыс-
ли»¹⁰⁰.

Очередную попытку вдохнуть жизнь в «союзы» предприняли
осенью 1915 г. в связи с образованием «Прогрессивного блока»,
поскольку создание в Думе оппозиционного большинства с его ло-
зунгом «министерства доверия» было воспринято всем крайним
правым лагерем как покушение на царское самодержавие. Попытка
была задумана и осуществлена в виде съезда монархических ор-
ганизаций с целью объединения их на общей программе борьбы
с надвигавшейся революцией и «Прогрессивным блоком». Съезд
проходил в Петрограде с 21 по 23 ноября 1915 г.

Идея созыва съезда принадлежала в равной мере как лидерам
фракции крайних правых: Маркову 2-му, Замысловскому, Леваше-
ву и др., так и Хвостову с Белецким. Главная трудность состояла
в примирении враждующих групп и кланов. Прежде всего необхо-
димо было помирить Маркова и Дубровина (т. е. два главных
«союза»), находившихся в состоянии перманентной ожесточенной
вражды. Именно эту задачу взяли на себя в первую очередь руко-
водители полицейского ведомства. «Боясь раздоров на съезде,
А. Н. Хвостовым и мной,— свидетельствовал Белецкий,— было
устроено примирение А. И. Дубровина с Марковым»¹⁰¹. Вся под-
готовка к съезду, как и его работа, также находилась под их пол-
ным контролем. С представителями монархических организаций
вели предварительные разговоры как Хвостов, так и Белецкий,
а когда съезд открылся, то Марков, Замысловский, Левашев, Ба-
рач, Восторгов и правые члены Думы «по соглашению с А. Н. Хво-
стовым вели программную работу», посвящая А. Н. Хвостова,
а Замысловский иногда и Белецкого в ход работ комиссий и общих
собраний¹⁰².

Главным орудием примирения и сплочения всех черносотенных
организаций была выбрана... респектабельность. Предполагалось,
что если съезд «облагородить» участием в нем светских и духовных

сановников, членов Государственного совета и Думы, то разношерстная и буйная ватага провинциальных «союзных» главарей не посмеет превратить его в поле очередной междоусобицы и чинно пойдет за своими высокопоставленными наставниками по пути объединения и единства действий. С этой целью на съезд были приглашены два бывших министра внутренних дел — А. А. Макаров и Маклаков — и экс-министр юстиции Щегловитов. Формально они никогда не состояли ни в одной «союзнической» организации, но их черносотенная безупречность не вызвала сомнений даже у самых оголтелых ревнителей «союзнического» дела.

На съезд прибыли также два митрополита (из трех): петроградский — Владимир и московский — Макарий. Явились также все наличные ультраправые члены Думы и Государственного совета во главе с их председателями Левашевым и Бобринским, сенатор Римский-Корсаков, а также Белецкий. Всего набралось около 240 человек. По предложению организационного бюро председателем съезда был избран Щегловитов¹⁰³.

Казалось, замысел инициаторов съезда удался. Явных эксцессов не произошло. Щегловитов произнес речь, смысл которой был выражен в броской фразе (принадлежавшей, однако, не ему, а Меньшикову): «Паралитики власти вяло борются с эпилептиками революции»¹⁰⁴. В принятой резолюции роспуск Думы признавался своевременным, выражалось удовлетворение произведенной сменой крамольных министров, осуждались Земгор и ВПК и т. д.¹⁰⁵. Цель съезда, по признанию его устроителей, состояла в том, чтобы организовать контрблок, противостоящий «Прогрессивному блоку», и выступить с заявлениями, которые уравновесили бы заявления общественных организаций¹⁰⁶. Был избран также совет съезда, которому отводилась роль центрального комитета, объединяющего и направляющего деятельность всех «союзных» организаций.

Однако в действительности съезд полностью провалился. Когда Щегловитов при оглашении проекта резолюции проигнорировал требования оппозиции о поправках, оппозиция демонстративно с шумом ушла с заседания. Значительная часть участников съезда во главе с нижегородским викарным епископом Макарием Гневушевым объявила себя сторонниками церковно-народной группы, создаваемой в противовес бюрократически-думской группе. Она также потребовала свободной дискуссии. В ответ на категорическое заявление Щегловитова, что он никакого обсуждения не допустит, архимандрит Виталий под шум и шиканье столичных «союзников», в свою очередь, заявил, что в таком случае незачем было созывать съезд. На последнем заседании один из ораторов указанной группы обвинил президиум съезда в том, что тот самовольно забрал в свои руки руководство правыми организациями¹⁰⁷.

Большое недовольство у значительной части съезда вызвал и состав совета. В этом отношении (как и для оценки морального облика «союзных» главарей и черносотенства в целом) лю-

бопытен документ — письмо-обращение известного московского «союзника» Орлова с грифом «весьма секретно» к не менее известному и весьма авторитетному в «союзнических» кругах протонерию Восторгову, одному из руководителей петроградского съезда. Начав с того, что «все правые деятели» ожидали от съезда принятия «глубоковажных решений, которые создадут из монархических организаций одно стройное и мощное тело», Орлов далее писал: «Но когда съезд закончился, то многие из представителей различных монархических организаций покинули зал с тяжелым сознанием, что съезд далеко не выполнил своих задач. Особенно ярко сказалось это в деле избрания членов монархических организаций в совет съезда, который должен выполнять функции центрального комитета всех монархических организаций». Автор письма подробно излагал свои претензии по этому поводу в духе лучших «союзнических» традиций. Почти все члены совета принадлежат к «Союзу русского народа», а другие монархические организации обойдены. Но главное даже не это, а персональный состав Совета. «Наряду с Вашим высокопревосходительством» в него вошли такие господа, как Шинкаревский — «абсолютное ничтожество», Бобров — «наймит правого движения», получающий 100 руб. вознаграждения у Главного совета («Союза русского народа»), Кельцев — человек, имевший в прошлом дело с прокурорским надзором, Соколов — недоучившийся студент. У широкой публики может создаться впечатление, что «монархическое движение не имеет ни авторитета, ни имен, ни просто ярких деятелей, популярных среди народной толщи, что все правые партии состоят из нескольких бывших министров, да из каких-то ничтожеств, никому не известных, а если известных, то с самой плохой стороны». А между тем это не так: «И у нас есть крупные имена... так, например, И. В. Плеве, тайный советник Иловыйский, Н. П. Муратов, А. А. Сидоров, профессор В. Ф. Залесский, профессор Вязигин и целый ряд других, но их на съезд не пригласили».

Перечень «крупных имен», который Орлов противопоставил «наймитам» и «ничтожествам», лучше всего показывает, как в действительности обстояло дело у «союзников». Сам Орлов, если воспользоваться его собственным выражением, принадлежал к числу «союзников», которые были известны «с самой плохой стороны»¹⁰⁸. Конкретно Орлов предлагал при первой возможности переизбрать совет «с таким расчетом, чтобы в него попали представители всех имеющихся в России правых организаций»¹⁰⁹.

Разочарованы съездом были обе стороны — не только провинциальные «низы», но и столичные «верхи». В своих показаниях Щегловитов отмечал, что инициаторы съезда «усиленно» просили его взять на себя председательствование «в видах объединения этих чрезвычайно раздробившихся организаций». И у них и у него «была мысль», что его участие в качестве председателя «даст возможность несколько объединить эти группы».

Только единство, на его взгляд, «могло сделать их сколько-нибудь жизнеспособными». Результатом было «глубочайшее разочарование: я увидел, что достигнуть объединения... нет никакой возможности. Вот почему я и отказался потом председательствовать в сохранившемся после съезда совете из лиц, выбранных на этом съезде»¹¹⁰.

Макаров показывал, что находился на съезде минут 20, «по большой просьбе, для того чтобы своим отсутствием не причинить им (устроителям. — А. А.) демонстративно неприятностей». Узнав из газет о своем избрании в совет, он немедленно заявил об отказе быть членом¹¹¹. Неудача съезда была предопределена еще до его созыва. «Мятежники-провинциалы согласились принять участие в петроградском съезде только потому, что у них в кармане уже лежало разрешение на свой съезд в Нижнем Новгороде, назначенный на 26 ноября, т. е. сразу после первого. Представители поволжских монархических организаций демонстративно отказались приехать на петербургский съезд, обвинив руководителей съезда в том, что они хотят захватить власть»¹¹². Действительно, в ходе съезда была предпринята попытка не допустить нижегородского сборища¹¹³. Не только петроградских заправил, но и главного шефа «союзников» — департамент полиции — беспокоила мысль о компрометации идеи создания черносотенного контрблока, если решать ее станут вожаки из Астрахани, Саратова, Одессы.

В цитированном докладе петроградского охранного отделения начальник его Глобачев, отметив, что либеральной прессе не удалось «доказать с достаточной убедительностью черносотенно-погромную опасность монархистов, так как наличность среди участников совещаний (т. е. съезда. — А. А.) видных и авторитетных правых деятелей в достаточной степени гарантировала „приличный“ исход съезда... без... демонстративных и резких эксцессов», подчеркивал, что в Нижнем Новгороде картина будет иной. По имеющимся агентурным сведениям, этот съезд может «привести к ряду нежелательных и более чем неудобных выступлений со стороны преобладающих там менее уравновешенных и менее дальновидных правых... Чувствуя себя здесь в присутствии видных деятелей Государственного совета и Государственной думы как бы на втором месте и не решаясь открыто выступить со свойственной им резкостью выпадов и резолюций, эта среда крайних и неумеренно правых монархистов все время сдерживалась надеждами на возможность развернуться во всю именно на съезде в Нижнем Новгороде, одним из видных организаторов коего является Дубровин»¹¹⁴.

Что же не устраивало в Петрограде людей, которых даже начальник охраны называл «неумеренно правыми»? С его точки зрения, причина недовольства провинциалов сводилась к убеждению, что петроградский съезд не был всероссийским — не была представлена провинция, особенно район Поволжья, где черносотенцы гораздо правее. Правых с Волги, указывал Глобачев,

явилось на петроградский съезд «весьма мало, и все они определенно высказались в том духе, что петроградские совещания не носят истинно монархического характера, а поддерживают даже либеральных министров»¹¹⁵.

Несостоятельность приведенной версии очевидна. Обвинять Маркова 2-го, Замысловского, Левашева, Римского-Корсакова и им подобных в сочувствии «либеральным» министрам было просто нелепо. Обе стороны были настолько «крайние» и «неумеренные», что обнаружить различие между ними невозможно даже под электронным микроскопом.

Из письма редактора черносотенной саратовской газеты «Волга» Н. Тихменева от 1 сентября председателю одесского «Союза русских людей» А. Н. Родзевичу видно, что вопрос о нижегородском съезде был принципиально решен уже в то время. К. Н. Пасхалов, писал Тихменев, сообщил ему, что в Нижнем Новгороде два тамошних богача мукомола «отнесутся к нашему съезду хорошо». Поэтому следует попробовать заручиться их поддержкой (из-за денег), «я им пошлю постановления нашего (по-видимому, саратовского совещания черносотенцев 27—29 августа 1915 г. — А. А.) совещания, а Вы заведите переписку с ними или еще лучше съездите... Так как общее мнение, что правительственных субсидий следовало бы избегать». Пасхалов, писал Тихменев, считает необходимым «пригласить к участию в съезде всех видных монархистов как гостей: Маркова, Дубровина, Восторгова, Пуришкевича и др. Пусть грызутся между собой, но спасти родину обязаны все. Сегодня я получил телеграмму от митрополита Макария, он благословляет наш почин»¹¹⁶. Письмо Тихменева свидетельствует, что нижегородский съезд был задуман именно как вызов столице: даже Дубровина предполагали пригласить только как гостя, хотя правее Дубровина уже никого не могло быть. Намерение обойтись без казенных денег также объяснялось стремлением сохранить свободу рук в отношении Петрограда — источника всех и всяческих субсидий.

Следовательно, обвинение провинциальными «союзниками» своих столичных влиятельных собратьев в «левизне» было всего-навсего предлогом для оправдания необходимости созвать собственный съезд, свободный от петроградских влияний.

В чем же тогда заключалась истинная причина разногласий между столичными и провинциальными «союзниками»? Несомненно, известную роль здесь сыграли чисто личные, амбициозные мотивы — обида провинциальных «низов» на высокомерие и господство столичных «верхов». Но и этого было бы недостаточно, чтобы привести к столь открытому и демонстративному бунту провинциалов, в конечном итоге полностью зависевших от своих столичных собратьев и, главное, от департамента полиции. Факты показывают, что указанные причины, в свою очередь, являлись следствием, внешним проявлением другой, гораздо более глубокой причины, на которую еще задолго до описываемых событий указывал В. И. Ленин.

В статье «О черносотенстве» в сентябре 1913 г. В. И. Ленин писал: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это — темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий». И черносотенным законам с этим фактом приходится считаться. «Крайне правые,— продолжал В. И. Ленин,— партия помещиков. Но ограничиться связями с одними помещиками они не могут. Им приходится прикрывать эту связь и делать вид, что они защищают общенародные интересы... Безопасно такая игра не проходит»¹¹⁷.

В этом и состояло противоречие черносотенного движения в России, обусловившее его полный провал, следствием которого и были бесконечные междоусобицы среди «союзников» — марковцев с дубровинцами, провинциалов с петербуржцами, Пуришкевича с Марковым и Замысловским и т. д. и т. п. Уже само название «союзов» говорит о том, что они были рассчитаны на завоевание широких народных масс, в первую очередь крестьянских. А защищать при их помощи намеревались *антинародные, помещичьи* интересы. Необходимость обращаться к массам и страх перед этими массами неизбежно вели к отчуждению и взаимному недоверию между помещичьими «верхами» черносотенства и его провинциальными «низами», пытающимися выдать себя за представителей этих масс, между «благородными», с одной стороны, и «плебеями» — с другой.

Из сказанного отнюдь не следует, что Бобринский, Макаров и другие заблуждались насчет истинного положения дел в «союзах». Они отлично знали, что никого, кроме немногочисленных, преимущественно деклассированных, а то и просто босяцких элементов за редкими исключениями эти местные черносотенные функционеры не представляют, что народ так же далек от «союзников»-провинциалов, как и от них самих. Не был для них секретом и моральный ценз местных «союзных» заправил, многие из которых должны были бы находиться за тюремной решеткой, если бы не особое отношение к ним властей предрешающих. Но в том-то и состояла безвыходность ситуации, что, зная истинное положение дел, испытывая брезгливое презрение бар, вынужденных являться с подонками общества, та же власть предрешающая и «верхи» черносотенства все свои надежды по части завоевания масс возлагали на этих «плебеев», поскольку никого другого в их распоряжении не было.

Естественно, что на петроградском съезде эта ситуация не могла не обнаружиться. Суть ее очень точно выразил А. А. Бобринский в письме Шегловитову, написанному 22 ноября, т. е. в самый разгар работы съезда. Бобринский предупредил, что ему придется или воздержаться от подписания предложенных резолюций, или подписать их, оговорив свое несогласие по конкретным пунктам. «Возражения мои,— пояснял Бобринский свою позицию,— зиждутся на том соображении, что съезд монархистов представляет из себя, как-никак,

улицу, правую улицу — но все же толпу. При таком составе съезда нам следует соблюдать сугубую осторожность во всем, что касается верховной власти. Мне сдается, что наши сегодняшние резолюции грешат в отношении этой железной осторожности». Перечислив далее эти «неосторожные» пункты (удаление нежелательных министров и сожаление об уходе желательных, указание «на знаменитое строго конфиденциальное» письмо восьми министров), Бобринский писал: «...все это предметы, о которых вполне приличествует рассуждать и даже заявлять членам Государственного совета... Но улица, хотя бы и совсем правая, не должна бы, по моему мнению, позволять себе давать указание государю или критиковать его действия»¹¹⁸.

Как видно из доклада Глобачева, черносотенная элита, ясно представлявшая себе, во что выльется нижегородское собрание, не собиралась в нем участвовать. «Совершенно болен, и понятно, не поеду в Нижний Новгород, куда меня усиленно зовет почтеннейший, но и неопытнейший Н. Н. Тиханович», — писал Замысловскому из Харькова 19 ноября один из его соратников по третьей Думе, архиправый профессор А. Вязигин. Присутствие на съезде таких господ, «как уличенный в грязных делах Котов-Колошенко... подрывает доверие к съезду и общему делу в широких кругах безразличных... Ведь я знаю главарей монархического движения с 1905 г. и могу учесть их государственный смысл и значение. Однако прямо скажу, что там есть только 2—3 человека, пригодных для совета»¹¹⁹.

20 ноября 1915 г. Л. А. Тихомиров записал в дневнике по поводу готовящегося в Нижнем Новгороде съезда: «Но Кологривов приходит в ужас при одной мысли спутываться с этими господами. Щечков тоже, конечно, не поедет. Ну, само собой разумеется, что я не только не поеду, но и говорить-то с ними не хочу... С гг. Дубровиными, Васьками Орловами и пр. и пр. я не могу иметь дела... Впрочем, с этой распушенной толпой всевозможных „союзников“, полагаю, не только я, но и гениальнейший Человек ничего бы не мог сделать»¹²⁰.

Бойкот нижегородского съезда «приличными» черносотенными деятелями заранее обрекал его на неудачу, и один из его инициаторов из числа немногих идейных черносотенцев, К. Н. Пасхалов, это хорошо сознавал. Еще 29 октября в письме Маклакову он выражал опасения по поводу вероятного провала съезда. «Съезд монархистов разрешен в Нижнем Новгороде с самой широкой программой», — сообщал он. Но «очень скверно будет», если он кончится провалом. «А это весьма возможно. Все правые главари исподличались и переругались, а многие и изменили. Я даже представить себе не могу, кто может приехать на нижегородское наше совещание из лиц, пользующихся авторитетом и влиянием в действующих и правящих кругах. Увы, дворянство осталось совсем в стороне от монархического (в смысле «союзнического». — А. А.) движения благодаря безучастию главарей — Самариных, Хомяковых и др. Купец — весь либерал... Толь-

ко еще среди духовенства находятся епископы сочувствующие. А масса: мелкие лавочники, артельщики, чинуши — не выше надворного, и ни гроша денег. Прямо горе-горькое. Буду слезно молить, кого могу, приехать в Нижний, помочь нам несчастным, и первым делом Вас»¹²¹. Таким образом, Пасхалов понимал, что нижегородские «бунтовщики» не могут обойтись без тех, против которых они и затеяли свой съезд.

Опасения Пасхалова стали подтверждаться уже в ходе подготовки съезда. Другой инициатор и организатор съезда, глава астраханских «союзников» Н. Н. Тиханович-Савицкий, жаловался в письме Родзевичу от 4 ноября, что «дело со съездом обстоит неважно» — на 300 разосланных приглашений откликнулись лишь Астрахань, Саратов, Одесса, Ярославль, Вологда, Ростов-на-Дону, Рязань, Симферополь, Тамбов, Горбатов, Шуя и персонально 4 человека, включая Пасхалова и Дубровина. Остальные ссылаются на дальнейшее расстояние, отсутствие денег или вообще ничего не пишут о съезде»¹²².

Стратегический замысел устроителей Нижегородского съезда состоял в том, чтобы увенчать его отправкой депутации к царю, которая должна была поднести ему икону, уже заранее заказанную и изготовленную. С этой целью еще в сентябре были приняты шаги, направленные на то, чтобы заручиться поддержкой Фредерикса и Нилова. В это дело включился и Маклаков, обещавший помочь, чем может¹²³. Прием делегации должен был, по мысли организаторов, резко повысить престиж провинциалов в глазах столичных черносотенных главарей. Однако одиозность нижегородского сборища была так велика, что даже царь при всей своей нежности к «союзникам» понял, что такого вызова «обществу» в момент, когда симулировалось намерение сотрудничать с Думой, делать нельзя, и в приеме депутации «нижегородцам» отказали.

Пасхалов был в полном отчаянии. «Благожелательство целого ряда правителей к левому (?) засилью оттерло нас, маленьких людей, от всех областей общественного значения и не на кого нам опереться, а чуть пошевелились, как на нижегородском съезде, то, сами знаете, какая поднялась травля,— жаловался он в письме от 15 декабря князю А. А. Ширинскому-Шихматову. Но еще труднее то, что царь, за права которого мы распинаемся, очевидно, гневается на нас. Это ясно из отказа принять депутацию с иконой и из молчания на нашу верноподданническую телеграмму». Москва не прислала на съезд ни одного представителя, исключая Маркова 2-го и Дубровина, были лишь одни провинциалы. «Ведь это обозначает, что московские просвещенные консерваторы полагали, что в Нижнем они попадут в невежественную толпу, от которой скверно пахнет»¹²⁴.

В письме Маклакову от 19 декабря жалобы звучали еще сильнее. «После нижегородского совещания чувствую себя совершенно разбитым,— писал Пасхалов.— Меня охватило чувство глубокой безотрадной безнадежности...» Царь не прислал

ответной телеграммы, «а ведь мы только этого и ждали. Только одного слова за нашу черносотенную безграничную преданность». Если бы только была получена царская телеграмма с одним словом «благодарю», «дело наше получило бы удесятенное значение. Оно заставило бы опомниться „просвещенных консерваторов“ Москвы и Петрограда, из коих ни один не рискнул замараться о нашу „плебейскую“ толпу, и поняли бы они, что только именно в таком единении с плебеями можно чего-нибудь достигнуть, потому что без них на кого же обопрутся „просвещенные“? А с другой стороны, и черносотенцы без руководства — сила не только бесполезная, но может быть использована каким-нибудь Стенькой Разиным.

Оба совещания и окажутся бессильными: петроградское — военачальники без войска, а нижегородское — войско без предводителей. И врозь ни те ни другие ничего не стоят. „Благодарю“ подвинуло бы к нам „просвещенных“, заставило бы сильно чесать в затылке гг. Олсуфьевых, Оболенских (А. Д.) и подобных первертней: Вот в чем ужас безнадежности»¹²⁵.

«Ужас безнадежности» черносотенного дела был, однако, в другом — в его полной изолированности от народа. Суть заключалась не в чистоплюйстве «просвещенных консерваторов», как полагал Пасхалов, а в том, что и у черносотенных «плебеев» никого не было. Располагай они какой-либо массой, «просвещенных» не надо было бы ни звать, ни уговаривать. Именно поэтому крайняя правая реакция вращалась в кругу самообмана и иллюзий. «Просвещенные» надеялись на «плебеев», те — на царя, а последний — на тех и других.

Кстати, так нетерпеливо ожидавшуюся телеграмму царя «союзники» получили — она лишь задержалась, и радость Пасхалова была так же велика, как и его недавнее отчаяние. «Как бы хорошо было теперь народиться несколькими монархистским провинциальным сборищам и высказаться в духе нижегородского, но с другими лицами, — стал он немедленно строить широкие планы в письме к Н. Н. Родзевичу от 5 января 1916 г. — Надо посоветовать это и А. И. Дубровину. Пусть он распорядится по своим организациям»¹²⁶. Но последнему было не до новых съездов. «Обращение к войскам набрано, отчет о нижегородском съезде набирается, но когда напечатаем — ведает аллах, — жаловался Дубровин в письме к И. И. Дудниченко от 29 января. — Нет магии, и она так дорога, что становимся втупик, что делать. Между нами: подумываем прекратить „Русское знамя“. Все взвешено и обдуманно. Хочется сбросить с себя костюм Дон Кихота: играем вничью и служим мишенью как для левых, так и для власть предержащих... Развал идет гигантскими шагами»¹²⁷.

Быстро сник, вернувшись к прежнему мрачному настроению, и Пасхалов. На нижегородском съезде, писал он Маклакову 18 февраля 1916 г., командированный туда Министерством внутренних дел Ширинский-Шихматов призывал создавать предприятия, лазареты, потребительские общества и т. д., прибавив, что

«за деньгами дело не станет», но никаких денег не дали. Дубровин и Полубояринова «изнемогают и собираются прикрыть „Русское знамя“. Это огромная потеря русского дела»¹²⁸. Правительство с «союзниками» не считается, жаловался он в письме Родзевичу от 22 апреля, «у нас нет в руках ни общественных организаций, ни их... средств. А собрать ничтожный съезд и по количеству участников и по отсутствию хотя мало-мальски влиятельных людей — значит только скомпрометировать наше дело. Вспомните хотя наш нижегородский съезд. Вспомните только: из Москвы ни души, хотя я мозоль набил на пальцах от писем. Это не случайность, это вырождение правых в каких-то бесплодных случаях, боящихся прикосновения к „черносотенцам“. Марков — интриган, Щегловитов выдохся, не зарядившись, Левашев — подставной человек, и даже с самим Дубровиным творится что-то неладное»¹²⁹.

Картина в целом нарисована верная, но в вопросе о деньгах Пасхалов явно менял местами следствие и причину. На самом деле царь и правительство не жалели на черносотенцев денег, и если нижегородские устроители не получили просимых средств, то не потому, что их не хотели дать, а потому что *некому и незачем* было давать. Становилось совершенно очевидно, что, каких денег ни давай, «союзническая» чернь не сможет ничего организовать и просто их разворует. Прецедентов, когда выданные деньги тратились «союзными» главарями на самих себя, у департамента полиции было достаточно¹³⁰.

Субсидирование черносотенных организаций и изданий являлось для министров финансов и внутренних дел не просто важным, а прямо-таки священным делом. Оно находилось под личным контролем царя. Ему ежегодно представлялись подробнейшие отчеты о произведенных выдачах, и царь, который обычно возвращал все посланные ему бумаги по принадлежности, отчеты-ведомости главного управления по делам печати «о приходе и расходе особого кредита», бережно хранил у себя. В отчете за 1915 г. «Перечень изданий, лиц и учреждений, которым оказано пособие» состоял из 82 единиц. Сумма выдач составила 1122 тыс. руб. Вот несколько таких выдач. Замысловский получил 5 тыс. руб., саратовская «Волга» — 13,3 тыс., «Голос Руси» — 100 тыс., «Земщина» — 145 тыс., «Колокол» — 20 тыс., Пуришкевич — 31 тыс. и т. д. и т. п.¹³¹ 20 января царь «высочайше повелел» дополнительно отпустить на субсидирование правой печати 300 тыс. руб.¹³² К этому необходимо добавить, что выдачи, производимые департаментом полиции из секретных сумм, были не меньшими, но нигде не фиксировались.

Единственный, кто действительно перестал получать субсидии, был Дубровин, но это явилось исключительно результатом его плохих взаимоотношений с «союзными» главарями, Марковым 2-м и др., с которыми он насмерть рассорился.

И уже совсем нелепо звучат обвинения черносотенцев в адрес правительства, якобы сочувствующего «левым»¹³³. Жалобы глава-

рей черной сотни особенно подчеркивали ничтожность и бессилие «союзников».

«Вчера закончился монархический съезд,— писал Шегловитов 24 ноября 1915 г. Д. И. Иловайскому.— Что Вы о нем думаете? Как все у нас страшно, в монархии монархистов только небольшая кучка»¹³⁴.

Такие же неприятные для себя признания вынуждены были делать и другие черносотенцы калибром повыше своих провинциальных братьев. «Трудно даже сказать, кто более революционно настроен — правые низы или левые интеллигентные круги»,— задавал Вязигин вопрос себе и своему корреспонденту князю Д. П. Голицину в письме от 30 ноября¹³⁵. Идея свержения царя, констатировал он в письме от 13 декабря Замысловскому, «к сожалению... пользуется значительным успехом даже в среде правых, не говоря уже о темной деревенской массе и распропагандированных рабочих»¹³⁶.

Но, пожалуй, лучше всего состояние черносотенства выразил, сам того не подозревая, некий Дудниченко в письме к своему кумиру Дубровину от 4 ноября 1915 г. «В Вашем письме я ясно вижу и чувствую тревогу, горечь и обиду... Где же наши, где наша мощь? Да разве нет пороха в пороховницах? Да разве иссякла монархическая сила? Вы, Вы должны вдохнуть в нас всех былую мощь и силу...»¹³⁷ Увы, «пороха в пороховницах» не оставалось уже ни крупинки, а «былая мощь и сила» в действительности никогда не существовали.

Тем не менее как «верхи», так и «низы» черносотенства не складывали оружия. Их активность в 1916 — начале 1917 г. даже возросла, причем претерпела известные изменения. Наряду с подготовкой очередного съезда они взяли курс на непосредственное воздействие на царскую чету. Дорога в Царское Село была ими проложена уже давно, а двор, по мере того как росла его изоляция, в свою очередь, охотно встал на путь прямых контактов с черносотенными главарями, притом «нижегородской» разновидности. Царь и особенно царица продолжали считать их выразителями народных настроений и тем более охотно прислушивались к их мнению, что оно полностью совпадало с их собственным¹³⁸.

14 декабря 1916 г. императрица писала в ставку: «А вот контраст (с высшим обществом.— А. А.) — телеграмма от „союзов русских народов“... Одни — гнилое, слабое, безнравственное общество, другие — здоровые, благомыслящие, преданные подданные — их-то и надо слушать, их голос — голос России, а вовсе не голос общества или Думы. Так ясно видно, где правда»¹³⁹. «Друг мой,— писала она на другой день,— Дубровин просит меня принять его, можно или нет?»¹⁴⁰ Свидание с Дубровиным по какой-то причине не состоялось, но Тиханович-Савицкий был ею вскоре принят, и беседа проходила в духе полного взаимопонимания.

Выдвижение таких фигур, как Тиханович-Савицкий, в ранг прямых советчиков при дворе свидетельствовало о том, что

царизм накануне революции полностью потерял ориентировку. Глава астраханских «союзников» принадлежал к числу немногих идейных черносотенцев. Но это был явно психически больной человек. Еще в 1907 г. астраханский губернатор в докладе департаменту полиции характеризовал его следующим образом: «Председателем астраханской народной монархической партии в г. Астрахани состоит г. Тиханович-Савицкий. Человек этот нервнобольной, почти совершенно глухой, крайне экзальтированный... и, будучи человеком неосторожным и беспокойным, весьма часто вредит интересам партии и подрывает значение и смысл ее среди населения»¹⁴¹. Крыжановский считал Тихановича-Савицкого сумасшедшим¹⁴². Он к тому же ровно никого не представлял. В 1908 г. в докладе департамента полиции Столыпину говорилось: Тиханович-Савицкий «остался окруженным десятком заведомых пропойц, не способных ни на какую полезную деятельность и мечтающих о погромах»¹⁴³. 6 октября 1915 г. начальник астраханского жандармского управления доносил по начальству, что накануне войны «около Тихановича-Савицкого группировалось не более десяти человек союзников». На последнем их недавнем собрании присутствовали всего 24 человека, из них шесть женщин¹⁴⁴.

Одна из идей, с которой носился Тиханович-Савицкий в 1916 — начале 1917 г., состояла в том, чтобы произвести «тихий», незаметный государственный переворот путем кодификационных «исправлений» основных законов. Эта идея очень сочувственно была встречена царицей. «Я, кажется, говорил Вам, что известная Вам особа (императрица.— А. А.) на мое указание на необходимость скорейшего исправления неправильной кодификации основных законов ответила, что также находит это очень важным», — писал он Замысловскому 18 января 1917 г. Поэтому надо быстрее приниматься за дело. Выразили согласие «заняться этим» Бутми и Булацель. «И Вас я прошу присоединиться к ним». Тиханович предлагал разработать три проекта: «1) с основательными изменениями, 2) со средними, 3) с незначительными, легкоприемлемыми (без страха), но в каждом из них следует оставить лазейку, допускающую дальнейшее совершенствование их в порядке верховного управления... Дело это знают: я, Вы, Марков, Гредингер, Бутми, Булацель — и довольно»¹⁴⁵. В своем письме временному совету монархических съездов в Петрограде, копию которого он послал А. Ф. Булацелю 8 ноября 1916 г., Тиханович одним из пунктов повестки очередного черносотенного съезда, планировавшегося на 16 ноября, также предлагал поставить вопрос «об исправлении неправильностей кодификации новых основных законов»¹⁴⁶.

Но он и его соратники понимали, что «исправление кодификации» — дело долгое, а обстановка такова, что требовались пожарные меры для спасения режима. 5 мая 1916 г. Тиханович-Савицкий в письме Родзевичу сообщал: «Н. Д. Облеухов (вполне наш), близко стоящий к Пуришкевичу», задается вопросом: «не поздно ли?». «Пасхалов потерял веру в восстановление самодержавия оконча-

тельно; сказать правду, и я в глубине души колеблюсь, а Вы знаете, какой я упорный».

Однако горячие призывы Тихановича к объединению и энергичной работе разбивались о стену уныния и неверия. «Дубровин, Тихомиров, Пасхалов и др. пишут, что также чувствуют себя потерявшими силу для борьбы», — сообщал он в Петроград А. И. Соболевскому 18 мая.

Тем не менее и Тиханович, и другие вожаки черносотенства продолжали возлагать надежды на созыв нового съезда монархистов. Нельзя поддаваться отчаянию, призывал Тиханович, надо готовить съезд: «У нас пособников мало, и нам придется работать самим. Съезд надо устроить в начале или середине июня, перед ним предварительное двухдневное совещание в Москве, в которое привлечь наиболее полезных немногих москвичей: Тихомирова, Савостина и др., то же в Петрограде. В Петрограде надо наладить и подыскать влиятельных людей и разузнать настроение наверху». «Нельзя опускать руки... Именно теперь-то мы и должны отыскать нужных людей, через которых могли бы влиять (на царя. — А. А.). Власть слабеет, устала, изверилась; надо ее ободрить, вспрыснуть русской живой верой. Кроме того, и союзы могут оказывать известное влияние своими телеграммами членам правительства, к чему мы и побуждаем их»¹⁴⁷.

Основная задача черносотенцев — поддержать власть в трудную для нее минуту, направить ее, дать ей определенную программу действий. «Союзы» в этом отношении у власти в долгу. «С какой радостью опирались на нас, но мы ничего не дали и ничего не указали... Теперь это надо изменить и надо дать определенные указания. Вы пользуетесь среди провинциальных монархистов уважением, и на Вашу помощь рассчитывают, и Вы ее дайте»¹⁴⁸.

Другой активный провинциал, Тихменев, хлопотавший о съезде, в письме к Родзевичу от 9 мая также рисовал печальную картину. Реально существуют три правительства: «старца» («более сильное, чем другие»), «организованного кадетства» и официальное правительство. Последнее «самое слабое и нерешительное». Поэтому воздействие предстоящего съезда монархистов на официальное правительство бесполезно. «Единственная надежда... на обращение съезда к верху». Что касается самого съезда, то надо определить точную дату созыва, например 15 июня, «и настойчиво звать все монархические организации к участию». Полубояринова обещала дать большой зал в своем доме — на 200—300 человек. Марков «наружно» встретил идею съезда с сочувствием «и выразил лишь опасение, чтобы съезд не был слишком малочисленным. Отчасти на это настроение Маркова, нужно думать, повлиял и полный развал совета петроградского совещания»¹⁴⁹.

Съезд так и не был созван. Переписка, хлопоты, переговоры о съезде продолжались всю вторую половину 1916 г. и в январе—феврале 1917 г. — практически до начала революции. Последние два письма Тихановича-Савицкого, где речь идет о съезде, датированы 8 и 15 февраля. Первое из них было адресовано Маркову,

второе — Дубровину¹⁵⁰. Главная причина того, что съезд не состоялся, заключалась в понимании черносотенными «верхами», к которым тщетно зывали их младшие собратья, что он будет выглядеть еще более жалким, чем два предыдущих. Это преобладавшее в среде черносотенной элиты настроение хорошо выразили в своем письме Соболевскому от 6 января 1917 г. профессор Кулаковский: «Вы мне объяснили съезд правых с вмешательством (с участием.— А. А.) Щегловитова. Но неужели можно считать какой-либо силой Маркова или „Земщину“, „Колокол“, саратовскую „Волгу“? Это рептилии, а не сила...»¹⁵¹

В последние месяцы существования царизма черносотенные «низы», включая того же Тихановича-Савицкого, переносят центр тяжести своей деятельности на непосредственное воздействие на верховную власть, причем адресуются, и это весьма показательно, прежде всего к императрице. «Непременно к 14 (февраля.— А. А.) надо обратиться с ходатайством об укреплении самодержавия... Еще имейте в виду, что главный оплот самодержавия теперь государыня», — сообщал в письме от 14 января одному из своих адресатов Родзевич¹⁵².

Выше указывалось, что в январе Тиханович-Савицкий получил аудиенцию у царицы. О содержании беседы мы узнаем из письма Тихановича от 31 января Маклакову. «То, что я буду сейчас писать Вам, — предупреждал Тиханович, — знают только Марков, Замысловский, Булацель, Пасхалов и Вы; И. Г. Щегловитову подробностей не говорил, хотя императрица и предупреждала его, что я буду говорить с ним». Беседа длилась почти час, «выяснил ей опасность положения... высказал, какие, по нашему мнению, следует принять меры теперь, а также потом, коренные... Просил права доступа к государю и царице в любое время».

Прием, оказанный Тихановичу, превзошел все его ожидания. «Впечатление я вынес в высшей степени отрадное. При прощании царица сказала мне на ухо: „Государь велел передать Вам поклон и сказать, что любит и ценит Вас“. Это оценка деятельности всех нас, правых». Далее автор письма сообщал, что «по приказанию царицы» он говорил с Голицыным, Добровольским, Раевым и Щегловитовым. Раев сказал: «Мы должны объединиться сверху донизу». Царь обещал в следующий свой приезд повидаться с Тихановичем. «Нам надо добиться, — заключал автор письма, — чтобы окружить государя и в Царском и в ставке только правыми и к этому надо идти сейчас. И надо быть ближе к царице, не дать ей уйти от нас»¹⁵³.

Чего же, собственно, хотели добиться от верховной власти марковы, дубровины, тихановичи, тихменевы и пр.? Все, что они предлагали, носило в основном репрессивный характер. Прежде всего они требовали санкций в отношении Думы, жесткого правительственного контроля над деятельностью Земского и Городского союзов, обуздания печати. Именно в деятельности этих трех институтов они усматривали главную угрозу самодержавию, поскольку считали, что она в конечном итоге ведет к революции. Незадолго

до революции, когда политическая ситуация достигла предельного напряжения, некоторые правые кружки требовали осуществления такой системы мер, которые на деле означали бы переход к прямым военным действиям против народа.

Главной передаточной инстанцией и инспиратором соответствующих записок был Протопопов, но они доставлялись и по другим каналам.

Типичны две записки, датируемые январем 1917 г. Одна была доставлена царю Щегловитовым, вторая — Протопоповым.

В сопроводительном письме царю от 14 января Щегловитов сообщал, что передал ему записку член Думы священник Митроцкий, националист. «По его словам, будет подана правительству от русских кругов Киевской губернии с множеством подписей (чего, однако, не произошло. — А. А.). В записке этой изложена весьма трезвые мысли о мерах, необходимых для противодействия движущемуся политическому психозу, который угрожает исконным началам нашей государственности». Записка служит еще одним доказательством того, что «истинные сыны нашей родины мыслят вовсе не так, как о том от имени всей страны решаются докладывать вашему величеству многие лица».

Царю записка понравилась так же, как и Щегловитову. Николай II наложил на ней резолюцию: «Записка, достойная внимания» — и 17 января передал Голицыну для конкретного обсуждения в правительстве. Во всеподданнейшем докладе 20 января Голицын доложил царю: «Записка, несомненно, заслуживает внимательного соображения» и в связи с этим будет подробно обсуждена на одном из ближайших заседаний Совета министров. Однако никаких реальных шагов по осуществлению пожеланий, изложенных в записке, правительством предпринято не было.

Содержание записки сводилось к следующему. Прежде всего, утверждалось в ней, «православно-русские круги» Киева и Киевской губернии «категорически утверждают, что подавляющее большинство трудового населения... несмотря на усиленную пропаганду революционных идей местной левой (т. е. либеральной. — А. А.) печатью, по-прежнему остается глубоко консервативным» и верным самодержавию. Левая пресса стимулирует общественное мнение и создает в крупных центрах «чрезвычайно удушливую атмосферу». Дума «объявляет бойкот министрам, открыто подстрекает страну к активному неповиновению существующей власти». «Русские православные люди» от всего этого «устали» и требуют принятия соответствующих мер. Далее следовал перечень этих мер.

Думу «поставить на указанную ей основными законами место». Городские головы, допустившие крамольные речи, привлечь к уголовной ответственности по законам военного времени. В корне изменить отношение правительства к общеземским и общегородским организациям, взять их под жесткий правительственный контроль, изъять из их рук продовольственное дело. Следующий пункт беспокойства — пресса. Газеты «дискредитируют правящие

круги и консервативные (читай: черносотенные.— А. А.) элементы», «стимулируют мнение страны», чтобы «революционизировать огромные массы трудящегося народа». Поэтому необходимо, во-первых, издать закон, запрещающий вызывать недоверие к правительству и осуждать «иерархов русской церкви», а во-вторых, помочь правой печати. Надо дать средства на издание дешевых правых газет в крупных городских центрах: Киеве, Одессе, Харькове, Ростове-на-Дону, Москве, Нижнем Новгороде и Самаре. И наконец, необходимо начать подготовку к выборам в V Думу, разработав предварительно детальный план, с тем чтобы «по каждой губернии выяснить и точно определить, при каком наличном составе административных лиц и при каких условиях самой техники выборов можно гарантировать благополучный исход выборного дела в известный момент»¹⁵⁴.

Вторая записка вышла из недр кружка Римского-Корсакова и была им лично подписана. 15 января он послал ее Протопопову для передачи царю. «Посылаю Вам,—говорилось в письме,—сводку общих положений и пожеланий, выработанных на происходивших у меня собеседованиях; они изложены в самой общей форме, так как подробная их разработка представлялась нам делом соответствующих ведомств».

«Пожелания» делились на две части: общепрограммную и по отдельным ведомствам. В первой части выдвигались требования пересмотра основных законов в сторону сокращения прав Думы, усиления власти на местах, создания объединенного правого министерства с немедленным удалением всех ненадежных элементов из государственного аппарата. «Содержание на казенный счет явных и тайных врагов самодержавия недопустимо». Далее шло требование усилить правое крыло Государственного совета (хотя оно уже было усилено), а против колеблющихся его членов принять соответствующие меры — «способов для этого много».

По Министерству внутренних дел на первый план выдвигались организация «мощной, широкой ежедневной патриотической печати в крупных центрах» (не менее 10—12 органов) и «драконовские наказания» для оппозиционной прессы, «ослабление» Земского и Городского союзов, а также «широкое награждение верноподданных (т. е. черносотенцев.— А. А.), особенно низов», наконец, реформа полиции.

Синоду вменялась «яркая поддержка православного духовенства». От военного министерства в числе прочего требовалось сокращение отпусков с фронта и «прекращение» заигрывания «высших чинов армии» с общественностью. Перечень мер, предлагавшихся по министерствам земледелия и путей сообщения, свидетельствовал о полнейшей некомпетентности, непонимании реальной обстановки, маниловском прожектерстве автора (организация сельскохозяйственных ремесленных мастерских-школ, усиление для Севера мероприятий по рыборазведению, хозяйственная разработка казенных лесов, накопление продовольственных запасов, монополизация угля и нефти, усиление добычи золота, усиление

железнодорожного строительства, выкуп частных железных дорог и т. п.)¹⁵⁵.

Все эти «пожелания» черносотенцев, о которых они писали и заявляли десятки и сотни раз, остались невыполненными. И не потому, что бюрократия вплоть до министров была начинена «левыми» предателями, а царю не хватало решимости пойти по предлагаемому черной сотней пути, а потому, что все «смелые и решительные» проекты «союзников» были на деле пустой болтовней, утопической бессмыслицей. Ведь все, что предлагали «союзники», с точки зрения царя и правительства Штюмерера — Хвостова — Протопопова, лежало на поверхности, и, будь это возможно, рекомендации черносотенцев были бы реализованы еще до того, как они их успели дать. Царь и царица были так же настроены, как и их лучшие друзья: тихоновичи-савицкие, тихменевы, родзевичи, дубровины. Но все дело было в том, что эти планы были уже осуществлены до последней возможности.

Права Думы были урезаны до предела, все законодательство шло фактически по 87-й статье, а думские сессии всемерно укорачивались и оттягивались. Разогнать же Думу до конца войны, о чем не раз подымали вопрос Протопопов и другие и чего очень хотела царская чета, оказывалось невозможным, потому что тогда скомпрометированный и ненавидимый режим лишился последнего буфера между собой и «общественностью». Не обещал ничего хорошего для царизма и план выборов в V Думу с таким расчетом, чтобы обеспечить в ней особыми средствами правое большинство. Штюмерер очень носился с этим проектом. По его указанию был разработан обширный документ — сводка по всем губерниям именно в плане гарантированной «техники» выборов, которая предусматривалась в записке киевских «православно-русских кругов». Но оптимистическая картина, нарисованная в этом документе, особенно характеристика губернаторов, вызвала сомнения даже у Хвостова, величайшего мастера по «деланию» выборов¹⁵⁶. Нет сомнения, что, доживи царизм до конца полномочий IV Думы, он продлил бы их до окончания войны, потому что новая избирательная кампания была для него абсолютно противопоказана.

Преследование печати также достигло предела. Газеты начиная со второй половины 1915 г. были разукрашены массой белых пятен и оборванными фразами — следами работы цензуры, но нарочно оставляемая бессмысленная мозаика из отдельных печатных слов и пустых строк производила на читателя гораздо большее воздействие, чем любая целиком напечатанная оппозиционная статья. Что же касается предложений создать в противовес оппозиционной мощную «патриотическую» печать, то, как уже отмечалось, это было также пустым пожеланием. «Патриоты» не нашли бы для своих газет, будь они созданы, не только читателей, но и сколько-нибудь толковых и грамотных сотрудников, настолько все и вся отвернулись от режима. Даже такие правые газеты, как «Новое время» и церковный «Колокол», издававшийся синодским

чиновником Скворцовым (и субсидируемый правительством), и те ударились в оппозицию¹⁵⁷.

Черносотенцы во многом правильно критиковали деятельность Земского и Городского союзов. Действительно, сотни и тысячи молодых людей из обеспеченных семей шли в «земгусары» для того, чтобы избежать отправки на фронт, и, устроившись на теплые местечки, пьянствовали и прожигали жизнь. Верным было и то, что в работе Земского и Городского союзов было много неразберихи, плохой организации, финансового беспорядка и пр. Но как бы то ни было, фронт без них обойтись не мог, и всякая попытка сократить и помешать деятельности союзов вызывала немедленные протесты армейского командования, начиная от начальников дивизий и кончая главнокомандующими фронтами. Черносотенцы ни на какую позитивную работу способны не были, единственное, что они умели, — это «тащить и не пущать»¹⁵⁸.

Так же обстояло дело и с другими проектами и советами «союзников». Римский-Корсаков рекомендовал упорядочить продовольственное дело и накапливать на случай недорода запасы; но, как это сделать, он предоставлял думать другим. Решить же продовольственный вопрос в сложившихся условиях можно было только одним путем — введением государственной монополии на хлеб с опорой на массовые демократические продовольственные органы, охватывающие всю страну, а для этого по меньшей мере в качестве исходной предпосылки надо было ликвидировать царизм.

«Союзники», как и царизм, который они олицетворяли, не были способны ни на какое реальное дело; у них не было и не могло быть никаких конструктивных решений; в этом причина краха всех их планов и начинаний. Это понимали и умные правые. «Для всех и каждого, — писал Гурко, — было совершенно очевидно, что продолжение избранного государыней и навязанного (?) ею государю способа управления неизбежно вело к революции и крушению существующего строя. Только такие слепые и глухие ко всему совершавшемуся люди, как столпы крайних правых вроде Струкова, Римского-Корсакова и др., могли думать, что замалчиванием можно спасти положение, но люди, глубже вникавшие в события, ясно видели, что без очищения верхов, без внушения общественности доверия к верховной власти и ее ставленникам спасти страну (т. е. монархию. — А. А.) от гибели нельзя»¹⁵⁹.

Даже такой узкий и непримиримый правый, как Щегловитов, отдавал себе отчет в никчемности своих соратников. Римский-Корсаков — «большой сумбурист», показывал он. Всем был недоволен, а «никакой сколько-нибудь приемлемой программы не имеет... Я его серьезной величиной считать не мог...»¹⁶⁰.

Единственное реальное дело, которое сделали «союзники», это подтолкнули царя ближе к пропасти, в которую он свалился в февральские дни, увлекая за собой и своих последних незадачливых друзей. Своими телеграммами и записками они укрепили в нем веру, что народ его любит, веру тем большую, чем меньше она имела реальных оснований, т. е. полностью дезориентировали его по

части действительного положения дел в стране. Эта нелепая вера сильно влияла на политическое поведение двора, обуславливала его просчеты и иллюзии. Выше уже приводилось глубокомысленное рассуждение царицы о том, что голос «союзников» — это голос России. Когда Родзянко в одном из своих докладов указал на растущее недовольство в народе, царь прервал его словами: «Это неверно. У меня ведь тоже есть своя осведомленность». При этом он показал на лежащую пачку бумаг на столе: «Вот выражения Народных чувств, мною ежедневно получаемые: в них высказывается любовь к царю»¹⁶¹. 10 февраля, т. е. за две недели до революции, Родзянко во время своего последнего доклада был оборван царем еще более резко: «Мои сведения совершенно противоположны, а что касается настроения Думы, то если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как прошлый раз, то она будет распущена»¹⁶². Спустя четыре дня Мосолову, осмелившемуся сказать царю об истинном положении вещей, царь «довольно резко, видимо взволнованный», сказал: «Как, и Вы, Мосолов, говорите мне о династической опасности, о которой мне в эти дни протрубили уши? Неужели и Вы, бывший со мной во время моих объездов войск и выдавший, как солдаты и народ меня принимают, тоже трусите?»¹⁶³.

Даже тогда, когда революция уже была в разгаре, царица продолжала верить своего супруга, что народ за него. 26 февраля она сообщала царю, со слов Лили (Ден.— А. А), заговаривавшей с извозчиками, чтобы узнать новости, что, по мнению этих извозчиков, развернувшиеся события не похожи на 1905 г., «потому что все обожают тебя и только хотят хлеба»¹⁶⁴. «...Когда узнают, что тебя не выпустили,— писала она на другой день,— войска придут в неистовство и восстанут против всех». Даже, узнав 4 марта об отречении своего супруга, она продолжала твердить свое: «Люди вне себя от отчаяния — они обожают моего ангела. Среди войск начинается (!) движение... Я чувствую, что армия восстанет»¹⁶⁵. Царь также разделял эту иллюзию до самого последнего момента. Именно этим объясняется то упорство, с каким он сопротивлялся требованию Рузского и Алексеева об отречении.

Вера царя, что «союзники» представляют и ведут за собой основную массу русского народа, служит, пожалуй, наилучшим доказательством полной изжитости царизма, его абсолютной антинародности.

¹ Бубнов А. В царской ставке: Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955. С. 157.

² Там же. С. 169.

³ Сухомлинов В. Великий князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1926. Издание автора. С. 5.

⁴ Бубнов свидетельствовал: «...О. Георгий имел большое влияние на великого князя, которому он был чрезвычайно предан, видя в нем спасителя

России». Вторым по влиянию считался Данилов (Бубнов А. Указ. соч. С. 47).

⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 38, 43.

⁶ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 125.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ Даже Данилов вынужден был при-

- знать: «В военное время войска видели великого князя мало (!): обязанности верховного не отпускали его надолго из ставки» (*Данилов Ю. И.* Мои воспоминания об императоре Николае II и вел. князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1982. Т. 19. С. 369). Версия Бубнова еще менее соответствовала действительности. Николай Николаевич никогда не пощадил войска на фронте якобы потому, что опасался вызвать у царя «подозрение в искании популярности среди войск» (*Бубнов А.* Указ. соч. С. 12).
- ⁹ *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 111—113, 120, 128, 133, 138, 159, 300, 303. Т. 2. С. 317.
- ¹⁰ Там же. Т. 1. С. 114—116, 136.
- ¹¹ Там же. С. 118.
- ¹² Там же. С. 152, 153, 269.
- ¹³ РО ГБЛ. Ф. 218. Оп. 1. Папка 306. Ед. хр. 1. Л. 22, 25—26.
- ¹⁴ *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни: (Секретные заседания Совета министров, 16 июля — 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. С. 23.
- ¹⁵ Как известно, гвардейские корпуса под командованием Безобразова понесли ужасающие и, главное, ненужные потери, и его все-таки пришлось от командования отстранить.
- ¹⁶ *Лемке Мих.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915—2 июля 1916). Пг., 1920. С. 143, 152, 154. Записи от 10 и 14 октября 1915 г.
- ¹⁷ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 1. С. 21, 35.
- ¹⁸ *Бубнов А.* Указ. соч. С. 169.
- ¹⁹ *Лемке Мих.* Указ. соч. С. 168. Запись от 21 октября 1915 г.
- ²⁰ Там же. С. 467, 508. Записи от 17 и 31 января 1915 г.
- ²¹ *Белевская М. [Летягина].* Ставка верховного главнокомандующего в Могилеве, 1915—1918 гг.: Личные воспоминания. Вильно, 1932. С. 15.
- ²² Вот один из примеров, приводимых Лемке. Алексеев послал главнокомандующим фронтами телеграмму, в которой говорится о «скорби» царя по поводу потерь во время боя у озера Нарочь 15 апреля 1916 г. «Я слышал от слова до слова эту „скорбь“ Николая,— писал Лемке.— Потери громадны, особенно в 5-м корпусе, Ваше величество.— Ну что значит „громадны“, Михаил Васильевич?— Около пятидесяти процентов, Ваше величе-
- ство, и, что особенно тяжело, в том числе масса достойных офицеров.— Э-э-э, Михаил Васильевич, такие ли еще погибали, обоимедся с другими, еще хватит.— Ваше величество, прикажите все-таки поддержать корпуса и сообщить телеграфом о Вашей искренней скорби?— Дайте, пожалуйста, только не надо „искренней“, а просто „скорби“. Слушаюсь» (*Лемке Мих.* Указ. соч. С. 813, 814. Запись от 1 мая 1916 г.).
- ²³ Там же. С. 329, 448, 545, 550. Записи от 29 декабря 1915 г., 13 января, 14 и 16 февраля 1916 г.
- ²⁴ Там же. С. 215.
- ²⁵ Там же. С. 545. Запись от 12 февраля 1916 г.
- ²⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 5868. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 7.
- ²⁷ *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту: (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С. 149.
- ²⁸ *Деникин А. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 37.
- ²⁹ *Лемке Мих.* Указ. соч. С. 648—650. Запись от 16 марта 1916 г.
- ³⁰ Царница знала о настроениях Алексева и требовала от царя мер. Сперва профилактических: надо «изолировать» Алексева от «коварного» влияния Поливанова и Гучкова, писала она 21 сентября 1916 г., потом решительных: «Алексееву следовало бы дать 2-месячный отпуск, найди себе кого-нибудь в помощники, напр [имер] Головина, которого все чрезвычайно хвалят»,— читаем в письме от 5 ноября. «Человек, который так страшно настроен против нашего Друга, как несчастный Алекс [еев], не может работать успешно» (Переписка Николая и Александры Романовых, 1916—1917. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 48, 132).
- ³¹ *Деникин А. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 35—36.
- ³² *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 22.
- ³³ Там же. С. 249.
- ³⁴ Дневник вел. князя Андрея Владимировича. С. 98. Запись от 29 сентября, 1915 г.
- ³⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 6—7.
- ³⁶ Там же. Л. 8. Курс. наш.— А. А.
- ³⁷ Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ... СПб., 1912. С. 85, 86.
- ³⁸ Там же. С. 102, 105, 119.
- ³⁹ Там же. С. 142, 143.
- ⁴⁰ Голос Москвы. 1913. 7 марта.

- ⁴¹ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Париж, 1933. Ч. 2. С. 6.
- ⁴² Речь. 1914. 8 марта.
- ⁴³ ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 50. Д. 35; Речь. 1915. 22 окт.
- ⁴⁴ Журнал заседания Постоянного совета объединенных дворянских обществ 25 октября 1915 г. На правах рукописи. С. 3—6; ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 85. Подлинный экземпляр. Л. 39—53 об.
- ⁴⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 268—270 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 285—286 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 290.
- ⁴⁸ Там же. Л. 294—295.
- ⁴⁹ Там же. Л. 313.
- ⁵⁰ Там же. Л. 291—292 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 315.
- ⁵² Там же. Ед. хр. 52. Л. 102.
- ⁵³ Там же. Ед. хр. 86. Л. 9 об.—10.
- ⁵⁴ Там же. Л. 16—22.
- ⁵⁵ Журнал... С. 2.
- ⁵⁶ Там же. С. 8—10.
- ⁵⁷ Там же. С. 11—12.
- ⁵⁸ Там же. С. 19.
- ⁵⁹ Речь. 1915. 19 окт.
- ⁶⁰ Журнал... С. 21—23. Курс. наш.—А. А.
- ⁶¹ Там же. С. 24—29.
- ⁶² ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 267—267 об.
- ⁶³ Там же. Ед. хр. 86. Л. 4—4 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 8. В письмо от 14 января 1916 г. Панчулидзеv сообщал Ю. А. Иксулю: «Струкову я написал, чтобы назначил открытие съезда на первое или второе марта... Ответа от А. П. еще не имею. Съезд будет, несомненно, весьма бурный. Может быть, и чреват последствиями» (Там же. Ф. 102. Оп. 265. 1916 г. Ед. хр. 1048. Л. 93).
- ⁶⁵ Там же. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 533.
- ⁶⁶ Там же. Ед. хр. 52. Л. 76, 81.
- ⁶⁷ Там же. Ед. хр. 57. Л. 28—29.
- ⁶⁸ Там же. Л. 12.
- ⁶⁹ Там же. Ед. хр. 52. Л. 44—45.
- ⁷⁰ Там же. Л. 53.
- ⁷¹ Там же. Л. 52—53.
- ⁷² Отражая, по-видимому, ироническое отношение членов Государственного совета к своему сочлену, М. М. Ковалевский писал: «Едва ли к числу талантливых представителей дворянства (в Государственном совете.—А. А.) кто-либо сочтет возможным отнести Ан. Струкова. Он, правда, несет дворянское знамя высоко, может быть, выше, чем полагалось бы внуку скромного провинциального землемера, рассуждает он много, кричит громко, но убеждает слабо» (Архив АН СССР. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 477).
- ⁷³ ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 84.
- ⁷⁴ *Милюков П.* Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 19.
- ⁷⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 43.
- ⁷⁶ *Яхонтов А. Н.* Указ. соч. С. 107.
- ⁷⁷ Когда Гурко сказал, что были уже намечены председатель и члены кабинета, послышались голоса с мест: «А кто такие?» Оратор был явно застигнут этим вопросом врасплох: «Этого сказать не могу»,— ответил он. «Тогда не надо было этого говорить»,— резонно заметили с мест (ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 84). Можно не сомневаться, что Гурко имел в виду Кривошеина (Семьера), Поливанова и некоторых других бывших царских министров, которых блок прочил в «министерство общественного доверия». Этим и объясняется фигура умолчания, примененная оратором.
- ⁷⁸ Версию Гурко и Милюкова разделяет и М. А. Бибин. «Николай II и Горемыкин не решились бы пойти на роспуск Думы, не заручившись поддержкой своей классовой опоры — русского дворянства,— утверждал он.— Их письмо развеяло последние сомнения, оно явилось как бы толчком для принятия радикальных мер, направленных против Прогрессивного блока и Государственной думы». В подтверждение он ссылается на свидетельства А. И. Мосолова, Горемыкина, Родзянко и Наумова (*Бибин М. А.* Совет объединенного дворянства и Прогрессивный блок в 1915—1916 гг. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1980. № 1. С. 38). Однако, обращаясь к этим свидетельствам, обнаруживаем, что они носят бездоказательный, декларативный характер. Никаких конкретных доводов ни один из них не приводит. Если роль и значение «объединенных дворян» были так велики, то спрашивается, почему же тогда царь с полным пренебрежением отнесся к речам и резолюциям «объединенных дворян» на их XII съезде в поддержку «Прогрессивного блока» и «министерства доверия» в момент, когда он в «поддержке своей классовой

- опоры» нуждался гораздо больше, чем в августе 1915 г.?
- ⁷⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 29.
- ⁸⁰ Граф Д. А. Олсуфьев, член Государственного совета от саратовского земства, один из инициаторов создания «Прогрессивного блока», «богатый человек, либерал и большой говорун, был лично известен их величествам» (*Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 203).
- ⁸¹ ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 576. Л. 72, 74.
- ⁸² Там же. Ед. хр. 60. Л. 4.
- ⁸³ Там же. Ед. хр. 57. Л. 71.
- ⁸⁴ Там же. Л. 57.
- ⁸⁵ Новое время. 1916. 2 дек.
- ⁸⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 2, 4.
- ⁸⁷ Речь. 1916. 30 нояб.
- ⁸⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 49.
- ⁸⁹ Новое время. 1916. 2 дек. «Сижу целые дни на съезде объединенных дворян, и ты не можешь себе представить, что там говорится,— писал один из сторонников меньшинства 28 ноября 1916 г.— Настроение совсем революционное... завтра вечером Совет будет, и я постараюсь убедить... Нужно карать виновных немилосердно, но нельзя только критиковать и заниматься сплетнями» (ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Ед. хр. 1063, 1916 г. Л. 315).
- ⁹⁰ Там же. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 24 об.— 25, 30—30 об.
- ⁹¹ Там же. Л. 30 об.
- ⁹² Там же. Ед. хр. 60. Л. 7, 19, 108, 127.
- ⁹³ Там же. Л. 132.
- ⁹⁴ Речь. 1917. 2 февр.
- ⁹⁵ *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д, 1919. С. 37. В письме от 26 декабря 1916 г. князю А. Б. Куракину Родзянко писал: «События последних дней вынуждают меня писать Вам эти строки... Мы накануне таких событий, которых еще не переживала мать св. Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата. Необходимо немедленное содействие или воздействие губернских предводителей дворянства, ибо одной резолюции дворянства мало... Возможно скорее и безотлагательнее приезжайте сюда. Необходимо быстро принять некото-
- рые меры, чтобы спасти положение» (ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Ед. хр. 1067. Л. 1787).
- ⁹⁶ *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 года революция. С. 38.
- ⁹⁷ Новое время. 1915. 10 окт.
- ⁹⁸ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 354.
- ⁹⁹ Там же. М.; Л., 1926. Т. 4. С. 128. Подробно о кризисе черносотенства и его причинах см.: *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 224—230.
- ¹⁰⁰ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 3. С. 88.
- ¹⁰¹ Там же. С. 128.
- ¹⁰² Там же. С. 278.
- ¹⁰³ Речь. 1915. 22, 24 нояб.
- ¹⁰⁴ Новое время. 1915. 22 нояб.
- ¹⁰⁵ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде: Постановление и краткий отчет. М., 1915.
- ¹⁰⁶ Речь. 1915. 23 нояб.
- ¹⁰⁷ Там же. 25 нояб. В докладе начальника петербургской охраны от 2 декабря 1915 г. указывалось, что, несмотря на «наличность особенных мер конспирации и тщательное процеживание» всех допускавшихся на съезд, либералам удалось «получить более чем полные и точные сведения», о чем «с достаточной ясностью свидетельствуют соответствующие статьи и заметки в газетах «Речь» и «День» (см. Союз русского народа по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929. С. 135. Указанная в публикации дата записки 27 ноября ошибочна, см.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. 4-е д. во. 1915 г. Ед. хр. 151. Ч. 1. Л. 1).
- ¹⁰⁸ См., например: Союз русского народа... С. 177.
- ¹⁰⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 107. Оп. 265. 1916 г. Ед. хр. 1050. Л. 254а—254 об.
- ¹¹⁰ Падение царского режима. Т. 2. С. 354.
- ¹¹¹ Там же. С. 120.
- ¹¹² Речь. 1915. 23 нояб.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Союз русского народа... С. 135, 136.
- ¹¹⁵ Там же. С. 135.
- ¹¹⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. 1925 г. Ед. хр. 1030. Л. 1314.
- ¹¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 18.

- ¹¹⁸ Из архива Шегловитова // Красный архив. 1926. № 2(15). С. 114, 115.
- ¹¹⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 215. Ед. хр. 1038. Л. 2014.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 69—70.
- ¹²¹ Там же. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Ед. хр. 1036. Л. 1830.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же. Ед. хр. 1032. Л. 1499.
- ¹²⁴ Там же. Ед. хр. 1040. Л. 2238.
- ¹²⁵ Там же. Оп. 215. 1916 г. Ед. хр. 1048. Л. 27.
- ¹²⁶ Там же. Оп. 265. 1916 г. Ед. хр. 1048. Л. 27.
- ¹²⁷ Там же. Ед. хр. 1050. Л. 227.
- ¹²⁸ Там же. Ед. хр. 1052. Л. 479—479 об.
- ¹²⁹ Там же. Ед. хр. 1054. Л. 34.
- ¹³⁰ Тот же Ширинский-Шихматов позже, в мае 1916 г., «не без оттенка иронии» обронил: «Вот на нижегородском совещании говорили и даже кричали о независимости новой монархической организации, а теперь И. И. Дудниченко бомбардирует просьбами о субсидии» (Из письма Тихменева Родзевичу 9 мая 1916 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Ед. хр. 1054. Л. 106).
- ¹³¹ ЦГАОР СССР. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1, 6 об. Когда Пуришкевич в декабре 1915 г. откололся от Замысловского и Маркова 2-го, последние потребовали, чтобы ему перестали давать субсидии, особенно после того, как Пуришкевич отказался участвовать в монархическом съезде в Петрограде (в Нижний Новгород он тоже не поехал). Однако это требование не выполнили. Белецкий был уверен, что Пуришкевич в своих заигрываниях с блоком и общественностью был неискренен. См.: Падение царского режима. Т. 4. С. 434.
- ¹³² Падение царского режима. Т. 4. С. 434.
- ¹³³ Д. Хомяков Пасхалову 20 января 1916 г.: правительство «засыпает левых деятелей и левые организации (т. е. Земский и Городской союзы и их руководителей.— А. А.) и почестями и деньгами» (ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Ед. хр. 1049. Л. 138). «Казна бросает миллионы своим отъявленным врагам... Вот и борись за интересы русского народа и государства, когда вся власть всячески помогает вашим и своим врагам, а на вас и косыми не глядят» (Пасхалов Маклакову 18 февраля 1916 г. // Там же. Ед. хр. 1052. Л. 479. об.). А. И. Соболевский Ю. А. Кулаковскому 5 сентября 1915 г.: «Вторая революция поддерживается Кривошеинным, Игнатьевым и Щербатовым. Последний перевел в свою веру Савенко и графа А. Бобринского, а также Скворцова («Колокол») и иных меньших» (Там же. Ед. хр. 1030. Л. 1361).
- ¹³⁴ Там же. Ед. хр. 1038. Л. 2051.
- ¹³⁵ Там же. Ед. хр. 1039. Л. 2106.
- ¹³⁶ Там же. Ед. хр. 1040. Л. 2222.
- ¹³⁷ Там же. Ед. хр. 1097. Л. 1902.
- ¹³⁸ В отличие от них «старец» был самого низкого мнения о черносотенцах и правых вообще. Распутин, показывая Мануйлов, говорил: «Какого черта от них толку? Все равно что права, что лева — папаша ничего не понимает» (Падение царского режима. Т. 2. С. 58).
- ¹³⁹ Переписка. Т. 5. С. 189—190.
- ¹⁴⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. 1917 г. Ед. хр. 1069. Л. 119.
- ¹⁴¹ Союз русского народа... С. 320.
- ¹⁴² Падение царского режима. Т. 5. С. 435.
- ¹⁴³ Союз русского народа... С. 308.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 312.
- ¹⁴⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. 1917 г. Ед. хр. 1089. Л. 119.
- ¹⁴⁶ Там же. 1916 г. Ед. хр. 1059. Л. 976а.
- ¹⁴⁷ Там же. 1917 г. Ед. хр. 1054. Л. 84 об.
- ¹⁴⁸ Там же. 1916 г. Ед. хр. 1055. Л. 141.
- ¹⁴⁹ Там же. Ед. хр. 1054. Л. 105—106.
- ¹⁵⁰ Там же. 1917 г. Ед. хр. 1070. Л. 59; Ед. хр. 1071. Л. 28.
- ¹⁵¹ Там же. 1917 г. Ед. хр. 1078. Л. 48.
- ¹⁵² Там же. Л. 100.
- ¹⁵³ Там же. Ед. хр. 1070. Л. 10—10 об.
- ¹⁵⁴ Записка, достойная внимания // Красный архив. 1926. Т. 18. С. 208—214.
- ¹⁵⁵ Программа Союза русского народа перед Февральской революцией // Красный архив. 1927. Т. 20. С. 242—244.
- ¹⁵⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 627. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1—17.
- ¹⁵⁷ Некый П. Веселов, горячий почитатель «Нового времени» и М. О. Меньшикова, писал последнему в сентябре 1915 г.: «Нет более „Нового времени“. Вот болезненный крик,

- вырывающийся из уст русских людей. Вместо кадетской газеты 3-го сорта лучше прямо выписывать „Речь“ и „Биржевку“... „Колокол“, я знаю, проданся за 60 000 руб., „Новое время“, вероятно, дороже, но участь их одна: позор, гибель и забвение» и т. д. (ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Ед. хр. 1030. Л. 1359). В циркуляре от имени саратовского совещания, предназначенном «только для руководителей монархических организаций и правых деятелей», Тиханович-Савицкий в разделе, характеризующем печать, указывал: «Перевертни (перешедшие в левый лагерь): „Новое время“, „Вечернее время“, „Колокол“ и отчасти „Свет“» (Союз русского народа... С. 333).
- ¹⁵⁸ В письме от 11 декабря 1915 г. Шульгин писал жене: «Как приятно было бы, если бы глупые правые были так же умны, как кадеты, и старались бы восстановить свое первородство работой для войны... Но они не могут этого понять и портят общее дело» (ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. 1915 г. Ед. хр. 1040. Л. 2209).
- ¹⁵⁹ *Гурко В. И.* Царь и царица. Париж, Б. г. С. 99.
- ¹⁶⁰ Падение царского режима. Т. 2. С. 428.
- ¹⁶¹ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 56, 57.
- ¹⁶² *Родзянко М. В.* Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 167.
- ¹⁶³ *Мосолов А.* Указ. соч. С. 99.
- ¹⁶⁴ Переписка. Т. 5. С. 221.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 228.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монархия Романовых правила страной 300 лет. Рухнула она в течение недели. Едва ли не на другой день, ошеломленные молниеносностью и легкостью исчезновения с лица земли режима, который еще так недавно казался несокрушимым, участники и свидетели событий стали искать причины, объясняющие этот феномен.

Быстрее всех ответ нашел Милюков: революция, утверждал он, произошла потому, что народ хотел довести войну до победы, а Николай II, правительство, «верхи» оказались главным препятствием на пути к достижению этой великой цели. Назначение этой версии лежит на поверхности: она должна была работать на лозунг доведения войны до победы. Милюков-историк здесь был полностью оттеснен Милюковым-политиком, одержимым идеей завершения «исторической» задачи России — овладения Константинополем и проливами. Эта теория была хороша еще тем, что одним росчерком пера превращала контрреволюционную Думу в руководителя совершившейся революции. Даже на склоне жизни, когда настаивать на этой идее в свете уже имевшейся огромной литературы и документов по Февральской революции было просто нелепо, Милюков с упорством Катона продолжал на ней настаивать. «Мы (?) знали,— писал он, что старое правительство было свергнуто ввиду его неспособности довести войну „до победного конца“. Именно эта неспособность обеспечила содействие вождей армии при совершении переворота членами Государственной думы»¹.

Однако это «мы» было весьма условным даже в кадетской среде. Барон Нольде писал: «Царствовала концепция Милюкова: революция была сделана, чтобы успешно завершить войну,— один из наивнейших самообманов этой богатой всякими фикциями эпохи». К числу не поддавшихся этому самообману он причисляет также Набокова, Аджемова и Винавера, которые вместе с ним «в недрах кадетского Центрального комитета» пытались доказать Милюкову иллюзорность его концепции, но «столкнулись с самым упорным сопротивлением» лидера партии и его сторонников².

Говоря о кадетском самообмане, Нольде имел в виду подлинное настроение народа — его нежелание продолжать чуждую ему вой-

ну. Но с научной точки зрения самообман в концепции Милюкова состоял в том, что она, во-первых, была идеалистической, а во-вторых, полностью отрицала совершившуюся революцию как конечный итог всего предшествующего многолетнего развития страны. Согласно Милюкову, все дело было в негодных людях; окажись на их месте другие, годные, и никакой революции не было бы. О том, что сама эта негодность была не случайной, а закономерной, итогом длительных процессов, происходивших в недрах самодержавного строя, Милюков, изменяя себе как историку, вопроса не ставил.

Даже Маклаков, осмысливая прошедшее, делал шаг вперед по сравнению с лидером кадетской партии. Размышляя над причинами несостоявшегося дворцового переворота, который, «может быть (!) мог спасти положение», Маклаков, говоря о заговорщиках и их колебаниях, указывал на одну из причин таких колебаний, которая «ясна». Причина эта состояла в том, что «династия была обречена» даже в случае успешности переворота. «При Павле I-м,— пояснял он,— было ясно, к кому после него перейдет русский престол». Но у Николая II фактически не было пригодных преемников. Для этой роли не годился ни «маленький, больной» наследник, ни Михаил, ни другие претенденты, поэтому «спасти династию было трудно даже переворотом»³. Это уже был в какой-то мере исторический подход, хотя причину гибели монархии Маклаков усматривал лишь в физическом, умственном и моральном вырождении династии, а не в вырождении, изжитости самого режима.

Такую попытку — объяснить причину гибели режима его собственной природой — сделал Вишняк. Соглашаясь с мыслью, что «личность последнего русского самодержца в значительной мере определила судьбы русского самодержавия», он, однако, считал эту причину не основной. «Главная причина крушения этого строя не здесь, не во „внутренних органических“ свойствах самодержца,— писал он. — Главное — в неограниченности той „формальной власти“, которую представляет всякий самодержавный строй». Конечный его вывод гласил: «Абсолютизм гибнет, но не сдаётся, не приспособляется, не может приспособиться к окружающим условиям; гармоническое развитие вровень с веком и требованиями жизни противоречит природе и смыслу абсолютизма. Абсолютизм отстаёт от темпа жизни, утрачивает способность учитывать вес и значение событий. Иллюстрация к тому — последние годы и месяцы, дни и даже часы русского абсолютизма»⁴.

Вишняк по сравнению с либералами сделал, безусловно, шаг вперед в поисках правильного ответа на вопрос о причинах гибели российского абсолютизма. Он был совершенно прав, указывая, что его надо искать в самодержавии, а не в самодержце. Но верно определив место поиска, Вишняк тут же пошел по ложному пути. Его принципиальная ошибка, очень типичная для вульгарного демократа (Вишняк был эсером), состояла в том, что

он *абсолютизировал абсолютизм*, т. е. оказался неспособным подойти к нему с позиций диалектики. Абсолютизм вообще, а не только русский, — такая государственная система, что не поддается модификации, остается всегда неизменной и поэтому погибает, таков его принципиальный, *теоретический вывод*.

История показывает, что этот вывод неверен ни в фактическом, ни в теоретическом отношении. Абсолютизм действительно жесткая система, но вместе с тем он очень гибок и приспособляем к изменяющимся условиям, причем настолько, что может полностью вписаться, модернизировав себя, в совершенно другой, по природе чуждый социально-экономический порядок, каким был для него капитализм. В качестве наиболее убедительных примеров такого успешного приспособления к принципиально иной среде можно назвать монархии Германии и Японии. Да и в отношении русского абсолютизма утверждение о его неспособности учитывать перемены не соответствует действительности. Достаточно сослаться на два известных шага в направлении к буржуазной монархии, сделанные им в 1861 и 1905 гг.

В. И. Ленин не только часто и настойчиво указывал на эти два шага, но, как указывалось во введении, дал им и теоретическое объяснение. Говоря о монархии, способной ужиться со всеобщим избирательным правом, В. И. Ленин имел в виду кайзеровскую Германию. Монархия, указывал он, как политическая надстройка настолько гибка и приспособляема, что может очень долго сохранять свою власть целиком или в значительной части, усевшись на чуждый ей в принципе буржуазный базис. Таким образом, точка зрения В. И. Ленина по вопросу о приспособляемости абсолютизма была прямо противоположна точке зрения Вишняка.

Однако, переходя *конкретно* к России, В. И. Ленин считал, что русский абсолютизм такой гибкостью, как скажем, германский, не обладал. «Но, — писал он далее, — из этих бесспорных абстрактных соображений делать выводы относительно конкретной русской монархии XIX века — значит издеваться над требованиями исторической критики и изменять делу демократии»⁵.

В чем же причины того, что русский абсолютизм, несмотря на начатую им уже с Петра I и продолжавшуюся весь XIX и начало XX в. эволюцию в сторону европеизации, по твердому убеждению В. И. Ленина, с такой потрясающей очевидностью подтвердившемуся последним трехлетием существования царизма, не был способен довести ее до конца, т. е. до превращения себя в буржуазную монархию по прусскому образцу? В. И. Ленин усматривал эту невозможность в самой *истории* царской монархии, в особенностях ее исторического развития по сравнению с тем же германским абсолютизмом. Именно об этом говорят слова об издевательствах над требованиями исторической критики, т. е. исторического подхода к явлению, именуемому русским царизмом.

В чем же состояли эти особенности, вернее, причины, обусловившие указанную неспособность российского абсолютизма, обернувшуюся для него столь бесславным концом? Как это ни парадок-

сально на первый взгляд, основная причина крайней реакционности, окаменелости и слабости царизма в последний период его существования прежде всего объясняется, если, пользуясь выражением В. И. Ленина, строго следовать исторической критике, его повышенной прочностью и относительно более длительной прогрессивностью по сравнению с аналогичными западноевропейскими режимами в пору его становления и расцвета. Образно выражаясь, за избыток здоровья и крепости в молодости, тратившихся неумеренно и бесконтрольно, царизм в старости расплатился параличом и гниением.

В силу целого комплекса сложно взаимодействующих исторических, географических, внешнеполитических и других факторов, определявших ход исторического развития России, сильная, беспощадная и целеустремленная абсолютная монархия явилась одним из главных компонентов исторического и государственного выживания и развития. Монархия стала основной централизующей силой и символом объединения разноязычных и находящихся на разных уровнях развития народов на бесконечно огромной территории. Она стала также щитом и мечом в борьбе с многочисленными внешними врагами, в которой успех или поражение были равносильны соответственно жизни или смерти России как государства. На фоне таких задач, решавшихся в крайне тяжелых и неблагоприятных условиях, начиная от последствий татарского завоевания и интервенции начала XVII в. и кончая суровым климатом и редкостью населения, создалась громадная, по выражению В. И. Ленина, относительная самостоятельность российского абсолютизма по отношению ко всем классам и слоям населения, включая и собственный опорный класс — дворянство, воплощением и инструментом которой явились бюрократия и армия.

Что же касается русской буржуазии, то она в силу своей слабости и контрреволюционности была совершенно не в состоянии осуществить свои претензии к царизму — борьбу подменяла словом, выбор между реакцией и народом всегда делала в пользу первой. Казалось, такое положение должно было радовать российский абсолютизм. Но в конечном итоге слабость русской буржуазии сослужила ему плохую службу, стала дополнительным и очень серьезным источником собственной слабости. Радость эта была бы уместна лишь в том случае, если бы народ «безмолствовал». Но он не только не молчал, но совершил в начале века грандиозную антиабсолютистскую революцию, которая, несмотря на поражение, расшатала и резко ослабила царизм. На смену прежней распыленности пришел союз многомиллионного крестьянства с рабочим классом, который, как было уже очевидно, стал постоянно действующим фактором русской истории.

В таких условиях, отличительной чертой которых даже после подавления революции было нарастание нового революционного кризиса, царизму позарез требовался надежный сильный союзник в лице буржуазии, чтобы не остаться с глазу на глаз с революционным народом. Но если с надежностью в смысле

верности контрреволюции дело обстояло вполне благополучно, то по части силы, влияния на народ все было наоборот. В после-революционный период царизм был вынужден пойти на союз с буржуазией в общенациональном масштабе, который он оформил в виде третьей Думы, создав так называемую третьиюньскую политическую систему. Смысл этой системы состоял в том, что Дума имела не одно, а два большинства, консервативное и либеральное, которые попеременно образовывали октябристский «центр», действовавший по принципу качающегося маятника. Объективная возможность такого попеременного голосования обеспечивалась помещичье-буржуазным составом октябристской фракции. Поскольку помещичий, консервативный элемент в ней преобладал, хозяином в Думе оставалось правительство, целью которого было при помощи такого союза попытаться решить объективные задачи революции «сверху», контрреволюционным путем, но с таким расчетом, чтобы сохранить политическое всевластие за царизмом, предоставив взамен своему союзнику куцые, мелкие «реформы», не затрагивающие основ власти самодержавия.

Такая система политической власти, основанная на лавировании между классами, в данном случае между дворянином-помещиком и буржуазией, получила название бонапартизма. Последний создает иллюзию независимости власти от какого-либо класса, в том числе и от господствующего, хотя эта независимость на деле более или менее относительна, ее исключительная прочность. В действительности же бонапартистская власть слабее, чем прежняя власть классического абсолютизма, потому что она теряет целиком или частично свою прежнюю постоянную патриархальную и феодальную опору и вынуждена попеременно опираться не только на разные классы, но и на отдельные слои и группы этих классов, эквилибрировать между ними, пускаться в открытую и рискованную демагогию, что в критической ситуации может обернуться быстрым и на первый взгляд даже малопонятным и необоснованным крахом.

Подчеркнув, что предпринятый царизмом после революции 1905—1907 гг. второй шаг по пути превращения в буржуазную монархию «осложняется перениманием методов бонапартизма», В. И. Ленин далее писал: «Обывателю не легче от того, если он узнает, что бьют его не только по-старому, но и по-новому. Но *прочность* давящего обывателя режима, *условия развития* и разложения этого режима, способность этого режима к быстрому... фиаско — все это в сильной степени зависит от того, имеем ли мы перед собой более или менее явные, открытые, прочные, прямые формы господства определенных классов или различные опосредствованные, неустойчивые *формы* господства.

Господство *классов* устраняется труднее, чем пронизанные обветшалым духом старины, неустойчивые, поддерживаемые подобранными „избирателями“ формы надстройки»⁶.

Свою несостоятельность, приведшую ее к тяжелому кризису,

третьеиюньская бонапартистская система доказала уже в предвоенные годы. Ее основной отрицательный итог состоял в том, что задуманные «реформы» даны не были, причиной этому, как показано автором в его предшествующих работах, посвященных изучению третьеиюньской монархии, явилось не нежелание царизма их дать в принципе (борьба между ним и буржуазной оппозицией шла лишь по вопросу о мере, форме и сроках этих «реформ»), поскольку они были таковы, что не затрагивали его политического всевластия, а то, что их оказалось невозможным дать. Реформы, как известно, могут в зависимости от условий служить орудием против революции и, наоборот, способствовать усилению революционного брожения. Действительность показала, что, несмотря на царящую в стране реакцию, «реформы», будь они даны, способствовали бы не столыпинскому «успокоению», а углублению революционного кризиса, продолжавшегося, хотя и в скрытых формах, и в послереволюционные годы.

Будь буржуазия сильнее, имей либерализм и его прямое продолжение — ликвидаторство, влияние в рабочем классе, в среде городской демократии, в массах, можно было бы пойти на риск «реформ». Но поскольку дело обстояло как раз наоборот, риска не последовало. Таким образом, одна из коренных причин, обусловивших провал бисмарковского «обновления» России для предотвращения новой революции, заключалась в слабости русской буржуазии во всех ее параметрах, в ее оторванности от народа, в том, что ее партии и организации, конечной целью которых было воздействие на народ, уже тогда были генералами без армии.

Неизбежным следствием провала курса «реформ» стал глубокий кризис третьеиюньской системы как союза царизма с помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии, ради которого она и была создана. Конкретным выражением этого кризиса явились полный паралич Думы по части «реформаторского» законодательства; провал на этой основе октябристского «центра», выразившийся сперва в тяжком поражении на выборах в IV Думу, а затем в расколе октябристской фракции на три части⁷; резкое обострение недовольства друг другом партнеров по контрреволюции. К кануну войны раздражение в помещичье-буржуазной среде по отношению к правительству стало всеобщим. В свою очередь, «верхи» во главе с царем все в большей степени стали подвергаться искушению управлять без Думы, которая из орудия упрочения царизма, как было задумано, стала орудием его дискредитации и разоблачения. Все это, естественно, сопровождалось обострением противоречий как между фракциями думского большинства, так и внутри их самих. Все это происходило на фоне нового мощного революционного подъема, достигшего к кануну войны, так сказать, баррикадного уровня, когда не только В. И. Ленин, большевики, но и либеральная оппозиция и сами «верхи» считали, что сложившаяся ситуация воспроизводит канун 1905 г.

Таким образом, описанные факты и явления были прямым продолжением процессов, корни которых уходят назад на многие десятилетия. В то же время 1914—1917 годы представляют собой, безусловно, особый период в истории страны, смысл которого В. И. Ленин выразил в известных словах о том, что война явилась могучим ускорителем революции. Все указанные выше процессы, которые в «мирные» годы протекали сравнительно медленно, теперь под влиянием войны настолько убыстрили свой бег и вызвали такие колоссальные социально-экономические и политические перегрузки, что режим, уже сильно расшатанный до этого, не выдержал их и начал разрушаться.

Как же выглядел механизм этого разрушения? Распад третьеиюньской системы выразился в выходе из строя ее основного механизма — двух большинств. На месте последних образовалось *одно* большинство, причем, и это было самым главным, в нем объединились на общей программе и перспективе элементы, которые в обычных, не экстремальных условиях были *принципиально* несовместимы. Политический смысл этого объединения состоял в том, что идея *самодержавия* как такового обанкротилась и в глазах его вчерашних приверженцев ⁸.

Разложение царизма в его заключительной стадии ознаменовалось не только полной изоляцией от народа, но и отчужденностью от собственного класса, принявшей крайнюю форму самоизоляции династии от самых своих преданных сторонников. «Дело было, конечно, не в хлебе... — писал Шульгин, потрясенный легкостью, с какой пала трехсотлетняя монархия. — Это была последняя капля... Дело было в том, что во всем этом огромном городе (т. е. в Петрограде. — А. А.) нельзя было найти несколько сотен людей, которые сочувствовали власти» ⁹. Эта самоизоляция явилась следствием выхода из строя всех систем и механизмов самоконтроля, корреляции и ориентации правительственной машины.

В истории самодержавия бывали моменты, когда «случайности рождения» исправлялись господствующим классом устранением непригодного по личным или другим качествам монарха. Инструментом такой корреляции было непосредственное царское окружение. В описываемое время это окружение выродилось в эгоистичную и трусливую камарилью, не способную ни к какому решительному действию даже в интересах собственного спасения. Двор, сановники, министры и пр., как показал ход событий в февральско-мартовские дни 1917 г., стали спасать себя за редким исключением так, как спасаются крысы на тонущем корабле. Выше отмечались гибкость и приспособляемость монархии как политического института. Но как государственная система абсолютизм представляет собой конструкцию, лишенную обратной связи, в результате чего в экстремальных условиях (если еще и до этого сильно ослаблен и подточен) он теряет целиком или в значительной мере способность ориентации и реальной оценки обстановки.

Со времен Сперанского в бюрократическом механизме царь

являлся последней инстанцией, писал по этому поводу Нольде. «Император,— пояснял он,— был высшим чиновником, дальше которого некуда было посылать бумаги на подпись и который с воспитанной традицией аккуратностью и точностью давал свою подпись и венчал таким образом бюрократическую иерархию... Поскольку монарх был этим „верховным чиновником“ и тщательно выполнял свои иерархические функции на верхней ступени чиновничьей лестницы, русский государственный аппарат работал без больших перебоев и поломок». Так шло дело в относительно спокойных, «нормальных» условиях. «Но время от времени император силой вещей оказывался вне твердых рамок текущей бюрократической работы и из верховного чиновника превращался в носителя собственной воли и собственной власти»¹⁰. Так случилось и с Николаем II в годы войны. Обычно, и так было и при последнем самодержце, бюрократический механизм и «верховный чиновник» в силу многолетней и заданной иерархии более или менее приемлемо притирался друг к другу. Это относилось не только к политике в целом, но также к одной из самых главных функций царя — назначению министров. Несмотря на то что царь в принципе мог поступать по своему личному усмотрению, в действительности это имело место в сравнительно ограниченной степени, поскольку, будучи «верховным чиновником», он зависел от бюрократии и вынужден был считаться с соображениями государственной целесообразности, бесперебойного отправления функций правительственной машины. Именно этой взаимосвязью и взаимозависимостью правящей бюрократии и носителя верховной власти обеспечивалась ориентация режима, его способность более или менее реально оценивать обстановку и принимать нужные в его интересах достаточно компетентные решения. Теперь эта связь оказалась разорванной.

Таким образом, поломка и выход из строя системы ориентации самодержавного режима, как это ни парадоксально звучит, наступают тогда, когда монарх начинает принимать решения действительно *самодержавно*, единолично, независимо от своего официального правительства или в противовес ему. Поскольку же в действительности ни один правитель не может принимать решения, не руководствуясь чьими-то советами и подсказками, потому что сам по себе он совершенно слеп, порвав с официальным правительством, он становится непременно жертвой в лучшем варианте случайных, в худшем губительных с точки зрения интересов режима в целом и своих собственных влияний.

Именно последнее произошло с Николаем II. Неизбежным итогом такого хода вещей явился развал официального правительства, выразившийся в форме утраты компетентности и способности контролировать ситуацию во всех областях народнохозяйственной и государственной жизни, разлад всего административно-управленческого организма.

Одним из наиболее тяжелых последствий разрыва самодержца с правящей бюрократией и своим классом явился психологи-

ческий надлом господствующего класса и той же бюрократии, паралич воли. Господствующими классами овладело чувство бессилия и обреченности, бесполезности всяких усилий, направленных на исправление создавшегося положения¹¹. Конечный смысл этого всеобщего настроения безнадежности и тщеты состоял в том, что он стал огромным деморализующим фактором перед лицом надвигавшейся революции, облегчив тем самым ее победу. Совокупная помещичье-буржуазная контрреволюция, включая бюрократию, чиновничество, департамент полиции, генералов и офицеров, возглавлявших войска усмирения, не верила в возможность победы. Кампания подавления революции, казалось бы спланированная во всех деталях, была при таком психологическом настрое проиграна еще до ее начала.

Само собой понятно, и на это указывалось, что все отмеченные явления были итогом развития всего пути, проделанного абсолютизмом, а не только результатом последних трех лет его жизни. С точки зрения оценки всей истории царского самодержавия это трехлетие представляло собой последнюю стадию длительной и неизлечимой болезни — стадию быстрого и всестороннего распада и разрушения. В этом смысле оно является также как бы фокусной точкой, в которой сконцентрировались три века жизни романовской монархии.

В этой связи естественно задуматься о том, каков был главный механизм этого разрушения. Существует ли этот механизм вообще, если иметь в виду антагонистическое государство, абсолютизм в особенности? На наш взгляд, такой механизм имеется, суть его состоит в нарушении взаимосвязи и взаимодействия положительной и отрицательной селекции в пользу последней.

Классовое государство, как известно, играет двоякую роль. Оно прежде всего орудие власти господствующего класса. В то же время оно выполняет общественно необходимые функции в интересах всего общества, в противном случае его существование становится невозможным. Таким образом, государство представляет собой противоречивое единство, в котором одновременно борются две тенденции: прогрессивная и реакционная, узкоклассовая и общенациональная. История показывает, что, как правило, всякий новый социально-политический строй побеждал именно потому, что он, помимо обеспечения интересов господствующего класса, действовал внутри и вне страны и в общегосударственных интересах. Институт, который реально осуществляет оба эти начала, является правящая бюрократия, опирающаяся на разветвленный государственный аппарат, достаточно сложно взаимодействующая, функционально разделенная и соподчиненная историческая система власти.

Совершенно очевидно, что эта система, особенно на прогрессивной стадии управляемого ею государства, кровно заинтересована и нуждается в привлечении в государственный аппарат на всех его уровнях лучшего человеческого материала, т. е. в положительной селекции. Достаточно вспомнить «птенцов гнез-

да Петрова», Сперанского, Витте и т. д., чтобы понять, что в данном случае имеется в виду. В свою очередь, эта заинтересованность вызывает ответный отклик именно со стороны тех людей, которые хотят и могут принести пользу своему государству, служение которому они отождествляют со служением народу. Государство в этом смысле является могучей притягательной силой для всего самого способного и честолюбивого, что имеется в народе.

В то же время бюрократия с первых же шагов начинает превращаться в оторванную от общества касту со своими собственными узкими корыстными интересами, противоречащими не только интересам общества в целом, но в какой-то мере и интересам господствующего класса. В конечном итоге она превращается в нечто особое и самостоятельное, разумеется в определенных пределах. Именно эта особенность и оторванность от народа служат источником отрицательной селекции, когда мотивами пополнения и воспроизведения становятся напотизм, закулисные влияния, узкие групповые интересы и т. д.

Таким образом, в системе государственного управления существуют и борются две противоположные тенденции: положительная и отрицательная селекция. Спрашивается: каковы итоги этой борьбы? В общей форме ответ можно свести к следующему. До тех пор пока существующий строй не утратил полностью своих прогрессивных черт, обе тенденции более или менее уравновешивают друг друга, во всяком случае, губительного перекаса в сторону отрицательной селекции не происходит. Картина резко меняется, когда режим исчерпывает себя. Поскольку он уже не может и не хочет двигаться вперед, компетентность и талант в управлении, столь необходимые раньше, становятся не только ненужными, но и противопоказанными, так как назначение указанных качеств как раз и состоит в том, чтобы обеспечивать поступательное развитие. Так возникает синдром некомпетентности, который увеличивается в размерах по принципу зарастающего рясной пруда. Каждый день площадь зарастания увеличивается вдвое. Поскольку исходная площадь зарастания мала, этот процесс долгое время кажется малоугрожающим. Достаточно сказать, что перед последним днем, когда пруд должен полностью зарости, он еще наполовину чист. Именно поэтому так неожиданно ошеломляющим было для современников появление таких фигур во главе управления государством, как Хвостов, Штюрмер, Протопопов.

В свете сказанного возникает вопрос: не была ли в таком случае гибель самодержавия всего-навсего таким актом саморазрушения, что для его ликвидации не требовалось никакой революции, ибо оно само себя ликвидировало? Вопрос этот тем более уместен, что у многих современников под впечатлением легкости победы революции сложилось именно такое впечатление. Вот наиболее характерное высказывание в этом плане: «Оно (самодержавие.— А. А.) отошло тихо, почти незаметно,

без борьбы, не цепляясь за жизнь, даже не пытаясь сопротивляться смерти. Так умирают только очень старые, вконец истощенные организмы; они не больны, с ними ничего особенного не случилось, но организм износился, они уже жить неспособны»¹².

Подобное утверждение неверно и как факт и как умозаключение. Уже указывалось, что царь цеплялся за власть до последнего и меньше всего хотел тихо и незаметно расстаться с жизнью самодержца¹³. Но главное в данном случае — в том, что приведенное живописное сравнение царизма с дряхлым человеком, у которого иссякли все жизненные силы, служит доказательством, как это ни странно звучит на первый взгляд, совершенно обратного вывода — самодержавие не могло рухнуть само по себе, оно *погибло только благодаря революции*.

Если вдуматься в смысл и значение всех приведенных в данной работе фактов, характеризующих царизм в годы войны, то поражаешься совсем обратному: какую он проявил невероятную живучесть и сопротивляемость. Казалось, в том состоянии, в котором он пребывал, и в тех обстоятельствах, в которых очутился, если мерить мерками обычного житейского здравого смысла, то должен был самопроизвольно погибнуть по крайней мере где-то в середине 1915 г. Однако ничего подобного не произошло. И в феврале 1917 г. он исчез не сам по себе, а в результате революции, длившейся неделю, и если бы ее не было, продолжал бы жить и дальше.

Это не только конкретно-историческая, но и теоретическая истина, имеющая принципиальное значение, суть которой состоит в том, что любой политический режим, включая и абсолютизм, обладает, если так можно выразиться, иммунитетом против саморазрушаемости. Объяснение этому явлению надо искать в том, что современное общество не может жить вне государства, если под этим разуместь жестко организованную, могущественную и всестороннюю управляющую обществом систему, без функционирования которой не может отправляться производственная и всякая иная деятельность общества, парализуется инфраструктура, возникает угроза наступления полного хаоса. В силу этого, как бы плохо машина управления ни работала, в ней заложены возможности частичной рецессии, обновления и укрепления ее отдельных звеньев вплоть до самых ответственных. Эта рецессия не снимает вопроса об исторической обреченности и изжитости режима, но она вполне может обеспечить какое-то продление его жизни.

Поэтому вполне реальна ситуация, когда обреченный, казалось, строй на какое-то время снова выходит из кризиса или облегчает его. Скажем, если бы Февральская революция задержалась на несколько месяцев, а ее опередило успешное весеннее наступление, положение могло бы сильно измениться в пользу контрреволюции вообще, царизма в частности¹⁴. На базе этой победы он вполне мог бы и до некоторой степени оздоровить

себя, убрав, скажем, протопоповых и заменив их кривошеинными, особенно если бы одновременно вызрел и совершился дворцовый переворот, что также было вполне возможно. К этому надо добавить угрозу пропуска наиболее благоприятного момента для революционного натиска со стороны революционных сил, момента, представляющего собой сложный комплекс одновременного совпадения ряда объективных и субъективных факторов, крайне невыгодных для режима и, наоборот, максимально благоприятных для его противников. Наступление вновь такого момента, как показывает исторический опыт, может затянуться на неопределенно долгое время, что также дает возможность вчера еще дышавшему на ладан режиму перевести дух и перегруппировать силы.

В этой связи необходимо остановиться на тезисе о достаточности, подлинности Февральской революции и якобы ненужности и даже антиреволюционности революции Октябрьской — тезисе, являвшемся главной и общей идеей кадетов, эсеров и меньшевиков, из которой они исходили во всех своих послеоктябрьских писаниях и оценках. Конечная суть их сводилась к весьма простой формуле: Февральская революция — добро, Октябрьская — зло. Но даже Маклаков, вечный оппонент Миллюкова справа, считавший ненужной не только Октябрьскую, но и Февральскую революцию, воспринял эту идею весьма иронически, утверждая, конечно, по-своему, что Октябрьская революция была результатом не злой воли большевиков, а исторической закономерностью.

«В стране, столь насыщенной застарелой злобой, социальной враждой, незабытыми старыми счетами мужика и помещика, народа и барина, в стране, политически и культурно отсталой, — писал он, — падение исторической власти, насильственное разрушение привычных государственных рамок и сдержек не могли не перевернуть общество до основания, не унести с собой *всей* старой России. Это было величайшей опасностью, но революционеры ее не боялись». И далее: «Без Октября дело пошло бы иначе, шаблонным порядком; связь с прошлым не была бы вовсе порвана. Несмотря на революцию, прошлое, хотя не сразу, пробило бы даже через четыреххвостку. Не будь Октября, Февраль *мог* остаться сотрясением на поверхности». В конечном итоге он вызвал бы и подготовил реакцию. «И если бы эта реакция восстановила порядок, то преходящие беды Февраля скоро забылись бы, потому могли бы действительно смотреть на Февраль как на начало лучшей эпохи. В России остались бы прежние классы, остался бы прежний социальный строй, могла бы быть парламентарная монархия или республика»¹⁵.

Приведенное высказывание является блестящим подтверждением правильности курса большевистской партии на социалистическую революцию, ибо, как они утверждали, и с чем позже согласился Маклаков, остановиться на буржуазно-демократическом этапе революции означало на деле вернуться со вре-

немем к прежнему, к реставрации монархии, пусть чуточку подновленной, но неизменной в своей главной сути. Без Октября был бы ликвидирован и Февраль — вот ответ на вопрос, какая из двух революций была «настоящей». Маклаков великомерно подтверждает также исключительную важность мысли В. И. Ленина о том, что революция, если она действительно хочет победить, должна зайти несколько дальше тех задач, которые она призвана осуществить.

Сравнительная легкость, с какой был свергнут царизм, в свете всего сказанного говорит не о саморазрушении, не о восьмидневном «чуде», как утверждал Милюков, а о том, что В. И. Ленин характеризовал как отличную отрепетированность революции, достигнутую в ходе революции 1905—1907 гг. и последующих классовых битв. «Эта восьмидневная революция,— писал он,— была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыграна“ точно после десятка главных и второстепенных репетиций; „актеры“ знали друг друга, свои роли, места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого скольконибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»¹⁶. Да, «актеры» действительно очень хорошо знали друг друга. Контрреволюция отдавала себе полный отчет, какая революция ожидает страну, если она проиграет, и контрреволюция боролась до последнего, даже призрачного шанса. Но проиграла. Революция, народ оказались сильнее. История рано или поздно вершит свой суровый, но справедливый приговор.

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 337.

² Нольде Б. Э. В. Д. Набоков в 1917 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 10.

³ Маклаков В. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. Париж, 1928. Т. 34. С. 279, 280.

⁴ Вишняк М. Падение русского абсолютизма // Современные записки. Париж, 1924. Т. 18. С. 250, 263.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 359.

⁶ Там же. Т. 22. С. 131, 132.

⁷ См.: Аврех А. Я. Раскол фракции октябристов в IV Думе // История СССР. 1978. № 4. С. 115—127.

⁸ Политика буржуазии в годы войны и деятельность Прогрессивного блока исследована автором в монографии «Распад третьеиюньской системы» (М., 1984).

⁹ Шульгин В. В. Дни. С. 103.

¹⁰ Нольде Б. Э. Из истории русской катастрофы // Современные записки. Париж, 1927. Т. 30. С. 542.

¹¹ На фоне всего этого отчаяния и тревоги, овладевших господствующими классами накануне революции, странной неправдоподобной выглядят эйфория и патологическое непонимание обстановки у царской четы и ее последней гвардии. 25 февраля, свидетельствует Спиридович, он был принят министром внутренних дел: «Протопопов был в веселом настроении и, как всегда очарователен. По его же словам, не только Протопопов, но и директор департамента полиции и начальник столичной охраны не понимали, что в России началась революция (Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 3. С. 98—99). Известную телеграмму царя Хабалову о немедленном подавлении беспорядков также надо считать свидетельством

такого непонимания. 27 февраля Белевская встретила на улице начальника контрразведки ставки полковника О. и задала ему вопрос «о беспорядках» в Петрограде. «Он был спокоен и весел. „Беспорядки“, — сказал он, — но им же, бунтовщикам, хуже. Повесим два, три десятка и все будет спокойно» (Белевская М. [Летягина]. Ставка верховного главнокомандующего в Могилеве, 1915—1918 гг.: Личные воспоминания. Вильно, 1932. С. 29). Такова была оценка событий в ставке, надо полагать, не только одним бравым полковником.

¹² Врангель Н. Воспоминания: (От крепостного права до большевиков). Берлин, 1924. С. 227.

¹³ Вырубова свидетельствует: «Все же не хотелось терять надежды на лучшее (после отречения.— А. А.), и я

спросила государя, не думает ли он, что все эти беспорядки непродолжительны. „Едва ли раньше двух лет все успокоится“, — был его ответ» (Вырубова-Танеева А. Царская семья во время революции // Февральская революция: Мемуары / Сост. С. А. Алексеев. М.; Л., 1925. С. 396). Таким образом, царь рассчитывал на реставрацию даже после отречения.

¹⁴ «Надо бы продержаться еще два месяца, — говорил Шульгину его собрат по блоку Шингарев незадолго до Февральской революции, — подоспело было весеннее наступление: при неудаче произошла бы революция, при удаче все бы забылось» (Шульгин В. В. Дни. С. 104).

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12.

¹⁶ Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

Глава первая

ЦАРЬ И КАМАРИЛЬЯ

15

Сердца четырех

15

Камарилья против камарильи

45

Глава вторая

ПРАВИТЕЛЬСТВО

74

«Министерская забастовка»

78

«Министерская чехарда»

105

Соловей-разбойник и Степан Петрович

109

Футляр-премьер

123

Про-то-Попка знает, про-то-Попка ведает

133

Остальные. Стиль и уровень

148

Глава третья

ТРИ ОПОРЫ

(ставка, «объединенное
дворянство», черносотенцы)

184

Ставка

184

«Объединенное дворянство»

194

Черносотенцы

214

Заключение

239

Научное издание

Аврех Арон Яковлевич

ЦАРИЗМ НАКАНУНЕ СВЕРЖЕНИЯ

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художник Л. А. Рабенау
Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректоры Л. И. Левашова, В. Л. Шеголев

ИБ № 39034

Сдано в набор 4.10.88
Подписано к печати 11.04.89
А-03872. Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура литературная
Печать офсетная
Усл. печ. л. 16. Усл. кр. отт. 16.1. Уч.-изд. л. 19,8
Тираж 25 000 экз. Тип. зак. 2101
Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.

Отпечатано в Ордена Октябрьской Революции
и Ордена Трудового Красного Знамени
МПО «Первая Образцовая Типография»
Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР.
113054, Москва, М-54, Валовая, 28.

Монография рассматривает царизм на заключительном этапе его существования в качестве совокупной социально-политической системы. Основное внимание в работе уделено выявлению механизмов разрушения самодержавия как политического института. Делается попытка взглянуть на царизм как на сложно взаимодействующую систему, для которой были характерны не только органическое единство ее составляющих, но и определенные противоречия, способные в экстремальных условиях принять острые формы и тем самым стать одной из причин ее разрушения и гибели. В книге дается характеристика Николая II и его ближайшего окружения.

